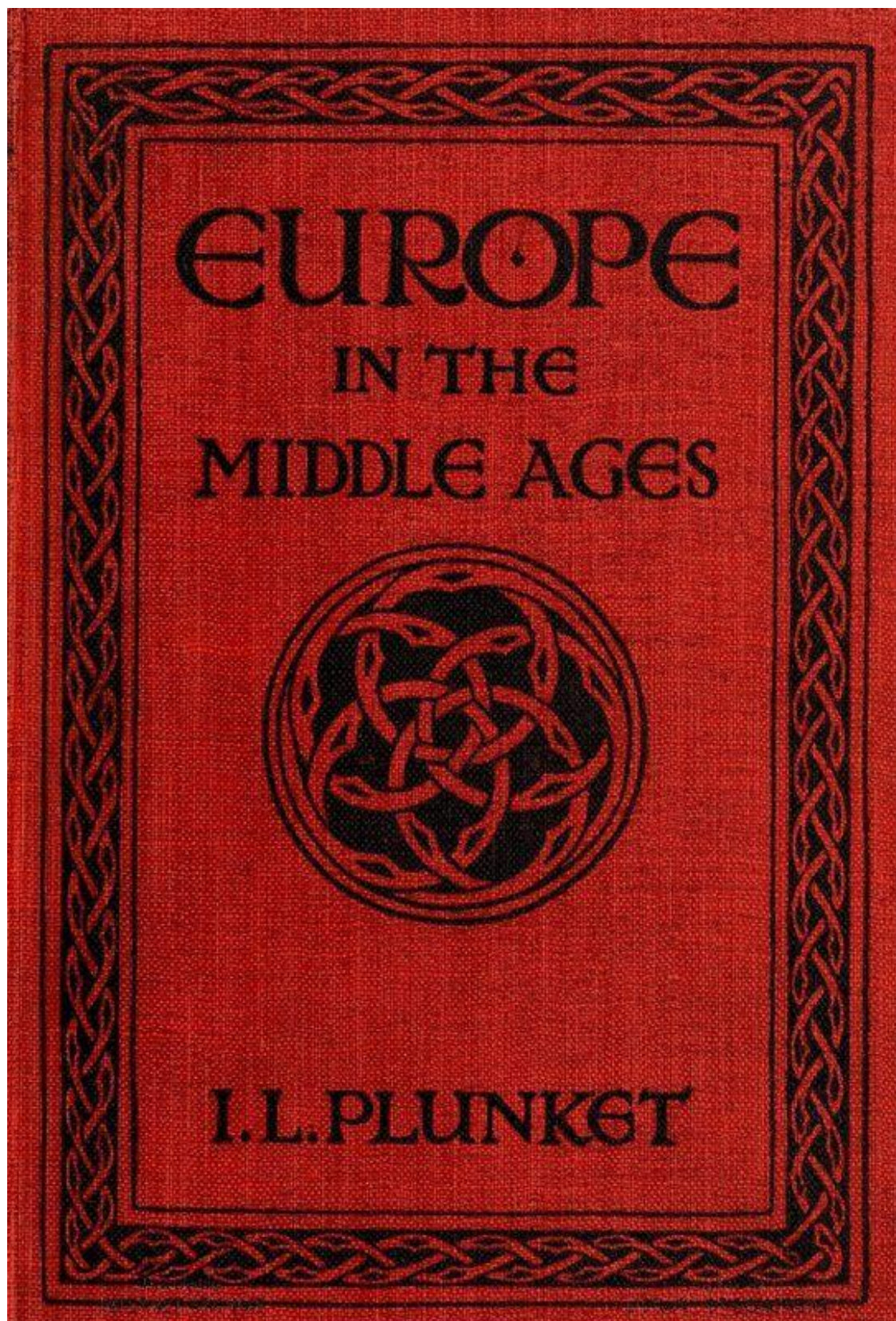

Европа в Средние века

Иерн Л. Планкет

The Project Gutenberg eBook of Europe in the Middle Ages.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Европа в Средние века

Автор: Ierne L. Plunket

Дата выхода: 10 марта 2017 [eBook #54334]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Clarity, Чарли Ховардом и Online
Команда распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных
файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных
The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK EUROPE IN THE MIDDLE AGES ***

ЕВРОПА В СРЕДНИЕ ВЕКА

ЕВРОПА В СРЕДНИЕ ВЕКА

BY IERNE L. PLUNKET

M.A. Oxon.

АВТОР КНИГ "ПАДЕНИЕ СТАРОГО ПОРЯДКА", "ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ" И ДР.

OXFORD

В КЛАРЕНДОНСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лондон Эдинбург Глазго Копенгаген

Нью-Йорк Торонто Мельбурн Кейптаун

Бомбей Калькутта Мадрас Шанхай

ХАМФРИ МИЛФОРД

Издатель Университета

Отпечатано в Англии

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Средневековой Европы - настолько обширная тема, что попытка уместить ее в небольшой объем должна повлечь за собой либо сильное сжатие, либо, как может показаться на первый взгляд, безрассудное упущение.

Путь сжатия был пройден много раз, например, во "Введении в историю Западной Европы" Дж. Х. Робинсона или в таких сериях, как "Периоды европейской истории", опубликованные господами Ривингтонами для студентов, или учебники по европейской истории, изданные Кларендонским издательством и господами Метуэнами.

Авторам всех этих книг я хотел бы выразить свою признательность как за факты и перспективы, так и мистеру Х. У. Дэвису за его восхитительное резюме средневекового мировоззрения в серии "Библиотека Домашнего университета"; но, несмотря на такое количество авторитетов, освещающих одну и ту же тему, я осмелюсь заявить, что данная книга является первопроходцем на пути "упущений"; это может быть безрассудно, но все же, я полагаю, оправданно.

Моей целью было не столько снабдить студентов фактами, сколько сделать средневековую Европу живой для многих, кто, ничего не зная о ее истории, хотел бы узнать хоть немного о жизни ее главных героев и злодеев, а также о тенденциях ее классов, убеждениях и предрассудках ее мыслителей. Эта задача показалась мне еще более трудной, чем я ожидал, поскольку ограничения пространства заставили пропустить многие события и имена, которые я хотел бы включить. Я пожертвовал ими в надежде создать реальность и пробудить интерес, и если мне это удалось, я хотел бы поблагодарить прежде всего мистера Генри Осборна Тейлора за его два тома "Средневекового разума", которые стали моим главным вдохновением, а затем многих авторов, чьи имена и книги я привожу в других местах и чьи исследования позволили мне рассказать свою историю.

IERNE L. ПЛУНКЕТ.

СОДЕРЖАНИЕ

I.	Величие Рима	1
II.	Упадок Рима	9
III.	Рассвет христианства	21
IV.	Константин Великий	27
V.	Вторжения варваров	37
VI.	Возвышение франков	54
VII.	Магомет	66
VIII.	Карл Великий	79

IX.	Вторжения северян	101
X.	Феодализм и монашество	117
XI.	Вопрос об инвеституре	130
XII.	Ранние крестовые походы	143
XIII.	Создание Франции	159
XIV.	Империя и папство	176
XV.	Обучение и церковная организация в Средние века	196
XVI.	Вера в Средние века	207
XVII.	Франция при двух сильных королях	223
XVIII.	Столетняя война	236
XIX.	Испания в Средние века	259
XX.	Центральная и Северная Европа в позднее Средневековье	276
XXI.	Италия в позднее Средневековье	297
XXII.	Часть I: Падение Греческой империи	327
	Часть II: Путешествия и открытия	337
XXIII.	Возрождение	346
	Некоторые авторитеты по средневековой истории	365
	Хронологический обзор, 476-1494 гг.	368
	Средневековые генеалогии	375
	Указатель	385

КАРТЫ

Римская империя во времена Константина Великого	28
Империя Карла Великого	80
Франция в эпоху правления Генриха II	161
Бретиньский договор	246
Франция в 1429 году	254
Испанские королевства, 1263-1492 гг.	260
Северо-Восточная Европа в Средние века	287
Италия в позднее Средневековье	298
Ближний Восток в Средние века	328

I

ВЕЛИЧИЕ РИМА

Ave, Roma Immortalis!", "Славься, бессмертный Рим!". Этот клич, сорвавшийся с уст представителей расы, пронесшей имперских орлов от северных берегов Европы до Азии и Африки, не был простым патриотическим лозунгом. Это было выражение веры в то, что, хотя человечество должно умереть, а личные амбиции угаснуть, сам Рим вечен и непобедим, и то, что было сделано во имя него, переживет века.

В современном мире иногда необходимо напоминать людям об их гражданстве, но римлянин никогда не забывал о величии своего наследства. Когда святой Павел, связанный ремнями и приговоренный к бичеванию, заявил: "Я римлянин по рождению", капитан стражи, получивший гражданство только благодаря уплате большой суммы денег, испугался узника, на которого он наложил руки без суда.

Быть римлянином, каким бы бедным и беззащитным он ни казался, означало ходить по земле под защитой щита, который никто не мог отбросить, кроме как в случае большой опасности. Не быть римлянином, каким бы богатым и высокопоставленным он ни был, означало в глазах римлян стать "варваром", существом совершенно низкого качества и репутации.

"Да будет тебе, о римлянин, - говорит Вергилий, величайший из латинских поэтов, - править народами под твоей императорской властью": и римляне действительно считали, что такова судьба их расы.

Протянувшись на западе через Испанию и Галлию к Атлантике, этому огромному "морю тьмы", за которым, согласно народным поверьям, земля внезапно погружается в небытие, форпосты империи на востоке смотрели через равнины Месопотамии на Персию и царства центральной Азии. Вавилон "Дивный", Сирия и Палестина с ее беспокойным еврейским населением, Египет, царство фараонов задолго до того, как Ромул-градостроитель убил своего брата, Карфаген, королева средиземноморской торговли, - все это теперь было римскими провинциями, их блеск померк после славы, большей, чем они когда-либо знали.

Римские торговые пути

Средиземное море, некогда бывшее ареной битвы соперничающих держав, стало имперским озером, главной дорогой судов с зерном, которые постоянно плыли из Испании и Египта, чтобы накормить центральный рынок мира; ведь Рим, как и современная Англия, был не в состоянии удовлетворить свое население за счет домашних кукурузных полей. Флоты, привозившие предметы первой необходимости, сопровождали также грузы восточной роскоши, шелка, драгоценностей и парфюмерии, доставляемые из Цейлона и Индии на торговых шлюпах к берегам Красного моря, а затем караванами верблюдов в порт Александрии.

Другими торговыми путями, помимо Средиземного моря, была обширная сеть дорог, которые, подобно нитям паутины, поддерживали связь каждой части империи, какой бы отдаленной она ни была, с центром, из которого вершилась их общая судьба. Через каждые шесть миль располагались "почтовые дома", в каждом из которых было по сорок и более лошадей, чтобы имперские гонцы, мчащиеся в столицу или из столицы с важными новостями, могли сходить с места и снова садиться на лошадей на разных этапах, спеша по дороге с наименьшей скоростью.

Насколько прочными и хорошо сделанными были их дороги, мы знаем и сегодня, когда по прошествии почти девятнадцати веков движения мы все еще пользуемся ими и восхваляем их. В их прочном фундаменте кроется секрет величия их создателя: римлянин приложил к своей работе всю тщательность, вдохновленный видением не просто того, что должно просуществовать несколько лет или даже всю его жизнь, но того, что должно быть вечным, как город, который он считал вечным.

Первый из римских императоров Август (27 г. до н. э. - 14 г. н. э.) хвастался тем, что нашел свою столицу, построенную из кирпича, и оставил ее мраморной; его традиции архитектора перешли к его преемникам. Немного найдется мест на территории Римской империи, где до наших дней не сохранилось бы следов массивного акведука или Форума, общественных бань или величественных колоннад. В самом Риме - Колизей, сцена смерти мученика и борьбы гладиаторов; в других местах, как в Ниме на юге Франции, провинциальный амфитеатр; акведук в Сеговии в Испании, бани в Англии, которые сделали и дали имя городу; стены, которые отмечают форпосты империи - все это свидетельства гения, который осмеливался планировать многое, не жалел средств и труда при осуществлении своих замыслов.

Тем, кто бывал в пограничной стране между Англией и Шотландией, известна стена императора Адриана высотой двадцать футов и шириной семь футов, построенная для того, чтобы отгородиться от свирепых пиктов и шотландцев в этом самом северном из его владений. Те из врагов, кто взбирался на вершину, оказывались перед рвом и дальней стеной, оцетинившейся копьями; в то время как легионы передавали призывы к подкреплению из караулки в караулку на протяжении семидесяти миль массивного барьера. Все, что мог сделать человеческий труд, сделало позицию неприступной.

В Центральной Европе также была предпринята попытка построить укрепления по линиям Рейна и Дуная. Эти реки обеспечивали третий из имперских торговых путей, и в этой связи нелишне вспомнить о них, поскольку их значение как магистралей сохранялось на протяжении всего римского и средневекового периодов, а также в наши дни. Железные дороги изменили облик Европы: они прорезали ее пустыри и превратили их в процветающие центры промышленности; они закольцевали ее шахты и порты и проложили туннели в ее горах: едва ли найдется уголок земли, куда бы они не проникли; и изменения, которые они произвели, настолько велики, что зачастую трудно представить себе мир до их изобретения. Во времена Римской империи в районах, где море было далеким, а дороги медленными и неудобными, оставалось только самое раннее из всех средств передвижения - реки. Рейн и Дунай, текущие на северо-запад и на юго-восток, не слишком быстрые и не слишком медлительные для судоходства, были естественными магистралями центральной Европы: они также служили очевидным барьером между Империей и варварскими племенами.

Соединить Рейн и Дунай у их истоков массивной стеной, установить крепости с сильными гарнизонами в каждом месте, где эти реки можно было легко перейти вброд, - таковы были меры предосторожности, с помощью которых мудрые императоры планировали закрыть цивилизацию Рима и не допустить к ней никого, кто мог бы наложить на нее руки.

Император Август оставил предупреждение своим преемникам, что они должны довольствоваться этими естественными границами, чтобы, продвигаясь вперед и увеличивая свою территорию, не ослабить свое положение. Легко согласиться с его мнением спустя столетия, когда мы знаем, что оборона империи, постоянно продвигавшаяся вперед, в конце концов лопнула, как резинка; но средний римлянин императорских времен считал, что его нация способна выдержать любое напряжение.

В армии хвастались, что "римские знамена никогда не отступают". Если племена варваров удавалось перейти Дунай вброд и захватить какой-нибудь форпост, легионы, посланные наказать их, жаждали не просто отомстить и вернуться домой, но завоевать и присоединить эту территорию к империи. В случае с болотами или лесными угодьями этот шум можно было бы сдержать; но там, где были пастбища или хорошие сельскохозяйственные угодья, он был бы почти непреодолим. Эмигранты из многолюдной Италии требовали разрешения на создание колонии, торговцы спешили по их стопам, и вскоре к бремени управления Римом добавлялась еще одна ответственность за землю и жизни людей, возможно, без естественной защиты реки, моря или гор. Такой была плодородная провинция Дакия к северу от Дуная - заметное территориальное приобретение, но будущий источник слабости.

Правительство Римской империи

Во главе империи стоял император, "Цезарь Август", главнокомандующий армией, верховная власть в государстве, источник справедливости, бог, перед алтарем которого каждый верный римлянин должен возносить благовония и преклонять колени в знак почтения.

Это была большая перемена по сравнению с прежними временами, когда Рим был республикой, а его сенат, или совет ведущих граждан, отвечал перед остальным народом за свое хорошее или плохое правление. Историк Тацит, со вздохом сожаления оглядываясь на императорские времена, говорит, что в тот счастливый век человек мог говорить то, что у него на уме, не опасаясь соседей, и проводит контраст со своим временем, когда шпионы императора проникали в дома и таверны, платили за предательство тех, кто находился рядом, в тюрьму или на смерть за какое-то случайное слово или неосторожный поступок. Однако Рим своими завоеваниями навлек на себя тиранию империи.

Сравнительно легко хорошо управлять небольшим городом, где мошенничество и корысть можно быстро обнаружить; но когда Рим начал расширять свои границы и привлекать к управлению больше людей, появились беспринципные политики. Они сколачивали частные состояния за время своего пребывания на посту: становились сенаторами, и сенат переставал представлять волю народа и начинал управлять в интересах небольшой группы богачей. Члены их семей становились губернаторами провинций, сначала в Италии, а затем, по мере продолжения завоеваний, за горами в Галлии и Испании и за морями в Египте и Малой Азии. Сенаторы и губернаторы перестали быть простыми гражданами и стали жить как князья, с чиновниками и слугами, готовыми исполнить любое их желание.

Возможно, покажется странным, что римский народ, когда-то так любивший свободу и изгнавший угнетавших его царей, после этого позволил себе издевательства и пренебрежение со стороны сотни мелких тиранов; но на самом деле народ изменился даже больше, чем класс "патрициев", у которых он оказался в рабстве.

Уже не чистокровные римляне или латиняне, а завоеватели и представители всех рас, от крепких тевтонов до гибких восточных или смуглых египтян, мало кто из мужчин и женщин, толпившихся на улицах Рима, помнил или почитал традиции первых дней его существования. Рим олицетворял военную славу, роскошь, культуру, в лучшем случае - справедливость, но уже не олицетворял идеал свободы. Если национальная гордость была удовлетворена, а пища и развлечения были в достатке, римское население довольствовалось тем, что им управляли сверху, и приветствовало соперничающих сенаторов как повелителей, в зависимости от степени их обещаний и успеха. Невыполнение таких обещаний, в результате проигранной кампании или нехватки зерна, сбрасывало военного тирана с его пьедестала, но лишь для того, чтобы на его место поставить другого.

Это был легкий переход от правления коррумпированного сената к правлению самодержца. "Лучше один тиран, чем много" - таково было отношение обывателей к Октавию Цезарю, когда под титулом Августа он собрал себе верховное командование армией и государством и стал первым из императоров. Если бы он был бестактным человеком и прокричал о своем триумфе на все семь холмов, то наверняка пал бы жертвой ножа убийцы; но он умело замаскировал свою власть и выдавал себя лишь за первого магистрата государства.

Под его руководством сенат был реформирован, и его внешнее достоинство скорее возросло, чем уменьшилось. Август мог издавать свои "эдикты" или повеления независимо от согласия сената, но чаще предпочитал представлять свои меры на его рассмотрение и доводить их до сведения населения в виде сенатского указа. При этом он ничем не рисковал, ведь сенаторы, внушительные фигуры в глазах простых граждан, на самом деле были марионетками, созданными им самим. В любую минуту он мог отбросить их.

Его коллеги-магистраты были в равной степени в его власти, поскольку только в его руках находилось верховное военное командование, *imperium*, от которого и произошел титул *imperator*, или "император". Сначала он принял этот пост только на десять лет, но по истечении этого срока, передав его покорному сенату, он снова получил его под крики народной радости. Тирания Августа оказалась благом.

Вместо корпусов войск, собранных то тут, то там в разных провинциях правителями, враждующими друг с другом, и таким образом разделенных в своей верности, начала формироваться дисциплинированная армия, чьи "легионы" зачислялись, получали жалование и увольнялись от имени всемогущего Цезаря, и которые поэтому подчинялись скорее его командам, чем командам своих непосредственных капитанов.

Та же система сосредоточения всей власти в руках одного абсолютного правителя применялась и в гражданском управлении. Губернаторы провинций, бывшие когда-то мелкими правителями, стали просто слугами государства. Цезарь присылал их из Рима: он назначал подчиненных ему чиновников: он платил им жалованье: и перед ним они должны были отчитываться своему управлению. Если ты отпустишь этого человека, ты не будешь другом Цезаря". Такова была угроза, побудившая Понтия Пилата, губернатора Иудеи во времена правления Тиберия, приговорить к смерти человека, которого он знал как невиновного в преступлении.

Это лишь одна из многих историй, свидетельствующих о страхе перед именем императора в далеких провинциях Рима. Губернаторы, военачальники, судьи, сборщики налогов - вся огромная армия чиновников, несущих на своих плечах ответственность за управление страной, - в конечном итоге обращались со своими решениями к Цезарю, возвышались от его улыбки или трепетали от его хмурого взгляда.

Это не современное представление о хорошем правительстве, эта полная власть, переданная одному человеку, но Рим почти две тысячи лет назад был доволен тем, что один господин должен править им, пока он гарантирует процветание и мир дома. При первых цезарях это, по крайней мере, было обеспечено.

Два флота патрулировали Средиземное море, но их бдительность не требовалась, если не считать случайных стычек с пиратами. Воды Средиземноморья не тревожили никакие штормы. Легионы на границах, в Сирии или Египте, вдоль Рейна и Дуная, сдерживали варваров, пока римляне не перестали думать о войне как о ремесле, к которому однажды может быть призван каждый мужчина. Это была профессия для немногих, а "многие"

довольствовались тем, что платили налоги, требуемые государством, и посвящали себя гражданской жизни.

Одним выпадало управлять большим поместьем, другим - баллотироваться на государственные должности, третьим - становиться адвокатом или судьей. Другие держали лавки, таверны или работали наемными рабочими, а ниже них располагался класс рабов, будь то военнопленные, продаваемые на рынке, или граждане, лишенные свободы за преступления или долги.

В самом Риме было много населения, живущего в неудобных ночлежных домах, очень похожих на трущобы современного города. Некоторые из жителей занимались случайным трудом, некоторые бездельничали; но когда империя была в зените, щедрые дары кукурузы от правительства стояли между этим в противном случае обездоленным населением и голодной смертью. Оно толпилось на улицах, чтобы увидеть проезд Цезаря, бросало цветы на его колесницу и приветствовало его как императора и бога, а он в ответ одаривал его едой и развлечениями.

Огромные амфитеатры Рима и его провинций были построены, чтобы удовлетворить желание публики к зрелищам и спорту; а поскольку жизнь была дешевой, и при всей своей хваленой цивилизации римлянин часто был дикарем в душе, он проводил свои праздники, наблюдая, как презираемую секту христиан бросают на растерзание львам, или как наемные гладиаторы падают в смертельной схватке. Мы, идущие на смерть, приветствуем тебя". С этими словами жертвы императорской жажды кровопролития преклоняли колена перед императорским тронem и по кивку Цезаря шли убивать или быть убитыми. Императорский скипетр приносил не милосердие, а порядок, справедливость и процветание, превосходящее обычные стандарты эпохи.

II УПАДОК РИМА

Годы величия Рима казались его сыновьям золотым веком, но даже на пике процветания были заметны следы тех пороков, которые привели к его падению. Самодержавие, то есть правление одного человека, могло бы стать идеальной формой правления, если бы самодержец был не человеком, а богом, сочетающим в себе сверхчеловеческую доброту и понимание с абсолютной властью. К сожалению, римские императоры были представителями человеческой природы во всех ее проявлениях. Одни, как Август, были великими правителями; другие, хотя и были хорошими людьми, были некомпетентны в управлении государственными делами; а немногие вели порочную жизнь и рассматривали свой пост как средство удовлетворения собственных желаний.

Император Нерон (54-68 гг.), например, был жесток и распутен, виновен в убийстве своего сводного брата, матери и жены, а также в гибели множества сенаторов и граждан, чьеo богатства он жаждал. Поскольку он был абсолютным правителем, его коррумпированные чиновники могли подкупать и угнетать подданных по своему усмотрению, пока его, к счастью, не убили. Он был последним представителем своего рода, знаменитого дома Юлиев, к которому принадлежал Август, и период, последовавший за его смертью, был

известен как "год четырех императоров", поскольку в это время не менее четырех соперников претендовали на желанную честь и боролись за нее.

Номинально право избрания принадлежало сенату, но последний чемпион, Веспасиан (69-79 гг.), был даже не римлянином и не аристократом, а солдатом из провинций. Он поднялся по лестнице славы благодаря своей выносливости и умению управлять другими, и его воцарение стало триумфом не сената, а легионов, которые поддерживали его и которые теперь узнали свою силу. Отныне именно солдат с обнаженным мечом мог ставить и снимать императоров, и особенно преторианская гвардия, чьим правом было поддерживать порядок в Риме.

Постепенное признание этой идеи оказало пагубное влияние на управление империей. Слишком часто генерал, успешно проведший кампанию на границе, вспоминал Веспасиана и становился одержим мыслью, что он тоже может стать цезарем. Движимый честолюбием, он внушал своим легионам надежды на награды, которые они получают, если он будет коронован в Риме, и заключалась своего рода сделка, снижавшая тонус армии, развращавшая ее лояльность и делавшая солдат наглыми и хваткими.

Сенат попытался решить эту проблему престолонаследия, приняв закон о том, что каждый император должен при жизни назвать своего преемника, а тот должен сразу же получить титул Цезаря, принять второстепенное участие в управлении страной и отпечатать свое изображение на монетах. Таким образом, он станет известен всему римскому миру, а после смерти императора сразу же будет признан на его месте. Таким образом римляне надеялись утвердить теорию, которую сегодня в Англии выражают фразой "Король никогда не умирает".

Хотя их усилия по предотвращению гражданской войны в определенной степени увенчались успехом, они не смогли остановить другие пороки, которые подрывали процветание государства. Одним из них были императорские расходы. Вполне естественно, что император должен был проявлять великолепие и либеральность, превосходящие его самых богатых подданных, но, кроме того, он считал необходимым покупать преданность преторианской гвардии и удовлетворять потребности римского населения в бесплатной кукурузе и дорогих развлечениях.

Уровень роскоши вырос, и римляне больше не восхищались, кроме как в книгах, простой жизнью своих предков. Вместо этого модным идеалом стал поработенный ими Восток, и император постепенно отгородился от массы своих подданных множеством придворных, которые толпились в его прихожих и требовали большие взятки за вход. В этой нездоровой атмосфере подозрения и заговоры росли как сорняки, и деньги утекали сквозь императорские пальцы, как сквозь сито, то в карманы одного фаворита, то другого.

"Я потерял день", - говорил император Тит (79-81 гг. н. э.) всякий раз, когда проходили двадцать четыре часа без того, чтобы он не сделал какой-нибудь ценный подарок окружающим. Его придворные готовы были пасть на колени и превозносить его за щедрость как "Любимца рода человеческого"; но он правил всего два года. Если бы он дожил до истощения своей казны, вероятно, жадная толпа вынесла бы другой вердикт.

Экстравагантность заразна, как чума, и римская аристократия не преминула скопировать императорский пример. Как император был окружен двором, так и каждый знатный вельможа имел свою свиту "клиентов", которые покорно ждали его у порога по утрам и сопровождали, когда он шел за город на Форум или в общественные бани. Одни из них были праздными джентльменами, младшими сыновьями знатных домов без гроша в кармане, другие - профессиональными поэтами, готовыми писать лестные стихи на заказ, третьи -

знаменитыми гладиаторами, чья длинная череда жертв сделала их столь же популярными в Риме, как в наши дни теннисист или футболист в Англии. Всех их объединяла одна надежда - получить что-то от своего покровителя, возможно, денежный дар или его влияние, чтобы обеспечить им желанную должность, в крайнем случае - приглашение на банкет или пир.

Римская вилла

Класс сенаторов, к которому принадлежало большинство этих аристократов, неуклонно богател с годами империи, создавая огромные земельные владения, чем-то напоминающие феодальные поместья более позднего времени. Эти "виллы", как их называли, были миниатюрными королевствами, над которыми их владельцы получили абсолютную власть. Их делами управлял агент, вероятно, привилегированный раб, получивший свободу, которому помогала небольшая армия чиновников. Главными подданными хозяина были мелкие владельцы ферм, которые платили арендную плату или оказывали различные услуги в обмен на свои дома, а ниже их находилось большее количество рабов, нанятых в качестве домашней прислуги, пекарей, сапожников, пастухов и т. д.

Самое поразительное в римской "вилле" то, что она была абсолютно автономной. Все, что требовалось для жизни ее обитателей, будь то еда или одежда, могло быть выращено и изготовлено на территории поместья. Преступления, совершенные там, судил хозяин или его доверенное лицо, и решение первого было маловероятно. Если хозяин был жесток или эгоистичен, положение тех, кто был приговорен к жизни на его "вилле", становилось плачевным.

Доход среднего сенатора в четвертом веке нашей эры составлял около 60 000 фунтов стерлингов, что было очень большой суммой, когда денег было не так много, как в наши дни. Аврелий Симмах, молодой сенатор, типичный для этого времени, владел не менее чем пятнадцатью загородными резиденциями, а также большими поместьями в разных частях Италии и тремя городскими домами в Риме или его пригородах. Его целью было стать претором Рима, одной из самых высоких должностей в городе; чтобы завоевать популярность, он и его отец организовали публичные игры, которые обошлись им примерно в 90 000 фунтов стерлингов. Львы и крокодилы были привезены из Африки, собаки - из Шотландии, особая порода лошадей - из Испании, а из Германии были доставлены пленные воины, которых он предназначил для сражения друг с другом на арене.

Жизнью молодого сенатора, судя по его письмам, управляли чисто эгоистические соображения. Он хотел получить преторство не для того, чтобы быть полезным империи, а лишь для того, чтобы империя могла увенчать его карьеру желанной честью. Такой же узкий кругозор и отсутствие общественного духа были присущи большинству других мужчин и женщин его класса, и их слепота была столь велика, что они даже не видели, что подрывают могущество Рима, а тем более не пытались его спасти.

Еще более фатальным, чем разложение аристократии, был упадок среднего класса, который обычно называют опорой величия нации. "Имя римского гражданина, - пишет уроженец Марселя в V веке, - которое раньше так высоко ценилось и даже покупалось большой ценой, теперь... избегают, более того, относятся к нему с отвращением".

Налогообложение в Римской империи

Это изменение со времен святого Павла можно проследить задолго до того времени, когда Симмах растратил свое достояние, привозя крокодилов из Африки и лошадей из Испании.

Его причиной стало постепенное, но постоянное увеличение налогов, необходимых для наполнения императорской казны, и неравная шкала, по которой они взимались.

Основным источником доходов Рима был налог на землю, который по праву должен был взиматься с сенаторского сословия, владевшего большинством крупных поместий. К сожалению, сбор этого налога возлагался на местные муниципальные советы - *курии*, и если он не достигал той суммы, которую требовала от населенного пункта императорская казна, то *куриалы*, или сословие, обязанное присутствовать на советах, несли ответственность за недостачу.

Перед римскими гражданами среднего достатка, членами *курии* по рождению, неспособными отказаться от этой более чем сомнительной чести и сознающими, что их сыновья в восемнадцать лет также должны принять это достоинство и взвалить на свои плечи это бремя, стояла проблема. Одно дело - обложить главных землевладельцев района суммой, соответствующей их доходам, другое - получить от них эти деньги. В Англии и сегодня наказывают человека, который отказывается платить налоги; в императорском Риме это делал сборщик налогов.

Обладая деньгами и влиянием, сенатору не составляло труда перехитрить простых *куриалов*, добившись от императора освобождения от уплаты налогов или подкупив случайных инспекторов, посылаемых центральным правительством, чтобы они потворствовали его отказу от уплаты. Императорский двор подавал пример коррупции, и те, кто мог ему подражать, так и поступали.

Куриалы, оказавшись перед лицом разорения, искали облегчения разными способами. Те, кто обладал наибольшим богатством, пытались возвыситься до сенаторского звания: другие, не имея такой возможности, но понимая, что должны получить требуемые деньги любой ценой, требовали самые тяжелые налоги с тех, кто не мог им противостоять, так что за границей распространилась фраза: "Сколько *куриалов*, столько и грабителей".

Менее значимые представители среднего класса, неспособные платить свою долю налогов или заставлять других делать это вместо них, всячески пытались избавиться от ставшей невыносимой чести, и законодательство поздней империи показывает их попытки вырваться сети, в которую их пыталось запутать правительство. Одни искали защиты у ближайших землевладельцев, и вступали в зависимость от их "вилл": другие, хотя это и запрещалось законом, шли в армию: третьи снова продавали себя в рабство, поскольку корысть хозяина по крайней мере обеспечивала им еду и одежду.

Более отчаянные и авантюрные духи видели в разбойничьем промысле средство не только пропитания, но и мести. Объединяясь в банды преступников и беглых рабов, они проникали на большие дороги, преследовали и грабили путешественников, а добычу уносили в горные стойбища. Так, обманом или насилием, ряды *куриалов* редели, а налоги все тяжелее ложились на тех, кто еще оставался в силах нести их бремя.

Это дурное положение дел усугублялось широко распространенной системой рабства, которая, помимо дурного влияния на характер как хозяина, так и раба, имела и другие экономические недостатки. Когда принудительный труд и свободный труд идут бок о бок, первый почти всегда вытесняет второй с рынка, потому что может быть предоставлен дешевле. Хозяину не нужно платить рабам зарплату, он может заставлять их работать столько часов, сколько пожелает, содержать и кормить их так, как ему заблагорассудится. С его точки зрения, удобнее нанимать людей, которые не могут покинуть его службу, как бы сильно им ни нравилась работа и условия. По этим причинам бизнес и торговля, как

правило, переходили в руки богатых рабовладельцев, которые могли переплачивать работодателям свободной рабочей силы, и по мере увеличения числа рабов число свободных рабочих уменьшалось.

В Риме, да и в крупных городах, оставшиеся свободные рабочие были развращены, как и мужчины и женщины более высокого ранга, всеобщей экстравагантностью и любовью к удовольствиям. Они ратовали не столько за реформу налогообложения или отмену рабства, сколько за увеличение поставок бесплатной кукурузы и более частые публичные игры и зрелища.

Расточительный двор, коррумпированное правительство, рабство, сословный эгоизм - вот некоторые из главных причин упадка Рима; но, описывая их, следует помнить, что пагубное влияние было постепенным, как разъедающая кислота, разъедающая хороший металл. Не все *куриалы*, вопреки расхожим утверждениям, были грабителями, не каждый налогоплательщик находился на грани голодной смерти, не каждый иждивенец "виллы" был труслив и несчастен. Во многих домах хозяева освобождали или помогали своим рабам, а рабы, как выяснилось, были готовы умереть за своих господ. Раковая опухоль лежала в безразличии отдельных римских граждан к тем бедам, которые не касались их лично, в отказе лечить радикальными реформами даже те, которые касались, в глупой уверенности большинства в славе прошлого как гарантии для настоящего. Вера в Рим убила всякую веру в более широкое будущее человечества".

Это отсутствие видения погубило многие империи и королевства, а Рим лишь наполовину открыл глаза, когда презираемые варвары, которым предстояло обнажить его слабость, уже стучались в императорские ворота.

* * * * *

Варвар", как мы уже заметили, был эпитетом, которым римлянин ранней империи описывал и осуждал человека, которому не посчастливилось разделить его гражданство.

В это время самыми грозными из варваров были германские племена, населявшие большие пространства лесов и гор к северу от Дуная и востоку от Рейна - высокие, мощно сложенные люди с русыми волосами и свирепыми голубыми глазами, чьим занятием была война, а досугом - погоня или азартные игры.

Германия" Тацита

В своей книге "Германика" Тацит, знаменитый римский историк I века, описывает тевтонов и, помимо того, что обращает внимание на их примитивные обычаи и отсутствие культуры, использует их простоту для обличения пороков своих соотечественников.

По его словам, немцы живут не в обнесенных стенами городах, а в разрозненных деревнях, расположенных среди полей. Они были либо общими пастбищами, либо обрабатывались по участкам, которые ежегодно распределялись между жителями. Несколько деревень образовывали *пагус* или кантон, несколько *паг* - *цивитас* или государство. Во главе государства чаще всего стоял король, но иногда только несколько важных вождей или герцогов, к которым относились с величайшим почтением.

В их обязанности входило председательствовать на малых советах, занимавшихся менее важными делами государства, и выносить на более крупное собрание племени меры, которые, как казалось, требовали публичного обсуждения. Лежа вокруг лагерного костра при

свете луны, молодые мужчины выслушивали советы более опытных и звенели оружием в знак одобрения, когда какое-либо предложение им нравилось.

На советах выбирались *князья*, или магистраты, в чьи обязанности входило отправление правосудия в различных кантонах и деревнях. Племенное право было очень примитивным по сравнению с римским кодексом, для толкования которого требовались высококвалифицированные юристы. Если человек предавал своих односельчан их врагам, его вешали на ближайшем дереве, чтобы все узнали, как следует вознаграждать за предательство. Если он трусил и бежал с поля боя, пусть его похоронят в болоте на виду у всех, под какой-нибудь изгороди, чтобы такой позор был быстро забыт. Если он в гневе или случайно убил или ранил соседа, пусть заплатит штраф в качестве компенсации, половину - ближайшим родственникам своей жертвы, половину - государству. Если это решение не удовлетворяло заинтересованных лиц, семья пострадавшего могла сама отомстить, но поскольку при этом она наверняка встретила бы противодействие, то почти наверняка произошло бы еще большее кровопролитие, и вражда, подобная позднейшей корсиканской *вендетте*, передавалась бы из поколения в поколение.

Для немецкого соплеменника такое состояние беспорядков не представляло никакого ужаса. С самого раннего детства он с нетерпением ждал того момента, когда, получив от своих сородичей в подарок щит и меч, сможет оставить позади отрочество и приступить к выполнению обязанностей и опасностей мужчины. Вместе со своими товарищами он сразу же спешил предложить свои услуги какому-нибудь великому вождю своего племени и в качестве члена его *comitatus*, или последователя, радостно отправлялся на битву.

Как древний спартанец, он шел с криком: "Со щитом или на щите!".

Позор, - говорит Тацит, - для вождя быть превзойденным в бою... и позор и упрек на всю жизнь, если он пережил вождя и вернулся с поля боя".

Это утверждение объясняет безрассудную смелость, с которой разрозненные группы германцев раз за разом бросались на дисциплинированные римские фаланги. Женщины разделяли выносливость расы, принося и получая в качестве свадебных подарков не украшения или красивую одежду, а боевого коня, копье или меч.

Чтобы женщина не считала себя в стороне от стремления к благородным поступкам и опасностям войны, ей напоминают во время церемонии открытия брака, что она - партнер мужа в труде и опасности, ей суждено страдать и умирать вместе с ним как в мире, так и на войне".

Целомудренная, трудолюбивая, преданная интересам мужа и детей, но настолько патриотичная, что, наблюдая за битвой, она скорее призывает их погибнуть, чем отступить, варварская женщина поразила Тацита как живой упрек многим неверным, праздным, ищущим удовольствий женам и матерям Рима в его время. Германские племена могли быть неотесанными, их армии не отличались дисциплиной, даже их дворяне не знали культуры, но они были храбрыми, гостеприимными и верными. Прежде всего, они проводили различие между добром и злом: они не "смеялись над пороком".

Вероятно, во времена Тацита его взгляды были восприняты в Римской империи с забавным пожатием плеч, ведь для многих германцы были просто хорошими бойцами, чье гигантское телосложение значительно дополняло славу триумфальной процессии, когда они угрюмо шли в своих оковах за машиной победителя. Однако с течением лет и веков общение

изменило это отношение, и большая часть презрения с одной стороны и ненависти с другой исчезла.

Германцы, захваченные в детстве, воспитывались в римских семьях и становились бесценными для своих хозяев: многие были освобождены и остались гражданами в стране своего плена. Пограничные племена становились более цивилизованными: они обменивали сырье или меха на ближайших римских рынках на предметы роскоши и комфорта, и по мере того, как исчезала ненависть к Риму, на смену ей приходило восхищение. Величие Империи затронуло их воображение: они впервые осознали возможности мира под управлением упорядоченного правительства; и целые племена предложили свою верность державе, которая умела не только завоевывать, но и править.

Императоры, не гнушаясь ничем, собирали эти новые силы под свои знамена в качестве вспомогательных войск или союзников (*foederati*), и франки из Фландрии по приказу императора оттесняли варваров с левого берега Рейна, а светловолосые алеманны и саксы попадали на службу Цезарю на равнинах Месопотамии или в засушливых песках Африки. Переход из вспомогательных войск в ряды регулярной армии был легким этапом, тем более что римские легионы с каждым годом все больше нуждались в новобранцах по мере расширения границ империи.

На первый взгляд удивительно, что профессия военного была непопулярной, если вспомнить, что в руках легионов находилось право назначать или лишать правителей; но такие возможности получения взяток и грабежа не часто выпадали на долю рядового солдата, в то время как недостатков в его карьере было много.

Очень небольшая часть армии содержалась в крупных городах юга, за исключением Рима, где была своя преторианская гвардия: большинство легионов защищали границы Рейна и Дуная, или, что еще хуже, квартировали в холодной и туманной Британии, запертые в крепостных форпостах вроде Йорка или Честера. В наши дни английские полки мало думают о службе в таких далеких странах, как Египет или Индия, да и мужчины часто рады повидать другие земли; но римский солдат, прощаясь со своей итальянской деревней, в глубине души знал, что она практически ушла из его жизни. Самый короткий срок военной службы составлял шестнадцать лет, самый долгий - двадцать пять; а если вспомнить, что из-за медленного и сложного транспорта отпуск был невозможен, то становится ясно, что римский легионер был не более чем крепостным своего правительства, обязанным провести все лучшие годы своей жизни, защищая менее воинственных соотечественников.

Переезжая с семьей с заставы на заставу, воспоминания о старом доме становились размытыми, а легион, к которому он принадлежал, занимал главное место в его мыслях. Когда он становился старше, его сыновья, воспитанные в атмосфере войны, в свою очередь записывались в армию, и таким образом военная профессия превращалась в касту, передававшуюся от отца к сыну.

Солдат мог не испытывать симпатии к согражданам, чьи интересы он не разделял, но презирать их за то, что они не умели пользоваться оружием. Гражданские, со своей стороны, считали солдата грубым и невежественным и забывали о том, как сильно они зависят от его защиты в своей торговле и удовольствиях. Вместо того чтобы попытаться преодолеть эту пропасть, правительство, боясь потерять налогоплательщиков, расширило ее, отказав *куриалам* в призыве. В то же время они заполняли пробелы в легионах корпусами франков, германцев или готов, потому что те были хорошим боевым материалом, а другие из их племени доказали свою храбрость и верность.

Точно так же, когда земли в Италии переставали обрабатываться, император посылал варваров в качестве *колонистов* или поселенцев, чтобы они обрабатывали поля и строили себе дома. Поначалу соседи могли смотреть на них с подозрением, но постепенно они вступали в браки, их сыновья перенимали римские привычки, и со временем их потомки могли заседать в муниципальных советах и даже становиться преторами или консулами.

Варварские вторжения

Когда говорят, что Римская империя пала из-за нашествия варваров, у людей порой складывается впечатление, что орды нецивилизованных племен, презиравших роскошь и разврат Рима, внезапно перевалили через Альпы в V веке и опустошили всю Северную Италию. Это далеко от истины. Мирное вторжение варваров в империю, будь то в качестве рабов, торговцев, солдат или колонистов, было непрерывным процессом с первых дней империи. Нет сомнений в том, что, увеличиваясь, оно ослабляло римскую силу сопротивления фактически враждебным набегам на границы, начавшимся во втором и третьем веках и завершившимся крахом императорского правительства на Западе в пятом. Армия, частично состоящая из полуцивилизованных варваров, не могла оказаться столь же надежной, как хорошо дисциплинированные и опытные римляне более ранней эпохи; ведь чужеземный элемент мог в порыве страсти объединиться с теми, кто принадлежал к его собственной крови, против его клятвы верности.

Что касается основной причины набегов, то скорее любовь к богатствам Рима, чем стойкое презрение к роскоши побудили этих варваров напасть на грозные легионы. Если бы это была просто любовь к битве, алеманны с такой же готовностью убили бы своих саксонских соседей, как и императорские войска; но нигде, кроме Испании, южной Галлии или равнин Италии, они не могли надеяться найти богатые города или стада скота. Грабеж был их самым ранним призывом; но в третьем веке давление других племен на их фланг заставило их удвоить усилия по самообороне, начатые по совершенно иным причинам.

Это движение варваров было названо "Блужданием народов". Постепенно, но верно, как поток, вышедший из горной пещеры, готы с севера, гунны и вандалы с востока в неодолимом количестве обрушились на южную Германию, вытесняя уже владевшие там племена к барьерам, сначала на Дунае, а затем на Альпах и Рейне.

Италия и Галлия перестали быть просто раем для грабителей, их искали варвары, усвоившие кое-что из римской цивилизации, как убежище от других варваров, которые топтали женщин и детей ногами, оставляя за собой красные от крови и огня следы везде, где проходили их жестокие полчища. С их приходом Европа перешла от блеска Рима к "темным векам".

III РАССВЕТ ХРИСТИАНСТВА

Когда Август стал императором Рима, Иисус Христос еще не родился. За исключением евреев, которые верили в единого всемогущего Иегову, большинство рас в пределах империи поклонялись нескольким богам, которые, согласно народным преданиям, были не лучше мужчин и женщин, сжигавших фимиам у их алтарей, но отличались от них только тем, что были бессмертны и могли с большим успехом предаваться своим страстям и желаниям.

Римский бог Юпитер, который был тем же самым, что и греческий Зевс, часто описывался как "царь богов и людей"; но далеко не всегда он оказывался беспристрастным судьей и правителем, легенды, в которых он появляется, показывают его жестоким, неверным и мстительным. Юнона, греческая Гера, "царица небесная", была ревнива и непримирима в своем гневе, в чем убедился "долготерпеливый" герой Улисс, когда раз за разом ее злоба сбивала его с пути из Трои на родину. Меркурий, посланник богов, был всего лишь хитрым вором.

Большинство вдумчивых греков и римлян, правда, стали рассматривать старую мифологию как серию сказок, придуманных их первобытными предками для объяснения таинственных фактов природы, таких как огонь, гром, землетрясения. Однако, поскольку эта форма поклонения сыграла столь большую роль в национальной истории, патриотизм требовал не забывать о ней полностью; поэтому императоры были возведены в ранг богов, а граждане Рима, независимо от того, верили они в душе или нет, продолжали возжигать фимиам перед алтарями Юпитера, Юноны или Августа в знак своей преданности империи.

Человечеству почти невозможно поверить в ничто, потому что человек постоянно ищет теории, объясняющие его высшую природу и то, почему он так рано понимает разницу между добром и злом. Еще в третьем и четвертом веках до нашей эры греческие философы обсуждали проблему человеческой души, и некоторые из них выработали правила для наилучшей жизни.

Эпикур учил, что, поскольку наша нынешняя жизнь единственная, человек должен сделать своей целью получение как можно большего количества удовольствий, на которые он способен. Конечно, это учение открывало дорогу людям, которые хотели жить только для себя; но сам Эпикур был прост, почти аскетичен в своих привычках и четко заявлял, что, хотя удовольствие и является его целью, "мы не можем жить приятно, не живя мудро, благородно и праведно". Человек, предающийся самообольщению, будет преследовать собственные цели, разрушая свое здоровье и характер, пока не закончит свои дни не в удовольствии, а в несчастье.

Другим греческим философом был Зенон, последователей которого называли "стоиками" по названию *стоа* или крыльца дома в Афинах, где он обучал своих первых учеников. Зенон считал, что судьба определяет судьбу человека и что он может обрести истинное счастье, только ожесточившись, пока не станет безразличным к своей судьбе. Смерть, боль, потеря друзей, поражение амбиций - все это стоик должен встречать, не поддаваясь страху, горю или страсти. Брут, лидер заговорщиков, убивших Юлия Цезаря, был стоиком, и Шекспир в своей трагедии показывает самообладание, которое проявил Брут, узнав, что его жена Порция, которую он любил, покончила с собой.

Учения Эпикура и Зенона во времена Римской империи дали идеалы, к которым люди могли стремиться, но ни тот, ни другой не могли дать надежды на счастье без конца и порока. Аид" из старой мифологии был не раем, а миром теней за рекой Стикс, мрачным как для хороших, так и для плохих людей. У ворот стояло трехголовое чудовище Цербер, готовое помешать душам вновь вырваться к свету и солнцу.

Язычество было печальной религией для всех, кто думал о будущем, и это одна из причин, почему весть о христианстве была встречена с такой радостью. Когда святой Павел отправился в Афины, он обнаружил там алтарь, установленный "неведомому Богу", показывая, что мужчины и женщины утратили симпатию к своим старым верованиям и ищут ответ на свои сомнения и вопросы. Он попытался объяснить грекам, что Христос, которого он проповедовал, и есть тот Бог, которого они искали; но те, кто его услышал, высмеяли идею о

том, что еврейский крестьянин, принявший позорную смерть на кресте, может быть божественным.

Раннее христианство

Первыми последователями христианства были, как правило, не культурные люди, как афиняне, а бедные и невежественные. Для них послание Христа было посланием братства и любви, преодолевающим все различия между классами и нациями. Однако эта весть привлекала не только тем, что обещала бессмертие и счастье; она также устанавливала определенный стандарт добра и зла. Иудейская религия установила десять заповедей как правило жизни, но евреи никогда не пытались убедить другие народы подчиниться им - скорее, они ревностно оберегали свои убеждения от язычников. Христиане же получили прямое повеление "идти по всему миру и проповедовать Евангелие всякой твари"; и даже раб, почувствовав в себе уверенность в своей новой вере, обязательно рассказывал о ней другим членам своей семьи. Со временем эта странная история достигала ушей его хозяина и хозяйки, и они начинали сомневаться, может ли то, во что так искренне верит этот человек, быть правдой.

В жестокую эпоху, когда миром в основном управляла физическая сила, христианство было особенно привлекательно для женщин и мужчин высшего типа, ненавидящих насилие. Одним из аргументов в его пользу среди наблюдательных людей была жизнь, которую вели первые христиане, - их мягкость, кротость и постоянство. Одно дело - терпеть оскорбления из-за трусости, совсем другое - терпеливо сносить их и при этом быть достаточно храбрым, чтобы встретить пытки и смерть вместо того, чтобы отказаться от своих убеждений. Христианские мученики показали всему миру, что в их вере нет ничего низменного или бездуховного.

Может показаться странным, что мужчины и женщины, чье поведение было таким тихим и незаметным, вообще встретили гонения. Христос сказал Своим ученикам "воздавать кесарю кесарево", и сила христианства заключается не в восстании против гражданского правительства, а в покорности. Это правда, но христианину, платящему налоги и старающемуся не нарушать законы своей провинции, все равно было бы трудно жить в мире с согражданами-язычниками. Как иудей, он не мог притворяться, что поклоняется богам, которых считал идолами: не мог возносить благовония к алтарям Юпитера и Августа, не мог идти на языческий праздник и возливать вино какому-нибудь божееству, не мог вешать над своей дверью лавровые ветви, священные для нимфы Дафны, по случаю всеобщего ликования.

Такое пренебрежение обычаями вызывало подозрения и неприязнь соседей, не разделявших его веру. Злоумышленники то и дело намекали и подтверждали кивками и шепотом, что его спокойствие было лишь прикрытием для тайных злых дел; в результате по всей империи поползли слухи, что убийство новорожденных младенцев было частью христианских обрядов.

Если бы христиане оказались более сговорчивыми, императорское правительство могло бы очистить их имя от подобных обвинений и предоставить им защиту, но оно также не доверяло их отказу участвовать в общественных богослужениях. Императоры были готовы позволить богу иудеев или христиан занять место среди своих собственных божеств, и они не могли понять позицию ума, который возражал против такого же терпимого отношения к Юпитеру или Юноне. Заповедь "Не имей других богов, кроме меня" не находила места в их вере, и поэтому они обвиняли христиан и иудеев в отсутствии патриотизма и использовали их в качестве козлов отпущения для народного гнева, когда того требовал случай.

Во времена правления Нерона в Риме случился сильнейший пожар, в результате которого более половины города превратилось в руины. Император, который уже был непопулярен из-за своей жестокости и экстравагантности, опасаясь, что на него возложат ответственность за это бедствие, поспешно заявил, что у него есть доказательства того, что пожар устроили христиане; так начались первые серьезные гонения на новую веру.

Преследование христиан

Вот часть рассказа Тацита, чью историю германских племен мы уже рассматривали:

"Он, Нерон, подверг самым изысканным пыткам тех людей, которые под вульгарным названием "христиане" уже были заклеены заслуженной позорной славой..... Они умирали в муках, и их мучения усугублялись оскорблениями и насмешками. Одних прибавляли к крестам, других зашивали в шкуры диких зверей и подвергали ярости собак, третьих, обмазанных горючими веществами, использовали в качестве факелов, освещавших темноту ночи. Сады Нерона были предназначены для этого меланхолического зрелища, которое сопровождалось скачками и удостаивалось присутствия императора".

Тацит сам был язычником и враждебно относился к христианам, однако он признает, что эта жестокость вызвала у него сочувствие. Тем не менее гонения продолжались при разных императорах, некоторые из которых, в отличие от Нерона, были мудрыми правителями и хорошими людьми.

"Этих людей, - писал испанский император Траян (98-117 гг.), имея в виду христиан, - не следует разыскивать, но если на них донесут и осудят, их следует наказать".

Марк Аврелий (161-180 гг.) объявил, что тех, кто признает себя христианином, следует забивать до смерти; во время его правления во всех частях империи пытали и убивали мужчин и женщин за их веру. Судьи требовали почти всегда одного и того же: обвиняемый должен был принести вино и фимиам перед статуей императора и поносить имя Христа.

Мотивом, вдохновлявшим последующих императоров, была не врожденная любовь Нерона к жестокости или желание найти козла отпущения, а искренний страх перед сектой, которая неуклонно росла в численности и богатстве и грозила вмешаться в обычное поклонение храмам, столь связанное с национальной жизнью.

В царствование Траяна губернатор Вифинии писал императору, жалуясь на то, что из-за распространения христианского учения теперь мало денег тратится на покупку жертвенных животных. "Зараза этого суеверия проникает не только в города, но и в деревни, и в сельскую местность".

Императоры и магистраты поначалу были уверены, что, если только они будут достаточно суровы в своих наказаниях, новую религию удастся подавить. Но вместо этого имперское правительство рухнуло, а христианство завоевало Европу.

Очень рано в истории христианства апостолы сочли необходимым ввести в Церкви определенную форму правления; позже, по мере распространения веры из страны в страну, в каждой провинции появлялись люди, которые благодаря своей доброте, влиянию или образованности избирались своими собратьями-христианами для управления религиозными делами в округе. Их называли "епископами", или епископами, от латинского слова *Episcopus* - "надзиратель". Традиция утверждает, что Петр был первым епископом

Римской церкви, и что во время правления Нерона он был распят за верность Христу, от которого ранее отрекся.

В помощь епископам назначались "пресвитеры" или "священники", а под ними - "дьяконы", которые должны были выполнять менее ответственную работу. Первые дьяконы занимались распределением милостыни богатых членов общины среди бедных; и хотя в первые дни полученные суммы были невелики, по мере того как люди всех сословий принимали христианство, невзирая на презрение и опасность, и делали пожертвования своим имуществом, доходы церкви начали расти. Епископы также становились важными персонами в окружающем мире.

Со временем императоры и магистраты, чьи предшественники верили в гонения, осознали, что это не выгодно правительству, а даже опасно, и вместо этого стали советоваться и почитать людей, которым так доверяли их сограждане. Наконец, в четвертом веке на престол взошел император, который смотрел на христианство не с ненавистью или ужасом, а с дружелюбием, как на более ценного союзника, чем язычество его отцов. Это был император Константин Великий.

IV КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ

Константин Великий родился в то время, когда империя была разделена между разными императорами. Его отец, Констанций Хлор, правил Испанией, Галлией и Британией, а когда он умер в Йорке в 306 году н. э., Константин, его старший сын, стал преемником в управлении этими провинциями. Новый император, которому было тридцать два года, был воспитан в школе войны. Он был красив, храбр, умел пользоваться популярностью среди подчиненных ему легионов, не теряя при этом своего достоинства и не позволяя им стать недисциплинированными.

Процарствовав несколько лет, он поссорился со своим шурином Максенцием, который был императором в Риме, и решил перейти Альпы и согнать его с трона. Задача была не из легких, ведь римская армия, состоявшая из отборной преторианской гвардии и полков сицилийцев, мавров и карфагенян, в четыре раза превосходила силы захватчиков. Однако Константин, приняв решение, не колебался. Он знал, что у его соперника мало военного опыта, а коррупция и роскошь римского двора не прибавили ему ни энергии, ни доблести.

Говорят также, что Константин верил, что Бог христиан был на его стороне, поскольку, готовясь к битве на равнинах Италии против значительно превосходящих сил, он увидел перед собой в небе сияющий крест, а под ним слова "Этим побеждай!". Он тут же отдал приказ, чтобы его легионы нанесли на свои щиты знак креста, и с этим же знаком в качестве своего знамени двинулся в атаку. Она была полностью успешной, римская армия бежала в смятении, Максенций был убит, а Константин вошел в столицу почти без сопротивления. Арка в Риме, носящая его имя, празднует этот триумф.

Теперь Константин был императором всей Западной Европы, а несколько лет спустя, после яростной борьбы с Лицинием, императором Востока, ему удалось объединить под своей властью все провинции империи.

Римская империя во времена Константина Великого

Это был радостный день для христиан, ведь хотя Константин крестился лишь незадолго до своей смерти, на протяжении всего своего правления он демонстрировал симпатию к христианской религии и делал все возможное, чтобы помочь тем, кто ее исповедовал. Он использовал свое влияние, чтобы предотвратить гладиаторские представления, отменил ужасное наказание в виде распятия и сделал так, чтобы рабам было легче, чем когда-либо прежде, освободиться. По мере возможности он избегал языческих обрядов, хотя, будучи императором, сохранил за собой должность *Pontifex Maximus*, или "верховного жреца", и посещал службы в храмах.

Его мать, императрица Елена, которой он был предан, была христианкой, и одна из старых легенд описывает ее паломничество в Святую землю, а также то, как она нашла и привезла с собой несколько деревяшек от креста, на котором был распят Христос.

Рост христианства

Вскоре после завоевания Рима Константин издал знаменитый "Миланский эдикт", который разрешал свободу вероисповедания всем жителям империи, будь то язычники, иудеи или христиане. К последним больше не относились как к преступникам, но как к гражданам с полными гражданскими правами, а места отправления культа и земли, которые были у них отняты, должны были быть восстановлены.

Позднее, когда интерес Константина к христианам возрос, он отошел от этого беспристрастного отношения и оказал им особую милость, конфисковав некоторые сокровища храмов и передав их Церкви, а также выделив ей денежные суммы из государственных доходов. Он также попытался освободить духовенство от налогов и разрешил епископам вмешиваться в работу судов по гражданскому праву.

Многие из этих мер были неразумными. Во-первых, христианство, когда оно подвергалось гонениям или ставилось в один ряд с другими религиями, привлекало только тех, кто действительно верил в учение Христа. С другой стороны, когда оно получало материальные преимущества, честолюбцы сразу же видели путь к королевской благосклонности и собственному успеху через исповедание новых верований. Таким образом, в Церковь был привнесен ложный элемент.

Другое дело, что мало кому из искренних христиан можно было доверять, что они не злоупотребят своими привилегиями. Четвертый век не понимал терпимости, а те, кто пережил гонения, как правило, были готовы прибегнуть к принуждению в отношении несогласных с ними мужчин и женщин, будь то язычники или единоверцы. Уже в самом начале своей истории Церковь раздирали споры, поскольку большая часть ее учения передавалась по "традиции", то есть из уст в уста, и это привело к разногласиям относительно того, что на самом деле говорил или имел в виду Христос во многих своих высказываниях. В конце концов церковь решила собрать основные доктрины "католической" или "вселенской" веры в форму вероучения, которую люди могли бы выучить и произносить. Так появился "Апостольский символ веры".

Несмотря на такое определение веры, споры продолжались. В начале четвертого века между Арием, пресвитером египетской церкви, и епископом Александрии разгорелся спор о точном соотношении Бога-Отца и Бога-Сына в учении о Троице, причем последний заявил, что Арий отрицал божественность Христа. Сторонники защищали одну из сторон, и ссора настолько обострилась, что было принято обращение к императору с просьбой вынести свое решение.

Константин не захотел вмешиваться. "Они требуют моего суда, - сказал он, - а сами ожидают суда Христа. Какая дерзость и безумие! Однако когда он понял, что необходимо предпринять какие-то шаги, чтобы в Церкви был хоть какой-то порядок, он созвал Собор в Никее, чтобы рассмотреть этот вопрос, и туда съехались епископы и духовенство со всех концов христианского мира. Заседания были долгими и бурными, но красноречие молодого египетского дьякона Афанасия решило дело против Ария, и последний, отказавшись подчиниться постановлениям Собора, был провозглашен еретиком, или изгнанником. Ортодоксальные католики, то есть большинство присутствовавших епископов, составили новое вероучение, выражающее их точные взгляды, которое получило свое название от Собора и стало называться "Никейским Символом веры". В переработанном виде он до сих пор читается во всех католических церквях христианства.

Арий, хотя и потерпел поражение на Соборе, сумел склонить императора к своим взглядам, и Константин попытался убедить католиков принять его обратно в Церковь. Когда это предложение встретило отказ, император, который теперь считал, что имеет право решать церковные вопросы, был настолько разгневан, что попытался силой оружия поставить Ария в одной из церквей своего нового города Константинополя. Ортодоксальный епископ немедленно закрыл и запер ворота, и начались беспорядки, которые прекратились только после смерти самого Ария.

Однако раскол продолжался, и можно утверждать, что его ожесточение оказало значительное влияние на будущее Европы, воздвигнув барьеры между расами, которые в противном случае могли бы стать друзьями. Арианство, как и ортодоксальный католицизм, было полно миссионерского духа, и от его священников полуцивилизованные племена готов и вандалов учились новой вере. Готский епископ присутствовал на Никейском соборе, а другой, Ульфилас, изучавший в Константинополе латынь, греческий и иврит, впоследствии

перевел большую часть Библии на свой язык. Это первая известная миссионерская Библия; и хотя оригинал исчез, копия, сделанная примерно столетие спустя, хранится в музее в Упсале, написанная готскими буквами серебром и золотом на пурпурном пергаменте.

Готы относились к своей Библии с глубоким благоговением, носили ее с собой в странствиях и советовались с ней перед тем, как идти в бой. Как и вандалы, также обращенные в христианство арианами, они считали себя истинными христианами, но ортодоксальные католики недолюбливали их как еретиков едва ли не больше, чем язычников.

Раннее монашество

Константин сам проникся духом фанатизма; став защитником Ария, он преследовал Афанасия, ставшего епископом Александрии, и вынудил его отправиться в изгнание. Афанасий отправился в Рим, где, как рассказывают, его поначалу высмеивали за то, что его сопровождали два египетских монаха в капюшонах и плащах. Западная Европа еще мало что слышала о монашестве, хотя Восточная церковь уже давно приняла его.

Ранним христианам с их высокими идеалами окружающий мир казался злым местом, в котором им было трудно вести жизнь, подобную Христовой. Они думали, что, удалившись от атмосферы жестокости и материальных удовольствий, предавшись посту и молитве, они смогут легче сосредоточить свой ум на Боге и таким образом подготовить себя к Небесам. Иногда они уходили в пустынные места и жили отшельниками в пещерах, возможно, не общаясь ни с одним живым человеком в течение нескольких месяцев или даже лет. Другие, кто не мог смириться с таким одиночеством, вступали в общину монахов, живущих вместе по особым правилам дисциплины. В определенные часы дня и ночи они читали церковные службы, а в перерывах между ними работали или молились, изучая Писание.

Многие аскезы, которые они практиковали, кажутся нам абсурдными, ведь трудно сочувствовать Симону Стилитесу, который провел лучшие дни своей жизни, сидя на высоком столбе по милости солнца, ветра и дождя, пока его конечности не окоченели и не засохли. Однако отшельники и монахи были ярким свидетельством христианства в эпоху, которая еще не до конца осознала смысл учения Христа. Кто хочет служить Мне, пусть возьмет крест свой и последует за Мной". Этот идеал самопожертвования впервые стал достоянием сотен бездумных мужчин и женщин, когда они увидели, как кто-то из их знакомых отказался от мирских перспектив и радости дома и детей, чтобы вести жизнь в вечном дискомфорте, пока смерть не придет к нему как благословение, а не как проклятие. Большинство ведущих священнослужителей ранней Церкви, "отцов Церкви", как их обычно называют, были монахами.

Отцы Церкви

Двое из них, святые Григорий и Василий, вместе учились в Афинском университете в четвертом веке. Святой Василий основал общину монахов в Малой Азии, где его репутация святого вскоре собрала большое количество учеников. Он не пытался завоевать их честными словами или обещанием легкости и комфорта, поскольку его монахам разрешалось мало есть, а дни они проводили в молитве и тяжелом ручном труде. Ариане, ненавидевшие святого Василия как ортодоксального католика, однажды пригрозили, что конфискуют его имущество, подвергнут пыткам и предадут смерти. "Мое единственное богатство - это потрепанный плащ и несколько книг, - спокойно ответил отшельник. Мои дни на земле - всего лишь паломничество, а тело настолько слабо, что умрет при первых же мучениях. Смерть будет облегчением". Она наступила, когда ему было всего пятьдесят, но не от рук врагов, так как он умер измученный послушанием и лишениями своей обычной жизни. Он

оставил после себя множество писем и богословских трудов, которые проливают свет на религиозные вопросы его времени.

Святой Григорий некоторое время жил со святым Василием и его монахами в Малой Азии, но не был достаточно силен, чтобы подчиниться такой же суровой дисциплине. Он заявил, что если бы не доброта матери святого Василия, он бы умер от голода. После этого он вернулся на родину и был рукоположен в священники. Он был более мягким человеком, чем Василий, поэтом с немалыми достоинствами и красноречивым проповедником.

Еще одним из католических "Отцов Церкви" был Святой Амвросий, епископ Милана. Он был избран на этот пост против своей воли жителями города, которые уважали его за силу и бесстрашие. Святой Амвросий без колебаний использовал богатства церкви, даже переплавил некоторые алтарные сосуды, чтобы выкупить христиан, уведенных в плен во время одного из нашествий варваров. "Церковь, - заявил он, - владеет золотом и серебром не для того, чтобы накапливать их, а чтобы тратить на благосостояние и счастье людей".

Стремительность и энергичность, которые сделали его прирожденным лидером, он также использовал для выражения своей нетерпимости к тем, кто с ним не соглашался. Когда некоторые христиане в Милане сожгли еврейскую синагогу, а император Феодосий приказал им восстановить ее, святой Амвросий посоветовал им не делать этого. Я сам, - сказал он, - сжег бы синагогу..... То, что было сделано, - лишь ничтожное возмездие за акты грабежа и разрушения, совершенные евреями и еретиками против католиков". Это не было духом основателя христианства: это слишком часто было духом средневековой церкви.

Еще более влиятельным человеком, чем святой Амвросий Миланский, был святой Иероним, монах V века, которого сегодня помнят в основном благодаря его латинскому переводу Библии, "Вульгате", который до сих пор является признанным изданием Римско-католической церкви.

Святой Иероним родился в Италии, но в своем крайнем аскетизме следовал скорее обычаям восточной, чем западной церкви. В юности он вел разгульный образ жизни, но, внезапно раскаявшись, ушел жить отшельником в пустыню, голодая и подвергая себя смертной казни. Он так твердо верил, что это единственный путь на небеса, что, приехав в Рим, постоянно проповедовал безбрачие, призывая мужчин и женщин не жениться, как будто брак был грехом. Он боялся, что если они станут счастливы и довольны своей домашней жизнью, то забудут Бога.

Многие из ведущих семей, и особенно их женщины, попали под влияние святого Иеронима, но такие преувеличенные взгляды никогда не могли стать по-настоящему популярными, и вместо того, чтобы быть избранным епископом Рима, как он ожидал, он был вынужден, многочисленных врагов, которых он вызвал, покинуть город и снова вернуться в пустыню. В его искренности можно не сомневаться, но его взгляды на жизнь были искажены, потому что, как и многие добрые и искренние современные христиане, он верил, что человеческая природа и эта земля совершенно плохи и что только подавив в себе всякое наслаждение, душа может обрести спасение.

Должно было пройти несколько столетий, прежде чем святой Франциск Ассизский научил своих собратьев красоте и ценности человеческого.

* * * * *

Основание Константинополя

Константинополь (*Полис* или город Константина) был греческой колонией под названием Византия задолго до существования Рима. Построенный на мысе Золотого Рога, его стены омывались внутренним морем, глубина и гладкость которого превращали его в великолепную гавань от более бурных вод Средиземного моря. Почти неприступная в своих укреплениях, она смотрела на Азию через узкие проливы Геллеспонта и полностью контролировала вход в Черное море с его богатыми портами, рынками, как тогда, так и сейчас для кукурузы и зерна южной России.

Константин, когда решил, что Византий должен стать его столицей, прекрасно понимал эти преимущества. Он родился на Балканах, провел большую часть своей жизни в качестве солдата в Азии, принял императорскую корону в Британии и правил Галлией в качестве своего первого королевства. Этот богатый опыт не оставил в его сердце места для Италии, а название Рима не способно было взбудоражить его кровь. Рим для него был просто развращенным городом в одной из отдаленных частей его империи: у него не было ни гавани, ни особой военной ценности на суше, а Альпы были барьером, препятствующим быстрому прохождению новостей. С другой стороны, Византия, расположенная вблизи устья Дуная, была легкодоступна и при этом практически неприступна для врагов. Его военное преимущество заключалось еще и в том, что он служил прекрасным штабом для наблюдения за северной границей и видом на Восток.

Стены первоначального города не могли охватить амбиции императора, и он сам, с палочкой в руках, разработал границы. Придворные, следовавшие за ним, задыхались от ужаса. "Этого достаточно, - говорили они, - ни один императорский город не был так велик прежде". "Я буду идти дальше, - ответил Константин, - пока он, невидимый проводник, идущий впереди меня, не сочтет нужным остановиться".

Император был удовлетворен, пока семь холмов за пределами Византии не были заключены в его круг; и тогда началась великая работа по строительству, и белый мрамор Форума и бань, дворцов и колоннад стал украшать Константинополь, который с тех пор играет такую большую роль в истории Европы. На новой рыночной площади, сразу за первоначальными стенами, была установлена "Золотая вежа" - мраморная колонна внутри небольшого храма с гордой надписью о том, что здесь находится "центральная точка мира". Внутри стояли статуи Константина и царицы Елены, его матери, а сам Рим и города Греции были лишены своих шедевров скульптуры, чтобы украсить здания новой столицы.

В мае 330 года Константинополь был торжественно освящен, и империя устроила большой праздник в честь события, которое, по мнению немногих из празднующихся, изменит весь ход ее судьбы. Новая столица, благодаря своему великолепному стратегическому положению, должна была сохранять императорский трон с одним небольшим перерывом более тысячи лет, но это преимущество было получено за счет Рима и полного разрыва интересов империи на Востоке и Западе.

Римляне никогда не любили греков, даже когда больше всего восхищались их искусством и тонким интеллектом, и теперь, в IV веке, это стойкое недоверие усилилось, когда Греция узурпировала славу, принадлежавшую ее завоевателю. В отсутствие императора и многочисленных сановников, отправившихся раздуть триумф его нового двора, Рим установил другого идола. Символы материальной славы могли исчезнуть, но христианская вера давала людям новые идеалы через учение апостолов и их представителей, епископов.

Римские епископы утверждали, что дар благодати, полученный ими при посвящении, был передан им последовательным возложением рук от самого святого Петра. Ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою... и что свяжешь на земле, то будет связано на небе; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небе". Эти слова Христа, казалось, давали его апостолу полную власть над душами людей; и христиане в Риме стали спрашивать, не передалась ли власть святого Петра "связывать и развязывать" его преемникам? Если да, то // *Рара*, , то есть "их отец", Папа, несомненно, был первым епископом в христианстве, ибо ни одному другому апостолу Христос не даровал подобной власти.

Не следует думать, что это рассуждение пришло как вспышка вдохновения или было с готовностью принято всеми христианами. Многие поколения пап, начиная со времен святого Петра и далее, считались просто епископами Рима, то есть "надзирателями" Церкви в главном городе империи. Паства любила и почитала их не за особый божественный авторитет, а за то, что они стояли не за корысть и не за фракцию, а за принципы справедливости, милосердия и братства.

Если римлянина грабил согражданин, если случалась чума или голод, если городу угрожали враги за его стенами, Рим обращался к своему епископу, требуя помощи и защиты. Впоследствии было вполне естественно, что единственная власть, которая могла и могла позволить себе все это, когда императоры и сенаторы были далеко, со временем заняла место императора, и папа стал для Рима, а постепенно, как мы увидим, и для Западной Европы, наместником Бога на земле.

Для Церкви в Греции, Египте и Малой Азии он так и не обрел этот ореол славы. Византия, великий Константинополь, была стержнем, на котором вращался восточный мир, и епископ Рима с его традицией святого Петра не имел авторитета. Так далеко в четвертом веке между Церквями Востока и Запада уже открылась расщелина, которой суждено было превратиться в настоящую пропасть.

Константин "Великий" умер в 337 году, и если величие измерять достижениями, то он вполне заслужил свой титул. Там, где люди более высокого гения и оригинальности потерпели неудачу, он преуспел, со спокойным упорством разбивая все объекты, угрожавшие его амбициям, пока, наконец, христианский правитель объединенной империи, которого боялись и уважали как подданные, так и враги, не отошел ко сну.

V НАШЕСТВИЯ ВАРВАРОВ

Вместо того чтобы попытаться сохранить единую империю, Константин в своем завещании разделил свои владения между тремя сыновьями и двумя племянниками. Однако не прошло и тридцати лет, как серия убийств и гражданских войн истребила его семью, и два брата, Валентиан и Валенс, люди скромного происхождения, но способные солдаты, были избраны совместными императорами. Валентиан правил в Константинополе, его брат - в Милане; именно во время этого правления империя получила один из самых страшных ударов, когда-либо постигших ее.

Мы уже упоминали о готах, расе варваров, наполовину цивилизованных под римским влиянием и обращенных в христианство последователями Ария. Одно из их племен, вестготы, в большом количестве обосновалось в стране к северу от Дуная. В целом их отношения с Империей были дружественными, и вряд ли они были виноваты в том, что мир был окончательно нарушен, а скорее странная татарская раса гуннов, которая, скопившись на равнинах Азии, внезапно нахлынула на Европу. Вот описание гуннов, данное готским писателем: "Люди с лицами, которые едва ли можно назвать лицами, скорее бесформенные черные колбы из плоти с крошечными точками вместо глаз: небольшого роста, но стройные и активные, искусные в верховой езде, широкоплечие, скрывающие под едва ли не человеческой формой свирепость дикого зверя".

Предание гласит, что эти чудовища, восседая на своих лохматых пони, катали женщин и детей под ногами и питались человеческой плотью. Так это или нет, но их имя наводило ужас на цивилизованный мир, и после нескольких встреч с ними вестготы скопились на берегу Дуная и умоляли императора позволить им укрыться за линией римских крепостей.

Валенса, к которому обратились с просьбой, колебался. В этом внезапном наплыве целого племени была очевидная опасность для его владений; но, с другой стороны, страх мог довести вестготов до безумия и заставить их попытаться переправиться, даже если он откажет, а если так, сможет ли он им противостоять?

"Вся толпа, спасшаяся от убийственной жестокости гуннов, - пишет один из писателей того времени, - не менее 200 000 боевых мужчин, а также женщины, старики и дети, были там, на берегу реки, простирая руки с громкими причитаниями... и обещая, что они всегда будут верно придерживаться императорского союза, если только им будет даровано это благодеяние".

Неохотно Валенса уступила, и вскоре провинция Дакия была переполнена беженцами, но тут начались настоящие проблемы. Необходимо было найти пищу для этой толпы, и было очевидно, что местных урожаев не хватит. Напрасно император приказывал ввозить кукурузу: жадность чиновников, отвечавших за выполнение этого приказа, заставляла их задерживать крупные партии и продавать то небольшое, что они пропускали, по совершенно непомерным ценам. Их непрощенные гости, полуголодные и лишенные тех небольших сбережений, которые им удалось захватить с собой, жаловались, строили заговоры и в конце концов подняли открытый мятеж.

Такое обращение с вестготами в Дакии - одна из худших страниц в истории Римской империи, но оно принесло свое быстрое наказание. Подозрительность и ненависть, порожденные несчастьем, распространялись как пламя, и к войскам варваров присоединялись дезертиры их собственной расы из имперских легионов и беглые рабы, пока они не выросли в грозную армию. Валенса, вынужденного принять меры, чтобы сохранить свой трон, встретил их на поле боя у Адрианополя, но потерпел сокрушительное поражение. Был убит и он сам, и около 40 000 тех, кто служил под его знаменем.

Император Феодосий

Никогда еще императорские орлы не встречали такого поражения от рук варваров, и вестготы после первого момента триумфа были почти встревожены масштабами собственного успеха. Перед хмурыми стенами Константинополя их мужество пошатнулось, и, не предприняв попытки осады, они отступили на север, во Фракию. С радостью они договорились с Феодосием, преемником Валенса, который, не ограничившись

предоставлением им земель к югу от Дуная, которых они так желали, увеличил свою армию, взяв на жалованье целые полки их лучших воинов.

Любитель мира и готов" - вот характер, с которым Феодосий дошел до потомков, и во время его правления вестготы и другие северные племена постоянно получали знаки его благосклонности.

Один из готских королей, старый вождь Атанарик, отправился навестить его в Константинополь и был потрясен великолепием и роскошью, которые он увидел вокруг себя. "Теперь я наконец-то вижу, - воскликнул он, - то, о чем часто слышал, но считал невероятным..... Несомненно, император - бог на земле, и тот, кто поднимет на него руку, повинен в собственной крови".

Союз между готами и греками в тот момент сослужил свою службу, ведь с помощью своих новых войск Феодосий смог победить соперничающего императора Рима и завоевать Италию. После смерти он оставил Константинополь и Восток своему старшему сыну Аркадию, восемнадцатилетнему юноше, а Рим и Запад - младшему, Гонорию, которому было всего одиннадцать лет. Верный своей вере в способности варваров, Феодосий выбрал вождя вандалов Стилихона, за которого выдал замуж свою племянницу, чтобы тот мог стать советником мальчика и командовать императорскими войсками.

При мудром регенте народ может терпеливо ждать, пока его ребенок-правитель повзрослеет. К несчастью, повзрослев, Гонорий не проявил ни малейших признаков мужественности: он вяло отказался продолжать свои мальчишеские занятия верховой ездой и стрельбой из лука и не проявлял никакого интереса, кроме как к петухам и курам, которых он ежедневно с удовольствием кормил сам. Он не испытывал ни привязанности, ни почтения к Риму и в конце концов поселился в Равенне на Адриатическом море как в самой безопасной крепости своих владений. Отсюда он соглашался подписывать приказы, отправлявшие легионы на защиту его границ, или издавал надменные манифесты своим врагам.

Пока Стилихон был жив, такая слабость оставалась незамеченной; ведь вандал, человек гигантского телосложения и силы, в полной мере обладал неутомимой энергией и смелостью, которых требовали опасности того времени.

Феодосий сделал вестготов своими друзьями, но после его смерти они стали недовольны ограничениями, наложенными на них императорским союзом. Аркадий был почти таким же бедным существом, как и его младший брат, "настолько неактивным, что редко говорил и всегда выглядел так, будто вот-вот заснет". Варвары не питали к нему ненависти, но, с другой стороны, он едва ли мог внушить им любовь или страх, и тогда они выбрали себе короля, Алариха, одного из своих самых знаменитых полководцев, и с этого момента начали подумывать о новых завоеваниях и грабежах.

Вторжение вестготов

Мысль о разграблении Константинополя была отложена в сторону. Массивные стены на фоне моря сделали бы это непростой задачей; кроме того, рассуждали вестготы, разве нет других городов, столь же богатых и более уязвимых? С ликующим криком, отвечающим на этот вопрос, они отправились в поход сначала в Иллирикум на восточном побережье Адриатики, а затем на плодородные равнины Италии.

Аларих и Стилихон были хорошими полководцами, и в течение многих лет, проводя тяжелые кампании с битвами и осадами, вандал держал гота в узде. Когда, наконец, смерть заставила

его отказаться от поединка, не вражеский меч, а оружие предательства лишило Рим лучшего защитника.

Гонорий, лишенный благодарности, как и других добродетелей, был недоволен успехами своих войск; коварные придворные, надеясь нажиться на чужом разорении, сообщили ему, что Стилихон намерен закрепить за собой императорский трон и что для этого он не задумываясь убьет своего царственного повелителя. Подозрения заставляли робкого императора биться в ужасе бессонными ночами. Ему казалось, что он никогда больше не узнает душевного покоя, пока не избавится от своего грозного главнокомандующего; и вот по его приказу Стилихон был предан смерти, а Италия отдана на милость Алариха и его сторонников.

Пронесясь через Альпы, вестготы остановились перед воротами Рима. Нас много, и мы готовы сражаться", - смело начали послы, отправленные из города. Густую траву легче косить, чем тонкую", - ответил Аларих.

Опустив свой возвышенный тон, послы потребовали цену мира, а получив ответ: "Ваше золото и серебро, ваши сокровища, все, что у вас есть", - в ужасе воскликнули: "Что же вы нам оставляете?" "Ваши души", - насмешливо ответили они.

После долгих споров вестготы согласились на выкуп и отступили на север, но вернулись только летом 410 года, когда Рим после слабого сопротивления открыл свои ворота. Враги с триумфом пронеслись по улицам, но Аларих не был гунном, любящим резню ради нее самой, и приказал своим войскам уважать человеческую жизнь и щадить церкви и золотые и серебряные сосуды, стоявшие на их алтарях.

Он потратил всего несколько дней на разграбление города, а затем двинулся на юг, намереваясь вторгнуться в Африку. Однако во время отплытия армии он заболел и умер, и потеря его была столь велика, что все мысли о походе были оставлены. Народ оплакивал Алариха как национального героя, и, не в силах смириться с мыслью, что враги могут однажды осквернить его могилу, они запрудили реку поблизости и вырыли в ее русле могилу для своего полководца. Положив туда его тело, они пустили реку в прежнее русло и таким образом оставили своего героя в безопасности от оскорблений под водами.

Разграбление Рима, потрясшее весь цивилизованный мир, не произвело особого впечатления на молодого императора. Он назвал одну из своих любимых кур в честь столицы; и когда гонец, изможденный принесенной вестью, упал на колени, задыхаясь: "Сир, Рим погиб", Гонорий лишь нахмурился и ответил: "Невозможно! Я сам кормил ее сегодня утром".

Святой Иероним в своей келье отшельника в Вифлееме был ошеломлен судьбой "Вечного города". "Мир рушится", - сказал он. Нет ни одного творения, которое бы не разрушила ржавчина или возраст, но Рим! Кто бы мог поверить, что, вознесенный своими победами над вселенной, он однажды падет?

Почему пал Рим? Этот вопрос был у всех на устах. Сегодня мы знаем, что процесс его разложения длился веками; но мужчины и женщины редко видят, что происходит вокруг них, и некоторые начали роптать, что старые боги Олимпа разгневаны тем, что их религия была оставлена. Утверждалось, что Христос спасет мир, но что Он сделал для спасения Рима?

Христианство недолго искало защитника своего дела - африканского монаха Августина, для средневековых умов величайшего из всех "Отцов Церкви". Августин был сыном отца-язычника и матери-христианки и рос диким и недисциплинированным мальчиком. После

нескольких лет обучения в Карфагенском университете, проведенных в случайных занятиях и привычном распутстве, он решил отправиться в Рим, а оттуда перешел в Милан, где из любопытства отправился послушать проповеди святого Амвросия. Было очевидно, что он либо возненавидит этого пламенного старца, либо окажется под его сильным влиянием; и действительно, Августин, втайне раскаивавшийся в том, как он растратил свою жизнь, был в самом подходящем настроении, чтобы принять весть, которую он отказался услышать из уст Моники, своей матери. Вскоре он был обращен и крещен, а затем стал епископом Гиппо, расположенного неподалеку от Карфагена.

Трудно дать представление об Августине в нескольких словах. Подобно святому Амвросию и другим ранним "отцам", он был нетерпим к ереси и считал, что обычная человеческая любовь и самые простые удовольствия мира - это ловушки, расставленные дьяволом, чтобы поймать несмышленика; но против этих неуравновешенных взглядов, во многом являющихся продуктом эпохи, в которой он жил, следует поставить его горячий энтузиазм к Богу и те заслуги, которые он оказал христианству.

Один современный писатель говорит о нем: "Как высший человек своего времени, он подвел итог прошлому, как оно еще жило, переделал его, добавил к нему от себя и придал ему новое единство и форму, в которой оно должно было жить дальше". Великое сердце, великий ум, ум, ведомый вдохновением сердца, сердце, ведомое умом, - таков Августин".

Превосходя интеллект других людей своего времени, всем своим существом исполненный любви к Богу и горящий желанием заставить мир разделить его поклонение, он проповедовал, работал и писал только с этой целью. В своей "Исповеди" он описывает свою юность и покаяние; но самым известным его произведением является "Civitas Dei".

Здесь он дал ответ тем, кто заявлял, что Рим пал из-за пренебрежения к языческим божествам. Рим, утверждал он, не был и не мог быть вечным, ибо единственное вечное царство - это Civitas Dei, или "Град Божий", к триумфальному царствованию которого человеческий род стремился с древнейших времен. Перед ее славой должны были померкнуть царства этого мира, вся культура и цивилизация, которыми кичились люди. Так было предначертано Богом, и святой Августин приложил все свое красноречие и силу аргументации, чтобы доказать на примере истории масштабность и несомненность божественного замысла.

Вторжение вандалов

Автору "Civitas Dei" предстояло сурово испытать свою веру, ведь он умер среди сцен запустения и ужаса, которые не оставляли надежды на счастье для человека на земле. Рим находился во власти варваров, и христианская Африка также быстро попадала под их иго. Эти новые захватчики, вандалы, были также германским племенем, которое, как только Стилихон вывел легионы с Рейна для защиты Италии от вестготов, прорвалось через ослабленную границу в Галлию, а оттуда перешло Пиренеи и двинулось на юг.

Испания была одной из самых богатых провинций Рима и, помимо минералов и кукурузы, дала империи не мало правителей, а также знаменитых писателей и поэтов. В своем торговом процветании она, как и ее соседи, стала коррумпированной и недружелюбной, так что вандалы почти не встречали сопротивления и грабили и мародерствовали по своему усмотрению. Вместо того чтобы осесть среди своих завоеваний, они, подгоняемые обещанием дальнейшей добычи и давлением других варварских племен, идущих по пятам, пересекли узкий Гибралтарский пролив и продолжили свой путь на восток вдоль

африканского побережья. В Испании они оставили память о своем присутствии в названии одной из ее самых прекрасных провинций - Андалусии.

Вождем вандалов в это время был Генсерик, который не только завоевал все побережье Северной Африки, но и построил флот, ставший ужасом Средиземноморья. Как и готы, вандалы были христианами, но они придерживались взглядов Ария, и было мало надежды на то, что они будут терпимы к ортодоксальным католикам. Хотя их противники вряд ли были столь бесчеловечны и беспощадны, как хотелось бы верить миру, они грабили и разрушали все, что проходили; и потомки с тех пор применяют слово *"вандал"* к человеку, который умышленно разрушает.

Имя "гунн" имеет еще более зловещую репутацию. В первой половине пятого века гуннов в их триумфальном шествии по Европе возглавил их король Атила, "Бич Божий", чьей гордостью было то, что на месте, где когда-то ступали копыта его коня, никогда больше не росла трава. Низкорослый и приземистый, почти уродливый, плосконосый, со смуглой кожей и глубоко посаженными глазами, которые в гневе страшно закатывались, король любил наводить ужас не только на своих врагов, но и на вождей, находившихся под его началом. Жалость, мягкость, цивилизованность - такие слова были ему либо неизвестны, либо отвратительны; и в городах, стены которых штурмовали его войска, жертвами его меча становились и старики, и женщины, и священники, и дети.

Он стремился к тому, чтобы имя "Атила" наводило ужас на всю землю, но то, насколько ему удалось осуществить эту цель, стало серьезным препятствием для его оружия; когда он достиг границ Галлии, то обнаружил, что страх собрал в единую враждебную силу грозные расы, которые веками враждовали между собой. Здесь были не только "провинциалы", потомки романизированных жителей Галлии, но и готы, франки, бургунды и другие племена, которые, подобно вандалам, форсировали Рейн, как только имперские гарнизоны были ослаблены или выведены. У них было мало общего, кроме ненависти к гуннам - страсти настолько сильной, что в отчаянной битве на равнине Шалон они навсегда отбросили татарские полчища от земель Западной Европы.

Потрясенный поражением, но угрюмый и мстительный, Атила обратил свои мысли к Италии; он и его воины пронесли через перевалы Альп и обрушились на плодородную страну, лежащую к северо-западу от Адриатики. Итальянцы оказали лишь слабое сопротивление, и дворцы, бани и амфитеатры некогда богатых городов исчезли в дымящихся руинах.

Одному важному строительству Атила неосознанно помог, потому что жители Аквилеи, ища убежища от жестокого врага, бежали на побережье, и там, среди пустынных лагун, они и их потомки в течение веков построили себе новый город, Венецию, будущую "королеву Адриатики". Аквилея была городом с хорошей репутацией, но можно с уверенностью предположить, что она никогда не достигла бы той всемирной славы, которую Венеция, защищенная за барьером болот и имеющая все стимулы для морского предпринимательства, должна была установить в Средние века.

Из Адриатических провинций Атила направился в Рим, но воздержался от разграбления города. Говорят, что он был обеспокоен тем, что галльские войска, разбившие его при Шалоне, все еще висели у него в тылу, угрожая отрезать ему путь к отступлению через Альпы. Как бы то ни было, он согласился принять условия, согласованные папой от имени граждан Рима. Современники утверждают, что гунн был потрясен видом Льва I в священническом одеянии и бесстрашием его походы, и, конечно, за свое посредничество он вполне заслужил титул "Великий", который народ в знак благодарности присвоил ему.

Покинув Рим, Атила направился на север, но вскоре умер после какой-то пьяной оргии. Царство резни и огня, которое он построил на ужасе своего имени, быстро развалилось на куски, и осталось только воспоминание об этом ужасе, а гунны влились в армии других племен или сражались друг с другом в мелком соперничестве.

Разграбление Рима вандалами

Рим был взят Аларихом вестготским и пощажен Аттилой, но его испытания еще не закончились. Генсерик, король вандалов, обосновавшийся в Карфагене, только и ждал возможности разграбить город, который все еще оставался всемирно известной сокровищницей. Его флот, полностью отрезавший Италию от кукурузных полей Египта, блокировал устье Тибра, и римляне, ослабленные голодом и войнами последних нескольких лет, быстро запросили мира.

Папа Лев снова отправился в качестве посредника в лагерь своих врагов, но арианин Вандал, в отличие от язычника Гунна, был непреклонен. Он согласился на всеобщую резню, но не более того, и в течение двух недель город был безжалостно разграблен. Затем Генсерик уплыл, унося с собой тысячи пленников и все сокровища денег и искусства, к которым он мог приложить руку. Почти за четыреста лет до этого император Тит, разграбив Иерусалим, привез в Рим золотой алтарь и подсвечники из иудейского храма, а теперь Рим, в свою очередь, лишился этих трофеев своих былых побед.

Неудивительно, что западные императоры, систематически терпевшие неудачу в спасении своей столицы, в конце концов были дискредитированы среди своих собственных войск, и Рим, начавший жизнь, согласно традиции, при "Ромуле", должен был закончить свою империю при другом, красивом мальчике, прозванном в насмешку над его беспомощностью "Августул", или "маленьким Августом".

Предлогом для его низложения стал отказ предоставить италийские земли германским войскам, составлявшим основную часть императорской армии, на что их полководец Одоакер вынудил его отречься от престола. Императорское достоинство настолько низко пало в общественной оценке, что Одоакер, вместо того чтобы претендовать на некогда заветную честь, отправил диадему и пурпурную мантию императору в Константинополь. "Мы отказываемся от необходимости или даже желания, - писал Августул, - продолжать императорскую преемственность в Италии..... Величия единственного монарха достаточно, чтобы пронизывать и защищать одновременно и Восток, и Запад".

Писатель, настолько удачливый в своей незначительности, что никто не пожелал его убить, провел остаток своих дней в замке на берегу Средиземного моря, поддерживаемый доходами от государства; в то время как Одоакер, получивший титул "патриций", управлял страной с государственной умеренностью в течение четырнадцати лет.

Остроготское вторжение

Еще две волны вторжения должны были перевалить через Альпы и помешать всем попыткам восстановления и единства. Первой была волна остготов, или "восточных" готов, - племени той же расы, что и вестготы, которые, встретив первый натиск гуннов во время их продвижения из Азии, только после смерти Атилы освободились от этого страшного ига. Теперь они стремились к независимому королевству и под предводительством своего князя Теодориха терзали границы Восточной империи, с которой заключили союз.

Теодорих получил образование в Константинополе и, хотя был храбр и воинственен, не разделял безрассудной любви к битве, которая одушевляла его последователей. Однако он

понимал, что должен привести остготов на новую землю изобилия или навлечь на себя их ненависть и подозрения, поэтому он обратился к императору Зенону с просьбой разрешить ему отправиться в Италию в качестве своего генерала и свергнуть Одоацера. Направь меня с солдатами моего народа, - писал он, - чтобы я выступил против тирана. Если я паду, ты будешь избавлен от дорогого и хлопотного друга; если же, с божьего соизволения, я добьюсь успеха, то буду править от твоего имени и во славу твою".

Зенон не обладал достаточной властью, чтобы помешать Одоакеру принять титул "патриция", но ему никогда не нравился "варварский выскочка", осмелившийся свергнуть императора. Его также стало пугать присутствие беспокойных остготов так близко от Константинополя, и он горячо оценил аргументы Теодориха в пользу их бегства. Если два варварских короля уничтожат друг друга, это будет только лучше для империи, и с императорского благословения Теодорих отправился в свое великое приключение.

Он взял с собой не только воинов, но и женщин и детей своего племени, а также все их имущество; после нескольких сражений ему удалось победить и уничтожить своего противника. Рим, смотревший на него как на представителя императора, радостно распахнул свои ворота, но Теодорих предпочел сделать своей столицей Равенну, здесь он поселился и своими руками посадил фруктовый сад.

Он надеялся завоевать доверие и расположение своих новых подданных и, хотя правил так, как ему хотелось, внешне оставался покорным императору, писал ему смиренные письма и чеканил монету императорской печатью. Он часто советовался с римским сенатом, который, хотя и давно утратил реальную власть, не переставал принимать номинальное участие в управлении страной; а когда он отдал треть италийских земель своим соотечественникам, то позволил римским чиновникам произвести раздел.

Теодорих также поддерживал законы и обычаи Италии и заставлял остготов соблюдать их; но его армия оставалась национальным телохранителем, и, несмотря на все его усилия по примирению, два народа не смешивались. Между ними стоял барьер религиозного ожесточения, так как остготы были арианами, и, хотя их правитель был очень терпим в своем отношении, католики всегда с подозрением относились к его намерениям.

Однажды произошел бунт против евреев, и было сожжено несколько синагог. Теодорих приказал собрать деньги среди ортодоксальных католиков, которые были ответственны за это, чтобы восстановить здания. Этому приказа не выполнили, и когда главарей стачки прогнали по улицам плетью, народный гнев против готского короля разгорелся до белой горячки. Сам он с возрастом менялся в характере и проявлял себя угрюмым и тираничным. Под конец своего правления он предал смерти Боэция, римского сенатора, который был одним из его любимых советников, но посмел открыто защищать человека, которого сам осудил.

Боэций был не только бесстрашным защитником своих друзей - он был великим ученым, который поддерживал факел классической науки среди тьмы и ужаса вторжения. Помимо перевода некоторых работ Аристотеля, он написал трактаты по логике, арифметике, геометрии и астрономии, а также умело защитил Никейский символ веры от нападков ариан. Последним и самым известным его произведением, которое вот уже десять веков помнят и любят люди, стали "Утешения философией", написанные, когда смерть в самой ужасной форме была уже близка. Мучимый веревкой, натянутой вокруг лба, а затем избиваемый дубинками, философ вырвался из жизни, где судьба обошлась с ним жестоко. Его хозяин пережил его на два года и на смертном одре в муках раскаяния покался в жестокости вынесенного им приговора.

Вряд ли справедливо судить Теодориха по тирании его последних дней. Лучше вспомнить о славе его расцвета и о том, как "в западной части империи не было народа, который отказал бы ему в почтении". Связанный родственными узами с бургундами, вестготами, вандалами и франками, он, несомненно, был величайшим из всех варваров своей эпохи. Если бы его преемники проявили хоть немного его государственных качеств, остроготы и италики, несмотря на религиозные различия, могли бы объединиться в единый народ, но, к сожалению, не прошло и двадцати лет, как основанное им королевство было обречено на исчезновение.

Наследником Теодориха стал его внук, проживший всего несколько лет, а затем - никчемный племянник, не обладавший ни королевскими, ни государственными качествами. В противовес этой слабой династии в Константинополе правил император, обладавший в высшей степени способностями и твердостью намерений, которых требовало время.

Император Юстиниан

Юстиниан был крестьянином по происхождению, но он получил хорошее образование и проявлял живой интерес не только к вопросам права и финансов, которые касались правительства, но и к теологии, музыке и архитектуре. В общении с подданными он был дружелюбен, хотя и величав, но в его натуре было что-то несимпатичное, что не позволило ему стать популярным. Придворные с благоговением относились к его трудолюбию, но некоторые считали, что он не мог проводить столько полуночных часов за работой, если только не был злым духом, не нуждающимся во сне. Один писатель говорит, что "никто никогда не помнил его молодым": однако этот серьезный принц женился по любви на прекрасной актрисе Феодоре и осмелился, перед лицом всеобщего негодования, сделать ее своей императрицей. Историк того времени говорит о Феодоре: "Невозможно было бы простому человеку описать ее красоту словами или подражать ей в искусстве"; однако она не была куклой, а принимала вполне определенное участие в управлении государством, вызывая восхищение своим достоинством даже у тех, кто притворялся, что презирает ее.

Главной страстью Юстиниана было строительство, и он тратил большую часть своих доходов на возведение мостов, бань, крепостей и дворцов. Самой известной из всех архитектурных сооружений его времени была Святая София, "церковь Святой Премудрости", которая после перехода Константинополя в руки турок превратилась в мечеть.

Однако Юстиниан запомнился в первую очередь не Святой Софией, а *Corpus Juris Civilis*, буквально "сводом гражданского права", который он опубликовал, чтобы его подданные знали, что такое римское право на самом деле. *Corpus Juris Civilis* состоял из трех частей - "Кодекса", сборника указов различных императоров; затем "Дигест", решений выдающихся юристов; и, наконец, "Институций", объясняющих принципы римского права. Спустя тринадцать веков, - говорит один из современных авторов, - он остается непревзойденной сокровищницей юридических знаний"; и на протяжении всего Средневековья люди обращались к нему за вдохновением. Так, именно на *Corpus Juris Civilis* церковные юристы основывали каноническое право, которое давало Папе императорскую власть над Церковью.

Кодифицируя римское право, Юстиниан работал на благо прогресса всего мира. К сожалению, военные амбиции привели его к истощению казны и чрезмерным поборам с подданных, чтобы установить свое господство над всей Европой, как Феодосий и Константин. Помимо почти непрерывной войны с персидским царем, он отправил армию и флот под командованием способного полководца Белисария для борьбы с вандалами в Северной Африке; эта кампания была настолько успешной, что Юстиниан стал хозяином

всего побережья и даже части южной Испании. Это дало ему власть над Средиземноморьем, и он сразу же решил свергнуть слабых потомков Теодориха и восстановить императорское господство над Италией на деле, а не только по имени, как это было со времен Одоакра.

Задача была не из легких, ведь италийцы, как мы уже заметили, не любили греков, а готы храбро сражались за независимость. В конце концов, в 555 году, после девятнадцати походов, Нарсесу, армянину, возглавлявшему войска Юстиниана, удалось разбить варваров и установить свое правление в Равенне, из которой он, под титулом *экзарха*, управлял всем полуостровом.

Вторжение лангобардов

Триумф Нарсеса был в значительной степени заслугой германского племени "лангобардов", которых он поставил под императорское знамя. Эти лангобарды, *Longobardi* или "длиннобородые", как первоначально звучало их название, переселились с берегов Эльбы в бассейн Дуная и там, ища военного применения своим силам, были готовы вторгнуться в Италию по приказу Юстиниана, как и отправиться в любую другую кампанию, обещавшую быть прибыльной.

Нарсес, как только убедился в успехе, щедро заплатил им за услуги и отправил обратно к своим людям; но лангобарды уже привыкли к солнечному климату и виноградникам, растущим у дома, и вскоре были недовольны своей мрачной родиной. Поэтому они дождались смерти Нарсеса, которого знали и боялись, а затем под предводительством Альбоина, своего короля, перешли через Альпы и вторглись в Северную Италию. Они пришли не с такой огромной силой, как остготы в прошлом, и императорские войска не смогли им противостоять: более того, силы были настолько сбалансированы, что, хотя лангобардам удалось утвердиться в провинции Ломбардия, которой они дали свое название, со столицей в Павии, представители императора по-прежнему удерживали побережье по обе стороны, а также Равенну, Неаполь, Рим и другие главные города.

Это нашествие лангобардов, последнее из великих вторжений варваров в Италию, было, безусловно, самым важным по своим последствиям. Во-первых, должно было пройти двести лет, прежде чем власть новых поселенцев серьезно пошатнулась, и поэтому даже тот факт, что они были язычниками и безжалостно навязывали итальянцам свои законы, не смог удержать расы от постепенного смешения. Со временем более высокая цивилизация победила, и светловолосые тевтоны научились поклоняться христианскому Богу, забыли свой язык и переняли обычаи и привычки, которые видели вокруг себя. Италийцы, в свою очередь, в ходе борьбы с лангобардами обучились военному искусству, которое они почти забыли. К VIII веку слияние было полным.

Еще одним очень интересным и важным результатом лангобардского вторжения стало то, что затянувшаяся дуэль между варварами и греками не позволила выработать какую-либо общую форму правления. Возможно, со временем и возникнет италийская раса, но не может быть италийской нации, пока в городах и провинциях господствуют правители, чья политика и амбиции полностью противоположны. *Экзарх* Равенны претендовал на то, чтобы от имени императора в Константинополе собирать налоги и управлять всем полуостровом, но на практике он часто управлял только полосой земли вокруг своего города, отрезанной от других греческих владений лангобардскими герцогами. Он мог сообщаться по морю с важными городами на побережье или вблизи него, такими как Неаполь, но так нерегулярно, что их правительства с каждым годом становились все более независимыми от его контроля.

В Риме, например, существовал не только сенат с его традициями управления, но и папа, который даже больше, чем сенат, стал защитником и советником своих сограждан.

Папа Григорий Великий

Мы видели, как Лев Великий убедил Атиллу Гунна отступить, когда его войска угрожали самым воротам Рима, а позже он отправился с аналогичной, хотя и безуспешной миссией к Гензериху Вандалу. Именно такие действия завоевали признание папства среди других правителей; и больше, чем кто-либо из пап до него, Григорий Великий, взошедший на кафедру Петра в 590 году н. э., заложил основы этого авторитета.

Римлянин с положением и богатством, Григорий в среднем возрасте стал бедным монахом, отдавая все свои деньги бедным и дисциплинируя себя постом и покаянием. Сегодня в Англии его больше всего помнят за интерес, который он проявил к светловолосым англам на римском невольничьем рынке. "У них лица ангелов, они должны быть сонаследниками ангелов на небесах". В ответ на это он попросил миссионера отплыть на северный остров, откуда прибыли эти рабы; и когда вместо этого его отправили с посольством в Константинополь, он не забыл Англию и в последующие годы, а после того как стал папой, выбрал святого Августина, чтобы тот обратил языческого короля Кента. Таким образом, южная Англия была христианизирована и приобщена к жизни Западной Европы.

"Великий папа, - говорят, - всегда папа-миссионер". Григорий обладал энтузиазмом истинного миссионера, а его труды, все богословские, несут на себе печать пылкого духа святого Августина Гиппонского, подкрепленного абсолютно твердой и непоколебимой верой. Помимо того, что Григорий способствовал обращению Англии, во время его понтификата арианская церковь в Испании была примирена с католической, а лангобардского короля ему удалось склонить к христианству и дружбе.

Неудивительно, что жители Рима, долгие годы воевавшие с этими захватчиками, смотрели на миротворца не только как на своего духовного отца, но и как на мирского правителя. Разве он не кормил их, когда они голодали, заявляя, что именно так Церковь должна использовать свои богатства? Разве он не собирал солдат для охраны стен и не посылал посланников, чтобы они отстаивали интересы города перед его врагами? Экзархи Равенны не могли оказать подобной практической помощи, сколько бы они ни говорили о славе Константинополя. Так рассуждали римляне, а Григорий, знавший реальную слабость Константинополя, мог по своему усмотрению игнорировать императорских наместников, и его преемники придерживались независимой политики.

Поскольку лангобардское королевство распалось на несколько герцогств, каждое из которых имело свою столицу, Италия в раннем Средневековье превратилась в группу городов-государств, каждое из которых завидовало своим соседям и преследовало только местные интересы. Это провинциальное влияние было настолько сильным, что сохранилось до наших дней. Англичанин или француз заявит о своей стране, прежде чем подумает о том, из какой части света он родом, но для итальянца естественнее сначала сказать "я римлянин", или "неаполитанец", или "флорентинец", в зависимости от обстоятельств. Только помня об этом различии, можно правильно читать историю Италии.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Н.Э.

Императоры Валентиниан и Валенс 364

Битва при Адрианополе 378

Император Феодосий	379-95
Вторжение вандалов в Африку	441
Битва при Шалоне	451
Гунны вторгаются в Италию	452
Папа Лев I "Великий"	440

VI ВОЗВЫШЕНИЕ ФРАНКОВ

Историк Тацит, чье описание германских племен мы уже цитировали, говорил жителям Галлии, что если эти самые германцы не будут сдерживаться римскими войсками на рейнской границе, то они "променяют одиночество своих лесов и болот на богатство и плодородие Галлии". Падение Рима, - добавил он, - станет роковым для провинций, и вы будете погребены под руинами этого могущественного сооружения".

Это пророческое предупреждение оказалось слишком верным, когда вандалы и вестготы, бургунды, гунны и франки форсировали Рейн и неудержимой массой хлынули через виноградники и кукурузные поля, поджигая те города и крепости, которые осмеливались оказать сопротивление. Миграция вандалов была лишь метеоритной вспышкой на пути в Испанию и Северную Африку; на поле битвы при Шалоне гунны были отбиты и перенесли свою кровавую кампанию в Италию; но трем другим племенам удалось основать в Галлии грозные королевства в течение пятого и шестого веков.

Во главе вестготов стоял Атаульф, шурина Алариха, единогласно избранный племенем королем после смерти этого могучего воина.¹ Вместо того чтобы продолжить кампанию в Южной Италии, Атаульф заключил мир с императором Гонорием и женился на его сестре, получив таким образом полукоролевское положение в глазах римских граждан.

"Когда-то я стремился, - откровенно говорил он, - стереть с лица земли имя Рима и воздвигнуть на его руинах владычество готов, но... постепенно я убедился, что законы необходимы для поддержания и регулирования хорошо устроенного государства. С этого момента я предложил себе другой объект славы и честолюбия; и теперь я искренне желаю, чтобы благодарность будущих веков признала заслуги чужеземца, который использовал меч готов не для того, чтобы разрушить, а для того, чтобы восстановить и поддержать процветание Римской империи".

Укрепленный такими чувствами и благословением императора, который был рад освободить Италию от присутствия своего шурина, Атаульф после недолгой борьбы сумел основать вестготское королевство в южной Галлии, простиравшееся от Средиземного моря до Бискайского залива. При его преемниках оно было расширено, пока не охватило всю провинцию Аквитания со столицей в Тулузе, а также оба склона Пиренеев.

Бургунды, еще одно германское племя, тем временем создали среднее королевство на берегах Роны. Годы общения с римлянами во многом способствовали цивилизации их нравов и мыслей, и они были готовы уважать законы и обычаи Галлии до тех пор, пока не встречали серьезного сопротивления своему правлению. Однако тот факт, что и бургунды, и

вестготы были арианами, воздвиг роковой барьер между завоевателями и побежденными и, как ничто другое, определил, что окончательное господство над всей Галлией должно достаться не этим расам, а третьему тевтонскому племени, салийским франкам, которых удача поставила вне влияния ереси.

Франки

Франки были высоким, светловолосым, свободно шагающим народом, который, выйдя из Германии, на некоторое время обосновался в стране, которую мы сейчас называем Бельгией. Как и их предки, они поклонялись Водену и другим языческим богам тевтонов, а в их салическом законе мы видим много напоминающего о германских обычаях, описанных Тацитом за пять веков до этого.

Король больше не избирался народом, поскольку его должность стала наследственной в доме Меровея, одного из героев рода. Престол не могла занять ни женщина, даже из рода Меровингов, ни принц, чьи волосы были обрезаны, поскольку у франков распущенные локоны были признаком королевской власти. Однако, несмотря на новое положение короля, прежний дух равенства не исчез полностью. Собрание вольноотпущенников, по-прежнему проводившееся раз в год, превратилось в военный смотр: но собранные таким образом воины могли требовать, чтобы предстоящая кампания была одобрена ими. После окончания битвы и победы львиная доля добычи не переходила к королю, а делилась по жребию.

Значительная часть салического закона представляла собой тарифы на насильственные действия и штрафы, которые должны были заплатить те, кто их совершил: столько-то за выстрел отравленной стрелой, даже если она не попала в цель; столько-то за ранение другого в голову, или за отрезание носа, или большого пальца ноги, или, что хуже всего, за повреждение второго пальца, так что он больше не мог натягивать тетиву.

Принцип, лежащий в основе этого кодекса, отличался от принципа римского права, которое устанавливало определенный стандарт права, налагая наказание на тех, кто не соответствовал ему. Так, римский гражданин, убивший или покалечивший своего соседа, был наказан, потому что осмелился сделать то, что государство осуждало как преступление. Франк в аналогичном случае был оштрафован судьями своего племени, а деньги выплачены в качестве компенсации человеку или родственникам человека, которого он обидел: идея заключалась не в том, чтобы успокоить гнев государства, а в том, чтобы снять обиду с пострадавшей стороны.

Для этого у каждого франка был свой *вергельд*, буквально "золотая ценность", или сумма денег, в которую, в соответствии с его рангом, оценивалась его жизнь, начиная с вельмож королевского дворца и заканчивая самым низким свободным человеком. Когда франки покинули Бельгию и продвинулись, завоевывая, в северную Галлию, они также установили *вергельды* для своих римских подданных, но оценили их лишь в половину стоимости их собственной расы. *Вергельд* франкского вольноотпущенника составлял двести золотых, римского - всего сто.

К началу шестого века, когда франки прочно обосновались в Галлии, управление их важными племенными делами полностью перешло в руки знати, окружавшей короля. Они носили такие титулы, как *майордомус* или "мэр дворца", сначала только управляющий, но позже главный министр короны; сенешаль или глава королевского дома; маршал или хозяин конюшен; камергер или главный слуга опочивальни.

Хлодвиг, король франков

Самым знаменитым из королей Меровингов, как называли потомков Меровия, был Хлодвиг, который основал столицу франков в Париже. Он и его племя, хотя и были язычниками, находились в дружеских отношениях с римскими жителями северной Галлии, и особенно с некоторыми представителями католического духовенства. Когда Хлодвиг разграбил город Суассон, он попытался спасти церковную утварь и особенно вазу большой красоты, которую, как он знал, высоко ценил святой Реми, епископ Реймский. Пусть она будет среди моей добычи", - сказал он своим солдатам, намереваясь позже отдать ее епископу; но один из них ответил ему дерзко: "Только то твое, что выпало тебе по жребию", - и своим топором разбил вазу на тысячу кусков.

В тот момент Кловис скрыл свою ярость, но не забыл, и через год, когда он проводил смотр своих войск, он заметил того самого человека, который воспротивился его воле. Выйдя вперед, он вырвал у него оружие и бросил его на землю со словами: "Нет оружия хуже, чем твое!". Солдат опустил его, чтобы подобрать, и Кловис, подняв свой боевой топор высоко в воздух, обрушил его на склоненную перед ним голову с комментарием: "Так ты поступил с вазой в Суассоне!".

Хлодвиг женился на христианской принцессе Клотильде, племяннице бургундского короля, и по ее просьбе разрешил крестить их старшего ребенка, но сам долгое время отказывался стать христианином. Однажды, однако, в разгар битвы, в которой его воины были так сильно потеснены, что почти обратились в бегство, он воскликнул: "Иисус Христос, Ты, Которого Клотильда называет Сыном Бога Живого... Я благоговейно молю тебя о помощи и обещаю, если ты дашь мне победу над этими моими врагами... что я поверю в тебя и крещусь во имя твое, ибо я призывал своих собственных богов, и они не смогли мне помочь".

Вскоре после этого ход битвы переломился, франки сплотились, и Хлодвиг одержал полную победу. Помня свое обещание, он отправился в Реймс, и там он и три тысячи его воинов были приняты в католическую церковь. Низко склони голову, - сказал святой Реми, крестивший короля, - отныне поклоняйся тому, что ты сжег, и сжигай то, что ты раньше поклонялся".

Став католиком, Кловис и не подозревал, что изменил все будущее своего рода, ведь ему казалось, что он просто выполнил сделку, которую заключил с христианским Богом. Он не изменил своего пути, а продолжал преследовать свои амбиции, как и прежде, то вероломством, то силой. Он решил сделать себя верховным правителем всех франков, а в случае с другой ветвью, рипуариями, начал с того, что тайно убедил их наследника королевского титула, молодого принца Хлодерика, убить своего отца и захватить королевскую казну.

Хлодерик, воодушевленный идеей стать могущественным, так и сделал и с ликованием написал Хлодвигу: "Мой отец мертв, и его богатство принадлежит мне. Пусть некоторые из твоих людей придут сюда, и то из его сокровищ, что им понравится, я пришлю тебе".

Прибыли послы от салийцев, Хлодерик тайно провел их в сторону и показал им свои деньги, проведя рукой по кусочкам золота, лежавшим на поверхности сундука. Мужчины просили его засунуть руку поглубже, чтобы они могли судить, насколько велико его богатство, и когда он наклонился, один из них нанес ему смертельную рану сзади. Тогда они обратились в бегство. Так в результате предательства погибли и отец, и сын; но Хлодвиг без обиняков отрицал перед рипуарскими франками, что он в чем-то виноват.

Хлодерик убил своего отца, а сам он был убит неизвестно кем. Я не соучастник таких дел, ибо лишать жизни родственников - противозаконно. Тем не менее, раз уж это случилось, я даю вам совет: возьмите себя под мою защиту".

У рипуарских франков не было лидера, и, как все варвары, они поклонялись успеху; поэтому, веря, что Хлодвиг обязательно приведет их к победе, они подняли его на щиты и провозгласили королем.

Каждый день Бог поражал врагов Хлодвиг под его рукой, - говорит епископ Григорий Турский, описывая эти события, - и увеличивал его королевство, потому что он ходил с праведным сердцем перед Господом и делал то, что было угодно Его очам". Поразительно, что епископ выносит такой вердикт карьере предательства и убийств, тем более что Григорий Турский не был трусливым придворным льстецом, а священником с высоким чувством долга, который осмеливался, когда считал это правильным, выступить против некоторых поздних франкских королей даже с риском для жизни. Однако следует помнить, что чувство чести не было понятно варварам, разве что в очень грубой форме. Они считали умным перехитрить своих соседей, а убийство их было настолько обычным делом, что не вызывало практически никаких замечаний, кроме наложения *вергельда*, если преступление удавалось донести до дома. Потребовались столетия цивилизующего влияния христианства, прежде чем мужчины и женщины этих свирепых племен смогли принять христианские принципы истины, справедливости и милосердия в их истинном духе.

Римляне в Галлии уже почти перестали ожидать от своих захватчиков чего-либо, кроме жестокости, если те вызывали их вражду, и поэтому приветствовали даже малейший знак милости. Так, защита, которую Хлодвиг обеспечил католической церкви после многолетних гонений, ослепила их глаза на многие его пороки.

Когда Хлодвиг стал хозяином большей части северной Галлии, он решил нанести удар по вестготам на юге. "Мне больно, - сказал он своим сторонникам, - видеть ариан в части Галлии. Давайте с Божьей помощью выступим против этих еретиков и отвоюем их страну для себя".

Возможно, он был искренен в своей неприязни к ереси, но это была политическая позиция, ведь она означала, что где бы он и его воины ни шли, они найдут помощь против бургундов и вестготов среди ортодоксального римского населения. Последним казалось, что Хлодвиг принес с собой часть славы исчезнувшей Римской империи, сохраненной католической церковью и теперь возрожденной благодаря ей в этом ее последнем чемпионе.

В ожесточенной битве под Пуатье Хлодвиг разбил вестготов и вытеснил их из Аквитании, оставив им лишь узкую полосу территории вдоль побережья Средиземного моря и на обоих склонах Пиренеев. Он также сражался с бургундцами и, хотя и не столь успешно, временно привел их к покорности. Когда он умер в возрасте сорока пяти лет, он был хозяином трех четвертей Галлии и навсегда запечатлел имя своего рода на земле, которую он захватил.

Его завоевательная деятельность была продолжена преемниками и достигла своего зенита во времена короля Дагоберта, жившего в начале седьмого века. Дагоберта называли "французским Соломоном", поскольку, подобно иудейскому царю, он прославился на весь мир своей мудростью и богатством. Не довольствуясь сохранением своей власти над Галлией к западу от Рейна, он воевал с саксонскими и фризскими племенами в Германии и заставлял их платить дань. В конце концов его империя простиралась от Атлантики до гор Богемии; герцог Бретани, до сих пор остававшийся независимым от франков, пришел предложить свою верность, а император Константинополя искал франкского союза.

Летописец того времени, рассказывая о Дагоберте, говорит: "Он был принцем, страшным в своем гневе по отношению к предателям и мятежникам. Он крепко держал в руках королевский скипетр и, как лев, бросался на тех, кто разжигал смуту".

В другом рассказе описываются его поездки по королевству и то, как он отправлял правосудие ровной рукой, не очень-то радуя тиранических землевладельцев. Его приговоры вселяли ужас в сердца епископов и великих людей, но бедняков они переполняли радостью".

В предстоящие смутные годы его правление запомнилось людям как эпоха процветания, но уже до смерти короля это процветание начало сходить на нет. Роскошь истощила силы некогда могущественного ума и тела, и авторитет, который "французский Соломон" ослабил в последние годы жизни благодаря самообольщению, так и не был восстановлен его преемниками.

Презрительный титул "короли-мешочники" достался потомкам от последних правителей из рода Меровингов. Лишь немногие из них были наделены способностями или даже амбициями к управлению, большинство умерли, не достигнув зрелого возраста, выглядя уже как дряхлые старики; а власть, которая должна была принадлежать им, перешла в руки мэров дворца, управлявших их поместьями. В государственных случаях, правда, их еще показывали подданным, когда они тряслись к месту собрания в грубой повозке, запряженной волами; но церемония заканчивалась, и они возвращались в свои королевские виллы и в ничтожество. Королю не оставалось ничего, кроме имени короля, ни ниспадающих локонов, ни длинной бороды. Он сидел на своем троне и играл в управление государством, давал аудиенции посланникам и увольнял их с ответами, которым его научили".

Каролинги

Такая ситуация могла продолжаться лишь до тех пор, пока имя "Meroveus" сохраняло свою силу над франками; но наступил день, когда чары были разрушены, и более сильная раса, Каролинги, узурпировала королевский титул. Главы этой семьи на протяжении многих поколений занимали должность "мэра дворца" в той части Галлии между Мёзом и нижним Рейном, которая тогда называлась Аустразией. В их обязанности входило управление королевскими владениями в этом большом районе, то есть наблюдение за соблюдением законов, надзор за возделыванием земли и сбор доли от различных урожаев в качестве дохода для короля.

Это была более важная работа, чем может показаться современному человеку, ведь в раннем Средневековье большинство людей, в отличие от современных мужчин и женщин, жили в деревне. Со времен упадка Римской империи, когда строительство дорог было заброшено, а имперские зерновые флоты исчезли в Средиземноморье, проблема перевозки товаров и продовольствия из одной части Европы в другую постоянно обострялась. По мере того как торговля и промышленность угасали, города переставали быть центрами населения и становились лишь опорными пунктами, в которых соседний город мог найти убежище при нападении врагов. Люди предпочитали проводить свою обычную жизнь в деревнях посреди полей, где они могли выращивать кукурузу и ячмень или держать своих овец и волов, а в случае неурожая или болезни скота целая провинция могла погибнуть от голода.

Мэр дворца должен был охранять королевские владения, насколько это возможно, от непогоды, волков и беззаконников, ведь процветание короля франков, как и любого другого его подданного, зависело от урожаев и стад, а не от торговли или мануфактур. К концу седьмого века австразийские мэры перестали интересоваться только местными делами и начали распространять свою власть на всю Францию. Номинально они действовали от имени королей Меровингов, но однажды, когда трон стал вакантным, они два года не решались его занять. Франки не протестовали: в поисках хорошего управления или смелых национальных подвигов они обращались теперь к своим мэрам, а не к королям.

Каролингский Карл Мартель, Карл "Молот", был воином, способным вызвать их глубокое восхищение. Он был геркулесовым воином, - говорится в старой хронике, - вечно победоносным князем... который славно побеждал других князей, и королей, и народы, и варварские нации: настолько, что от славян до фризов и даже до испанцев и сарацинов не было ни одного, кто восстал бы против него, кто избежал бы его руки, не повергнув себя в прах перед его империей".

Именно Карл Мартель спас Францию от попадания под иго сарацинов, расы арабских воинов, которые, переправившись из Африки через Гибралтарский пролив, покорили за одну короткую кампанию три четверти Испании. Описывая первую великую победу над готским королем Родриго при Гвадалете, губернатор Африки писал своему господину халифу: "О командующий верными, это не обычные завоевания; они подобны встрече народов в Судный день".

Окрыленные обретенной славой, сарадины, последователи пророка Магомета, считали, что им достаточно продвинуться вперед, чтобы христианские армии разбежались, и перевалили через Пиренеи большими отрядами, захватывая сначала одну крепость на побережье Средиземного моря, а затем другую. До этого вторжения Карл Мартель был в ссоре с герцогом Аквитанским, но теперь они поспешно подружились и на поле Пуатье объединили свои силы, чтобы остановить сарацинский поток. Битва была настолько ужасной, что более трехсот тысяч сарацинов пали перед франкскими воинами, "несгибаемыми, как глыба льда". Это число почти наверняка преувеличено, как и утверждение, что победители, заставив остатки магометанской армии поспешно отступить в сторону Пиренеев, спасли Европу для христианства. Даже если бы решение битвы было обратным, мавры сочли бы задачу удержания Испании в последующие годы вполне достаточной, чтобы поглотить все свои силы. Действительно, их нападения на Галлию с самого начала носили характер скорее гигантских набегов, чем вторжения с целью заселения, хотя в то время их свирепость заставляла думать, что они имеют мировое значение.

Поэтому вполне естественно, что мэр дворца, которому в основном и принадлежит победа, стал героем христианства. Папа, который в то время пытался защитить Рим от короля лангобардов, послал просить его о помощи; но Карл знал, что его силы ослаблены борьбой с сарацинами, и не решился предпринять столь масштабную кампанию.

Пипин, король франков

Несколько лет спустя его сын, Пипин Короткий (751-68 гг.), ставший его преемником, ответил на это предложение иначе. Пипин, как показывает его прозвище, был невысокого роста, но мощно сложен и настолько силен, что однажды одним ударом топора отрубил голову льву. Энергичный и проникательный, он видел способ обратить потребность папы в поддержке против лангобардов в свою пользу. Поэтому он отправил франкских послов в Рим, чтобы узнать, не позорно ли для страны управлять королями, не имеющими власти. Папа, желая угодить Пипину, сдержанно ответил: "Тот, кто обладает властью, несомненно, должен обладать и титулом".

Это было именно то, чего ожидал и желал мэр дворца, а остальную часть истории можно рассказать словами старых франкских анналов за 751 год: "В этом году Пипин был назван королем франков с санкции папы, и в городе Суассон он был помазан святым елеем... и возведен на трон по обычаю франков. Но Чилдерика, носившего имя короля, обрили и отправили в монастырь".

Последний из Меровингов канул в небытие в монастыре, а Пипин Каролингский стал правителем Франции. С благословения папы он добился своего, и удача вскоре позволила ему выплатить долг, в основном, как оказалось, за чужой счет.

В прошлой главе мы описали последствия вторжения лангобардов в Италию и то, как эта тевтонская раса пустила свои корни глубоко в сердце полуострова, оставив вдоль побережья греческую окраину, которая все еще считала себя частью Восточной империи. Теоретически Рим принадлежал к этой окраине, но в действительности папы ненавидели императорскую власть почти так же сильно, как агрессию лангобардских королей и герцогов, и изо всех сил старались освободиться от ее ига.

Когда Пипин, удовлетворив собственное честолюбие, обратил внимание на дела папы, лангобардам как раз удалось захватить Равеннский экзархат, резиденцию имперского правительства в Италии. Собрав армию, король франков перешел через Альпы, не встретив никакого сопротивления, двинулся на Павию, столицу лангобардов, и навел такой ужас на своих врагов, что они почти без боя согласились на условия, которые он им продиктовал.

По закону он должен был сразу же приказать восстановить экзархат в составе империи, но у Пипина не было особых причин угождать Константинополю, в то время как он был очень склонен угождать Риму. Поэтому он велел лангобардам отдать экзархат Стефану II, который в то время был папой, и они честно пообещали это сделать; но, когда он повернул на родину, они начали угнетать страну вокруг Рима, не допуская в город продовольствие и грабя церкви.

Временная власть папства

Услышав эти новости, Пипин был очень разгневан. Он вновь обрушился на Италию, и на этот раз лангобарды были вынуждены сдержать свое слово, а папство получило первое из своих временных владений, подтвержденное официальным договором, в котором были указаны точные размеры территории и права папы на нее. Это было важное событие в средневековой истории, поскольку означало, что отныне папа, претендовавший на роль духовного главы христианства, будет также итальянским князем с признанными землями и доходами, а значит, и с частными амбициями в их отношении. Инстинкт подсказывал ему недоверие к любому другому правителю полуострова, который мог стать достаточно могущественным, чтобы лишить его этих земель; в то же время в случае затруднений он всегда сталкивался с искушением использовать свою духовную власть для достижения чисто мирских целей. От того, как папы решали эту проблему своей временной и духовной власти, во многом зависела дальнейшая история Европы.

Пипин, несмотря на свою проницательность, даже не подозревал, какие беды он посеял своим пожертвованием. Довольный щедростью, которую он так легко обнаружил, титулом "патриция", дарованным ему папой, и, возможно, еще больше добычей, которую он и его франки собрали в Ломбардии, он покинул Италию и вскоре был занят в других походах, ближе к дому, против сарацинов и мятежных германских племен. В них он пробыл до самой своей смерти в 768 году.

VII МАХОМЕТ

Христианство, впервые проповеданное скромными рыбаками в Палестине, стало основой жизни средневековой Европы. Примерно через триста лет после того, как Константин Великий сделал это возможным, другая религия, "ислам", которой суждено было стать соперницей христианства, также зародилась на Востоке, в Аравии, узкой полоске территории, лежащей между Красным морем и милями необитаемой пустыни.

На морском побережье Аравии было несколько гаваней, внутри страны - несколько плодородных оазисов, где возникали города из низких, белых каменных домов и глинобитных лачуг; но в силу самой природы почвы и климата арабов не тянуло производить товары или выращивать кукурузу. Вместо этого они предпочитали вести скитальческую жизнь, ухаживая за стадами лошадей или овец, которые бродили по полуострову в поисках воды и пастбищ, или, если были более отважными, охраняя караваны верблюдов, которые везли шелка и пряности из Индии в морские порты Средиземноморья. У этих караванов были свои регулярные маршруты, а у каждого купца - отряд вооруженных людей, чтобы защищать свои товары и отгонять разбойников по пути. Только в "священные месяцы", во время весеннего посева семян и осеннего сбора урожая, на караваны с товарами можно было не нападать, ибо тогда, и только тогда, каждый араб, согласно традициям своих предков, верил, что мир - это долг, и что проклятие падет на того, кто посмеет его нарушить.

Араб, как и все восточные люди, был суеверен. Он поклонялся Аллаху, верховному богу, но принимал и множество других богов, небесных тел, духов и дьяволов, камней и идолов. Одной из самых известных арабских святынь был храм в Мекке под названием Ка'ба, где в стену был вмонтирован черный камень, к которому паломники приходили с больших расстояний, чтобы поцеловать его и поклониться. Среди городских юношей, которые видели эту церемонию и сами принимали участие в религиозных процессиях, был мальчик-сирота Магомет (576-632), воспитывавшийся в доме своего дяди Абу Талиба.

Юный Магомет

Магомет был красив и силен: он пас овец на краю пустыни, участвовал в племенных боях, а с двенадцати лет странствовал с караванами вплоть до морского побережья. От своих товарищей он отличался не образованностью и не особым воинским мастерством, а быстротой реакции, цепкой памятью и даром подчинять других своей воле. Не умея читать, он мог получать знания только из уст в уста, и где бы он ни был, среди колоний евреев, которые были главными производителями в городах, или лежа ночью у костров караванов, он держал ухо востро и хранил в памяти все рассказы, которые слышал. Так он узнал об иудейской религии и искаженном варианте христианства. Вскоре он знал истории Иосифа и Авраама и некоторые изречения Христа, и чем больше он размышлял над ними, тем больше ненавидел идолопоклонство окружавших его арабов.

В двадцать пять лет Магомет женился на богатой вдове Хадидже, чей караван он успешно провел через пустыню, и таким образом стал человеком с независимым достатком, имея собственных верблюдов и лошадей. Хадиджа была на несколько лет старше Магомета, но она была ему очень хорошей женой и принесла ему не только состояние, но и доверие и веру в его миссию, в которых он очень нуждался в последующие годы. Ей он признался в своей ненависти к идолопоклонству, а также Абу Бакру, богатому сыну торговца тканями из Мекки, который попал под его влияние. Магомет заявил, что Бог, а позже ангел Гавриил, являлись ему в видениях и передавали послания, осуждающие суеверия арабов.

Есть только один Бог, Аллах... и Магомет - Его пророк".

Это было главное послание, которое поначалу было воспринято с презрением, но которому суждено было триумфально пронестись в грядущие века до Пиренеев и ворот Вены.

Видения, или трансы, во время которых Магомет получал свои послания, впоследствии собранные в священной книге Коран, многие считают эпилептическими припадками. Его лицо становилось синюшным, и он накрывался одеялом, выходя, наконец, обессиленным, чтобы передать какое-то повеление или увещание. Позже выяснилось, что он мог вызывать это состояние бесчувствия по желанию и без особых усилий, когда ему задавали вопросы, в ответах на которые он нуждался в божественном руководстве. Большая часть учения в Коране, как и в иудаизме или христианстве, основывалась на гораздо более высоких идеалах, чем фетишистское поклонение арабов: в нем подчеркивались такие вещи, как обязанность подавать милостыню, дисциплина, возникающая в результате поста, необходимость личной чистоты, а употребление вина запрещалось, и пьянство объявлялось преступлением.

Что касается положения женщин, то Коран не мог продемонстрировать ничего из того рыцарства, которое должно было развиться в христианстве благодаря уважению, которое христиане испытывали к матери Христа и ко многим женщинам-мученицам и святым, пострадавшим во время первых гонений. Коран разрешал мусульманам иметь четырех жен (Магомет разрешил себе десять), и они могли разводиться по желанию мужа без какого-либо соответствующего права с его стороны. С другой стороны, женщинам теперь было предоставлено право владеть собственностью, а убийство детей женского пола, которое было распространено на полуострове, было сурово отменено.

С годами в Коран добавлялось все больше сур, или глав, но поначалу послания Пророка были немногочисленны и обращались только к бедным и смиренным. Когда мекканцы, которым Абу Бакр сказал, что Магомет - пророк, потребовали от него чуда в качестве доказательства, он заявил, что не может быть большего чуда, чем слова, которые он произносит; но преуспевающим купцам это показалось просто безумной чепухой. Когда же он пошел дальше и, действуя на основании откровения Аллаха, уничтожил некоторых местных идолов, презрение сменилось гневом, ибо жители утверждали, что если Ка'ба перестанет быть святыней, то их торговля с паломниками, которые обычно приезжали в Мекку, прекратится.

Более восьми лет, пока Пророк продолжал свою непопулярную миссию, его более бедных последователей побивали камнями и избивали, а его самого сторонились. Возможно, кажется странным, что в такой варварской общине его не убили; но хотя в Аравии не было правительства в современном понимании, существовала система племенного права, которая позволяла предотвратить беспорядочные убийства. Каждый значимый человек принадлежал к племени, которое он обязан был поддерживать своим мечом, и которое, в свою очередь, отвечало за его жизнь. Если его убивали, племя должно было отомстить или потребовать с убийцы "деньги за кровь". Главой племени Магомета был Абу Талиб, его дядя, и, хотя старик отказался признать племянника пророком, он не позволил его преследовать.

Несмотря на преследования, число верующих в учение Магомета росло, а когда некоторые из изгнанных из города укрылись у христианского царя Абиссинии и стали относиться к нему с большей добротой, чем к арабам-язычникам, мекканцы дома настолько встревожились, что начали проводить новую агрессивную политику. Отныне и Магомет, и его последователи, ненавистные "мусульмане", или "язычники", как их прозвали на сирийском языке, должны были стать вне закона, и никто не должен был торговать с ними или давать им пищу.

В таком недисциплинированном сообществе, как аравийский город, такой приказ не был бы строго соблюден, и в течение трех лет Магомету удавалось нарушать запрет, но с каждым днем его положение становилось все более шатким, а страдания его последователей от голода и нищеты - все больше. За это время умерли и Хадиджа, и Абу Талиб, и Пророка, почти подавленного своими несчастьями, удерживали от сомнений в его миссии только вера и преданность тех, кто не покинул его.

Устав от попыток обратить Мекку, он разослал гонцов по Аравии, чтобы узнать, есть ли там племя, которое примет пророка, и наконец получил приглашение отправиться в Ятриб. Это был более крупный город, чем Мекка, расположенный дальше к северу, и населенный в основном еврейскими племенами, которые ненавидели аравийских идолопоклонников и приветствовали идею учителя, чьи взгляды во многом основывались на еврейских традициях.

Хиджра

Поэтому в 622 году Магомет и его последователи тайно бежали из Мекки в Ятриб, позже названный Мединой или "городом Пророка"; эта дата "хиджры" или "бегства", когда новая религия окончательно порвала со старыми арабскими традициями, была принята за первый год мусульманского календаря, подобно тому как христиане отсчитывают свое время от рождения Христа. Здесь, в Медине, была построена первая мечеть, или храм новой веры, которую верующие окрестили исламом, что означает "сдача", ибо в сдаче Аллаху и воле его Пророка лежал путь спасения в райский сад мусульман.

Для арабского ума материальная роскошь и удовольствия, которыми Магомет пленял воображение верующих, были столь прекрасны, что в последующие годы его солдаты безрассудно бросались на копья врагов, чтобы быстрее попасть в рай. Альтернативой для неверующего был ад, вечные костры Ветхого Завета, которые так пугали умы средневековых христиан; и между раем и адом не было среднего пути.

Иудеи в Медине, как и Магомет, поклонялись единому Богу, но вскоре они показали, что не готовы принять этого странствующего араба как последнее откровение Иеговы для человека. Они требовали чудес, насмехались над Кораном, который, по их мнению, был пародией на их собственное Писание, и, пользуясь бедностью беженцев, заключали с ними жесткие сделки. В конце концов стало очевидно, что мусульмане должны найти средства к существованию, иначе Медина, как и Мекка, должна быть покинута ради более дружественной земли.

Под давлением обстоятельств Магомет разработал политику, которой суждено было уничтожить племенную систему правления в Аравии. Уже упоминалось о караванах верблюдов, которые регулярно путешествовали с юга на север полуострова с товарами. Многие из этих караванов принадлежали богатым мекканцам, чей основной торговый путь проходил совсем рядом с городом Медина, и их защищали и охраняли члены племени Абу Талиба и других семей, чьи родственники состояли на службе у Пророка.

Поначалу, когда Магомет повелел напасть на эти караваны и разграбить их, его последователи пришли в ужас, поскольку святость племен от нападения сородичей была традицией, унаследованной ими от многих поколений. Пророк сразу же доказал им посланием Аллаха, что образовались новые отношения, более прочные, чем кровные узы, а именно узы веры, и что для верующего неверующий, будь то отец или сын, проклят. Точно так же, когда первые мародерские экспедиции не увенчались успехом из-за того, что караваны,

на которые нападали, слишком хорошо охранялись, Магомет объяснил это "священными месяцами" и в будущем выбрал именно это время для своих воинов, чтобы обрушиться на ничего не подозревающих купцов.

Битва при Бадре

Мекканцы, возмущенные тем, что они, естественно, сочли вероломством, вскоре отправили несколько тысяч человек, решив покончить с Пророком и его последователями; и в Бадре, недалеко от побережья на торговом пути между двумя городами, эти большие силы столкнулись с тремя сотнями мусульман под командованием Магомета. Трудно составить четкое представление о битве, поскольку романтика и легенды сделали реальные детали неясными; но либо благодаря превосходству в полководческом искусстве, доблести и дисциплине мусульман по сравнению с поведением их войск, либо, как утверждалось позднее, благодаря ангелам, посланным Аллахом с небес, значительно более многочисленные мекканские силы были полностью разбиты.

Мусульмане называют битву при Бадре "Днем избавления", поскольку, хотя вскоре после этого мекканцы в свою очередь потерпели поражение, им больше не суждено было стать просто дискредитированными беженцами. Успех окупается, и благодаря победе при Бадре, как осязаемому чуду, которое должно было удовлетворить потенциальных новообращенных, Магомет вскоре обзавелся большой армией воинов, которых его личность заставила подчиниться его воле.

Иудеи, насмехавшиеся над ним, вскоре раскаялись, так как Магомет, помня их насмешки и мелкие преследования, которым они подвергали его последователей, стал относиться к ним определенно враждебно. Воспользовавшись нежеланием иудеев участвовать в обороне Медины и возведении земляных укреплений для ее защиты, когда мекканцы осадили ее в пятом году по новому календарю, Магомет, как только осада была снята, отомстил. Те иудеи города, которые все еще отказывались признать его пророком, были вырезаны, а их жены и дети проданы в рабство. Учение и ритуалы Корана, некогда тщательно основанные на израильских Писаниях, также начали отбрасывать это влияние, и если раньше Магомет приказывал своим последователям смотреть на Иерусалим во время молитвы, то теперь он велел им преклонять колени лицом к Мекке.

В этом приказе можно увидеть его новую политику примирения по отношению к родному городу; ведь Магомет понимал, что в Мекке лежит ключ к полуострову, и был полон решимости установить там свою власть, если не силой, то дипломатией. После нескольких лет переговоров он убедил тех, кто отправил его в изгнание, не столько в истинности своего учения, сколько в уверенности, что его присутствие приведет к посещению святыни Каабы больше паломников, чем когда-либо прежде.

В 630 году н. э. он с триумфом вошел в Мекку, и в сердце Аравии утвердилось поклонение исламу. В качестве уступки мекканцам божественное откровение объявило, что священный черный камень, встроенный в стену храма, был освящен Авраамом и поэтому достоин почитания.

Вместо общего плана мести только два врага Магомета были преданы смерти, и стоит помнить, что, если судить по стандартам его эпохи и расы, пророк не был любителем жестокости. В своем учении он осуждал применение пыток, и на протяжении всей своей жизни он почти всегда был готов скорее лечить своих врагов, чем убивать их. Тем из его врагов, кто отказывался признать его пророком, но при этом был готов признать его правителем, обычно позволялось жить в мире при условии выплаты ежегодного выкупа,

который делился между верующими; но в тех случаях, когда он встречал упорный отказ или постоянное предательство, как, например, со стороны евреев Медины, Магомет предавал мечу целые племена.

В 632 году Пророк ислама умер, оставив после себя группу аравийских племен, связанных между собой верой, которой он их научил, гораздо надежнее, чем они могли бы быть связаны преемственностью любого королевского дома. Хотя Магомет мертв, но Бог Магомета не мертв".

Когда Магомет еще находился в изгнании в Медине, очевидно, что он уже обдумывал идею завоевания мира для ислама. Пусть будет в вас народ, призывающий к добру", - говорится в Коране, и в знак этой миссии пророк в годы, последовавшие за его аравийскими победами, отправлял письма иностранным правителям, чтобы объявить о своих амбициях. Вот одно из них, адресованное вождю коптов, христианской расы, живущей в Египте:

"Во имя Аллаха... Милостивого".

От Апостола Аллаха к ..., вождю коптов. Мир тому, кто следует руководству". Далее я обращаюсь к тебе с призывом к исламу: стань мусульманином и ты будешь в безопасности. Бог воздаст тебе вдвойне. Если же вы откажетесь, то на вас ляжет вина коптов. О люди Книги, заключите между нами и вами равное соглашение, чтобы мы не служили никому, кроме Бога, ничего не связывая с Ним, и не принимали друг друга за господ, кроме Бога, - а если вы откажетесь, то свидетельствуйте, что мы мусульмане".

Персидское царство

Подобные письма были отправлены Хосрою, царю Персии, и Ираклию, христианскому императору в Константинополе. Первый презрительно разорвал письмо, поскольку в то время его царство охватывало большую часть Азии; Иерусалим, некогда гордость Восточной империи, попал в его руки, а его войска осаждали сам Константинополь. Письмо, которое он сам написал христианскому императору, показывает его непомерную гордыню и глубину, на которую опустилась Византия в глазах общественности:

"Хосройс, величайший из богов и повелитель всей земли, Ираклию, своему гнусному и бесчувственному рабу. Почему ты до сих пор отказываешься подчиниться нашему правлению и называешь себя царем? Разве не я уничтожил греков? Ты говоришь, что уповаешь на своего Бога. Почему же он не избавил от моей руки Кесарию, Иерусалим, Александрию? И разве я не разрушу также Константинополь? Но я прощу ваши недостатки, если вы покоритесь мне, придете сюда с женой и детьми, и я дам вам земли, виноградники и оливковые рощи и буду смотреть на вас с благосклонностью. Не обманывайте себя напрасными надеждами на этого Христа, который даже не смог спастись от иудеев, которые убили Его, пригвоздив к кресту. Даже если ты укроешься в глубине моря, я протяну руку и возьму тебя, и ты увидишь меня, хочешь ты того или нет".

Христианству повезло с Ираклием. Вместо того чтобы отчаиваться или сдаваться, он призвал Церковь на помощь всех христиан, и с помощью золотых и серебряных пластин, подаренных ему епископами и духовенством в качестве военного займа, и под командованием многочисленной армии добровольцев отбил персов от самых ворот своей столицы. Не довольствуясь оборонительной политикой, он вторгся в Азию и в битве при Ниневии полностью уничтожил войска Хосроя. Павший царь, свергнутый своими подданными, был вынужден укрыться в горах, а позже был брошен в темницу, где умер от холода и голода.

Если бы правление Ираклия закончилось на этом, оно запомнилось бы как славная эпоха в истории Константинополя; но, к несчастью для его славы, другой враг должен был совершить более прочные вторжения в его империю, уже ослабленную персидской оккупацией.

Когда император (610-41 гг.), подобно Хосрою, получил письмо Магомета, он, как говорят, прочитал его с вежливым интересом. Ему показалось, что этот фанатичный араб, который ненавидел евреев так же сильно, как и христиан, может обратить свой успешный меч не только против них, но и против персов. В этом предположении Ираклий оказался прав, так как под предводительством Абу Бакра, ставшего халифом, или "преемником", Магомета, поскольку пророк не оставил сына, мусульмане вторглись в Персию.

К несчастью для Ираклия, они также были настроены на агрессивную кампанию против христианской империи. "Есть только один Бог - Аллах! С этим тестом, с помощью которого они могли отличить друга от врага, арабские войска ворвались в ворота Сирии и у Ермука столкнулись с императорской армией, посланной Ираклием, чтобы противостоять им. Греки сражались так упорно, что поначалу казалось, что их дисциплинированная доблесть должна победить. 'Разве не рай перед вами?... Разве ад и сатана не позади?' - взывал арабский вождь к своим фанатичным ордам, и в ответ на его слова они сплотились, прорвали ряды противника внезапной свирепостью своих атак и, наконец, обратили императорские войска в бегство.

Победы магометан

После битвы при Ермуке пала Сирия и была захвачена Палестина. В 637 году Иерусалим стал мусульманским городом, а на месте знаменитого храма Соломона возвышалась мечеть. Магомет объявил Иерусалим святыней, уступающей по славе Мекке, а его последователи с необычной для той эпохи терпимостью оставили под христианской опекой Гробницу Гроба Господня и другие святыни.

После Сирии - Палестина, после Палестины - Египет и северное побережье Африки. Умиравший Ираклий не слышал ничего, кроме горьких вестей о катастрофе, а после его смерти раздоры его потомков усилили слабость христианского сопротивления. Дух единства мог бы донести мусульманские знамена до пределов Восточной империи, но в 656 году халиф Осман был убит, и последовавшая за этим гражданская война позволила христианскому императору Констансу II заключить мир. Он потерял Триполи, Сирию, Египет и большую часть Армении, а также сумел создать военно-морскую базу в Средиземном море, которая угрожала островам самой Греции. На севере его границы захватили племена болгар и славян, а в Италии лангобарды вели вечную борьбу с его наместником, экзархом Равенны.

Сам Констанс провел в Италии шесть лет, большую часть которых участвовал в походах против лангобардов. Он даже посетил Рим, но заслужил там ненависть, как и в других местах, своим безжалостным разграблением Запада в пользу Востока. Так, Пантеон лишился своих золотых изразцов, чтобы обогатить Константинополь, а церкви Южной Италии лишились своих плит, чтобы оплатить его войны. Наконец против него был составлен заговор, и во время купания в Сиракузах один из его слуг ударил его по голове мраморной мыльницей и проломил ему череп. Констанс был храбрым и решительным императором, обладавшим значительными военными способностями. Его сын, Константин Погонат, или "бородатый", унаследовал его дарования и отбросил магометан от Константинополя с такими большими потерями в людях и престиже, что халиф пообещал ежегодно выплачивать большую сумму денег в качестве дани в обмен на мир.

Константин "Погонат" умер сравнительно молодым человеком, и его преемником стал сын, Юстиниан II, семнадцатилетний юноша, высокомерный, жестокий и беспокойный. Без всякой причины, кроме честолюбия, он поссорился с мусульманским халифом, отправился с большой армией через его восточную границу и, встретив поражение, в гневе казнил своих генералов и солдат, заявив, что они его подвели. Дома, в Константинополе, его министры пытали жителей, чтобы вытребовать деньги для своей казны, и заполнили императорские темницы сенаторами и высокопоставленными лицами, заподозренными в нелояльности.

Такое положение дел не могло продолжаться долго, и император, который обращался с друзьями так же плохо, как и с врагами, был схвачен одним из своих собственных генералов и, после того как ему жестоко перерезали нос, был сослан в Крым. Калечение должно было стать последним препятствием на пути к праву носить императорскую корону; но Юстиниан II был из тех людей, которых можно игнорировать только в мертвом состоянии. После нескольких лет размышлений о своих обидах он бежал из Крыма и укрылся у болгарского царя.

Во время его морского путешествия разразилась страшная буря, которая грозила захлестнуть и его самого, и его команду. Мой господин, - воскликнул один из его сопровождающих, - молю тебя, дай обет Богу, что если Он пощадит тебя, то и ты пощадишь своих врагов". Пусть Бог потопит это судно здесь и сейчас, - ответил его господин, - если я пощажу хоть одного из них, попавшего в мои руки". Эти слова стали дурным предзнаменованием для его правления, которое вновь началось в 705 году, когда с помощью болгарских войск и предательства внутри столицы Юстиниан II вновь утвердился в Константинополе.

В течение шести лет империя вновь страдала от его тирании, а те, кто ранее помог свергнуть его, были выслежены, подвергнуты пыткам и преданы смерти. Подобно Нерону, он заживо сжигал своих политических врагов или приказывал зашить в мешки и бросить в море оскорбивших его придворных вельмож. Наконец очередное восстание положило конец его правлению и правлению дома Ираклия, поскольку и он, и его юный сын были убиты, а Восточная империя погрузилась в анархию.

Лев Исаврянин

Больше всего для спасения Константинополя от следующего магометанского нашествия сделал один из военных правителей империи по имени Лев Исаврянин. Осознав свои способности, он воспользовался первыми успехами, чтобы захватить императорскую корону; а затем, узнав, что магометанский флот пришвартовался у берегов Малой Азии, тайно отправил эскадру своих кораблей, которые подожгли вражеские суда. В возникшей панике более половины арабских кораблей были потоплены. Примерно в то же время магометанские сухопутные войска были разбиты царем болгар, который вступил в союз с императором из-за взаимного страха перед восточным вторжением. В результате этих совместных побед христиан халиф Мослема, чьи основные силы были сосредоточены под стенами Константинополя, встревожился, опасаясь лишиться поддержки и провианта. Поэтому он снял осаду, посадил свою армию на то, что осталось от его флота, и отступил в свое королевство, оставив христианскую столицу свободной от острой опасности с Востока еще на триста лет.

В других местах магометане продолжали свое триумфальное продвижение без особых препятствий. После падения Карфагена в 697 году Северная Африка лежала перед ними почти без защиты, и полудикие племена, такие как берберы, жившие на границах пустыни, приняли новую веру с ее миссией обращения мечом и перспективами грабежа.

Именно берберы по приглашению вероломного испанского губернатора графа Юлиана, согласно преданию, пересекли Гибралтарский пролив и спустились на равнины Андалусии.

Испания, когда рухнула власть Римской империи, подверглась нашествию сначала вандалов, а затем вестготов. Вандалы, как мы уже [видели2](#), ушли в Африку, а вестготы, как и лангобарды в Италии, приняли христианство и, попав под влияние цивилизации и роскоши, которые они видели вокруг себя, постепенно адаптировали свое правительство, законы и образ жизни к системе и идеалам тех, кого они завоевали. Так, их знаменитый *Lex Visigothorum*, или "Закон вестготов", на самом деле был римским кодексом, переделанным под германских поселенцев.

На новой земле потомки некогда воинственных тевтонов приобрели безразличие к военному искусству, и когда их король Родриго был убит в катастрофической битве при Гуаделете, а его армия повержена, они почти не оказывали сопротивления сарацинским полчищам, кроме как в далеких северных горах Астурии. Из Франции, как мы [видели3](#), магометане были отбиты Карлом Мартелом, и здесь, закрепившись в Испании и на границах Восточной империи, мы должны на время оставить их судьбу. Если жизнь Магомета коротка и может быть быстро рассказана, то история того, как его последователи пытались установить свое господство над христианством, есть не что иное, как история внешней политики Европы в средневековые времена.

VIII КАРЛЕМАГН

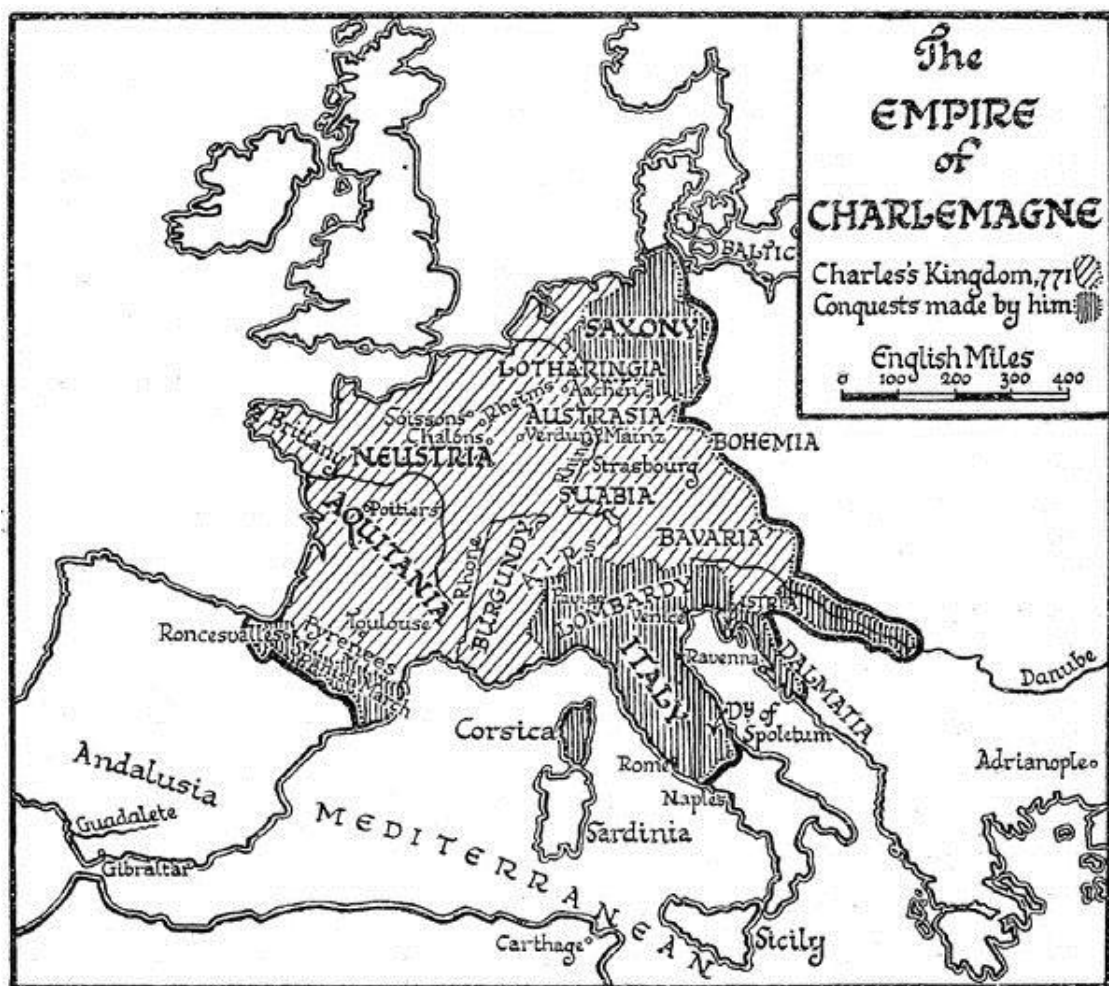
Незадолго до смерти Пипин Короткий разделил свои земли между двумя сыновьями - Карлом, которому было около двадцати шести лет, и Карломаном, юношей на несколько лет моложе. Поскольку они не испытывали друг к другу никакой привязанности, такое разделение не принесло желаемых результатов. Карломан не подавал признаков государственных качеств: он был вспыльчив и ревнив, и окружавшие его вельможи легко убедили его в том, что старший брат - соперник, который намерен лишить его владений, а может быть, и жизни. Похоже, для этих подозрений не было никаких оснований; тем не менее он проводил свои дни, пытаясь помешать любым замыслам Карла; и когда он умер, три года спустя, раздался общий вздох облегчения.

Перечисляя благодеяния, которыми Небеса одарили Карла Великого, один монах, писавший королю примерно в это время, завершил свой список откровенным заявлением: "Пятое и не менее важное, что Бог удалил вашего брата из этого земного королевства".

Карл Великий был именно тем человеком, который пришелся по вкусу раннему Средневековью. Высокий и крепко сложенный, с орлиным носом и глазами, которые в гневе вспыхивали, как у льва, так что никто не смел встретить его взгляд, он превосходил всех своих придворных в силе, энергии и мастерстве. Он мог распрямить пальцами четыре сцепленные вместе подковы, поднять на уровень плеча воина, полностью снаряженного для битвы, и одним ударом повалить лошадь и ее всадника.

Он с удовольствием соблюдал старые национальные обычаи и носил франкское платье с льняной туникой, переkreщенными гамашами и длинной мантией, доходившей до пят. "Что

толку в этих лохмотьях?" - презрительно спросил он однажды своих придворных, указывая на их короткие плащи, - "Они укроют меня в постели или защитят от ветра и дождя, когда я поеду за границу?"

Империя CHARLEMAGNE

Эта критика была характерна для короля. Задумавший множество планов по расширению и улучшению своих земель и так стремившийся к их осуществлению, что приступал к новым, когда старые еще были сильно обременены, он при всем своем энтузиазме был не туманным мечтателем, а здравомыслящим человеком, смотрящим в лицо вопросам и требующим практического ответа.

Шансон де Роланда

По иронии судьбы именно наименее практичная и важная задача, за которую он взялся, сделала его имя всемирно известным, ведь история Карла Великого и его палатинов, рассказанная в величайшем из средневековых эпосов, "Шансоне о Роланде", по популярности превосходит сегодня даже подвиги Артура и рыцарей Круглого стола. История гласит, что Карл Великий, тайно приглашенный недовольными эмирами вторгнуться в Испанию и напасть на кордовского халифа, перешел Пиренеи и, успешно разрушив несколько городов, был вынужден отступить. На обратном пути через горы его арьергард был отрезан гасконскими горцами и вырезан почти до единого человека, а сам он и остальная часть его армии с трудом спаслись.

На этом скудном и довольно бесславном основании поэты одиннадцатого века построили цикл романтических произведений. Карл Великий - центральная фигура, но вокруг него группируются многочисленные "паладины", или знаменитые рыцари, включая неразлучных друзей Оливера и Роланда, начальника Бретонских маршей. После многочисленных подвигов на испанской земле король, как говорили, был вынужден из-за предательства повернуть назад к французским горам и уже миновал вершины, когда Роланд, возглавлявший арьергард, оказался в ловушке на перевале Ронсесвальс, где его настигло большое войско гасконцев. Его рог был приторочен к боку, но он не решился позвать на помощь тех, кто находился в фургоне, и, выхватив свой хороший меч "Дуренда", храбро сражался.

Гасконцы отступили, ошеломленные энергичным сопротивлением французов; но на помощь им пришли тридцать тысяч сарацин, и шансы стали непреодолимыми. Оливер лежал мертвый, и Роланд, покрытый ранами, тоже упал на землю, но прежде всего он переломил "Дуренду" пополам, чтобы никто, кроме него, не мог воспользоваться этим несравненным клинком. Приложив рог к губам, он с предсмертным вздохом издал звук, который был услышан Карлом Великим в его лагере на расстоянии более восьми миль. "Это, конечно, рог Роланда?" - встревоженно воскликнул король, но вероломные придворные объяснили ему, что это не звук, и только когда запыхавшийся гонец прибежал с вестью о поражении, он поспешил к месту битвы. Там, на перевале, распростершись на земле среди наваленных тел врагов, он обнаружил своих паладинов - Роланда с раскинутыми в виде креста руками и сломанным мечом рядом; увидев его, король упал на колени и зарыдал. О, правая рука тела твоего государя, честь франков, меч справедливости! Почему я оставил тебя здесь погибать? Как могу я видеть тебя мертвым и не умереть вместе с тобой? Наконец, сдерживая свое горе, Карл Великий собрал свои силы; и, как нам рассказывают, само солнце замерло, чтобы наблюдать за его страшной местью гасконцам и сарацинам за убийство христиан в Ронсесвальсе.

Шансон о Роланде - один из шедевров французской литературы. Она не является историей, но в ее вымысле кроется существенный зародыш правды. Карл Великий в начале IX века был таким, каким его описывали поэты более двухсот лет спустя, - центральной фигурой христианства, признанным защитником Креста в борьбе с магометанами или язычниками. "Благодаря вашему процветанию", - писал Алкуин, англосаксонский монах и ученый, живший при его дворе, - "Христианство сохранено, католическая вера защищена, закон справедливости известен всем людям".

Вторжение в Ломбардию

Когда папы обратились за помощью против лангобардов, они, естественно, обратились к Карлу Великому, как и к его отцу Пипину. В начале своего правления Карл Великий надеялся сохранить дружеские отношения с королем Ломбардии Дидье и даже женился на его дочери, и этот союз заставил папу того времени потребовать в несколько жестокой форме: "Разве вы не знаете, что все дети лангобардов - прокаженные, что этот род изгнан из семьи народов? Для них нет ни доли, ни жребия в Небесном Царстве. Да будут они биться с дьяволом и его ангелами в вечном огне!"

Карл Великий пошел своим путем, несмотря на папские доносы; но вскоре ему надоела его невеста, которая была простой и слабой здоровьем, и он развелся с ней, чтобы жениться на прекрасной немецкой принцессе. Это, конечно, было прямым оскорблением для короля Дидье, который отныне считал франкского короля своим врагом; и Рим позаботился о том, чтобы пропасть, однажды возникшая между государями, не была преодолена.

В глазах папы лангобарды действительно стали проклятыми. Правда, со времен Григория Великого они были ортодоксальными католиками, их церкви были одними из самых красивых в Италии, их монастыри - самыми известными, а Павия, их столица, - центром для студентов и литераторов. Их грех заключался не в еретических взглядах, а в положении их королевства, которое теперь включало не только современную Ломбардию на севере, но и герцогство Сполетум в Южной Италии. Между ними, как широкая стена, простирались папские владения от Равенны до Западного Средиземноморья; и по обе стороны от них терзались лангобарды, пытаясь присоединить то клочок земли здесь, то город там, а папы наблюдали за ними рысьими глазами, желая избавиться от столь опасных соседей, но не имея возможности сделать это без помощи из-за Альп.

Вскоре после смерти младшего брата Карла Великого уговорили встать на сторону папы и вторгнуться в Италию. В Женеве, где он проводил "майфилд" или ежегодный военный смотр своих войск, он изложил им цель своей кампании, на что они ответили возгласами одобрения.

Это было грозное войско, поскольку франки ожидали, что каждый человек, владеющий землей в их владениях, явится на эти собрания готовым к войне. Богатые были конными, защищенными почтовыми рубахами и железными головными уборами, вооруженными мечом и кинжалом; бедные шли пешком, одни с луком и стрелами, другие с копьем и щитом, а самые скромные - с косами или деревянными дубинками. Арендаторы в королевских поместьях должны были взять с собой всех свободных людей; и хотя можно было получить освобождение, требуемый штраф был настолько велик, что немногие могли его заплатить.

Когда армия отправлялась в путь в боевом порядке, ее сопровождали многочисленные обозы с багажом - громоздкие повозки, крытые кожаными тентами, в которых было достаточно продовольствия на три месяца, а также дополнительная одежда и оружие. Все надеялись, что на обратном пути повозки будут до отказа набиты добычей побежденного врага.

С ростом роскоши и комфортной городской жизни лангобарды перестали быть такими воинами, как франки, и Карл Великий встретил почти такое же слабое сопротивление, как Пипин в прошлых походах. После тщетной попытки удержать западные перевалы Альп Дидье со своей армией бежал в Павию, где укрепился, оставив остальную часть страны на милость захватчиков.

Франкские летописцы в более поздние годы нарисовали реалистичную картину: Дидье, застывший на одной из высоких башен города, с трепетом ожидает прихода "ужасного Карла". Рядом с ним стоял Отгер, франкский герцог, который был последователем погибшего Карломана и поэтому враждебно относился к старшему брату. "Есть ли Карл в этом большом войске?" - постоянно спрашивал король, когда по равнине проехала сначала длинная вереница повозок, затем армия "простолюдинов", а за ними - епископы с аббатами и клерками. Каждый раз его спутник отвечал ему: "Нет! Еще нет!".

Тогда Дидье возненавидел дневной свет. Он заикался, рыдал и говорил: "Давайте спустимся вниз и спрячемся в земле от столь страшного врага". И Отгер тоже испугался; он хорошо знал мощь и гнев несравненного Карла; в свои лучшие времена он часто бывал при дворе. И он сказал: "Когда ты увидишь, что равнина заросла жатвой копий, а на стены твоего города хлынут реки черной стали, тогда ты можешь ожидать прихода Карла". Пока он говорил, на западе поднялась черная туча, и великолепный дневной свет сменился тьмой. Император наступал; над осажденным городом разгоралось зарево от копий, темнее ночи. Появился король Карл, этот железный человек; железный шлем, железные наручи, железный корсет

на груди и плечах. Его левая рука сжимала железное копье... железный дух, железный цвет его боевого коня. Перед ним, за ним и по бокам ехали люди, облаченные в такие же доспехи. Железо заполняло равнину и открытые пространства, железные острия отражали солнечный свет. "Вот человек, которого ты хотел бы видеть", - сказал Отгер королю; и, сказав это, он упал в обморок, как мертвый".

Несмотря на эту картину могущества Каролингов, франкам потребовалось шесть месяцев, чтобы отбить Павию; после чего Дидье, наконец сдавшийся, был отправлен в монастырь, а Карл Великий провозгласил себя королем вновь приобретенных территорий. Во время осады, оставив способных генералов руководить ею, он сам отправился в Рим, где был принят с пиршеством и радостью. Толпы горожан вышли к воротам, чтобы приветствовать его, неся пальмы и оливковые ветви, и приветствовали его как "патриция" и "защитника церкви". Сойдя с коня, он пешком прошел по улицам Рима к собору; и там, в манере обычного паломника, поднялся по ступеням на коленях, пока Папа, ожидавший его на вершине, не поднял и не обнял его. Из хора раздался ликующий возглас: "Благословен грядущий во имя Господне".

Через несколько дней, снова стоя в соборе Святого Петра, Карл Великий приложил свою печать к пожертвованию, которое Пипин передал церкви. Документ был помещен в папский архив, но он давно исчез, а вместе с ним и точные сведения о соответствующих территориях.

Пожертвование Константина

Примерно в это же время папский двор подготовил еще один документ, так называемое "пожертвование Константина", в котором первый из христианских императоров, по-видимому, даровал папам западную половину Римской империи. Спустя столетия было доказано, что это подделка, но долгое время люди принимали ее за подлинную, и власть римских пап значительно возросла. Мы не знаем, насколько Карл верил в папское верховенство в мирских делах, но на протяжении всего своего правления его отношение к Папе в итальянских делах было скорее похожим на отношение хозяина к слуге, чем наоборот. Только когда обсуждались духовные вопросы, он был готов уступить как бы высшему авторитету.

Покорив Павию, Карл Великий оставил Ломбардию под властью одного из своих сыновей и вернулся во Францию; но прошло совсем немного времени, и он снова был призван в Италию, поскольку там возникли новые проблемы. Причиной тому была непопулярность папы Льва III в Риме и окрестностях, где беспокойные вельможи восставали против папского правительства так часто, как только могли. Однажды, когда Лев ехал по городу во главе религиозной процессии, из боковой улицы выскочила группа вооруженных людей, отделила его от сопровождающих, стащила с лошади и безжалостно избила, оставив полумертвым. Говорили даже, что они выкололи ему глаза и отрезали язык, но впоследствии они были восстановлены чудом.

Как бы то ни было, Лев, хоть и потрясенный, сумел добраться до Карла Великого, и перед королем встала проблема - отправиться в Рим, чтобы восстановить порядок. Если бы речь шла только о мести, ему не составило бы труда за собой армию стойких франков; но враги Льва не замедлили выдвинуть против своей жертвы обвинения, которые, по их мнению, оправдывали их нападение. Карл Великий оказался в неловком положении, поскольку он был слишком честным правителем, чтобы отказаться выслушать обе стороны, а его уважение к папскому престолу не могло ослепить его к возможности зла в действиях того, кто его занимал, особенно в случае с таким амбициозным государственным деятелем, как Лев III.

Он чувствовал, что его долг - докопаться до истины; но по какому закону король Франции или даже Италии может предать наместника Христа суду и подвергнуть его перекрестному допросу?

Одним из способов решения этой проблемы было бы обращение в Константинополь как резиденцию империи, окончательное "обращение к кесарю", как это делал святой Павел в классические времена. Но с тех пор как Пипин Короткий передал Равеннский экзархат папе римскому, а не вернул его византийским императорам, отношения с Востоком, никогда не бывшие сердечными, становились все более напряженными. Теперь они были на грани разрыва. Покойный император, будучи еще мальчиком, был брошен в темницу и ослеплен своей матерью, императрицей Ириной, чтобы она могла узурпировать его трон; а Западная империя отшатнулась от мысли принять такую женщину в качестве вершителя своих судеб.

Таким образом, Карл Великий, вынужденный действовать под свою ответственность, изучил представленные ему доказательства и объявил Льва невиновным в преступлениях, в которых его обвиняли. В каком-то смысле это был полный триумф Папы; но Лев был дальновидным государственным деятелем и понимал, что власть, к которой он был возвращен, покоилась на слабом фундаменте. Сам факт того, что он был вынужден обращаться за справедливостью к временному государю, снижал его авторитет в глазах всего мира; и у него не было никаких гарантий, что, как только франки покинут Рим, его враги не нападут на него снова. Не имея признанного защитника, всегда готового исполнить ее волю, папство оставалось на милость тех, кто решил выступить против него или помешать ему.

В драматической сцене, разыгравшейся в соборе Святого Петра на Рождество 800 года н. э., Лев нашел выход из затруднительного положения. Облаченный в роскошные одеяния, он совершал мессу перед высоким алтарем, освещенным тысячей свечей, висевших у арочного входа в алтарь. В полумраке за ним стояли на коленях Карл Великий и его сыновья; в конце службы Лев, подойдя к ним с золотой короной в руках, возложил ее на голову короля. Мгновенно прихожане разразились возгласом, которым в старину прославляли римских императоров при их восшествии на престол. "Карлу Августу, коронованному Богом, великому и миролюбивому императору, долгих лет жизни и побед! "С того времени", - говорит франкская хроника, комментируя эту сцену, - "в Константинополе больше не было Римской империи".

Основание Западной империи

Лев нашел своего защитника и, помазав и короновав его, подчеркнул достоинство своей должности. Он также порадовал граждан Рима, которые радовались, что после более чем трехсотлетнего перерыва у них снова есть император. Один лишь Карл Великий сомневался в том величии, которое на него возложили, и принимал его с неохотой. У него было достаточно проблем дома, чтобы не связываться с Константинополем; но, как оказалось, Восточная империя была слишком занята свержением императрицы Ирины, чтобы активно возражать против ее отказа на Западе, и преемники Ирины согласились признать императорский сан своего соперника в обмен на уступку некоторых желанных земель на Восточной Адриатике.

Другие государи поспешили выразить свое почтение новому императору, а Карл Великий получил несколько посольств в поисках союза от Харуна аль-Расхида, халифа Багдада. Харун аль-Рашид правил могущественной империей, простиравшейся от Персии до Египта, а затем вдоль побережья Северной Африки до Гибралтарского пролива. Однажды он прислал Карлу Великому в подарок удивительные водяные часы, которые, когда пробивало двенадцать часов, открывали столько же окон, через которые выезжали и возвращались вооруженные всадники. Гораздо больший интерес на Западе вызвал несчастный слон, который в течение

девяти лет был славой императорского двора в Ахене. Его смерть, когда его собирались отправить в экспедицию против северных племен Германии, печально отмечена в национальных анналах.

Менее удачливые правители, чем Харун аль-Рашид, искали не столько дружбы западного императора, сколько его защиты, и благодаря его влиянию изгнанные короли Уэссекса и Нортумберленда смогли вернуть свои троны. Самой значительной данью уважения к имени Карла Великого стало прошение патриарха Иерусалимского о том, чтобы он пришел и спас город Христа от неверных. Послание сопровождалось знаменем и ключами от Гроба Господня; но Карл Великий, хотя и был глубоко тронут таким призывом к защите христианства, знал, что этот поход не в его силах, и отстранил его от себя. Разве не было неверных, которых нужно было покорить в пределах его собственной империи, свирепых саксонских племен, которые из года в год насмехались как над суверенитетом франков, так и над их религией?

Саксы жили среди невысоких холмов между Рейном и Эльбой. К концу VIII века, когда другие тевтонские расы, такие как франки и баварцы, поддались цивилизирующему влиянию христианства, они все еще лелеяли свои старые верования в богов природы и приносили жертвы духам, обитающим в рощах и фонтанах. Главным объектом их поклонения был огромный ствол дерева, который они прятали в сердце леса, а их жрецы заявляли, что на нем покоятся все небеса. Этот *Ирминсул*, или "Всепоподдерживающий столп", был той связью между одной группой саксов и другой, которая заставляла их объединяться вокруг своих вождей, когда на их земле появлялась чужая армия; хотя, находясь в мире со всем остальным миром, они сражались между собой из любви к битве.

Святой Бонифаций

Часть саксонской расы поселилась на острове Британия, когда власть Рима ослабла после распада империи; среди потомков этих поселенцев было несколько христианских священников, решивших нести Евангелие языческим племенам Германии, мужчинам и женщинам их собственной расы, но все еще живущим в духовной тьме. Самым известным из этих миссионеров был святой Уинифрит, или святой Бонифаций, согласно латинской версии его имени, которое означает "Тот, кто приносит мир".

Примерно в то время, когда Карл Мартель был герцогом франков, Бонифаций прибыл в Германию и начал путешествовать из одной части страны в другую, объясняя Евангелие Христа и убеждая тех, кого он обращал, строить церкви и монастыри. Когда он отправился в Рим, чтобы отчитаться о своей работе, Папа сделал его епископом и отправил проповедовать в герцогство Бавария. Позже, когда его влияние возросло и он собрал вокруг себя учеников, ему удалось основать не только приходские церкви, но и епископства с центральной архиепископией в Майнце; таким образом, задолго до того, как Германия стала государством, она обладала церковью с организованным управлением, принадлежавшей не одной, а всем ее провинциям.

Только на севере и дальнем востоке Германии все еще господствовало язычество, и святой Бонифаций, отправившись по желанию папы помогать франкам реформировать их Церковь, решил сделать последнее усилие, чтобы завершить миссионерскую работу на земле, которую он избрал своей. Ему было уже шестьдесят пять лет, но, ничуть не обескураженный трудностями и опасностями стоявшей перед ним задачи, он отправился с несколькими учениками во Фрисландию и начал проповедовать жившим там диким языческим племенам. Однако не успел он добиться слушания, как на него напали, и, отказавшись защищаться, он был предан смерти.

Так ушел из жизни "апостол Германии", а вместе с ним и большая часть доброты его послания. Христианство действительно должно было прийти в эти северные племена, но скорее через насилие и меч, чем под влиянием кроткой жизни. Карл Великий искренне любил католическую веру, защитником которой он себя считал; но он считал, что только глупость и упрямство могут ослепить глаза людей к истинам христианства, и был полон решимости, если потребуется, навязать его доктрины мечом.

С другой стороны, саксы, хотя, если их побеждали в бою, они могли на время уступить, пообещать платить франкам дань и строить церкви, в душе оставались язычниками. Когда появлялась возможность и они узнавали, что большая часть франкской армии находится в Италии или на границе с Испанией, они переходили свои границы и изгоняли или убивали миссионеров. Карл Великий знал, что в его империи не может быть мира, пока он не покорит саксов; но задача, которую он поставил перед собой, оказалась сложнее, чем он себе представлял, и прошло тридцать восемь лет, прежде чем он смог заявить, что ему это удалось.

Завоевание саксонских племен

Окончательное покорение саксов, - говорит Эгинхард, ученый, живший при дворе Карла Великого и написавший его жизнь, - было бы достигнуто раньше, если бы не их вероломство. Трудно сказать, как часто они нарушали веру, сдаваясь королю и принимая его условия, а затем снова поднимая дикий мятеж". Эгинхард продолжает, что Карл Великий никогда не позволял восстанию оставаться безнаказанным, а сразу же отправлялся с армией и мстил. В одном из таких походов ему удалось добраться до леса, где хранился священный ствол *Ирминсул*, поджечь его и уничтожить; но саксы, хотя и были на мгновение обескуражены, вскоре сплотились под знаменем знаменитого вождя по имени Витицинд. Мы мало что знаем о нем, кроме его непоколебимого мужества, которое заставило его в течение многих лет отказываться покориться врагу, настолько сильному, что он, очевидно, должен был одержать окончательную победу.

Карл Великий, раздраженный постоянным сопротивлением, использовал все средства для достижения своей цели. Иногда он подкупал отдельных вождей, чтобы они перешли на их сторону; но чаще он прибегал к методам преднамеренной жестокости, чтобы навести ужас на своих врагов. Однажды четыре тысячи пятьсот саксов, поднявших восстание, были перебиты и захвачены франками. Они утверждали, что Витиконд, сбежавший в Данию, побудил их действовать вопреки здравому смыслу. Если Витикинда здесь нет, вы должны понести наказание вместо него", - безжалостно ответил король, и все они были преданы мечу.

В разное время он переселял сотни саксонских семей в сердце Франции, а на месте "этого великого множества", как описывает их хроника, ставил франкские гарнизоны. Он также посылал миссионеров, которые строили церкви на завоеванных территориях и заставляли жителей принимать христианство.

Часто посланным епископам и священникам приходилось бежать перед внезапным набегом язычников-саксов, скрывавшихся в соседних лесах и болотах; и, не обладая мужеством святого Бонифация, некоторые из них не решались вернуться, когда опасность была подавлена. Что мне делать?" - взывал один из самых робких, обращаясь к Карлу Великому. "Во имя Христа возвращайся в свою епархию", - был суровый ответ.

Хотя король ожидал от церковных служителей такого же послушания и преданности, как и от капитанов в своей армии, он позаботился о том, чтобы они не испытывали недостатка в его поддержке в деле, которое он поручил им выполнять.

Если кто из саксов, будучи еще некрещеным, будет скрывать себя и отказываться прийти к крещению, пусть умрет смертью".

Если кто пренебрежет постным постом из-за презрения к христианству, пусть умрет смертью".

"Пусть все люди, будь то дворяне, свободные или крепостные, отдадут Церкви и священникам десятую часть своего имущества и труда".

Эти "капитулярии", или законы, показывают, что Карл Великий в душе все еще оставался наполовину варваром и сопоставлял языческую дикость с суровостью, более безжалостной, потому что более расчетливой. В конце концов сам Витикинд, несмотря на свое мужество, был вынужден сдаться и принять крещение, и постепенно вся Саксония попала под франкское иго.

Баварское герцогство, которое уже много лет было христианским, не оказало столь упорного сопротивления, и после того, как он привел к покорности и его, и Саксонию, Карл Великий стал правителем не только по имени, но и на самом деле империи, включавшей Францию, современные Голландию и Бельгию, Германию и большую часть Италии. Некоторые из завоеваний, сделанных им, должны были пасть, но Германия, которая больше всех пострадала от его рук, в итоге стала величайшим достижением его внешних войн.

Он прогнал черную обманчивую ночь

И научил наш род познать единственный свет,

писал саксонский монах IX века, показывая, что уже тогда исчезла часть горечи. Через несколько поколений, - говорит современный писатель, - саксы стали отличаться верностью вере".

Ни одна история о Карле Великом не была бы правдивой, если бы в ней не упоминалось о его суровых отношениях с саксонскими врагами; и все же было бы несправедливо рисовать его только как воина, безжалостно истребляющего всех, кто противостоял ему в варварской манере. Гораздо больше, чем завоеватель, он был строителем империи, для которого война была не самоцелью, как для его франкских предков, а средством для сохранения своего королевства.

Крепости и укрепления, которые он возводил вдоль своих границ, церкви, которые он строил посреди враждебной территории, действительно были частью его политики внушения ужаса и благоговения: но у Карла Великого были и другие замыслы, лишь отчасти имеющие военный характер. Дороги и мосты, которые должны были создать сеть коммуникаций по всей империи, действуя как каналы цивилизации, помогая транспорту и поощряя торговлю и сношения: королевские дворцы, которые должны были стать центрами правосудия для окружающих стран: монастыри, которые должны были проливать свет знаний и веры: все это было частью его мечты о Римской империи, возвращенной к ее прежней величественной жизни и силе.

Канал, соединяющий Рейн и Дунай и создающий таким образом непрерывный водный путь между Востоком и Западом, был запланирован и даже начат, но его завершения пришлось ждать до наших дней. Карл Великий обладал дальновидностью и предприимчивостью, не

дрогнув перед крупными начинаниями, но ему не хватало денег и рабочей силы, необходимых для их осуществления. В отличие от римских императоров классических времен, у него не было казны, из которой он мог бы брать налоги; он зависел, за исключением некоторых видов ренты, от доходов своих частных владений, которые обычно выплачивались "натурой", то есть не монетой, а в размере такого-то количества голов скота или такого-то количества молока, кукурузы или ячменя, в зависимости от средств арендатора. В этих поставках он вел тщательный учет, вплоть до количества кур на королевских фермах и количества яиц, которые они несли. Однако при самом большом объеме доходов "натурой" можно было удовлетворить лишь повседневные нужды дворца.

Главный долг франкского народа перед государством был не финансовым, а военным: обязанность служить в поле лежала на каждом свободном человеке. По мере роста империи это стало настолько неудобным, что система была несколько изменена. В будущем люди, владевшие менее чем определенным количеством земли, могли объединяться и платить одному или двум из своего числа, в зависимости от размера их совместных владений, чтобы те представляли их в армии за границей, в то время как остальные оставались дома и занимались выращиванием урожая.

Двор Карла Великого

Карлу Великому очень хотелось собрать от каждого округа по рабочей силе для помощи в строительстве, но это предложение вызвало бурю негодования. Землевладельцы утверждали, что по закону они обязаны лишь ремонтировать дороги и мосты в своем районе, а не отдавать своих арендаторов в распоряжение императора, чтобы тот по своей прихоти отправлял их из Аквитании в Баварию или из Австрии в Ломбардию; и перед лицом такого противодействия многие его проекты внезапно прекратились из-за нехватки рабочих рук. Однако королевский дворец и собор, украшенный колоннами и мозаикой из Равенны, были завершены в Ахене; здесь Карл Великий основал свою главную резиденцию и собрал вокруг себя двор.

Жизнь этого "нового Рима", как он любил его называть, была предельно проста, ведь император, как истинный франк, ненавидел излишнюю показность и церемонии. Когда дважды в год, весной и осенью, главные вельможи и чиновники собирались для обсуждения государственных дел, он принимал их лично, благодарил за подарки, которые они ему приносили, и ходил среди них взад и вперед, чтобы пошутить с одним и задать вопросы другому с неформальностью, которая вызвала бы скандал при константинопольском дворе.

В этом непринужденном общении между государем и подданным заключался секрет личного магнетизма Карла Великого. Для воинов и церковников, как и для чиновников и простых вольноотпущенников своих владений, он был не каким-то далеким авторитетом, к которому можно было подобраться только через лабиринт придворных интриг, а таким же человеком, как они сами, с понятными им достоинствами и недостатками.

Если его нрав и был поспешным и грозным, когда его будили, то вскоре он переходил в добродушный юмор, который в полной мере оценивал грубые шутки, которыми наслаждалась эпоха. Хроники с удовольствием рассказывают, как Карл Великий однажды уговорил одного еврея предложить "тщеславному епископу, вечно любящему суету", нарисованную мышь, которую тот притворился, что привез прямо из Иудеи. Епископ сначала отказался дать за такое сокровище больше трех фунтов стерлингов, но, обманутый быстрым отказом еврея расстаться с мышью за столь ничтожную сумму, в конце концов согласился отдать в обмен бушель серебра. Император, услышав это, собрал всех епископов при своем дворе: "Смотрите, сколько один из вас заплатил за мышь!" - воскликнул он с ликованием; и

мы можем быть уверены, что эта история не ограничилась королевским присутствием, а распространилась по всей стране, где на надменных церковников смотрели не слишком благосклонно.

Нам также рассказывают, что Карл Великий любил забрасывать встречных людей, начиная с Папы Римского, сложными вопросами; но его расспросы были вызваны не просто злым желанием привести их в замешательство. Будучи сам внимательным и живо интересуясь любым делом, за которое брался, он презирал небрежные или неэффективные знания. Он ожидал, что епископ будет авторитетом в богословии, чиновник - экспертом в методах управления, ученый - знатоком обычных наук своего времени.

Тяжелый труд был самым верным путем к его благосклонности, и он не щадил ни себя, ни тех, кто поступал к нему на службу. Даже ночью он клал под подушку письменные принадлежности, чтобы, если он проснется или задумается о чем-то, это можно было записать. Однажды он посетил основанную им дворцовую школу и обнаружил, что в то время как мальчики скромного происхождения использовали все свои возможности, сыновья знати, презрев книжное обучение, попусту тратили время. Похвалив тех, кто преуспел в учебе, император сердито нахмурился и обратился к остальным. "Полагаясь на свое рождение и богатство, - воскликнул он, - и не заботясь о наших повелениях и собственном совершенствовании, вы пренебрегли изучением букв и предались удовольствиям и праздности..... Клянусь Царем Небесным, мне мало дела до вашего благородного происхождения..... Знайте: если вы сразу же не исправите свою прежнюю небрежность усердными занятиями, вам не стоит ожидать милостей от руки Карла".

Правительство Карла Великого

Именно с богатыми дворянами и землевладельцами Карл Великий вел самые ожесточенные сражения, хотя ни один меч не был выхвачен и открытая война не была объявлена. В их руках находилось не только большинство высоких должностей при дворе, но именно из их числа выбирались графы, а позже виконты, которые управляли округами, на которые была разделена и поделена империя.

Граф получал треть даров и ренты со своей провинции, которые в противном случае выплачивались бы королю; при этом, если он был беспринципен, он мог увеличить их за счет тех, кем управлял. Он председательствовал в местных судах и отвечал за отправление правосудия, взимание штрафов, а также за строительство дорог и мостов. По сути, это был мелкий король, который часто тиранил народ и пренебрегал королевскими интересами ради удовлетворения своих эгоистических амбиций.

Меровинги пытались ограничить власть графов и других провинциальных чиновников, время от времени посылая своих частных агентов для изучения состояния провинций и исправления обнаруженных злоупотреблений. Карл Великий принял эту практику в качестве регулярной системы; на ежегодных ассамблеях он назначал *Missi*, или "гонцов", которые должны были совершать инспекции в округе, куда их послали, по крайней мере четыре раза в год и после этого докладывать императору о своих успехах. Где бы они ни находились, граф или виконт должен был на время уступить им свою власть, позволяя им заседать в своем суде и выслушивать все жалобы и претензии, с которыми обращались мужчины и женщины округа. Если *мисси* настаивает на определенных реформах, граф обязан их провести, а также искупить вину за все обвинения, выдвинутые против него.

Вот некоторые из бед, которые жители Истрии, провинции на востоке Адриатики, терпели от своего господина Йоханнеса, и которые в конце концов выяснились в результате

расследований королевского *мисси*. Иоганн продал жителей своих поместий в крепостные своим сыновьям и дочерям: он заставлял их строить дома для его семьи и отправляться по его делам за море, в Венецию и Равенну; он захватил общую землю и использовал ее как свою собственную, привлекая славян из-за границы, чтобы обрабатывать ее в личных целях; он лишил своих арендаторов лошадей и денег под предлогом императорской службы и ничего не дал им взамен. "Если император поможет нам, - кричали они, - мы, возможно, спасемся, но если нет, то лучше умереть, чем жить".

Из этого рассказа видно, что Карл Великий представлялся массе своих подданных защитником от тирании знати, и в этом смысле его правительство можно назвать народным; но старые "народные" собрания франков, на которых принимались законы, к этому царствованию перестали быть чем-то иным, кроме аристократических собраний, созываемых для одобрения представленных им мер.

Императорские "капитулярии" основывались на советах, которые он получал от своих самых доверенных *мисси*; после обсуждения их главными вельможами они зачитывались на общем собрании и ратифицировались формальным принятием, которое ничего не значило, поскольку редко или никогда не переходило в отказ.

Помимо введения нового законодательства в виде королевских эдиктов или капитуляриев, Карл Великий приказал составить сборник всех старых племенных законов, таких как Салический закон франков, и главных кодексов, которые передавались по традиции, из уст в уста, на протяжении многих поколений; этот сборник был пересмотрен и приведен в соответствие с современными требованиями. Это была очень полезная и необходимая работа, однако Карл Великий при всей его активности не заслуживает того, чтобы его причисляли к таким великим законодателям, как Юстиниан. Само искреннее желание добиться немедленной справедливости делало его капитулярии поспешными и неадекватными. Он не дожидался, пока зло дойдет до корня и затем попытается его искоренить, а издавал целый ряд законов по этому вопросу, касаясь лишь поверхности того, что было неправильно, и создавая путаницу из-за множества предписаний и противоречий, которые они содержали.

Иногда сами *мисси* не имели успеха, но брали взятки у богатых землевладельцев во время инспекции, а это означало увеличение государственного аппарата и новые законы, чтобы в свою очередь поставить их под королевский контроль. Если трудно было принимать мудрые законы, то еще труднее в ту суровую эпоху было проводить их в жизнь; ведь дворяне считали своим интересом бросить вызов или хотя бы помешать власти, которая покушалась на их могущество; то время как масса народа была слишком невежественна, чтобы нести ответственность, и лишь немногие, кроме тех, кто получил образование в дворцовых школах, могли стать достойными доверия "графами" или королевскими агентами.

Однако народ смутно понимал, что император придерживается некоего высокого идеала правления, предназначенного для их процветания: "Никто не взывал к нему, - говорится в хронике, - но сразу же он должен был добиться справедливости", и в каждой церкви по всей Франции те, кто не был призван идти за ним на битву, молились о его безопасности и о том, чтобы Бог покорил варваров перед его победоносным оружием.

Для Карла Великого существовало более высокое видение, чем просто победа в битве, видение, рожденное его любимой книгой "Civitas Dei", в которой святой Августин описывал идеального императора, держащего свой скипетр как дар, который Бог дал и может отнять, и покоряющего своих врагов, чтобы привести их к большим знаниям и процветанию.

Карл Великий и церковь

Карл Великий считал, что ему доверена защита католической церкви не только от язычников за ее пределами, но и от ложного учения и зла внутри. С Папой, как с наместником Христа, он вел себя смиренно, как в тот день, когда на коленях поднимался по ступеням Святого Петра, но с Папой, как с человеком, имеющим дело с другими людьми, он говорил как повелитель со своим вассалом, высказывая свое мнение и ожидая подчинения, в обмен на которое он гарантировал поддержку своего меча.

"Да будет правитель Церкви справедливо управляем тобой, о король, и да будешь ты управляем десницей Всемогущего! В этой молитве Алкуин, вероятно, выразил мнение императора о своем собственном положении. Лев III, с другой стороны, предпочитал говорить о своем чемпионе как о верном сыне матери-церкви Рима, подразумевая тем самым, что император должен нести сыновний долг послушания: но сам он никогда не был достаточно силен, чтобы отстаивать эту точку зрения, и столкновение империи и папства было оставлено на более поздний период.

В своих владениях Карл Великий, как и франкские короли до него, господствовал над Церковью, назначая епископов, кого хотел, и часто используя их в качестве *миссионеров* для помощи в управлении. Тем не менее, церковь оставалась "поместьем", отдельным от остального народа, поддерживаемым доходами крупных церквей, принадлежащих различным епископствам, и *десятиной*, или десятой частью дохода мирянина. Когда церковники присутствовали на ежегодной ассамблее, им разрешалось совещаться отдельно от дворян и свободных людей: когда епископ отлучал от церкви какого-нибудь еретика или грешника, императорский суд обязан был привести приговор в исполнение. Таким образом, привилегий и прав было много, но Карл Великий решил, что люди, пользующиеся ими, должны выполнять и обязательства, которые они несли с собой.

В предыдущие годы Карл Мартель и святой Бонифаций прилагали все усилия, чтобы поднять характер франкской церкви, и Карл Великий продолжил их дело со свойственной ему энергией, настаивая на частых инспекциях монастырей и обителей и на соблюдении более строгих правил жизни в их стенах.

Обычное приходское духовенство также было поставлено под более бдительный надзор. В соответствии с законами Римской церкви им не разрешалось вступать в брак, участвовать в мирских делах, заходить в таверну, носить оружие, охотиться и промышлять ястребами. Прежде всего их поощряли к самообразованию, чтобы они могли учить своих прихожан и подавать им хороший пример.

"Добрые дела лучше, чем знания", - писал Карл Великий своим епископам и аббатам в письме-совете, - "но без знаний добрые дела невозможны". В соответствии с этим мнением он повелел открыть школу в каждой епархии, чтобы окрестные мальчики могли получить обычное для своего времени образование. Его собственный двор стал центром обучения; ведь он сам живо интересовался всеми отраслями знаний, от внимательного изучения Священного Писания до математики или рассказов о дальних странах. Он любил, чтобы ему за трапезой читали истории. Эгинхард, его биограф, рассказывает, что он так и не научился писать, но владел латынью и понимал греческий.

Стремясь подражать Августу, первому из римских императоров, и собрать вокруг себя самых литературных людей Европы, он охотно принимал иностранных ученых и брал их к себе на службу. Главным среди этих приемных сыновей империи был Алкуин Нортумбрийский,

"странник по лицу земли", как он сам себя называл, которого датские вторжения изгнали из его родных земель.

Алкуин поселился при франкском дворе, организовал "дворцовую школу", о которой мы уже упоминали, и сам написал букварь, по которому обучали мальчиков. Вскоре его влияние вышло за пределы этой сферы, и он стал главным советником императора, вдохновляя своего господина высокими идеалами, а сам под влиянием яркой личности другого разделял его страсть к упорному труду.

Характер Карла Великого

Именно эта почти вулканическая энергия придает силу и очарование многогранному характеру Карла Великого. Сначала мы думаем о нем как о воине, герое романа, или как о государственном деятеле, планирующем свою империю на Западе. В другое время мы видим в нем защитника своего народа, короля, который "желает, чтобы справедливость восторжествовала", но стоит вспомнить историю о нарисованной мышке, и сразу же становится очевидной его простая, почти школьная сторона. Великий Карл не был святым, но был франком грубого типа солдат, которых он вел в бой, способным на жестокость, как и на доброту, вспыльчивым, любителем спорта, сильным, возможно, там, где на карту были поставлены его идеалы, но слабым по отношению к женщинам, и чрезмерно снисходительным отцом, который позволял интригам своих дочерей вызывать скандал при дворе. Еще один контраст с этой домашней фигурой - ученый и богослов, друг Алкуина, который считал, что без знаний добрые дела невозможны.

Многие известные личности в истории равнялись или превосходили Карла Великого как полководца, государственного деятеля или законодателя - были и лучшие ученые, и более утонченные принцы, - но мало кто из них преследовал столь разнообразные цели и добивался силой своей личности столь запоминающихся результатов. Художники и летописцы любят изображать его в старости по-прежнему величественным; и на самом деле почти до конца своего долгого правления он сохранял огонь и бодрость своей юности, купаясь, как мальчишка, в банях Ахена или охотясь на кабана на холмах, составляя капитулярии или диктуя советы своим епископам, делая, по сути, все, что попадалось под руку, с интенсивностью, которая истощила бы любого менее здорового и уверенного в себе человека.

К счастью для Карла Великого, он обладал крепким телосложением, свойственным его расе, и когда в 814 году он наконец умер стариком, люди верили, что он не разделит общую судьбу человечества. Спустя почти двести лет, как рассказывали, когда открыли погребальный склеп, его нашли сидящим в своем государственном кресле, крепким плотью, как при жизни, с короной на белоснежных волосах и мечом, зажатым в руке.

Господь дал Карлу Великому благословение, чтобы люди говорили о нем до тех пор, пока существует мир". Это хвастовство, которое с течением веков, сметая память о менее значимых героях, время все же оправдывает.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Карл Великий, король франков	768-800
Карл Великий, император Запада	800-14
Битва при Ронсесвале	778
Вторжение в Ломбардию	773

IX ВТОРЖЕНИЯ СЕВЕРЯН

После смерти Карла Великого созданная им империя простиралась от Дании до Пиренеев и герцогства Сполетум к югу от Рима, от Атлантики на западе до Балтики, Богемии и далматинского побережья. Это была смелая попытка воплотить в жизнь старый римский идеал всей цивилизованной Европы, собранной под властью одного правителя; но он сам прекрасно понимал, что заложенный им фундамент слаб, а его собственная личность, которая должна исчезнуть, - раствор, скрепляющий его. Без его гения и ужаса, наводимого его именем, его владения с большой вероятностью могли рассыпаться; поэтому, вместо того чтобы попытаться оставить после себя единую империю, он назначил одного сына императором по имени, но грубо разделил территорию между тремя. Только смерть двух из них незадолго до его собственной смерти разрушила его цели и объединила наследство под властью оставшегося в живых Людовика.

Новый император был похож на своего отца телосложением, но лишен широты взглядов. Его природное радушие иногда омрачалось неконтролируемыми приступами подозрительности и жестокости, как в случае с его племянником, Бернардом, королем Италии, который, по его мнению, тайно замыслил его свержение. Людовик приказал молодому человеку явиться ко двору, и когда Бернар колебался, опасаясь предательства, дядя послал ему особое обещание безопасности от императрицы, которой он доверял. С неохотой Бернар наконец повиновался, после чего его схватили, бросили в темницу и так жестоко выкололи глаза, что он умер. Вскоре после этого умерла и императрица, и Людовик, любивший ее, поверил, что Бог наказывает его за нарушенное слово. Охваченный угрызениями совести, он стал настолько набожным в своих религиозных обрядах, что подданные прозвали его "Людовиком Благочестивым".

Людовик, как и его отец, всегда был готов выслушать прошения угнетенных и принять законы для их защиты. Первые шестнадцать лет его правления владения Каролингов, не подвергавшиеся никаким испытаниям, казались непоколебимыми, а затем внезапно, словно туча, заслонившая солнечный свет, процветание и мир сгинули в ужасах гражданской войны.

У Людовика Благочестивого было три сына от первой жены, и, следуя примеру Карла Великого, он назвал старшего, Лотаря, своим преемником в империи, а земли разделил между двумя другими. Только когда он женился снова и у него родился еще один сын, Карл, начались проблемы. Этот четвертый сын был любимцем старого императора, и Людовик с радостью оставил бы ему большое королевство, но такой подарок он мог сделать только за счет старших братьев, которые ненавидели мальчика как интервента и были намерены, чтобы он не получил ничего, на что они могли бы претендовать.

Когда Карлу исполнилось шесть лет, Людовик настоял на том, чтобы страна, ныне называемая Швейцарией и частью современной Германии (Суабия), была признана его

наследством; услышав это, все три старших брата, втайне строившие нелояльные козни, подняли открытый бунт.

История последующих десяти лет - бесславная летопись слабости императора. Дважды он и его императрица были заключены в тюрьму и подвергнуты оскорблениям; и каждый раз, когда ссоры его сыновей между собой приводили к его освобождению, его склоняли к слабому прощению, которое приводило к новым восстаниям.

Когда Людовик умер в 840 году, семена раздора были широко рассеяны; и те из его дома, кто пришел после него, открыто показали, что их не волнует ничего, кроме личных амбиций. Лотар, старший из них, был провозглашен императором и получил в качестве своей доли владений большое среднее королевство, простиравшееся от устья Рейна до Италии и включавшее две столицы - Ахен и Рим. На востоке, на территории нынешней Германии, правил его брат Людовик, на западе, во Франции, - Карл Лысый, ненавистный младший брат, которому в конце концов удалось получить значительное наследство.

Страсбургская клятва

Это разделение интересно тем, что показывает две национальности Европы, уже вышедшие из имперского плавильного котла. Когда братья Людовик и Карл встретились в Страсбурге в 842 году, чтобы подтвердить союз, который они заключили против Лотаря, Карл и его сторонники принесли клятву на немецком, а Людовик и его вельможи - на романском языке, потомком которого является современный французский. Это было сделано для того, чтобы армии обеих сторон могли ясно понять, как их лидеры связали себя обязательствами, и Страсбургская клятва сохранилась до наших дней как свидетельство этого нового роста национальности, которая уже приобрела отдельные национальные языки.

Верденский раздел, подписанный вскоре после этого всеми тремя братьями, признал разделение империи на три части: Францию на западе, Германию на востоке, а между ними - спорное королевство Лотарингия, которое, уменьшившись в средние века и в современную эпоху до провинции Лотарингия, всегда оставалось источником войн и бед.

Было бы утомительно подробно описывать историю лет, следовавших за Верденским разделом. Один из историков описал ее как "головокружительное и невразумительное зрелище однообразной путаницы, сцену безудержного вероломства, ненасытной и слепой жадности. Ни один сын не послушен и не предан своему отцу, ни один брат не может доверять своему брату, ни один дядя не щадит своего племянника..... Быстро менялись судьбы, быстро менялись стороны, было всеобщее недоверие и всеобщая зависимость от лжи или преступления".

В 881 году Карлу Толстому, сыну Людовика Немецкого, прославившегося Страсбургской клятвой, удалось, благодаря смерти своих соперничавших кузенов и дядей, на несколько лет объединить под своим скипетром все владения Карла Великого; но, слабый и нездоровый, он был не в состоянии управлять столь большими владениями, и очень скоро был свергнут и умер в тюрьме на одном из островов Боденского озера. Вместе с ним угас последний отблеск славы Каролингов, некогда ослепившей мир. Во Франции потомки Карла Лысого владели шаткое существование на протяжении нескольких поколений, презираемые и подвергаемые угрозам со стороны своих собственных дворян, как в свое время Меровинги, и совершенно неспособные защитить свои земли от враждебных вторжений северян, которые, начавшись

в восьмом веке, в девятом и десятом, казалось, могли парализовать цивилизацию и торговлю Европы, как нашествия готов, гуннов и вандалов разрушили Римскую империю.

Длинные корабли северян видели у берегов Франции еще во времена Карла Великого, и один из летописцев рассказывает, как мудрый король, увидев их, воскликнул: "На этих судах не товар, а жестокие враги", а затем с пророческой скорбью продолжил: "Знаете ли вы, почему я плачу? Воистину, я не боюсь, что они причинят мне вред; но я глубоко опечален тем, что при моей жизни они так близко подошли к этим берегам, и меня переполняет печаль, когда я смотрю вперед и вижу, какое зло они принесут моему потомству и их народу".

Северяне, как мы можем догадаться по их названию, были выходцами с диких, часто занесенных снегом берегов Скандинавии и Дании. Немногие слабаки могли выжить в таком климате, и эта раса была высокой, хорошо сложенной и выносливой, состояла из мужчин и женщин, которые презирали огонь и любили чувствовать, как свежий морской ветер бьет им в лицо. Жизнь для них была вечной борьбой, но эту борьбу они возвели в идеал, пока не перестали бояться ни неудобств, ни опасностей.

Вот описание трех сословий - раб, чурбан и благородный, на которые делились эти племена северян, или викингов.

Тралл был смугл кожей, руки его были морщинисты, костяшки согнуты, пальцы толсты, лицо уродливо, спина широка, пятки длинные. Он стал тратить свои силы на то, чтобы связывать лыко, делать грузы и таскать домой охапки до самого утра. Его дети занимались тем, что строили заборы, пахали пашню, ухаживали за свиньями, пасли коз и копали торф. Карл, или Чурл, был рыжим и румяным, с закатившимися глазами, и занимался тем, что ломал волов, строил плуги, обтесывал дома и делал телеги. У Эрла, благородного, были желтые волосы, румяные щеки, острые, как у молодой змеи, глаза. Его занятиями были: выковать щит, согнуть лук, метнуть копье, потрясти копьем, скакать на лошадях, бросать кости, фехтовать и плавать. Он начал будить войну, красить поле и падать обреченным".

"Разбудить войну". Это было целью существования викинга. Его боги, Один и Тор, были героями битв, поражавшими друг друга вспышками молний и раскатами грома, когда они двигали свои щиты. Для человека, который жил долго и безбедно и умер наконец в своей постели, не существовало ни славы этого мира, ни радостей следующего. Скандинавская "Валгалла" не была таким "раем", как представляли себе правоверные мусульмане, где в освещенных солнцем садах, усыпанных фруктами и цветами, он должен был отдыхать от своих трудов, сопровождаемый "часами", или девами небесной красоты. Викинг не просил отдыха, ему нужна была только неизменная сила и враг, которого можно убить. В залах его рая круглые сутки царили вечные сражения, а вечером - пиры, на которых воин, чудесным образом исцелившийся от ран, мог похвастаться своей доблестью и назавтра вновь подняться на подвиги героической бойни.

Набеги северян

На своих кораблях-драконах, огромные носы которых были сделаны в виде голов свирепых зверей или чудовищ, ярлы-викинги, уставшие дома от поединков и метания копья или изгнанные своими королями за какие-то проступки, отправлялись на флотах через Северное море, одни - исследовать Исландию и далекие берега Гренландии и Северной Америки, другие - жечь монастыри вдоль ирландского побережья, третьи - совершать набеги на Северную Германию, Францию или Англию. Поначалу их единственной целью был грабеж, ведь в отличие от гуннов они не презирали роскошь цивилизации - только тех, кто позволил

ее влиянию сделать их "мягкими". Позднее, когда они не встретили особого сопротивления, они начали строить дома, и таким образом восточное побережье Англии стало заселяться датскими колониями.

В этом году", - говорится в англосаксонской хронике под датой 855, - "язычники впервые остались зимовать в Шеппи".

Альфред Великий

В течение пятидесяти последующих лет казалось, что захватчики могут уничтожить англосаксов так же полностью, как предки этих англосаксов уничтожили исконных жителей Британии и их римских завоевателей. То, что они потерпели неудачу, во многом стало возможным благодаря одному из самых известных английских королей, Альфреду Великому, принцу из королевского дома Уэссекса. Уэссекс был провинцией, расположенной в основном к югу от реки Темзы, и в 849 году в Вантедже в Беркшире родился Альфред, окруженный атмосферой войны и опасности. С самого детства он сражался на стороне своих братьев в долгой кампании, в которой сами победы не могли сдержать неугомонных датчан. Когда Альфред вступил на престол, он заключил временный мир и начал строить флот и реформировать армию; но через несколько лет враги снова ворвались в его пределы, и он сам, ошеломленный их численностью, был вынужден укрыться в болотах Сомерсета. Здесь, в Ательни, он построил форт и, собрав вокруг себя английских воинов из соседних графств, организовал настолько сильное сопротивление, что в конце концов нанес решающее поражение датской армии. Король Гутрум, его враг, запросил мира и по Уэдморскому договору согласился стать христианином и признать Альфреда королем Уэссекса, а сам он сохранил за собой Данелау к северу от Темзы.

Это стало началом новой Англии, поскольку с этого времени Альфред и его потомки, получив свободу Уэссекса, принялись отвоевывать у датчан территорию за территорией. В первую очередь при Эдуарде Старшем, сыне Альфреда, было отвоевано среднее королевство Мерсия, а датчане за его границей согласились признать уэссекского короля своим владыкой, позже другие уэссекские правители захватили Нортумбрию и юг Шотландии, так что к середине X века можно было сказать, что "Англия от Форты до Ла-Манша была под властью одного правителя".

Отвоевание Данелава было не просто делом рук северян, и Альфред получил титул "Великого" не потому, что умел храбро владеть мечом и вести за собой других людей, способных делать то же самое. Он был успешным полководцем, потому что в эпоху диких боев осознал ценность дисциплины и обучения. Чтобы получить нужных ему людей, он увеличил число "тегнов", то есть дворян, чьей обязанностью было служить королю в качестве всадников, а также реорганизовал "фюрд", или местное ополчение. Отныне вместо большой армии крестьян, которые должны были отправляться в свои дома каждую осень для сбора урожая, он организовал содержание небольшого войска, которое он мог держать в поле столько, сколько требовалось. Оружие для него должны были поставлять односельчане, освобожденные от обязанности служить на этом условии.

Альфред не только перестроил свою армию, но и поставил крепости вдоль своих границ и построил флот; а поскольку он верил, что ни одно великое государство не может быть построено только на войне, он издал мудрые законы и назначил судей, подобно Мисси Карла Великого, чтобы следить за их исполнением. Он также основал школы и старался, переводя книги сам и приглашая ученых к своему двору, научить окружающих его людей славе и интересам мира. Среди книг, которые он решил представить своему народу на англосаксонском языке, были "Пастырская забота" папы Григория, пожелавшего

отправиться в Англию в качестве миссионера, и "Философские утешения", написанные Боэцием в [тюрьме](#)⁴.

"Я хотел, - сказал Альфред Великий, подытоживая свой жизненный идеал, - оставить людям, которые придут после меня, память о себе в добрых делах"; и сегодня английский народ, потомки как англосаксов, так и их датских врагов, с гордостью и любовью вспоминают этого "мудрого короля", этого "правдоискателя", этого "любимца Англии", как его называли в свое время, который, как и Карл Великий, верил в патриотизм, справедливость и знания. В течение трех четвертей века после смерти Альфреда его потомки сохраняли хоть что-то от этого духа величия, но в 978 году корона перешла к десятилетнему мальчику Этельреду, который, повзрослев, получил прозвище "безрассудный" или "человек без совета".

Прежде чем осудить поведение Этельреда, будет справедливо указать на тяжелые трудности, с которыми он столкнулся: как возобновившиеся нападения датчан на его берега, так и ревность и вражда его собственных дворян, графов или эльдорменов, которые выделили для себя большие владения, которыми они управляли как мелкие короли. Даже такому государственному деятелю, как Альфред, потребовалась бы вся его сила и такт, чтобы объединить этих могущественных подданных под одним знаменем и повести их против захватчиков. Этельред показал себя слабым и неспособным к руководству. Политика, за которую его в основном помнят, - это взимание налога под названием "данегельд", или датское золото, - суммы денег, которые он собирал со своих нежелающих подчиняться подданных, чтобы заплатить датчанам, чтобы они ушли. Как понял бы более мудрый человек, на самом деле это означало, что он платил им за то, чтобы они возвращались в еще большем количестве, чтобы получить еще больше денег. Наконец, встревоженный результатами такой политики, он совершил еще более недальновидный и менее оправданный поступок: приказал устроить всеобщую резню всех датчан в королевстве.

Резня в День святого Брайса, как обычно называют эту радикальную меру, обернулась для Англии горькой местью со стороны разъяренных викингов. Одно хорошо вооруженное войско за другим высаживалось на побережье, объединяясь в нападении на англосаксонского короля, которое изгнало его из страны и заставило искать убежища во Франции. Вскоре после этого он умер, и Кнут, один из датских вождей, заставил страну признать его своим правителем.

Можно было ожидать, что приход датского врага сведет на нет все труды Альфреда и его сыновей, но, к счастью для Англии, Кнут не был безрассудным викингом, в сердце которого была заложена идея войны ради войны. Напротив, по натуре он был государственным деятелем, который планировал основать северную империю с Англией в центре. Для обеспечения личной безопасности и выполнения приказов он содержал телохранителей из датских "хус-карлов", которых поддерживал за счет налога, взимаемого с его новых подданных, но в остальном он всячески демонстрировал себя англичанином. В частности, он сделал большие подарки монастырям и монастырям, одарил английских дворян милостями и землями, а также принял законы и обычаи страны, чей трон он узурпировал. Король Дании, покоритель Англии и Норвегии, он стремился к союзу своей империи с народами континента. С этой целью он отправился в паломничество в Рим, чтобы завоевать симпатии Папы, и приложил немало усилий для заключения иностранных союзов. Сам он женился на Эмме, вдове Этельреда "Рыжего" и сестре герцога Нормандии, тем самым угодив англичанам и наладив отношения с Францией.

Упоминание о Нормандии заставляет нас вспомнить о втором вторжении северян, ведь норманны, как и сам Кнут, были скандинавского происхождения. Если одни викинги в IX веке плавали вверх по Хамберу и Темзе в поисках грабежа и жилья, то другие, как предвидел Карл Великий, по словам летописца, предпочитали гавани Сены, Соммы и Луары. В своих действиях они проявляли ту же безрассудную смелость и жестокость, что и первые захватчики Англии, оставляя на месте своих походов дымящиеся руины городов и церквей.

Карл Лысый и сменивший его слабый остаток рода Каролингов были совершенно не в состоянии справиться с этим ужасом, и только создание Парижского герцогства, войсками которого командовал герой-боец Одо Капет, спасло будущую столицу Франции.

История повторяется", - говорят иногда; и, конечно, судьба, которую каролингские "мэры дворца" уготовили своим королям Меровингов, в полной мере была уготована и их потомкам.

В 987 году умер Людовик Негодный, последний из королей Каролингов, оставив наследником престола своего дядю, Карла, герцога Лотарингии. За свое короткое правление Людовик показал себя слабым и расточительным; и дворяне северной Франции, уставшие от королевского дома, который, подобно Этельреду Английскому, предпочитал подкупать добрую волю захватчиков, а не сражаться с ними, с готовностью согласились отложить Карла в сторону и взять на его место Хью Капета, герцога Парижского, потомка знаменитого Одо.

"Наша корона достается не по наследству, - воскликнул архиепископ Реймский, одобряя притязания узурпатора, - а благодаря мудрости и благородной крови".

Дом Капетингов

Несчастный герцог Лотарингский, захваченный в плен после тщетной попытки получить свое наследство, погиб в тюрьме, а вместе с ним исчезли и Каролинги. Дом Капет, построенный на их руинах, просуществовал по прямой линии до XIV века, а затем в младшей ветви, Валуа, до тех пор, пока Франция в новейшее время не была объявлена республикой.

При Капетах Франция стала не просто собранием племен и рас, как при Меровингах, и не частью европейской империи, как при Карле Великом, а нацией, какой мы видим ее сегодня, с отдельными интересами и обычаями, отличающими ее от других народов. Процесс слияния шел медленно, и король Хью и его ближайшие преемники в свое время выглядели скорее как могущественные правители небольшого округа, в котором они жили, чем как владыки Франции. Когда они отправлялись в поход во главе большой армии, одерживая победы, отдаленные провинции поспешно признавали их сюзеренами, или владыками, но когда они поворачивались спиной и возвращались домой, отданные ими приказы игнорировались и не выполнялись.

Среди самых грозных соседей этих правителей Парижа были герцоги Нормандии, потомки некоего вождя викингов Ролло "Гангера", прозванного так потому, что из-за своих размеров он не мог найти лошадь, способную его нести, и поэтому должен был "передвигаться пешком". Этот Ролло обосновался в Руане, а поскольку Карл Простой, один из поздних [Каролингов](#)⁵, не смог победить его в битве, он отдал ему завоеванные земли и сделал герцогом, надеясь, что, подобно браконьеру, превратившемуся в егеря, он окажется таким же ценным подданным, каким был неприятным врагом. Взамен Ролло пообещал стать христианином и признать Карла своим владыкой. В одной из старых хроник говорится, что когда Ролло попросили подтвердить эту верность, поцеловав палец на ноге, викинг возмущенно ответил: "Не так, клянусь Богом!", а датчанин, согласившийся сделать это

вместо него, был настолько груб, что свалил Карла с его трона под насмешки своих спутников.

Вероятно, это всего лишь сказка, ведь на самом деле Ролло женился на дочери Карла и поселился в своей столице Руане как образцовый правитель получившего цивилизованного государства, поддерживая церковь и устанавливая такой закон и порядок, что, как рассказывали, когда он оставил висеть на дереве массивный браслет и забыл об этом, украшение провисело три года, и никто не осмелился его украсть.

Вильгельм Завоеватель

Правители нового герцогства почти все были сильными людьми, жесткими бойцами, строптивыми и амбициозными, но самым великим из них, несомненно, был Вильгельм, незаконнорожденный сын герцога Роберта "Дьявола". Амбиции Вильгельма были в духе его скандинавских предков, и герцогство на севере Франции показалось ему слишком маленьким, чтобы соответствовать его надеждам. Когда он заметил, что Англией правит Эдуард "Исповедник", слабый сын Этельреда "Рыжего", который получил трон после смерти двух сыновей Кнута, он проникательно решил, что его завоевания должны лежать в этом направлении. Многие благоприятствовало его делу, и не в последнюю очередь то, что сам Эдуард Исповедник, который воспитывался в Нормандии и не имел прямых наследников, был вполне готов признать Вильгельма своим преемником.

Национальным героем Англии на момент смерти Эдуарда, который сразу же провозгласил себя королем, был Гарольд Саксонский, представитель могущественного рода Годвинов, который на протяжении многих лет контролировал и владел большей частью земель на юге.

К несчастью для Гарольда, север и средние земли в основном управлялись домом Моркере и их друзьями, которые ненавидели род Годвинов как опасных соперников гораздо больше, чем боялись нормандского вторжения. Поэтому любая помощь, которую предлагали они или их арендаторы, оказывалась настолько медленной и скупой, что пользы от нее было мало.

Помимо ревности дома, Гарольд, узнав о том, что Вильгельм, герцог Нормандский, действительно высадился на южном побережье, находился далеко в Йоркшире, где ему только что удалось отразить вторжение датчан в битве при Стамфорд-Бридж. Он сразу же двинулся на юг, но по мере продвижения его армия таяла: одни наслаждались добычей, отнятой у датчан, другие занимались урожаем.

Дезертиры могли утверждать, что следовали совету отца христианства, поскольку папа Григорий VII вручил Вильгельму знамя, которое тот благословил, и осудил Гарольда как клятвопреступника.

Одной из причин гнева Григория на саксов было то, что Гарольд посмел назначить архиепископом Кентерберийским епископа, которого он не одобрял, а еще хитрый Вильгельм убедил его, что Гарольд, который в молодости потерпел крушение на нормандском побережье, поклялся на костях какого-то святого, что никогда не захватит корону Англии. Он был пленником во власти Вильгельма и только на этом условии был освобожден, чтобы вернуться в родные края.

Точную правду о событиях столь давней давности установить трудно; но Гарольд, во всяком случае, сражался под облаком подозрений и пренебрежения, и ни его безрассудная смелость, ни преданность братьев и друзей не смогли спасти его судьбу, когда на поле Сенлака, стоя под своим драконьим знаменем, он встретил удар дисциплинированных норманнских войск. Летописцы рассказывают, что людская стена саксонских лучников и

пеших воинов оставалась непоколебимой на склоне холма, пока Вильгельм, расставив ловушку, не обратился в притворное бегство. Уловка удалась: когда саксы, торжествуя, спустились со своих позиций в погоню, захватчики обернулись и бросились на их беспорядочные ряды. Только Гарольд и люди его телохранителя стойко выдерживали натиск, пока наконец выпущенная в воздух стрела не попала саксонскому королю в глаз, когда он поднял голову, и он упал замертво. Сопротивление прекратилось, и Вильгельм, герцог Нормандский, остался хозяином поля и правителем Англии.

Здесь поднялось драконье знамя нашего королевства:

Здесь сражался, здесь пал наш король-норманн.

О сад, цветущий от английской крови!

О странный целитель ненависти Время! Мы гуляем и смотрим

Там, где восемьсот лет назад все было правильно.

Эти строки Теннисона о "Бэттл Эбби" напоминают о том, что как датчане и саксы слились в одну расу, так и норманнские захватчики смешаются с их потомками, пока для последующих поколений Вильгельм, равно как и Гарольд, не станет национальным героем.

Книга Судного дня

В свое время "Завоеватель" вселял ужас в сердца покоренных. В 1069 году, когда север Англии, слишком поздно пришедший на помощь Гарольду, поднял восстание, он мечом и огнем опустошил пустыню от Хамбера до Тиса. Когда нормандские бароны и английские графы бросили вызов его правлению, он бросил их в темницы. Что казалось саксонскому уму еще более удивительным и ужасным, чем его жестокость, так это запись всех богатств его королевства, которую он приказал составить. Эта "Книга Судного дня" содержала подробный отчет не только о крупных владениях, светских и церковных, но и о каждой маленькой деревушке, и даже о количестве скота на каждой ферме.

"Он так тщательно проводил учет, - говорится в "Англосаксонской хронике", - что не осталось ни одной шкуры, ни одного колена земли, и (стыдно рассказывать о том, что он не считал постыдным делать) не было ни одного вола, ни одной коровы, ни одной свиньи, которые не были бы записаны в книге".

Как видно, Вильгельм был основателен в своих методах, как в войне, так и в мире, и именно благодаря этой основательности он завоевал уважение, если не любовь своих новых подданных. Со времен смерти датчанина Кнута Англия страдала либо от настоящей гражданской войны, либо от слабого правителя, который позволял своим дворянам ссориться и угнетать остальную часть народа. В результате Нормандского завоевания основная масса населения обнаружила, что получила одного тирана вместо многих; о том, как они оценили эти перемены, свидетельствует то, как на протяжении всего норманнского периода средние и низшие классы помогали своему иноземному королю в борьбе с его беспокойными баронствами.

Вот что писал о нем в своей хронике один монах, англосакс, а значит, враг Завоевателя:

"Если кто хочет узнать, каким человеком был король Вильгельм... то мы опишем его так, как мы его знали..... Этот король Вильгельм... был очень мудрым и великим человеком, более почитаемым и более могущественным, чем любой из его предшественников. Он был мягок к тем добрым людям, которые любили Бога, но суров сверх меры к тем, кто противился его воле..... Также он был очень суров и

гневлив, так что никто не смел ничего делать против его воли, и он держал в тюрьме тех графов, которые поступали против его воли. Он отстранял епископов от их сана... и в конце концов не пощадил своего родного брата Одо".

Кроме всего прочего, нельзя забывать о добром порядке, который установил Вильгельм; он был таков, что любой человек, который сам был ничем не примечателен, мог спокойно путешествовать по королевству с грудью, полной золота, и никто не смел убить другого, какую бы обиду он от него ни получил".

Несколькими строками дальше летописец, упомянув мир, который даровал Вильгельм, с грустью рассказывает о тирании, которая была ценой, которую он вымогал в обмен:

"Воистину, в те времена было много бед и очень больших несчастий; он заставлял строить замки и угнетал бедняков. Он был склонен к скупости и жадно любил наживу. Он устроил большие леса для оленей и издал в них законы, так что всякий, кто убьет зайца или оленя, должен быть ослеплен..., он любил высоких оленей, как если бы он был их отцом. Он также постановил, что зайцы должны быть свободны. Богатые жаловались, бедные роптали, но он был так крепок, что не обращал на них внимания; они должны были исполнять все воли короля, если хотели жить..... Увы, если кто-либо из людей так возвеличивает себя..... Да явит Всемогуший Бог милость к его душе!

Монах писал после сентября 1087 года, когда Завоеватель лежал мертвый. Не в славе викингов, сражавшихся с национальным врагом, перешел он к своим отцам, а в гнусной борьбе со своим старшим сыном Робертом, который при поддержке французского короля восстал против него. Его корону сразу же захватил второй сын Вильгельм Руфус, и с ним род нормандских королей прочно утвердился на английском троне.

Авантюрный дух северян привел их из Дании и Скандинавии к берегам Англии и Франции, а из Франции их потомки, движимые теми же бродячими инстинктами, пересекли Ла-Манш в поисках новых завоеваний. Другие норманны в одиннадцатом веке плыли не на север, а на юг. Они говорили о паломничестве в Рим, возможно, к Гробу Господню в Иерусалиме; но когда они обнаружили, что прекрасный остров Сицилия захвачен мусульманами, а Южная Италия разделена между несколькими князьями, слишком ревнивыми друг к другу, чтобы объединиться против любых захватчиков, христианских или языческих, их мысли вполне естественно обратились к завоеваниям.

Нормандские завоевания в Италии

Итальянец того времени описывает норманнов как "коварных и мстительных" и добавляет: "В своем стремлении к богатству и владычеству они презирают все, чем владеют, и надеются на все, чего желают". Такое впечатление можно было получить на горьком опыте; но, не зная этого, Маниас, греческий правитель той части Южной Италии, которая все еще сохраняла верность Восточной империи, в одиннадцатом веке пригласил этих северных воинов помочь ему отвоевать Сицилию у сарацинов. Они согласились, напали силой, захватили большую часть острова, но затем поссорились с Маниасом из-за трофеев. Возмущенные его скупым, по их мнению, поведением, они вторглись в провинцию Апулия, стали ее хозяевами и основали свою столицу в Мельфи.

Главой нового нормандского государства стал некий Вильгельм де Хотевиль, который вместе с несколькими своими братьями был предводителем итальянской экспедиции.

Ни один член дома Готевилей никогда не видел земель соседа, не желая заполучить их себе". Так говорит биограф этой семьи; и если таков был их идеал, то его, несомненно, разделяли Уильям и его многочисленные братья. Поскольку чужие владения не сдавались без борьбы даже в Средние века, им повезло, что они обладали гением завоевывать и удерживать вожаемое.

Папа Лев IX, как и его предшественники на престоле Петра с тех пор, как Карл Великий подтвердил их право на земли экзарха [Равенны](#), с тревогой смотрел на захватчиков Италии, поэтому он попытался создать лигу с императорами Востока и Запада, которая должна была погубить этих самонадеянных узурпаторов. Лига была создана, но союзники Папы подвели его, и в битве при Чивитате он потерпел поражение и попал в плен.

Тут-то и представился шанс для норманнской дипломатии, или, как ее называли бы итальянцы, "хитрости", и завоеватели немедленно заявили, что с величайшей неохотой вступили в войну с Отцом христианства, и попросили у него прощения. Прощение было получено, и несколько лет спустя при посредничестве Гильдебранда, тогда архидиакона Рима, а позже папы Григория VII, одного из ведущих государственных деятелей Европы, был заключен договор, по которому норманны признали папу Николая II своим владыкой, а он, со своей стороны, признал их право на сохранение своих завоеваний. Обе стороны этой сделки были довольны: Папа - тем, что получил вассальное государство, пусть и непокорное, а норманны - тем, что чувствовали: они больше не правят по принуждению, а имеют законный статус в глазах Европы. Ни те, ни другие не представляли, какую мину беды они закладывают для будущих поколений.

Состояние дома Хаутевилей, созданного таким образом, неуклонно росло. Вильгельм умер, и ему наследовал младший брат, Роберт, прозванный "Гискар" или "Мудрый". Во время своего правления он заставил и греческого правителя, и независимых князей, владевших остальной частью Южной Италии, отказаться от своих владений, а войну против Восточной империи перенес даже в саму Грецию. Только его смерть положила конец этой дерзкой кампании.

Роберт Гискар, как хозяин Южной Италии, стал герцогом Апулии; его племянник, Рожер II, граф Сицилии, унаследовавший от него государственное искусство и силу, убедил Папу Римского объединить материк и остров в одно королевство и впоследствии царствовал как король Неаполя. "Он был любителем справедливости, - пишет летописец его времени, - и самым суровым мстителем за преступления. Он ненавидел ложь... и никогда не обещал того, чего не собирался выполнять. Он никогда не преследовал своих личных врагов, а в войне старался во всех случаях добиться своего, не проливая крови". Справедливость и мир повсеместно соблюдались в его владениях".

Рожер II Неаполитанский, несомненно, был более тонким и цивилизованным человеком, чем Вильгельм Английский; но в обоих была заложена та норманнская способность к установлению и поддержанию порядка, которая поначалу кажется столь странным наследством от диких норвежских предков. Ясноглазый, с железным характером, авантюрист с инстинктом предпринимательства, норманн раннего Средневековья был именно той закваской, которая требовалась Европе, чтобы вывести ее из вялой депрессии "темных веков", последовавших за падением Рима.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Император Лотарь	840-55
Резня в день святого Брайса	1002

Вильгельм, герцог Нормандии	1035-87
Вильгельм, король Англии	1066-87
Эдуард Исповедник	1042-66
Книга Судного дня	1086
Папа Лев IX	1048-54
Битва при Чивитате	1053
Папа Николай II	1058-61
Роберт, герцог Апулии	1060-85
Рожер II, король Неаполя	1130

Х ФЕОДАЛИЗМ И МОНАШЕСТВО

Феодализм

Везде, где в ходе истории люди собирались вместе, они постепенно вырабатывали некую форму объединения, обеспечивающую взаимные интересы. Это может быть просто племенная связь арабов, по которой родственники человека отвечали за его поступки и мстили за обиды; это может быть совет старейшин деревни, такой как русский "Мир", устанавливающий законы для младших мужчин и женщин; это может быть группа германских вождей, принимающих законы в лунные ночи, согласно описанию Тацита, у своих лагерных костров.

В противовес примитивным ассоциациям стоит развитое правительство Рима при Августе и его преемниках: деспотичный император, его многочисленные чиновники, сенаторы с их огромными владениями, борющиеся за *власть куриалы*, армия легионов, выполняющая императорские приказы от Шотландии до Евфрата. Когда Рим пал, его правительство, подобно дому, фундамент которого рухнул, тоже пало. Варвары-завоеватели, обосновавшиеся в Италии и римских провинциях, брали из найденных ими законов то, что им нравилось, добавляли к ним свои обычаи и из этой смеси создавали новые своды законов. Однако законодательство, без какого-либо способа обеспечения его исполнения, не могло спасти ни народы от нашествия, ни купца или крестьянина от того, чтобы стать жертвой грабежей и мелких преступлений.

Средневековые века иногда называют эпохой феодализма, потому что в это время феодализм стал методом, постепенно принятым для решения проблем общественной жизни среди всех классов почти у всех народов Европы. О феодализме следует помнить две главные вещи: во-первых, он не был внезапным изобретением, а вырос из старых идей, как римских, так и варварских, и, во-вторых, он был тесно связан в сознании людей с мыслью о земле. Это было естественно, ведь земля или ее продукты так же необходимы для жизни каждого человека, как воздух и вода, и поэтому возделывание земли и распределение ее плодов - первые проблемы, с которыми сталкиваются правительства.

Феодализм предполагал, что вся земля, принадлежащая нации, в первую очередь принадлежит королю этой нации. Поскольку он не мог управлять или обрабатывать ее сам, он распределял ее по "вотчинам" между главными вельможами при своем дворе, обещая им свою защиту и требуя взамен, чтобы они оказывали ему определенные услуги. Эта система напоминает римскую виллу с ее сенатором, предоставлявшим своим арендаторам защиту от грабежей и чрезмерных налогов и нанимавшим их пахать и сеять, собирать урожай, строить дома и мосты.

В Средние века служба главных арендаторов почти всегда была военной: явиться по вызову короля с таким-то количеством всадников и таким-то количеством лучников в полном вооружении. Для обеспечения этой силы арендатор, в свою очередь, должен был передать часть своих земель другим арендаторам, которые должны были явиться по его вызову с всадниками и оружием, собранным ими аналогичным образом. Этот процесс назывался "субинфеудацией". Таким образом, общество приобрело форму пирамиды с королем на вершине, непосредственно под ним - его главные арендаторы, а под ними по ранжиру или слоям - остальные арендаторы.

Это приводит нас к основанию пирамиды - людям, которые не могли сражаться сами, не имея ни лошадей, ни оружия, и уж точно не могли одолжить других воинов под знамена своего господина. Неужели они не должны были получить землю?

В римской вилле нижним слоем был раб, не имеющий никаких прав даже на собственное тело. В системе феодализма основание пирамиды составляли "крепостные", люди, изначально свободные, имевшие обычное право на землю, на которой они жили, но потерявшие свободу по феодальному праву и привязанные к земле, *ascripti glebae*, таким образом, что в случае субаренды или продажи земли они переходили к новому владельцу, как деревья или трава. В обмен на землю, хотя они могли и не служить своему господину с копьем или луком, они работали на его полях, строили его мосты и замки, чинили его дороги и охраняли его скот.

Сверху вниз по этой пирамиде феодального общества проходили связующие нити "аренды" и "службы", но это были не единственные звенья, которые удерживали феодальное общество вместе. Когда арендатор приносил "дань" за свою землю, "с непокрытой головой, с расстегнутым поясом, снятым мечом", клал свои руки между руками своего господина и давал клятву, как уэссекские гномы своему королю, "любить то, что он любит, и сторониться того, чего он сторонится, как на море, так и на суше", в эти отношения вступали более тонкие узы верности, полагающиеся вассалу по отношению к своему повелителю. Это был потомок старой тевтонской идеи *comitatus*, описанной [Тацитом](#)⁷, когда вождь был призван вести и направлять, а его телохранитель обязывался следовать за ним до смерти, если потребуется.

Короче говоря, феодализм можно описать как систему общества, основанную на владении землей, то есть систему, в которой правовой статус и социальный ранг человека в основном определялись условиями, на которых он владел (то есть обладал) своей землей. Такая система, возвращаясь к нашему примеру с пирамидой, росла не только с вершины, когда государь даровал земли, как это сделал король Франции Ролло "Гангеру", но и с середины и основания.

Одной из главных феодальных сил в средневековые времена была церковь, поскольку, хотя аббаты и епископы не должны были воевать сами, у них часто были военные арендаторы-миряне, которых они могли призвать на помощь королю или своему владыке. Некоторые из этих арендаторов были людьми, которых они обеспечивали поместьями, но другие были землевладельцами, которые добровольно отказывались от своих прав на землю в обмен на

защиту местного монастыря или епископства и таким образом становились его арендаторами. Однако значительная часть церковных земель находилась не в военном или мирском владении, а в обмен на духовные услуги, или, как их называли, бесплатную милостыню, то есть молитвы за душу жертвователя. Возможно, землевладелец хотел сделать благочестивый дар на смертном одре или совершил преступление и считал, что передача имущества церкви умиротворит Бога. По какой-то причине, во всяком случае, он передавал свою землю или ее часть Церкви, которая таким образом накапливала огромные поместья и наделы, свободные от обычных обязательств мирского владения. По всей Европе другие люди, и даже целые деревни и города, предпринимали те же шаги, ища защиты непосредственно у короля, или великого лорда, или аббата или епископа, предлагая взамен ренту, услуги или пошлины на свои товары.

Феодализм в его лучших проявлениях стоял на защите слабых в эпоху, когда армий и полиции в нашем понимании не существовало. Даже когда система падала ниже этого стандарта, а она часто падала очень сильно, в ее призыве к верности все равно оставался идеал, превосходящий обычное мировоззрение того времени, семя более благородного чувства, которое с ростом цивилизации и под влиянием церкви расцвело в цветок рыцарства.

Я заставил их положить свои руки на мои и поклясться
Почитать короля, как если бы он был
их совесть, а их совесть - их король:
Разбивать язычников и поддерживать Христа,
Скакать за границу, исправляя людские обиды,
Не говорить клеветы; нет! и не слушать ее,
Чтить свое собственное слово, как слово Бога,
Жить сладкой жизнью в чистейшем целомудрии.

Таковы клятвы, которые Теннисон вкладывает в уста рыцарей Артура, которые вместе с Карлом Великим и его паладинами были героями средневековой романтики и грез. Король Генрих Фаулер, правивший Германией в начале X века, учредил рыцарский орден, сформировав телохранителей из младших братьев и сыновей своих главных баронов. Прежде чем получить удар мечом по плечу, подтверждающий их новое звание, кандидаты в рыцари давали четыре клятвы: во-первых, говорить правду, во-вторых, верно служить королю и церкви, в-третьих, никогда не причинять вреда женщине и, наконец, никогда не поворачиваться спиной к врагу.

Вероятно, многие из этих полуварваров-полузверей свободно нарушали свои клятвы, но некоторые помнили и слушались, и таким образом среди общей грубости и жестокости эпохи оставалась маленькая закваска мягкости и жалости, чтобы распространить свое влияние на последующие поколения. Именно благодаря этому идеалу рыцарства, часто затмеваемому и даже пародируемому теми, кто претендовал на роль его ярчайшего зеркала, но никогда не теряемому для Европы, сильные нации были готовы защищать права слабых, а мужчины отдавали свои жизни, чтобы отомстить за угнетение женщин и детей.

О злых сторонах феодализма можно написать гораздо больше, чем о хороших. С военной точки зрения эта система была призвана обеспечить короля армией; но если один из его главных арендаторов решал восстать против него, вассалы, державшие свои земли у этого арендатора, с гораздо большей вероятностью сохраняли веру в лорда, которому они сразу

же платили дань, чем в своего государя. Таким образом, зачастую единственной силой, на которую мог опереться король, были вассалы королевского домена.

Кроме того, феодализм, возложив на арендаторов ответственность за закон и порядок в своих поместьях, создал ряд мелких правителей с почти абсолютной властью. Крестьяне судились за свои проступки в суде своего сеньора его судебным приставом или агентом, и по его воле они подвергались смерти или платили штрафы. За исключением случаев, когда Карл Великий был достаточно силен, чтобы посылать [миссионеров](#)⁸ и поддерживать их, когда они отменяли решения местных властей, справедливость или несправедливость сеньора казалась его арендаторам и крепостным реальностью, а закон короля - чем-то тeneвым и далеким.

Будучи герцогом Нормандии, Вильгельм Завоеватель был столь же могущественным, как и его повелитель - король Франции. Когда он прибыл в Англию, то твердо решил, что ни один из баронов, которым он пожаловал поместья, не должен быть ему ровней в этом отношении. Поэтому в 1086 году он созвал всех землевладельцев Англии на совет в Солсбери и заставил их принести клятву верности ему перед всеми остальными лордами. Поскольку он был сильным человеком, он держал своих баронов верными присяге или наказывал их, но во время правления его внука Стефана, который оспаривал английский престол со своей кузиной Матильдой и поэтому пытался купить поддержку военного сословия подарками и уступками, пороки феодализма стали почти бесконтрольными.

"Они оказывали ему почтение и давали клятвы, - пишет англосаксонский летописец, - но не соблюдали их... ибо каждый богач строил свои замки и защищал их от него, и они наполнили землю замками..... Затем они ночью и днем брали тех, кого подозревали в том, что у них есть какое-либо имущество, захватывая мужчин и женщин, и сажали их в тюрьму за их золото и серебро, и мучили их невыразимыми муками..... Я не могу и не имею права рассказывать обо всех ранах и обо всех пытках, которым они подвергали несчастных людей этой земли; и такое положение вещей продолжалось девятнадцать лет, пока Стефан был царем, и становилось все хуже и хуже".

Стефан был слабым правителем, боровшимся с гражданской войной, так что можно утверждать, что никакая система правления не могла бы хорошо работать при таких условиях; но если мы обратимся к обычной жизни крестьян в поместьях монастыря Мон-Сен-Мишель в XIII веке, то увидим, что скромные арендаторы в основании феодальной пирамиды достаточно дорого платили за защиту своих владений.

"В июне крестьяне должны срезать и укладывать сено и нести его в усадьбу... в августе они должны жать и нести в монастырь зерно, их же зерно лежит под ветром и дождем..... На Рождество Богородицы холоп должен отдать свинину, одну свинью из восьми... на Рождество - мелкую и хорошую птицу... на Вербное воскресенье - овец... на Пасху он должен пахать, сеять и боронить. Когда идет строительство, арендатор должен привозить камень и прислуживать каменщикам... он также должен таскать дрова для монастыря за два динара в день. Если он продает свою землю, то должен своему господину тринадцатую часть ее стоимости, если он женится на своей дочери вне господских владений, то платит штраф, - он должен молоть свое зерно на господской мельнице и печь свой хлеб в господской печи, где обычные сборы никогда не удовлетворяют слуг".

Конечно, у крестьянина Средневековья было мало времени, чтобы оплакивать даже свои собственные страдания. Возможно, сохранить свою лачугу от пожара и грабежа, а семью - от голодной смерти - вот все, к чему он часто стремился.

Война, как говорят, "была законом феодального мира", и по всей Европе возникали обнесенные рвами замки могущественных баронов, обнесенные стенами города и деревни как свидетельство беспокойного состояния общества в эти века. Некоторым натурам эта атмосфера насилия, конечно же, пришлась по душе.

Я, господа, за войну,
Мир приносит мне боль,
Никакое другое вероисповедание меня больше не удержит.
В понедельник, во вторник, когда угодно,
День, неделя, месяц или год для меня все равно.

Так пел провансальский барон двенадцатого века, и мы находим отголосок его духа в Испании уже в пятнадцатом, когда некий дворянин, вздыхая о радостях и трофеях гражданской войны, заметил: "Я бы хотел, чтобы в Кастилии было много королей, ибо тогда я был бы одним из них".

Божье перемирие

Пытаясь справиться с духом анархии, церковь в разных случаях устанавливала "Божье перемирие", несколько напоминающее "священные месяцы", придуманные арабами для подобной цели. Со среды до понедельника, а также в определенные сезоны года, такие как Адвент или Великий пост, война была полностью запрещена под церковным порицанием, а священники, рабочие, женщины и дети не подвергались никаким посягательствам.

Недостаток таких реформ заключался в отсутствии механизмов их обеспечения; и феодализм, система, при которой на практике немногие жили за счет многих, продолжал процветать, пока иностранные приключения, такие как крестовые походы, не поглотили некоторых из его главных сторонников, а цивилизация и гуманность не сумели построить новые основы общества на его месте. Казалось бы, уроки хорошего управления должны были быть усвоены в суровой школе, как правило, на горьком опыте управляемых.

Монашество

Если изучение феодализма необходимо для познания материальной жизни Средневековья, то его дух будет закрытой книгой без понимания монашества. Что побудило мужчин и женщин, не просто несколько благочестивых душ, а тысячи простых людей всех наций и сословий, от князя до крепостного, оставить мир ради монастыря; и, отнюдь не сожалея об этой жертве, с очевидной искренностью утверждать, что они выбрали лучшую долю? Если мы хотим понять средневековый ум, мы должны найти ответ на этот вопрос.

Обращаясь к самым ранним дням монашества, когда "Отцы Церкви" искали отшельнические кельи, мы вспоминаем, как тонкие натуры сжимались от жестокости и похоти языческого общества; как они были убеждены, что путь к Богу - это закрыться от мира; как Симон Стилистов хотел заставить бездумный ум при виде своего самобичевания хотя бы на мгновение задуматься о будущих рае и аде.

Подобные мотивы продолжали вдохновлять восторженных христиан на протяжении всех Темных веков, следовавших за падением Рима; но по мере того как Европа внешне

обращалась в католическую веру, монах бежал не от язычества, а от насмешек над своими убеждениями, которые он находил в жизни так называемых христиан. Разврат императорских дворов, даже Константина или Карла Великого, коварная жестокость крещеного Хлодвиг, безжалостный эгоизм феодального барона или норманнского авантюриста, сражающегося во имя Христа, - все это было трудно совместить с Евангелием бедности, кротости и братства.

Даже свет чистых идеалов, некогда поддерживаемый Церковью, начал тускнеть; ведь люди обычно терпимы к злу, к которому привыкли, а священник, выросший среди варварских нашествий, был склонен смотреть на грубость и насилие, которые они порождали, как на естественную сторону жизни. Как правило, он продолжал придерживаться чуть более высоких стандартов поведения, чем его прихожане, но иногда опускался до их уровня или ниже.

Однако большую опасность для Церкви, как и всегда в ее истории, представляли не трудности, с которыми она сталкивалась, а процветание. Епископы, "надзиратели", отвечающие за дисциплину и благосостояние своих епархий, в Средние века в силу своей власти и влияния слишком часто становились слугами земных правителей, а не Бога. Гораздо более образованные и дисциплинированные, чем миряне, опытные в епархиальных делах, не связанные узами жены и семьи, поскольку церковный закон запрещал духовенству жениться, они избирались королями на ответственные посты в государстве. Обычно они доказывали мудрость своего выбора своими административными дарами и лояльностью, но для Церкви добавление политической власти к церковной в конечном итоге оказалось губительным.

Огромные земельные богатства превращали епископов в феодальных баронов, а епископства, в свою очередь, рассматривались как должности, находящиеся в распоряжении короля; плохой король мог разделить их между своими фаворитами или продать самым высоким претендентам, не обращая внимания на их моральный облик. Так в Церковь вошел грех "симонии" или "торговли святынями", столь решительно осужденный первыми апостолами, и, следуя по пятам симонии, мирское развращение, порожденное соблазнами богатства и власти. Епископ, причисленный к феодальным баронствам и принимавший в своем дворце распущенную знать, вряд ли был потрясен осуждением священников за невежество или безнравственность или тратил свое время на попытки исправить их привычки.

Поэтому не только в ужасе перед миром, но и в упреке к самой Церкви монах обратился к идее отделения от людей и общения с Богом. В первые дни монашества каждый отшельник следовал своей особой теории молитвы и самодисциплины; он собирал вокруг себя небольшие общины учеников, а те оставались или уходили в другие общины по своему усмотрению - отсутствие системы часто приводило к нездоровому фанатизму или бесполезной праздности.

Святой Бенедикт

В VI веке итальянский монах Бенедикт Нурсийский (480-543) составил свод правил для своих последователей, который под названием "правило Бенедикта" стал стандартным кодексом монашеской жизни для всего западного христианства. Бенедикт требовал от своих монахов двенадцатимесячного "послушничества", в течение которого они могли проверить свое призвание к жизни в постоянном самопожертвовании. По окончании этого срока, если послушник сохранял твердость в своих намерениях и получал одобрение монастырских властей, его принимали в братство, давая вечные обеты бедности, послушания и целомудрия

- три условия жизни, наиболее враждебные жажде обладания, буйству и чувственности, которые доминировали в Средние века. К этим обетам добавлялось обязательство ручного труда - семь часов работы в день в дополнение к чтению молитв, предписанных общине.

Верного бенедиктинца, по крайней мере, никогда нельзя было обвинить в безделье, и цивилизирующему влиянию "регуляров", как называли монахов за то, что они подчинялись правилам (*regula*), в отличие от "светских" священников, живших в миру, Европа обязана огромной благодарностью.

Иногда пренебрежительно говорят, что монахи Средневековья выбирали красивые места для постройки роскошных домов. Конечно, они выбирали, как правило, окрестности рек и озер, ведь вода была главной жизненной потребностью, и в таких окрестностях возводили часовни и монастыри, ставшие архитектурным чудом света. Однако многие из этих чудес начинались в кругу деревянных хижин, построенных на мелиорированном болоте, и именно труд последователей святого Бенедикта заменил дерево на камень, а болота - на сады и фермы.

Там, где варвар или феодальный анархист сжигал и разрушал, монах Средневековья возвращал бесплодную почву к пастбищу или обработке; и так же, как он пропалывал, сеял и сажал в рамках своего обязательства перед Богом, так и из продуктов своего труда он обеспечивал нуждающихся у своих ворот или в своих монастырских школах давал невежественным людям зачатки знаний и культуры. Монастыри были центрами средневековой жизни, а не смерти, как замки. В своей тихой келье монах-летописец становился историком; переписчик с бережным отношением воспроизводил обветшавшие рукописи; иллюминатор создавал тщательные картины своего времени; аптекарь придумывал странные целебные снадобья или в своих тиглях создавал диковинные краски.

"Хорошо нам жить здесь, где человек живет чище, реже падает, быстрее поднимается, осторожнее ступает, надежнее отдыхает, легче получает отпущение грехов и щедрее вознаграждается". Это изречение святого Бернарда, одного из поздних реформаторов монашества; его идеал был общим представлением о лучшей жизни, как ее понимали в Средние века. В монастыри стекались набожные люди, ищущие дом молитвы, а также студенты или художники, неспособные следовать своим наклонностям в бурном мире, и люди, которые презирали или боялись атмосферы войны. Даже феодальный барон делал паузу в своих ссорах, чтобы сделать какой-нибудь благочестивый дар аббатству или приору, дань вере, которой он восхищался, но был слишком слаб, чтобы ее исповедовать. Иногда он приходил в более позднем возрасте, кающийся, который, работая, как и его крепостной, искал в монастыре спасения своей души. "В монастырях, - говорит средневековый немец, - можно было увидеть графов, которые готовили на кухне, и маркграфов, которые выводили своих свиней на корм".

Монашество, с его верой в братство, было нивелировщиком сословных различий; но, как и вся церковь, оно нашло в народном энтузиазме, который оно вызывало, путь к искушению. Люди, как мы видели, вступали в монастырь по другим причинам, нежели чистая преданность Богу; а правило Бенедикта оказалось слишком строгим, и они тайно предавались грехам, которые, возможно, не контролировались и не обличались, потому что аббаты со временем переставали быть святыми и становились, как и епископы, феодалами с мирскими интересами. Таким образом, пороку и лени было позволено распространяться и цепляться, как ветру.

На протяжении всего Средневековья среди монашеских орденов были времена коррупции и неудач, сменявшиеся волнами масштабных реформ и искренних усилий, когда Крест вновь возвышался как эмблема жертвенности и притягивал к себе более духовных людей.

Основание Ключни

В 910 году в Бургундии был основан монастырь Ключни, который, освободившись от юрисдикции местных епископов и перейдя под прямое управление Папы, смог основать реформированный бенедиктинский орден. Его аббат был признан настоятелем не только монастыря в Ключни, но и "дочерних" домов, которые возникли по всей Европе и подчинялись его дисциплине и правлению.

Другими монашескими орденами, основанными вскоре после этой даты, были карфузианцы и цистерцианцы.

В своем стремлении бороться с мирской жизнью первые карфузианцы, или монахи монастыря Шартрё, вели непрерывную войну с мирскими удовольствиями. Строгий пост в течение восьми месяцев в году; один прием пищи в день, съедаемый в тишине и одиночестве; никаких разговоров с другими братьями, кроме еженедельных собраний - таков был фон жизни в труде и молитве.

Монастырь Сито на юге Франции, от которого цистерцианцы взяли свое название, был еще одной попыткой жить в мире, но не от него. Белые монахи", названные так из-за цвета своих шерстяных одеяний, искали уединения, в которых строили свои дома. Их церкви и монастыри до сих пор входят в число архитектурных памятников; но из-за страха перед богатством они отказывались ставить в них кресты из золота и серебра или разрешать священникам носить расшитые облачения. Ни один цистерцианец не мог за деньги читать службу мессы или получать плату за лечение душ. Своими руками он должен был трудиться за свое скудное пропитание, не забывая всегда благодарить Бога за полное самоотречение, к которому обязывал его орден.

Святой Бернард из Клерво

Главным среди цистерцианских святых является Бернар (1090-1153), бургундский дворянин, который в 1115 году основал дочерний монастырь своего ордена в Клерво и как его глава стал одним из лидеров средневековой мысли. Когда ему было всего двадцать лет, он предстал перед аббатом Сито с группой соратников, родственников и друзей, которых его красноречие убедило вступить в монастырь вместе с ним. На протяжении всей жизни эта власть над другими и бесстрашие в использовании этого влияния были его самыми яркими чертами. "Его речь, - писал один из знавших его людей, - соответствовала его аудитории... С деревенскими людьми он говорил так, словно родился и вырос в деревне, а с представителями других сословий - так, словно всегда был занят их делами. Он приспособлялся ко всем, желая обрести всех для Христа".

В этих последних словах заключена его миссия и секрет его успеха. Его красноречие никогда не было направлено на себя, и люди, желавшие покриковать на него, были подавлены его искренностью. Суровый к собственным недостаткам, мягкий и смиренный с братьями, готовый принять упрек или взяться за самую низкую задачу, Бернар был свиреп и непримирим к человеку или условиям, которые, как ему казалось, стояли на пути Божьей воли.

"Я скорблю о тебе, сын мой Джеффри, - писал он молодому монаху, покинувшему аскезы Клерво..... Как мог ты, призванный Богом, последовать за дьяволом,

вспомнив о тебе?... Обратись, говорю я, пока бездна не поглотила тебя... пока связанный по рукам и ногам ты не был брошен во тьму внешнюю... закрытый тьмой смерти".

Правителю Франции он направил письмо с упреками, заканчивающееся словами: "Страшно попасть в руки Бога Живого даже тебе, о король!" И его дерзость, вместо того чтобы погубить его, привела ведущих священнослужителей и государственных деятелей Европы в кельи Клерво, словно в храм оракула, чтобы узнать волю Божью.

Из своей кельи святой Бернар проповедовал Второй крестовый поход, исправлял злоупотребления в Церкви, низлагал антипапу и обличал еретиков. В своем недоверии к человеческому разуму, пытавшемся освободиться от некоторых догматических утверждений раннехристианской мысли, он представлял узкий кругозор своей эпохи: но в своей любви к Богу и через Бога к человечеству он олицетворяет духовное очарование, которое, как золотая нить, проходит сквозь все отбросы черствости и предательства средневекового ума.

"Не печальтесь, - писал он родителям одного послушника, - он уходит к Богу, но вы его не теряете... скорее через него вы приобретаете много сыновей, ибо все мы, принадлежащие к Клерво, приняли его как брата, а вас - как родителей".

Для святого Бернара самоотречение означало самореализацию, отказ от жизни, чтобы вновь обрести ее очищенной и обогащенной; и это был идеал монашества, часто неправильно понимаемый и дискредитируемый его слабыми последователями, как и все идеалы, но все же являющийся славой его святых.

XI ВОПРОС ОБ ИНВЕСТИТУРЕ

Мы уже говорили, что в "Страсбургской клятве" ⁹ можно было провести различие между младенческими нациями Франции и Германии. Это правда, но Германия, хотя и отличалась от своих соседей, на протяжении всего Средневековья оставалась скорее агломерацией государств, чем нацией, как мы понимаем это слово сегодня.

Одна из причин отсутствия общей политики и амбиций заключалась в том, что Карл Великий, хотя и покорил саксов и другие германские племена, так и не сумел сварить их в единый народ. При его преемниках различные расы легко вернулись к тому, чтобы считать себя скорее саксами, франконцами или баварцами, чем германцами, а богемцы и вовсе скатились в язычество и вновь стали совершенно нецивилизованными.

Этому инстинкту обособления способствовала феодальная система, поскольку мятежные арендаторы могли рассчитывать на поддержку провинциальных чувств в борьбе с королем-владыкой. Поэтому неудивительно, что борьба, разгоревшаяся в Германии, как и в других странах Европы, между правителями и их феодальными баронствами, была решена в пользу баронства.

Возможно, если бы какой-нибудь сильный король уделил этой проблеме все свое внимание, ему удалось бы, подобно Вильгельму I Английскому, сделать себя настоящим хозяином всей Германии; но, к сожалению, правители Германского королевства никогда не были свободны от внешних войн. Как норманны обрушились на берега Франции, так датчане, славяне и венгры были постоянной угрозой для цивилизации Германии; орды этих варваров ежегодно прорывались через границы и даже грабили районы к западу от Рейна.

Из-за этой внешней угрозы германские короли вынуждены были полагаться в защите своих границ на военную мощь своих великих вассалов. Они даже были вынуждены создать на своих северных и восточных границах крупные владения, называемые "марками" (march-lands), которые служили бы национальным оплотом. Над ними правили "маркграфы" ("графы" или графы марки), обладавшие значительной степенью независимости. Современная Пруссия когда-то была маркой Бранденбурга, военного государства, созданного против славян; Австрия - маркой, размещенной на востоке между Баварией и венграми; Шлезвиг - маркой, созданной для сдерживания датчан.

Еще один повод для разлада: когда в начале X века в Германии прервалась династия Каролингов, возникла практика избрания королей из числа главных князей и герцогов. Хотя этот план работал хорошо, если выборщики делали честный выбор, он, с другой стороны, давал феодальному баронству оружие, если они хотели заключить сделку с будущим правителем или назначить слабака, чей авторитет они могли подорвать.

Генрих "Фаулер"

Первым из выборных королей Германии был Конрад Франконский, во время правления которого феодальная система пустила прочные корни, и который правил скорее через своих баронов, чем вопреки их желаниям. На смертном одре он продемонстрировал свое искреннее стремление к благополучию Германии. "Я знаю, - заявил он, - что нет человека более достойного сидеть на моем троне, чем мой враг Генрих Саксонский. Когда я умру, возьмите ему корону и священное копье, золотой нарукавник, меч и пурпурную мантию старых королей". Князья, последовавшие его совету, нашли своего нового правителя, охотящегося на ястреба на склоне горы, и под прозвищем Генрих "Фаулер" он стал их королем и одним из национальных героев Германии.

В своей неустанной борьбе с захватчиками Генрих I напоминает англосаксонского Альфреда Великого, и, как и Альфред, поначалу был вынужден бежать перед своими врагами. К отвращению великих герцогов, он купил девятилетний мир с венграми выплатой дани; но когда враг ушел, он сразу же начал строить замки или "бурги" и заполнять их солдатами под командованием "бургграфов". Эти замки были расставлены по всей границе, и постепенно деревни и города собирались вокруг них для безопасности.

На десятый год венгры, как обычно, пришли за данью, но Генрих приказал бросить к ногам их посланника дохлую собаку.

"В будущем это все, что ваш господин получит от нас", - воскликнул он, и ответ, как он и ожидал, вызвал немедленное вторжение. Однако вместо того, чтобы, как в прежние времена, опустошить сельскую местность, венгры обнаружили хорошо укрепленные и снабженные провиантом "бурги", которые они не могли ни взять, ни оставить в безопасности в своем тылу. Когда же они наконец встретились с Генрихом в битве, то разбились и бежали перед его натиском, объявив, что золотое знамя святого Михаила, которое он нес во главе войска, каким-то волшебным образом привело их к гибели.

Помимо отражения захватчиков, Генрих Фаулер в значительной степени навязал свою волю мятежному баронству. В другой [главе10](#) мы видели, как он учредил "рыцарский орден", чтобы привлечь к службе неугомонную энергию младших сыновей знати: он также пытался укрепить средний класс в противовес баронству, поощряя строительство обнесенных стенами городов для защиты купцов, а свои советы проводил скорее в городах, чем в лесах, как его предшественники, чтобы привлечь туда людей для поселения. Многие марки обязаны своим происхождением политике Генриха, направленной на укрепление пограничных провинций; в этом и в своем стремлении покорить венгров он нашел достойного преемника в лице своего сына Оттона I.

Оттон Великий

Правление Оттона с одной стороны можно назвать историей войн. Сначала были внешние войны - покорение Дании, чей король стал немецким вассалом; отвоевание и обращение Богемии; а также ряд кампаний против венгров, завершившихся в 955 году победой под Аугсбургом, настолько полной, что ненавистные захватчики больше никогда не осмеливались пересекать границу, разве что в составе мародерских отрядов.

Но помимо борьбы с иностранными соседями Оттону приходилось вести непрерывную борьбу внутри страны, чтобы восстановить власть короны над такими великими герцогствами, как Лотарингия и Бавария. Когда ему удавалось это сделать, он заменял самых буйных герцогов членами собственной семьи или дарил большие поместья епископам, надеясь таким образом обеспечить себе верных главнокомандующих. Однако в этом он не преуспел, поскольку феодальные епископы оказались его злейшими врагами; тогда он обратился за помощью к новому типу церковников, порожденному реформаторским движением Ключийцев - людям образованным и культурным, монахам в их религиозных обрядах, государственным деятелям в их взглядах. Они были едины с ним в его стремлении к объединенной Германии и более чистой Церкви; но Оттон столкнулся с большой проблемой, когда захотел реформировать и контролировать своих епископов. Насколько немецкое духовенство находилось под его юрисдикцией? Насколько они обязаны подчиняться только Риму, как они утверждали, если он пытался установить над ними свою власть?

Карл Великий легко справлялся с подобными трудностями, ведь папа был его союзником, почти, можно сказать, вассалом, и поэтому в церковных вопросах они могли иметь одно мнение. Однако ко времени Оттона Великого германские короли уже давно перестали быть императорами, а императорский титул, передававшийся от одного итальянского принца к другому, потускнел в глазах всего мира. Так стоило ли германскому королю возвращать себе этот титул, чтобы получить контроль над престолом Святого Петра?

Знатоки истории, способные проверить средневековую политику по ее конечным результатам, ответят "нет", видя, что германским королям стоило бы устоять перед навязчивой идеей короны Ломбардии и Рима; но для Оттона вопрос о вмешательстве в дела Италии имел совсем другой аспект. Слишком великий, чтобы ослепиться титулом императора, слишком занятой, чтобы вторгнуться в Италию только ради того, чтобы вынудить Папу стать его союзником, Оттон оказался перед необходимостью выбирать: стать ли ему повелителем земель по ту сторону Альп или предоставить это сделать одному из своих самых могущественных подданных, герцогу Баварскому.

Поводом для такого выбора стало убийство графа Лотаря Прованского, одного из претендентов на итальянский престол. Вдова Лотаря, Аделаида, бургундская принцесса, обратилась в Германию с просьбой отомстить за ее обиду - рыцарское ремесло с такими перспективами прибыли, что несколько немецких принцев, в частности герцог Баварии, чьи

земли лежали к северу от Альп, с готовностью взялись за его осуществление. В 951 году Оттон Великий, предвосхищая их амбиции, перешел Альпы с войском, спас Аделаиду от убийцы ее мужа, сам женился на ней и был коронован королем Италии в Павии.

Отозванный в Германию иноземными вторжениями, он вновь появился в Италии десять лет спустя, а в феврале 962 года был коронован папой в Риме как император. Его преемники, отказавшись от титула "король Германии", отныне претендовали на звание "королей римлян" при избрании, а после коронации папой - "императоров Священной Римской империи" - временных владык христианства, в то время как папы претендовали на роль духовных наместников.

Эта коронация Оттона Великого стала поворотным пунктом в истории Германии, хотя в то время она не вызвала особого ажиотажа. Для самого Оттона она стала лишь кульминацией его карьеры, позволившей ему без помех провести задуманную им реформу немецкой церкви, а также издать хартию, которая, подтверждая временные владения пап, требовала от них перед посвящением принести присягу на верность императору. Благодаря этой мере папство стало в глазах Европы просто главной церковью во владениях императора; и при ближайших преемниках Оттона это главенство не оспаривалось всерьез самими папами. В некоторых случаях они были германскими номинантами, готовыми признать скипетр, обеспечивший их избрание; но даже там, где этого не происходило, существовало общее чувство, что Риму следует меньше опасаться тирании императоров за Альпами, чем посягательств мелких владык Италии.

Герцоги Сполетума, графы Тосканы и бароны римской Кампаньи не испытывали к главе христианства ни малейшего уважения, разве что как к пешке в своих политических ходах. Одна из самых беспринципных и беспутных семей в окрестностях Рима, Кресцентии, претендовавшие на титул патриция, некогда пожалованный восточными императорами итальянским наместникам, обеспечили папство для трех последовательных членов своего дома. При последнем из них, Бенедикте IX, мальчике двенадцати лет на момент его избрания, порок и тирания разгуливали по улицам Рима безудержно и бессовестно. Молодой папа, которого современник назвал "капитаном воров и разбойников", не побрезговал увенчать свои грехи тем, что в минуту опасности продал свой священный сан другому члену своей семьи. Поскольку его бесчинства уже привели к тому, что народ Рима создал антипапу, а сам он очень скоро отрекся от престола, кульминацией позорного положения дел стали три папы, каждый из которых обличал друг друга и каждый вооружал своих сторонников для сражений на улицах.

Синод Сутри

Вмешательство императора Генриха III (члена Сальского дома Саксонии) приветствовалось со всех сторон, и на синоде в Сутри все соперничающие папы были низложены, а на их место избран немецкий епископ, выбранный императором.

Современный историк назвал Генриха III "самым сильным принцем, которого Европа видела со времен Карла Великого". Ему удалось не только подчинить непокорных богемцев и венгров, но и создать в Германии временное подобие нации, овладев ее баронством и очистив церковь. Его влияние на Италию было полностью направлено на ее благо; но по иронии судьбы его кузену Бруно, которого он выдвинул на престол Святого Петра под именем Льва IX, было суждено заложить основы папства, независимого от немецкого контроля.

Бруно сам настоял на том, чтобы его избрали законным путем духовенство и народ Рима, и, хотя он был королевской крови, вошел в город босиком, как кающийся. В отличие от надменных римских вельмож, для которых титул "Папа" казался лишь дополнительным средством получения мирских почестей и удовольствий, после посвящения он остался кротким и доступным для своих подчиненных и посвятил все свое время работе над реформами. На своем первом соборе он решительно осудил грех симонии и настаивал на безбрачии духовенства как единственном способе освободить его от мирских увлечений и амбиций.

Чтобы его послание не казалось предназначенным только для Италии, он совершил долгие путешествия по Германии и Франции. Везде он проповедовал очищенный идеал Церкви, поддерживаемый монахами Клуни; но бок о бок с этим он и его преемники ставили другую идею, которую они стремились реализовать, - господство папства в Италии как временной власти.

Именно Лев IX, опасаясь норманнских поселений на юге Италии как угрозы государствам Церкви, создал лигу против захватчиков, но после поражения от их рук, за которым вскоре последовала его смерть, его преемники, как мы уже видели, мудро заключили мир, оставивший их феодальными владыками Апулии и [Калабрии](#)¹¹. Понимая, что для того, чтобы управлять делами полуострова, они должны оставаться дома, будущие папы отправляли послов, называемых "легатами", чтобы выражать и объяснять свою волю в иностранных государствах; в то время как в 1059 году, в еще одном стремлении к независимости, папа Николай II произвел революцию в методе папских выборов. Папы, согласно указу, больше не должны были избираться голосом народа и духовенства Рима в целом, а только "кардиналами", то есть главными епископами города, заседающими в тайном конклаве. Этот орган, Коллегия кардиналов, должен был быть свободен от вмешательства императора.

Папа Григорий VII

За спиной папы Николая в этой смелой политике независимости стоял один из самых влиятельных деятелей его эпохи, Гильдебранд, архидиакон Рима. Сын деревенского плотника, маленький, плохо сложенный, незначительный на вид, он обладал пронзительным, практичным умом и несгибаемой волей прирожденного правителя людей. Говорят, что в детстве его товарищи застали его выводящим стружками и опилками из мастерской отца слова: "Я буду царствовать от моря до моря", а начал он свою карьеру с того, что сознательно принял изгнание с лучшими из пап, низложенных на Сутрийском соборе; и именно Лев IX, узнав о его гении, нашел его и вернул в Рим.

Постепенно не только сменявшие друг друга папы, но и сам город стал опираться на его силу, и когда в 1073 году Святой Престол остался вакантным, народ поднял всеобщий крик: "Гильдебранд - Папа! Такова воля святого Петра!

Приняв имя Григория VII, Гильдебранд неохотно, если верить его собственному рассказу, принял главенство в Церкви. Возможно, осознавая, насколько его идеал этой должности отличался от ее реальности, он на мгновение содрогнулся от задачи, которую поставил перед собой; но как только он взошел на престол, в его отношении к миру не было никакой слабости.

Для него слова Христа "Ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою" никогда не могли сочетаться с вассальной зависимостью от какого-либо временного правителя. Святому Петру и его преемникам, а не императорам или королям, была дана власть связывать или развязывать, и толкование Григорием этого текста даже не допускало существования двух

равноправных держав, управляющих христианством в союзе. "Человеческая гордыня создала власть королей, - заявил он, - милосердие Божие создало власть епископов... Папа - господин императоров и стал святым благодаря заслугам своего предшественника святого Петра. Римская церковь никогда не ошибалась и Священное Писание доказывает, что она никогда не сможет ошибаться. Противиться ей - значит противиться Богу".

Такая точка зрения, если ее подвергнуть практической проверке, непременно встретит решительное, а то и яростное сопротивление. Так, когда Григорий потребовал от Вильгельма Нормандского принести клятву верности, якобы обещанную последним Александру II в обмен на папское благословение на завоевание Англии, Завоеватель ответил богатыми дарами в знак благодарности за папскую поддержку, но дополнил их посланием, столь же бескомпромиссным, как и папский идеал: "Я не клялся и не буду клясться в верности, в которой никогда не клялся ни один из моих предшественников, как ваш". После этого Вильгельм стал распоряжаться бенефициями и епископствами в своем новом королевстве по своему усмотрению и даже зашел так далеко, что запретил признавать любого нового папу в своих владениях без его разрешения или публиковать папские послания и декреты, не получившие его санкции.

Возможно, если бы Англия была ближе к Италии или если бы Вильгельм злоупотреблял своей властью вместо того, чтобы реформировать английскую церковь, Григорий VII мог бы принять брошенную к его ногам перчатку неповиновения. Вместо этого он остался в дружеских отношениях с Вильгельмом; и именно в империи, а не в Англии, началась борьба между церковью и государством.

Император Генрих III, созвавший Синод Сутри, был великим правителем, достаточно великим, чтобы достичь удовлетворительного компромисса с Хильдебрандом, но, хотя перед смертью ему удалось сохранить корону для своего сына Генриха, шестилетнего мальчика, он не смог завещать ему силу характера или государственную мудрость. Таким образом, после его смерти в 1056 году состояние его дома и империи медленно пошло на убыль.

Трудно оценить природные дарования нового правителя Германии, поскольку несчастливое воспитание исказило его мировоззрение и привязанности. Оставленный поначалу под опекой матери, императрицы Агнессы, юный Генрих IV в возрасте одиннадцати лет был заманен на корабль, принадлежавший Анно, амбициозному архиепископу Кельна. Пока он любовался ее чудесами, корабль отправился вверх по Рейну, и хотя мальчик, пытаясь спастись от похитителей, вывалился за борт, его спасли и вернули обратно. Следующие четыре года он оставался воспитанником сначала архиепископа Анно, который жестоко наказывал его за малейшую провинность и лишал общения с ровесниками, а затем Адальберта, архиепископа Бременского, который потакал всем его прихотям и страстям.

В конце концов, в возрасте пятнадцати лет, красивый и царственный внешне, но совершенно бесконтрольный и беспутный в своем образе жизни, Генрих был объявлен совершеннолетним, чтобы править самостоятельно, и сразу же начал отдалять своих баронов и людей. Он женился против своего желания на простой дочери одного из своих маркграфов и выразил свое негодование жестоким обращением и пренебрежением к ней, к гневу ее влиятельных родственников; он также построил замки на вершинах холмов в Саксонии, откуда его войска угнетали сельскую местность; но грехом, за который ему суждено было быть призванным к ответу, было его вопиющее злоупотребление своей властью над немецкой церковью.

Поначалу, когда Папа упрекнул его в продаже епископств и бенефиций, Генрих извинялся в своих письмах; но на самом деле он не собирался исправляться и вскоре начал открыто

гневаться на римскую критику и угрозы. В конце концов, яростные споры перешли в так называемый "Вопрос об инвеституре", и поскольку эта проблема повлияла на все отношения церкви и государства в одиннадцатом веке, важно понять, что именно она означала для Европы.

Инвеститура - это церемония, в ходе которой временный правитель, например король, передавал вновь избранному церковному чиновнику, например епископу, земли и права, принадлежащие его должности. Король вручал епископу кольцо и палицу, а епископ в ответ помещал свои руки между руками короля и оказывал ему почтение, как светский арендатор-главнокомандующий.

Римский престол заявил, что не подобает, чтобы руки, священные для служения Богу у Его алтаря, были покорно положены между руками, которые временный правитель запятнал кровью войны. За этой фигурой речи скрывалась истинная причина, заключавшаяся в том, что если перстень и козёл будут восприниматься как символы земель и должностей, то епископы будут склонны считать эти временные владения главными в своей жизни, а клятву почтения, которую они давали в обмен, - более важной, чем обет служить Богу.

Григорий VII считал, что не сможет реформировать Церковь, если не избавит ее служителей от зависимости от светских правителей, которые могли их подкупить или запугать; а в эпоху, когда он жил, он мог показать, что на каждого Вильгельма Нормандского, готового "инвестировать" хороших церковников, приходится сотня королей или мелких правителей, которые заботятся только о хороших арендаторах, то есть помещиках, которые будут исправно поставлять им солдат и оружие.

В качестве контраргумента временные правители утверждали, что церковники, принимающие земли и должности, являются в этом отношении светскими арендаторами, как бы папа ни называл их. Король, лишившийся права инвестировать своих епископов, терял контроль над богатыми и важными подданными, а поскольку он также терял право отказать в инвеституре, то мог обнаружить, что его главные епископства находятся в руках нелояльных мятежников или иностранцев, о которых он ничего не знал.

Вопрос был сложным, в основном потому, что с обеих сторон было много правды; Григорий, однако, заставил себя решить его, и в начале 1075 года на синоде, состоявшемся в Риме, издал знаменитый указ, которым светская инвеститура отныне категорически запрещалась. Генрих IV, напротив, испортил свое дело диким пренебрежением к справедливости. В том же году он назначил нового архиепископа на важный миланский престол и ввел его в должность, не посоветовавшись с Григорием VII; далее он назначил двух неизвестных иностранцев на итальянские епископства. Разгневанный письмами с протестами, которые вызвали эти действия, он созвал церковный собор в Вормсе в следующем году и там побудил большинство немецких епископов с большой неохотой объявить Григория низложенным.

Генрих, король не по узурпации, а по Божьей милости, к Гильдебранду, отныне не папа, а лже-монах....". Так начиналось его следующее письмо к римскому понтифику, на которое Гильдебранд ответил отлучением своего низложенного папы.

"Блаженный Петр... как твой представитель я получил от Бога власть связывать и развязывать на небе и на земле. Ради чести и безопасности твоей Церкви, во имя Бога Всемогущего, я запрещаю Генриху Королю, сыну Генриха Императора, ... править Германией и Италией. Я освобождаю всех христиан от клятв верности, которые они могли принести ему, и приказываю, чтобы никто не подчинялся ему".

Этот указ дал повод всем немецким дворянам, которых Генрих IV отторг от себя, собраться под знаменем папского легата, а угнетенным саксонским землям - возобновить серьезное восстание, вспыхнувшее двумя годами ранее. Даже немецкие епископы испугались своей роли в низложении Григория, так что на некогда могущественного правителя стали смотреть как на изгоя, у которого почти не осталось настоящих друзей, кроме жены, с которой он жестоко обращался, и не было никакой надежды, кроме покорности. Зимой 1066 года, как гласит старая история, когда горы застыли от снега и льда, он с женой и одним сопровождающим перебрался через Альпы на санях и отправился к папе в его замок Каносса, построенный среди самых высоких хребтов Апеннин.

Григорий холодно отказал ему в аудиенции. Король, сказал он, может заявить, что раскаивается, он уже не раз делал это в прошлом, но слова - это не дела. Отбросив королевские одежды и облачившись в шерстяную тунику кающегося, Генрих, чтобы показать свою искренность, три дня оставался босиком, как нищий, во дворе замка. И только по мольбе итальянских друзей он был допущен к Папе Римскому, который на его возглас "Святой отец, пощадите меня!" поднял его и дал официальное прощение.

Сцена в Каноссе настолько драматична в своем проявлении триумфа Гильдебранда и унижения императора, что осталась в памяти всего мира: однако она не была завершающим актом в их борьбе, а лишь эпизодом, который прошел и не оставил следов. Генрих IV, как только смог завоевать себе сторонников в Германии и Италии, вернулся к практике светской инвеституры, а Григорий VII, который никогда не верил в его искренность, продолжал обличать его и планировать коронацию соперничающих императоров.

Имперские амбиции наконец достигли своего апогея, и Генриху IV удалось склонить немецких и итальянских епископов к очередному низложению Григория и даже назначить антипапу, от имени которого имперские войска опустошили Ломбардию, пробившись на юг до Рима и осадили Гильдебранда в замке Сант-Анджело. Из этого затруднительного положения его спасли норманны Южной Италии под командованием Роберта Гискара; но эти безжалостные вассалы Церкви устроили резню и разграбление Святого города прямо у стен, а когда повернули на родину, уводя с собой Григория VII, оставили пол-Рима в руинах.

Григорий VII умер вскоре после этого, бездомный и низложенный, но с непоколебимой уверенностью в праведности своего дела. "Я любил справедливость и ненавидел беззаконие", - говорил он во время своей последней болезни, - "поэтому я умираю в изгнании". "В изгнании ты не можешь умереть", - ответил епископ, стоявший у его постели. Наместник Христа и Его апостолов, ты получил народы в наследие и крайние части земли во владение". Будущая история должна была показать, что Гильдебранд в поражении добился большего, чем его соперник в победе.

Генрих IV пережил своего врага на двадцать один год, но они были горькими от разочарований. Притесняемый преемниками Григория VII, которые продолжали отстаивать папское верховенство, сталкиваясь с одним восстанием за другим в Германии и Италии, Генрих IV в конце концов сдался перед усталостью и старостью, когда обнаружил, что его сыновья стали лидерами наиболее враждебных ему сил. Даже подчинившись их требованиям, он не нашел покоя: его бросили в тюрьму, заставили отречься от престола и оставили умирать от голода и пренебрежения.

В правление его сына, Генриха V, между Церковью и Империей был достигнут компромисс по "вопросу об инвеституре". По Вормсскому конкордату было решено, что правители должны отказаться от права передавать епископам и аббатам перстень и корону. Они должны были передаваться представителями Церкви кандидатам, выбранным и одобренным

ими; но второй важный момент заключался в том, что эта церемония должна проходить в присутствии короля или его представителя, которому новый епископ или аббат должен был сразу же выразить почтение за свои земли и должности.

Почти такое же соглашение было достигнуто между церковью и государством в Англии примерно пятнадцатью годами ранее, в результате отказа Ансельма, архиепископа Кентерберийского, оказать почтение Генриху I, сыну Завоевателя. В данном случае не было столкновения горечи и неприязни, поскольку старый архиепископ в душе был совершенно лоялен королю, хотя и готов был пойти на костер по совести, как это стало для серьезных церковников. Его господин, со своей стороны, уважал святой характер Ансельма и хотел лишь защитить свои королевские права над всеми подданными.

Поэтому компромисс был предметом радости обеих сторон, и с решениями Вормсского собора инвеститура перестала быть жизненно важной проблемой. Его важность заключается в том, что это была одна из первых битв между Церковью и государством и, хотя и компромиссная, но формальная победа Церкви. Зависимость папства от имперского правительства, которую Европа считала естественной во времена Карла Великого или Оттона Великого, ушла в прошлое, ибо признание церковной свободы от верховенства мирян - один из главных вопросов, за который боролся, замыслил и умер Гильдебранд, - было завоевано его преемниками, последовавшими за ним.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Папа Бенедикт IX 1033-48

Папа Лев IX 1048-54

Папа Николай II 1058-61

XII РАННИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

На императорских штандартах Константинополя был изображен двуглавый орел, символизирующий власть Константина над королевствами Востока и Запада. К концу одиннадцатого века эта эмблема стала больше символизировать тревожные взгляды императора на враждебных соседей. Когда Малая Азия была практически потеряна из-за установления магометанской династии в Никее в ста милях от христианской столицы, болгары стояли у ворот Адрианополя, а норманны и папы владели его греческой вотчиной в Италии, Алексей Коммен, взошед на трон цезарей, оказался хозяином ослабленной империи, состоящей в основном из полосок греческого побережья.

Однако, несмотря на обрезанные территории, Константинополь оставался величайшим городом Европы, и не только по своей великолепной архитектуре и архитектуре, и даже не по своей торговле, а по той власти, которую он сохранял над воображением людей.

Афанарий Готский воскликнул, что правитель Константинополя должен быть богом: Европа одиннадцатого века приняла его за смертного, но все равно увенчала повелителя столь великого города ореолом благоговения. Именно Константинополь завоевал русских, болгар и славян, обратив их из язычества в христианство, причем не в католицизм Западной

Европы, а в греческую интерпретацию христианской веры, называемую ее верующими "православной". Именно Константинополь, чья золотая монета, "визант", была признана средством обмена между купцами всех народов. Именно Константинополь, его богатство, дворцы, пышность и слава правительства привлекли русских, норвежцев и славянских авантюристов служить наемниками в армии императора, подобно тому, как в старину вспомогательные войска стремились присоединиться к римским орлам. Среди телохранителей "варангаров", отвечавших за безопасность персоны императора, одно время можно было встретить немало последователей Гарольда Саксонского, которые, сбежав из покоренной Англии, с радостью поступили на службу к новому повелителю, для которого имя "норманн" также было предано анафеме.

Алексий Комменд был по характеру похож на свою империю - он уменьшился в размерах по сравнению с былыми временами. В его беспринципном умении приспособливать мелочи к своей выгоде не было ничего от практического гения Константина, в его расчетливом мужестве - ничего от героического Карла Великого. Однако его дочь, Анна Коммена, написавшая историю его правления, считала его образцом императорских добродетелей, а его двор, который перестал отличать помпезность от величия и тщательно продуманные церемонии от славы, вторил этому вымыслу. Именно эта смесь претенциозности и слабости, мастерства и хитрости, наглости и вероломства, столь характерная для поздних восточных императоров, заставила народы Западной Европы, восхищаясь Византией, все же использовать слово "византиец" как термин, вызывающий смешанное презрение и неприязнь.

Император, со своей стороны, не имел причин любить своих западных соседей. Папы лишили его Равеннского экзархата: они установили главенство Церкви в Риме, глухом к притязаниям Константинополя. Когда в VIII веке император Лев [Исаврянин12](#) получил прозвище "Иконоборец", или "Разрушитель образов", благодаря кампании по уничтожению богослужебных изображений и образов, которые он осудил как идолопоклоннические, Рим определенно отказался принять это постановление от имени западного христианства.

Это стало началом фактического раскола между Восточной и Западной церквями, которые всегда были чужды друг другу по мировоззрению. В девятом веке раскол расширился, поскольку папа Николай I поддержал патриарха, или епископа Восточной церкви, свергнутого императором, и отлучил от церкви его соперника и преемника, а последующие споры стали непримиримыми в середине одиннадцатого века, когда Константинопольский патриарх закрыл латинские церкви и монастыри в своей епархии и публично объявил взгляды Рима еретическими.

Помимо римского папы у Восточной империи были и другие враги в Италии. Главными из них были норманны, которые, не удовлетворившись захватом Неаполя, под предводительством Роберта Гискара и его сына Боэмунда захватили знаменитый порт Дураццо на Адриатике и вторглись в Македонию. Из этой провинции они были изгнаны Алексием Комменом только после изнурительных кампаний партизанской войны, к которой его военные способности подходили лучше, чем к сражениям или ударной тактике.

Венецианская республика

Более опасным, чем папы или норманны, было торговое соперничество купеческих городов Средиземноморья - Пизы, Генуи и Венеции. Именно Венеция из-за барьера своих островов наблюдала за тем, как Атила Гунн в бессильной ярости уводил свои армии.¹³ Именно

Венеция из североитальянских государств успешно сопротивлялась феодальному господству западных императоров и сохранила собственную форму республиканского правления в неприкосновенности от внешнего контроля. Именно молодая Венеция, "королева Адриатики", как с гордостью называли ее сыновья и дочери, по своему торговому великолепию и высокомерию могла сравниться с угасающей славой Константинополя.

Алексий Комменд в борьбе с Робертом Гискаром был вынужден дважды обращаться к Венеции за помощью ее флота; но он дорого заплатил за этот союз торговыми привилегиями, которые был вынужден предоставить в восточных водах. Где бы на Востоке ни высаживались венецианские купцы для обмена товарами, они быстро завоевывали политическую позицию; а мировой рынок на Адриатике, куда стекались шелка и краски, сахар и пряности Азии, под властью своих "дожей", или герцогов, приобрел не только торговую, но и национальную репутацию.

В 1095 году необходимость подтолкнула Алексия Коммена обратиться за помощью не только к Венеции, но и к папе Урбану II и всем ведущим князьям Западной Европы.

"От Иерусалима до Эгейского моря, - писал он, - турецкие полчища овладели всем: их галеры, бороздящие Черное море и Средиземное, угрожают самому императорскому городу, который, если он должен пасть, лучше попадет в руки латинян, чем язычников".

Эти турки, или "татары", о которых он говорил, были причиной внезапной опасности Восточной империи. Потомки монгольской расы из Центральной Азии, от которой произошли гунны, они обратили свои лица на запад несколько столетий спустя, чем предки Аттилы, воспламененные той же любовью к битвам и кровопролитию и тем же презрением к цивилизации. Для них чудесное Аравийское царство, слепленное сменявшимися друг друга багдадскими халифами из восточного искусства, роскоши и мистицизма, не таило в себе ничего, кроме грабежа. Завоеванная Греция наделила Рим своей культурой, но наследство Харуна аль-Рашида завещало завоевателям лишь боевое кредо ислама.

Магометане по вере, турецкие армии, более опасные, чем когда-либо, потому что более фанатичные, пронеслись по Персии, Сирии, Палестине и Малой Азии, покоряя арабов и христиан, пока не подошли почти к Босфорским проливам. Именно здесь они заставили Алексия Коммена осознать надвигающуюся опасность и обратиться к своим врагам в Европе за защитой своей разрушающейся империи.

Латиняне, или христиане Запада, к которым он обратился, имели достаточно собственных причин, чтобы ответить ему готовыми обещаниями людей и денег. С первых дней существования Церкви у благочестивых людей или грешников, желающих искупить свои грехи, был обычай небольшими компаниями посещать святые места в Иерусалиме, где, по преданию, проповедовал, молился и страдал Христос, чтобы там воздать хвалу Богу и попросить у Него помилования. Эти "паломничества" с их сочетанием хорошего товарищества, опасности и дискомфорта стали очень дороги народному сознанию и, если не поощрялись арабами-магометанами, то, по крайней мере, были терпимы. Для подкрепления уставших или больных путников строились "госпитали", а паломники, заплатив пошлину, могли бродить практически где им вздумается.

С приходом турок все изменилось: Святые места становилось все труднее посещать, христиан побивали камнями и избивали, вымогали последние гроши в виде пошлин, оставляли умирать от голода или бросали в подземелья для выкупа.

Первый крестовый поход

Предание гласит, что некий французский отшельник по имени Петр, посетивший Иерусалим в худшие дни турецкого владычества, однажды ночью пришел к Гробу Господню, плача от увиденных ужасов, и когда он стоял на коленях в молитве, ему показалось, что перед ним стоит сам Христос и велит ему "поднять верующих на очищение Святых мест". С этой миссией он сразу же покинул Святую землю и отправился к папе Урбану II, который уже получил письмо Алексия Коммена и теперь, воодушевленный энтузиазмом отшельника, с готовностью пообещал свою поддержку.

Убедил ли Урбан Петра или нет - вопрос спорный, но, во всяком случае, в 1095 году он созвал совет в Клермоне и в трогательных словах призвал рыцарство Европы отбросить свои частные распри и либо вернуть Святые места, либо умереть перед городом, где Христос отдал свою жизнь за мир. Вполне вероятно, что он говорил из смешанных побуждений. Будучи истинным наследником теорий Григория VII, он не мог не видеть в перспективе религиозной войны, где армии Европы будут сражаться под папским знаменем и по папской воле, возвышения Римского престола. Разве не было также надежды на подчинение греческой церкви римской в результате союза с Греческой империей? Не удастся ли убедить многих беспокойных феодальных князей отправиться на Восток, которые по счастливой случайности вернутся и больше не будут беспокоить Европу?

Подобные расчеты могли бы сплестись в амбициях Урбана, но вместе с ними в него вплетались неземные видения, придававшие ему силу и красноречие, которые не могли дать никакие расчеты. Где бы он ни говорил, толпа устремлялась вперед с криком *Deus vult*, "Такова воля Божья", и это стало боевым кличем крестоносцев.

"Весь мир, - говорит современник, - желал попасть к гробнице Господа нашего в Иерусалиме..... В первую очередь шли люди низшего сословия, затем мужчины среднего ранга, и, наконец, очень многие короли, графы, маркизы и епископы, и, что никогда не случалось прежде, многие женщины направили свои шаги в ту же сторону".

Этот порядок показателен и свидетельствует о том, что призыв Урбана и Петра Отшельника в первую очередь затронул сердца масс, для которых соблазн богачей колебаться и думать о завтрашнем дне не имел никакого значения. До Клермонского собора кукуруза во Франции была дорогой из-за неурожая; но спекулянты, скупавшие зерно, чтобы продать его по высокой цене тем, кто впоследствии должен был есть или умереть, обнаружили, что оно осталось у них на руках после окончания собора. Мужчины и женщины Франции продавали, а не покупали, невзирая на возможный голод, чтобы найти деньги для исполнения своего горячего желания отправиться в Святую землю и там завоевать Гроб Господень и получить прощение своих грехов, как обещали им папа и отшельник.

Обычный крестоносный маршрут пролегал через католическое королевство Венгрия в Болгарию, а оттуда в Константинополь, где различные компании вооруженных паломников договорились встретиться. Именно с входом в Болгарию, чей "православный" ¹⁴ король был тайно враждебен паломникам, начались проблемы. Подозрительные туземцы не давали еды и питья даже тем, кто готов был оплатить дорогу, и тогда совершенно недисциплинированные войска не могли не ответить на это негостеприимство огнем и грабежом. Началась война, в которой латинские отщепенцы были перебиты и убиты горными разбойниками, а многочисленные "неудобные", которые присоединились к крестоносцам скорее в надежде на грабеж и приключения, чем на помилование, создали дурную репутацию своим товарищам своей жадностью и жестокостью, которую они проявляли по отношению к крестьянам.

Здесь было достаточно причин, чтобы объяснить жалкую неудачу передового отряда крестоносцев, бедняков, фанатиков, неприкаянных, собранных вместе без устоявшейся организации и без авторитетных военачальников.

Алексий Коммен, который требовал армию, а не сброд, характерно решил эту проблему, отправив первых крестоносцев в спешке и без поддержки в Малую Азию. Там они пали жертвой турок, болезней и собственной неполноценности, так что лишь немногие из них когда-либо снова увидели берега родных земель.

Если Первый крестовый поход начался с трагедии, то закончился он триумфом, благодаря прибытию в Константинополь второй силы с Запада, на этот раз дисциплинированных войск под командованием главных полководцев Европы. Алексий Комменд имел все основания помнить о доблести своего старого врага, Боэмунда, сына Роберта Гискара, который скакал во главе своих сицилийских норманнов, в то время как другие известные имена были Годфри де Буйон, герцог Лотарингии, и Роберт, старший сын Вильгельма Завоевателя, с архиепископом Одо из Байе, его дядей.

"Некоторые из крестоносцев, - писала Анна Коммена, - были бесхитростными мужчинами и женщинами, шедшими в простоте поклониться гробу Христа; но были и другие, более злобные, например Боэмунд и ему подобные: у таких людей была только одна цель - овладеть имперским городом".

Эти подозрения, возможно, вполне обоснованные, были естественны для дочери недоверчивого Алексия Коммена, который не доверял никому. Не желая принимать при своем дворе столько хорошо вооруженных и зачастую дерзких чужеземцев и в то же время опасаясь в душе содействовать их продвижению, чтобы они не создали соперничающее с его собственным королевство, император, уговорив вождей обещаниями почтения за любые завоевания, которые они могли совершить, в конце концов переправил их и их сторонников через Геллеспонт.

Христианский поход начался со взятия Никеи в 1097 году, за которым последовало победоносное продвижение по Малой Азии. Почти год крестоносцы осаждали, а затем, в свою очередь, были осаждены в Антиохии, терпя мучения от голода, жажды и болезней. Когда мужество ослабло, а надежда казалась почти мертвой, только предполагаемая находка одним из капелланов копья, пронзившего бок Христа, когда он висел на кресте, удержала христиан от сдачи. С этой знаменитой реликвией, которую нес среди них папский легат, крестоносцы широко распахнули ворота Антиохии и бросились вперед с такой неотразимой уверенностью в победе, что турки сломались и обратились в бегство. Поражение превратилось в разгром, и Антиохия осталась христианским княжеством под властью Боэмунда, когда крестоносцы двинулись на юг по прибрежному пути к Иерусалиму.

Они достигли цели своих устремлений 7 июня 1099 года, не в одежде рыцарей и солдат, а босиком, как смиренные паломники, преклонив колени в экстазе благоговения на Елеонской горе. Молитвенное настроение быстро перешло в яростную решимость, и 15 июня Годфри де Буйон и его лотарингцы пробили брешь в массивных стенах и, пробивая себе путь мечом и копьем по улицам, встретили своих братьев-крестоносцев, триумфально вошедших с другой стороны. Последовавшая за этим сцена, хотя и соответствовала средневековой дикости, оставила позорное пятно на христианстве, которое она олицетворяла. Турки, арабы и евреи, старики и женщины, дети и младенцы, тысячи беззащитного населения, были намеренно зарезаны в жертву Христу, который, умирая, проповедовал прощение. Крестоносцы ехали на своих лошадях, по колено в крови этой человеческой рухляди. Ни

молитвы, ни мольбы о пощаде не имели силы", - рассказывает один из очевидцев. Такой резни язычников никто не видел и не слышал. Никто не знал их числа, кроме одного Бога".

Миссия была выполнена, большинство крестоносцев повернулись лицом к дому, но перед уходом они избрали Годфрида де Буйона первым правителем нового латинского королевства Иерусалим, с Антиохией и Эдессой на севере в качестве зависимых княжеств.

Годфри правил почти год, нося титул "Хранителя святой могилы", поскольку отказался короноваться как хозяин города, где Христос носил терновый венок. Его протест характерен для подлинного смирения и любви к Богу, которые так странно смешивались в его жилах с гордыней и жестокостью. Умирая, он оставил репутацию храбреца и справедливого человека, которая овеяла его память романтикой и легендами, подобными сказаниям о Карле Великом.

Военные ордена

Его непосредственными преемниками были брат и племянник, и именно в правление последнего мы впервые слышим упоминание о военных орденах, столь известных в крестоносной летописи Средневековья. Это были "Госпитальеры" или "Рыцари Святого Иоанна", наследники ренты и имущества, принадлежавшего старому "Госпиталю", основанному для паломников в Иерусалиме, и "Тамплиеры", названные так из-за их резиденции рядом с Храмом Соломона.

Оба ордена, как и монахи, были связаны обетами бедности, послушания и целомудрия, но вместо работы на полях от них требовалась вечная война с неверными. Когда тамплиеров призывают к оружию, - говорит один из писателей XIII века, - они интересуются не числом, а положением своего врага. Они - львы на войне, агнцы в доме: к врагам Христа свирепы и непримиримы, а к христианам добры и милостивы".

В двенадцатом веке был основан третий орден - рыцарей Тевтонского ордена, возникший, как и рыцари Святого Иоанна, на базе госпиталя, но построенного немецкими купцами для крестоносцев их собственной расы. В конце тринадцатого века орден перебрался на юг Балтики и на этих холодных негостеприимных берегах отправился в крестовый поход против язычников-литовцев. Для студентов, изучающих современную историю, представляет интерес тот факт, что в XVI веке последний Великий магистр тевтонских рыцарей обратился к доктринам Лютера, подавил свой орден и объединил владения в наследственную вотчину, герцогство Бранденбургское. На "Марке" [15](#) и герцогстве Бранденбургском, основанном с исключительно военными целями, было построено будущее королевство Пруссия.

Латинское Иерусалимское королевство (1099-1187) просуществовало более трех четвертей века. То, что оно было создано с такой сравнительной легкостью, объясняется не только боевыми качествами крестоносцев, но и враждой, разделявшей турецких правителей из дома Сельджуков. Турки значительно превосходили христиан по численности, и стоило халифам Багдада и Каира умерить свой пыл или одному мусульманскому правителю на Востоке добиться верховенства над всеми остальными, как дни маленького латинского королевства в Палестине были бы сочтены. А пока латиняне с переменным успехом удерживали свои позиции, то с помощью свежих рекрутов из Европы, генуэзских и венецианских моряков захватывая прибрежные города, то теряя сухопутные заставы, для защиты которых не хватало гарнизонов.

Именно потеря Эдессы подтолкнула Европу ко Второму крестовому походу, на этот раз благодаря красноречию святого Бернарда Клервоского, который убедил не только Людовика

VII Французского и его жену, королеву Элеонору, но и поначалу неохотно соглашавшегося императора Конрада III, повязать на руки крест и отправиться на помощь христианству. Христианин, убивший неверного в Священной войне, уверен в своей награде, еще более уверенной, если он будет убит".

Картины славы мученичества и земных завоеваний, нарисованные знаменитым монахом, были настолько яркими, что однажды он был вынужден разорвать собственную одежду, чтобы обеспечить достаточное количество крестов для жаждущей толпы, но триумф, к которому он призывал столь значительную часть населения Франции и Германии, оказался манящей рукой смерти и поражения.

И король, и император достигли Палестины - Людовик VII даже посетил Иерусалим, - но когда они отплыли на родину, то не достигли ничего, что могло бы иметь долговременную ценность. Эдесса осталась под властью магометан, а христиане были вынуждены отказаться от осады Дамаска, которую они планировали сделать прелюдией к победоносной кампании. Хуже всего было то, что Людовик и Конрад оставили после себя рыцарство своих армий в виде следов белеющих костей там, где они отступали, став жертвами не только турецкой доблести и численности, но и христианской вражды, греческого вероломства, нехватки продовольствия и болезней.

Византийская империя была обязана первым крестоносцам большими территориями, отвоеванными у турок в Малой Азии; но, возмущенные невыполненными обещаниями латинских правителей, греки вернули этот долг во время Второго крестового похода, выступая в качестве шпионов и тайных союзников магометан. Иногда их даже можно было встретить открыто сражающимися бок о бок с турками, но еще более безжалостными, чем эти язычники, в своем жестоком отказе давать еду и питье отставшим от латинских армий, которых они так подло предали.

Вдовы и сироты Франции и Германии, когда их правители вернулись, лишившись и славы, и вооруженных людей, поносили святого Бернарда как лжепророка; но хотя он сурово отвечал, что вина лежит не на Боге, а на мирской сущности тех, кто принял Крест, его мучило крушение его собственных надежд.

"Сыны Божьи, - устало писал он, - были низвергнуты в пустыне, убиты мечом или уничтожены голодом. Мы обещали хорошее, а видим беспорядок. Суды Господни праведны, но этот - пропасть столь глубокая, что я должен назвать блаженным того, кто не оскандалился в ней".

Падение Латинского королевства в Иерусалиме

В течение нескольких лет после Второго крестового похода Западная Европа оставалась глуха к мольбам о помощи из Палестины, а Латинское королевство Иерусалим продолжало неуклонно сокращаться не только по территории, но и по образу жизни. Утомительный климат, соблазн нездоровой роскоши, забывшей христианские идеалы, почти неизбежное смешение рас Востока и Запада - все это подтачивало жизненные силы и работоспособность крестоносцев, а установление феодального правления в Иерусалиме привело к обычным распрям между главными арендаторами и их субарендаторами. В этих распрях госпитальеры и тамплиеры вступали в скупое соперничество, недостойное их вероучения о самоотречении.

К 1183 году Ги де Лузиньян, которому удалось захватить иерусалимскую корону, подстроив неудачу королевской линии, мог рассчитывать лишь на вялую поддержку большинства

латинских баронов. Оказавшись в затруднительном положении, он неожиданно столкнулся с союзом турок Египта и Сирии под предводительством Саладина, халифа Каира, лидера настолько способного и популярного, что гибель разделенных врагов была неизбежна.

В Хаттине, у Тивериадского озера, на скалистом, безводном месте, летом 1187 года христиане и магометане сошлись в решающей битве. Латиняне, зажатые превосходящим числом, измученные жарой и жаждой, отчаянно сражались под реликвией Истинного Креста, которую они несли с собой для укрепления мужества; но шансы были слишком велики, и сам король Гай был вынужден сдаться, когда поражение его армии переросло в разгром.

Осенью того же года Иерусалим, после менее чем месячной осады, открыл свои ворота победителю. Вступление Саладина сильно отличалось от вступления первых крестоносцев: вместо всеобщей резни христианское население было отдано на выкуп, а султан и его брат в качестве "приемлемой милостыни Аллаху" освободили сотни бедняков, на которых не хватило денег.

Третий крестовый поход

Европа восприняла новость о том, что Гроб Господень вернулся в руки неверных, со стыдом и негодованием, которые были выражены в Третьем крестовом походе. На этот раз, однако, отряды энтузиастов не были воодушевлены; и хотя экспедиция была одобрена Папой Римским, ни он, ни знаменитые церковники, такие как Петр Отшельник или святой Бернар Клервоский, не были ответственны за большинство добровольцев.

По своему характеру Третий крестовый поход был военной кампанией трех великих народов: немцев под командованием императора Фридриха Барбароссы, или "Красной бороды", французов под командованием Филиппа II и англичан под командованием Ричарда "Львиное сердце". Отплыли и другие принцы, достаточно известные в своих землях богатством и доблестью; и если бы в этом великом воинстве было единство, Саладин вполне мог бы дрожать за свою империю. Его спасло полное отсутствие сплоченности и мелкая зависть его врагов, а также его государственное и военное мастерство.

Пока английские и французские правители все еще торговались об условиях союза, который позволил бы им спокойно покинуть свои земли, Фридрих Барбаросса, последним принявший крест, отправился из Германии, быстро пересек Венгрию и Болгарию, угрозами и военными демонстрациями привел греческого императора к враждебному бездействию и начал победоносную кампанию по Малой Азии. Здесь судьба помогла магометанам: во время бродя через реку в Киликии императора снесло течением с лошади, и он утонул. Так ушел из жизни Фридрих "Рыжая борода", а вместе с ним и то, что его сильная личность сделала армией. Часть тевтонов вернулась домой, а те, кто остался, превратились в сброд, легкую жертву для копий и стрел своих врагов.

Тем временем Ричард Английский (1189-99) и Филипп Французский скрепили дружеские узы, и, обложив себя "десятиной Саладина" () - налогом в размере одной десятой части владений всех своих подданных, чтобы оплатить свои расходы, отплыли из Марселя на восток. Оба были молоды и жаждали военной славы; но французский король умел строить заговоры и выжидать, чтобы добиться желаемого успеха, в то время как в Ричарде государственный деятель был полностью погружен в солдатчину судьбы.

Для средневековых летописцев было что-то ослепительное в физической силе Львиного Сердца и в той смелости, с которой он вырывал успех из, казалось бы, неизбежного провала или осуществлял опасное предприятие.

Хоть фортуна и обрушивает свой гнев на всех, кого пожелает, он не утонул за всеми ее неблагоприятными волнами".

Владыка веков наделил его такой щедростью души и такими добродетелями, что он, казалось, принадлежал скорее к прежним временам, чем к нынешним".

"Описать его деяния - значит свести судорогой суставы пальцев писателя и ошеломить разум слушателя".

Таковы лишь некоторые из многочисленных лестных описаний, очевидная искренность которых рисует английского короля таким, каким он казался тем, кто сражался рядом с ним.

Умный стратег, прирожденный лидер в бою, бесстрашный сам по себе и обладающий неугомонной энергией, которая вдохновляла его, когда больного несли на подушках, чтобы направлять огонь своих каменных стрелков, Ричард обратил в прах свои золотые полководческие качества своим полным отсутствием дипломатии и такта. В этих дарах, составляющих половину королевской власти, он был не столько невежественен, сколько беспечен. Он "хотел" поступать, как его великий предок, Завоеватель, но единственным его оружием была правая рука, а не тонкость ума.

Король Англии воздвиг виселицы за пределами своего лагеря, чтобы вешать на них воров и разбойников... Считая, что не имеет значения, из какой страны преступники, он рассматривал каждого человека как своего собственного и не оставлял без наказания ни одного проступка".

Этот типичный бесцеремонный поступок, несомненно, великолепный в теории как метод борьбы с преступлениями, погубившими предыдущие кампании, на практике оказался достаточным для того, чтобы объяснить ненависть, которую Ричард вызывал у правителей, чьих подданных он решил судить и казнить по своему усмотрению. Король Франции, как нам рассказывают, "подмигивал на обиды, которые причиняли и получали его люди", но он приобрел друзей, в то время как продвижение Ричарда было чередой ожесточенных междоусобиц, принимаемых легкомысленно, без всякой мысли о собственных будущих интересах или интересах крестового похода.

Открытый разрыв с Филиппом II Французским произошел почти до того, как они покинули французские берега, из-за того, что Ричард отказался от сестры своего союзника, с которой был обручен, поскольку английский король теперь был настроен на брак с Беренгарией, дочерью короля Наварры.

В Южной Италии он обрел своих следующих врагов в лице обоих претендентов, оспаривавших в то время корону Сицилии, но перед отплытием он избил одного из соперников, норманна Танкреда, превратив его во внешне покорного союзника после битвы на улицах Мессины. Другой соперник, Генрих, сын Фридриха Барбароссы, а впоследствии император Генрих VI, оставался его врагом, копя злобу на него в надежде на подходящий случай для ее проявления.

С Кипра Ричард, преследуя военную славу, изгнал греческого правителя за то, что тот посмел посадить в тюрьму нескольких потерпевших кораблекрушение англичан; таким образом, добавив остров к своим владениям и восточного императора к списку своих врагов,

он наконец прибыл в Палестину летом 1191 года, как раз вовремя, чтобы присоединиться к Филиппу II в осаде Акры.

Два короля и народа сделали вместе меньше, чем сделали бы по отдельности, и каждый из них не придавал значения другому". Так гласит современная хроника; и когда Акко наконец сдался, вражда между англичанами и французами стала настолько непримиримой, что заболевший Филипп II угрюмо заявил, что выполнил свой крестоносный обет, и отбыл на родину. Вскоре после этого отправился Леопольд, эрцгерцог Австрии, питая в душе холодную ярость к Ричарду из-за оскорбления, нанесенного его знамени, которое, установленное на земляном валу рядом с гербом Англии, было презрительно сброшено в ров.

Теперь Львиное Сердце был хозяином предприятия в Палестине, наводя ужас на турок, которые использовали его имя для устрашения своих непокорных детей; но хотя он оставался здесь четырнадцать месяцев, ревность и соперничество его лагеря, с которыми он был не в состоянии бороться, заставляли его медлить на прибрежном пути в Иерусалим, не имея возможности вести открытую войну или одержать верх над хитрым Саладином в дипломатии.

Пришли вести о том, что Филипп II и император Генрих VI замышляют вместе с его братом Иоанном погубить его дома, и Ричард, измученный сердцем и больной здоровьем, согласился на перемирие на три года и восемь месяцев, которое оставляло христианам морские порты Яффу и Тир с прибрежной территорией между ними и давало паломникам право посещать Иерусалим без пошлин. Сам он со слезами на глазах отказался даже взглянуть с далекой высоты на город, который не смог завоевать; но, поклявшись вернуться, он отплыл на Запад осенью 1192 года, и с его отплытием Третий крестовый поход завершился.

Было еще много крестовых походов, но ни один из них не выражал так, как эти первые три экспедиции, объединенных стремлений Западной Европы к возвращению земли Гроба Господня. Национальная ревность разрушила шансы Третьего крестового похода, и с каждым годом дух национальности становился все сильнее и делал совместные действия Европы все менее возможными.

Есть и еще одна причина изменения характера крестовых походов - утрата религиозного энтузиазма, в котором они зародились. Мужчины и женщины верили, что крест на их руках может превратить грешников в святых, разрушить крепостные стены и уничтожить неверных, словно чудо. Когда они обнаружили, что человеческие страсти процветают в Палестине так же легко, как и дома, и что путь спасения, как и прежде, - это путь тяжелого труда и постоянных усилий, они были разочарованы, и жаждущие толпы больше не стремились на Восток. Крестовые походы не прекратились внезапно, а выродились, за редким исключением, в простые политические предприятия, которым покровительствовала то одна нация, то другая: армии набирались просто из любви к приключениям, жажды битвы или жажды грабежа.

Если западное христианство и не получило от них других благ, то ранние крестовые походы, по крайней мере, освободили нации в критический момент от значительной части непокорного баронства, которое представляло опасность для торговли и хорошего правительства. Англия заплатила много золота за Третий крестовый поход; но деньги, предоставленные купцами и городами, были хорошо потрачены на получение от Львиного Сердца привилегий и хартий, которые заложили основы муниципальной свободы.

Во Франции результаты Второго крестового похода были на данный момент разрушительными. Целые деревни уходили в поход, города и замки стояли пустыми, а в некоторых провинциях, как говорили, "на семь женщин оставалось едва ли один мужчина". В ходе оргии продаж, ознаменовавшей этот исход, земли и владения быстро переходили из рук в руки, мелкие вотчины поглощались более крупными, а многие из них, в свою очередь, короной. Под влиянием других причин король Франции с его возросшими демеснами и доходами стал занимать главенствующее положение в жизни страны.

Возможно, главным следствием крестовых походов для Европы в целом стал толчок к новым влияниям. Мужчины и женщины, если они живут в рутине и постоянно питают свой мозг одними и теми же идеями, становятся предрассудками. Им полезно путешествовать и соприкасаться с противоположными взглядами на жизнь, разными нравами и обычаями, как бы сильно это их ни раздражало в то время. Крестовые походы стимулировали не только торговлю в средиземноморских портах, но и мир мысли, литературы и искусства. Необходимость транспортировки больших армий улучшила кораблестроение; хитрость турецких врагов - изобретательность христианских оружейников и инженеров; влияние византийской архитектуры и мозаики - великолепие Венеции в камне и цвете.

Западная Европа продолжала ненавидеть Восток, но она не могла жить без его шелков, пряностей и духов, не могла забыть о сказочных чудесах Китая. Таким образом, эпоха крестовых походов, наконец, слилась со своими неудачами в успехах эпохи открытий, которые должны были открыть новый Запад и другую дорогу на Восток.

XIII СОЗДАНИЕ ФРАНЦИИ

Среди тех, кто принял крест во время Второго крестового похода, были Людовик VII Французский и его жена, королева Элеонора. Они были плохо сочетаемой парой: король - посредственных способностей, слабый, миролюбивый и набожный; Элеонора, как и весь Аквитанский дом, к которому она принадлежала, - властная, вспыльчивая, не знающая угрызений совести, где любит, а где ненавидит. Беспокойное волнение побудило ее отправиться в Палестину, а Людовика, под влиянием скандала, который вызвало ее поведение там, а также из-за досады на то, что у них нет сына, вскоре после возвращения домой развестись с ней.

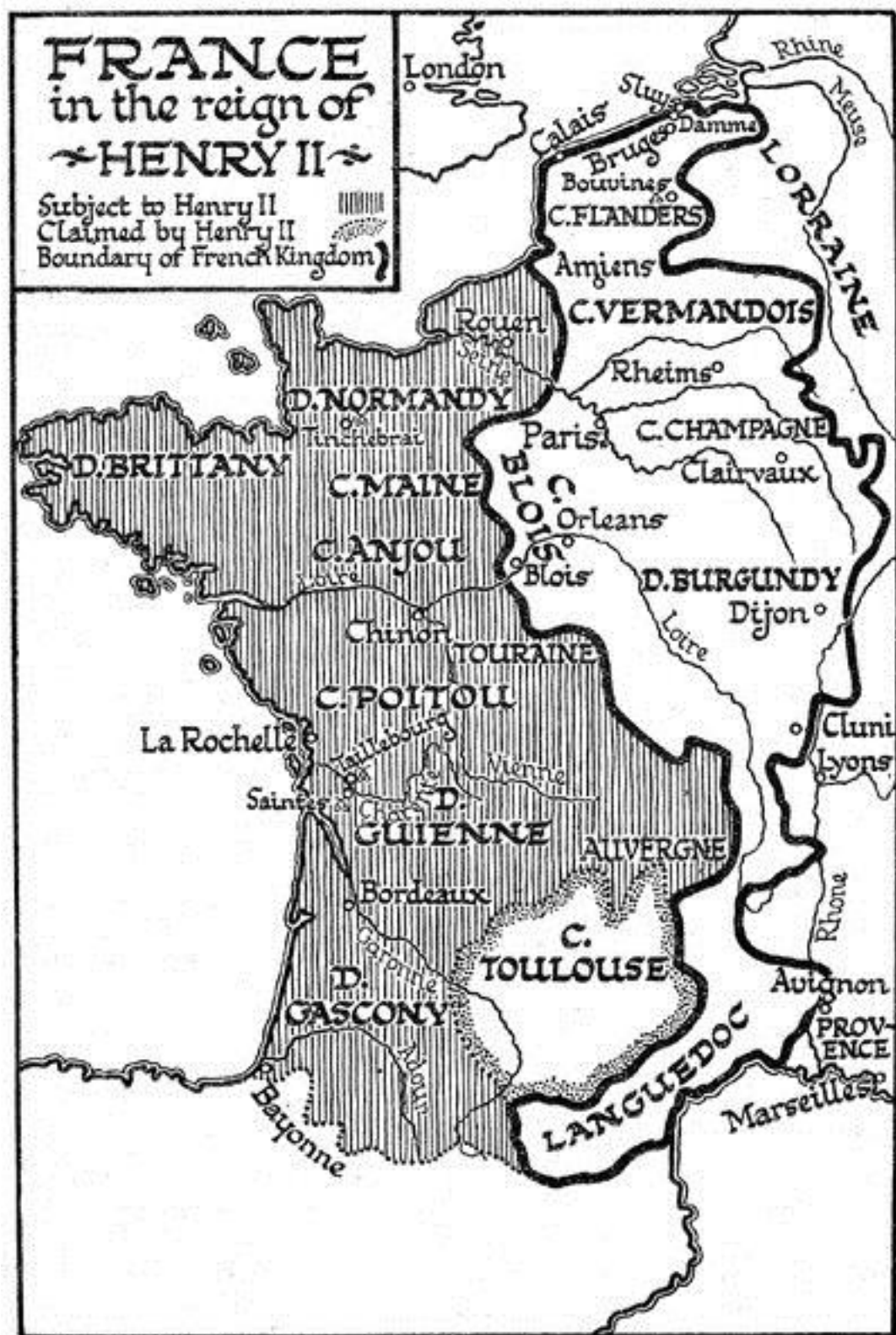
Глупость этого шага с политической точки зрения можно оценить, изучив карту Франции середины XII века и вспомнив, что, будучи королем всей страны по имени, Людовик как феодальный владыка мог рассчитывать лишь на доходы и силы, которые можно было собрать из его собственных владений. Они располагались в небольшом квартале вокруг Парижа, в то время как к северу, востоку и югу находились провинции главных арендаторов, в три или четыре раза более обширные по площади, чем королевский дом Капетингов. Женившись на Элеоноре, графине Пуату и герцогине Аквитанской, Людовик стал непосредственным правителем средней и юго-западной Франции, а также своих собственных коронных владений, но, разведясь с женой, он сразу же лишился ее владений.

Генрих II Английский

Дальше было еще хуже: Элеонора немедленно воспользовалась своей свободой и вышла замуж за Генриха, графа Анжуйского, человека на четырнадцать лет младше ее, но самого важного арендатора короля Франции и потому, если он решит, не исключено, что окажется самым опасным врагом этого короля. Этот Генрих, помимо того, что был графом Анжу, Мэна, и Турени, был также герцогом Нормандии и королем Англии, так как он был внуком Генриха I и в 1154 году сменил слабоумного Стефана, анархия правления которого была немного описана в другой [главе16](#).

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов брака Генриха с наследницей Аквитании, следует отметить его деятельность в качестве короля Англии, поскольку ей суждено было стать величайшей и наиболее продолжительной из всех многочисленных задач, которые он решал. По характеру Генрих был полной противоположностью Стефану. Там, где тот колебался, он упорно шел вперед, твердо решив стать хозяином своей земли. Один за другим он осаждал мятежных баронов и сровнял с землей замки, построенные ими для пыток и угнетения своих соседей. Он также отобрал у них земли короны, которые Стефан безрассудно раздал, пытаясь купить популярность и поддержку. Когда он обнаружил, что многие из этих дворян узурпировали главные государственные посты, он быстро заменил их людьми более скромного ранга по собственному выбору. Так он назначил архиепископом Кентерберийским лондонца Томаса Бекета, которого сначала назначил канцлером; но этот поспешный выбор оказался одной из немногих его ошибок.

Генрих был настолько самоуверен в себе, что был склонен недооценивать способности тех, с кем его сталкивала жизнь, и считать, что любая другая воля должна обязательно подчиняться его собственной. Несомненно, ему было трудно сделать паузу и прислушаться к голосу разума, поскольку его неугомонная энергия постоянно подстегивала его к новым амбициям, и он не мог тратить время, как ему казалось, на выслушивание критики по поводу уже принятых решений. Летописцы описывают, как он нетерпеливо ерзал или рисовал картинки во время мессы, хваля священника, который читал быстрее всех, а в свободные минуты посвящал латанию своей старой одежды за неимением более интересного занятия.

ФРАНЦИЯ в правление Генриха II

Генрих II был настолько способным, что поспешность в его деле не означала небрежности в работе. Он обладал достаточной предусмотрительностью и не ограничивался уничтожением непокорных подданных. Он знал, что должен заручиться поддержкой английского народа, если надеется создать свои владения во Франции, и это, хотя ему и не суждено было принести долговременные плоды, всегда было его главным стремлением. Генрих II был

одним из величайших английских королей, но он был воспитан во Франции и в душе оставался скорее анжуйцем, чем англичанином.

Вместо того чтобы загонять своих баронов в угрюмую замкнутость, Генрих часто созывал их на свой *Magnum Concilium*, или "Большой совет", и спрашивал их совета. Когда они возразили против того, чтобы служить со своими сторонниками во Франции так часто, как он того хотел, он нашел компромисс, который был очень выгоден для него. Это был институт "скутажа", или "щитовых денег", - налога, который платили бароны, чтобы избежать военной службы за границей. На средства, поступавшие от "скутажа", Генрих мог нанимать наемные войска, а бароны-феодалы теряли площадку для военной подготовки.

Помимо консультаций со своим "Большим советом", которому суждено было превратиться в наш национальный парламент, Генрих укрепил *Curia Regis*, или "Королевский суд", созданный его дедом, Генрихом I, для решения вопросов правосудия и финансов. Во времена Стефана бароны пытались сделать свои собственные феодальные суды полностью независимыми от королевской власти; но Генрих, помимо создания центрального суда, в который любой подданный, считавший себя несправедливым, мог обратиться за новым судом, значительно улучшил и расширил систему "странствующих судей", чьи поездки по стране для проведения "Королевских слушаний" были введены Генрихом I.

Это вмешательство вызвало недовольство не только феодальных судов, но и шерифов окружных судов - норманнской формы старых "шир-мутов", популярного института англосаксонских времен. В последние годы эти суды все больше и больше попадали под власть соседних землевладельцев, и, чтобы освободить их, Генрих провел "расследование" дел шерифов и сместил многих крупных вельмож, узурпировавших эти должности, заменив их людьми более низкого ранга, которые обращались к нему за благосклонностью и советом.

Другие государи в Европе использовали похожие способы возвышения королевской власти; но Англии повезло в том, что у нее были такие народные институты, как "моуты" или "собрания" широв и сотен, через которые Генрих мог вершить правосудие, а не просто через чиновников короны, которые не были лично заинтересованы в местных условиях.

Кларендонским ассизом было постановлено, что двенадцать человек от каждой сотни и четыре от каждого поселения должны решать в уголовных делах, кто из обвиняемых достаточно причастен, чтобы королевские судьи вынесли справедливый приговор. В другие периоды правления Генриха местные представители также помогали судьям в установлении налогов и в решении вопросов о том, сколько оружия и какого рода может иметь при себе обычный свободный человек для обеспечения безопасности своих соседей и самого себя. В гражданских делах, например, при споре о праве собственности на землю или личное имущество, двенадцать "законных людей" из окрестностей или, в некоторых случаях, двенадцать рыцарей Ширы должны были быть избраны, чтобы помочь шерифу принять справедливое решение. В этой системе "признания", как ее называли, заложена основа современного суда присяжных.

Вероятно, рыцари и представители сотен и волостей постоянно роптали на трудности и расходы, которым их подвергало законодательство короля; ведь ни они, ни сам Генрих II не понимали, что получают великолепное образование в области самоуправления, которое должно лежать в основе любой истинной демократии. Однако несколько поколений спустя, когда слабый внук Генриха и его тезка Генрих III стал править Англией, рыцари Ширы уже были признаны людьми с общественным опытом, а их представители были созваны в парламент для защиты свобод Англии.

Генрих II использовал народные институты и чиновников короны как рычаги против независимости своего баронства, но главная борьба его правления в Англии велась не столько с баронами, сколько с церковью. Томас Бекет, будучи канцлером, был правой рукой Генриха в борьбе с феодальными привилегиями: он предупреждал своего господина, что его любовь как ведущего церковника может обернуться ненавистью, а помощь - противодействием. Король отказался ему поверить, взвалил бремя архиепископства Кентерберийского на свои безвольные плечи, а затем, к своему удивлению и ярости, обнаружил, что добился избрания некоего Гильдебранда, который придерживался столь высокого представления о достоинстве Церкви, что оно на каждом шагу вступало в противоречие с королевскими требованиями.

Спор о Бекете

Одним из главных предметов спора было требование Церкви оставить в ее юрисдикции все дела, затрагивающие "клириков", то есть не только священников, но и людей, занятых на службе Церкви, таких как пономари или хористы. Король настаивал на том, чтобы клерки, осужденные церковными судами за серьезные преступления, передавались в королевские суды для светского наказания. Его аргументы сводились к тому, что если клерк совершил убийство, то церковный судья не имел права выносить смертный приговор по канонам, а потому мог лишь "разжаловать" виновного и оштрафовать или заключить его в тюрьму. Таким образом, клерк мог дожить до совершения двух убийств, в то время как мирянин по приказу королевских судей был бы повешен за первое преступление.

Бекет, в свою очередь, не отступал от своего мнения, что для королевских чиновников святотатство - возлагать руки на священника или клерка, будь то "преступник" или нет; и когда Генрих воплотил свои предложения о верховенстве королевской власти в указе, названном Кларендонскими конституциями, архиепископ публично отказался подписать свое согласие с ними. Угрозы и оскорбления сыпались на него со стороны разгневанных придворных, и один из его слуг, напуганный этой сценой, воскликнул: "О, мой господин, это страшный день!" "Судный день будет еще страшнее", - ответил неустрашимый Бекет, и перед лицом его бесстрашия никто в тот момент не осмелился наложить на него руки.

Вскоре после этого Бекет бежал за границу, надеясь заручиться поддержкой Рима, но Папа, к которому он обратился, не захотел ссориться с королем Англии и использовал свое влияние, чтобы скрепить соглашение, которое было слишком туманным, чтобы иметь какую-либо обязательную силу. Томас Бекет вернулся в Кентербери, но изгнание не изменило его взглядов, и едва он высадился на берег, как снова выступил в открытую против воли Генриха, отлучив от церкви тех епископов, которые осмелились действовать во время его отсутствия без его разрешения.

Дальнейшая история хорошо известна: неудержимый гнев анжуйского короля на упрямство, столь же великое, как и его собственное, его поспешный возглас: "Неужели в моем доме так много глупцов и мерзавцев, что никто не отомстит мне за этого выскочку-клерка?", а затем его раскаяние, когда он узнал о четырех рыцарях, которые поверили ему на слово и убили архиепископа, когда тот стоял, не дрогнув, на ступенях алтаря в Кентерберийском соборе.

Ужас и возмущение Европы, даже тех, кто был предан делу Генриха, были столь велики, что король был вынужден раздеться и бичевать себя перед могилой Фомы Мученика в качестве публичного акта покаяния, и все вопросы о верховенстве государства над церковью были на время сняты.

Одним из многочисленных паломников, которые в последующие несколько лет посещали святилище святого Фомы Кентерберийского в надежде на чудо, был Людовик VII Французский, и чудо, которого он так искренне желал, заключалось в выздоровлении его сына и наследника Филиппа Августа от лихорадки, угрожавшей его жизни. Со многими сомнениями старый король пересек Ла-Манш, чтобы отправиться в страну правителя, с которым он находился в почти постоянной войне со времен повторного брака Элеоноры Аквитанской; но его вера в видение Мученика, которое побудило его отправиться в путь, была вознаграждена. Генрих принял его с "великим ликованием и почетом", как подобает верному вассалу, а когда французский король вернулся домой, он нашел своего сына выздоровевшим.

Однако продолжением этого путешествия стали внезапный паралич и затяжная смерть самого Людовика, а также коронация мальчика-принца, в котором Франция должна была обрести столь великого правителя. Когда одним жарким августовским вечером четырнадцать лет назад колокола Парижа возвестили радостную весть о его рождении, молодой британский студент высунул голову из окна своего домика и потребовал новостей. "Этой ночью нам был дан мальчик, - отвечали горожане, - который, по милости Божьей, станет молотом вашего короля и, без сомнения, уменьшит власть и земли его и его подданных". Половина царствования Филиппа Августа, *le Dieu-donné*, или "Богом данного", стала исполнением этого пророчества.

На первый взгляд может показаться, что Генрих II Английский вступил в борьбу со своим повелителем Чемпионом Франции с подавляющим перевесом в свою пользу. Правитель территории, простиравшейся от Шотландии, его зависимого государства, до Пиренеев, он добавил к своим землям и богатству ум государственного деятеля и опыт долгих лет войн и интриг. Чего мог надеяться добиться простой мальчишка, окруженный даже в своей столице Париже беспокойными баронами, против такой силы?

Однако оружие разрушения лежало наготове в доме самого анжуйского правителя. Легенда гласит, что в жилах герцогов Аквитанских текла кровь некой демонической прародительницы, наделявшая их свирепостью и лживостью, чуждыми даже средневековым умам; и сыновья, которых Элеонора родила своему второму мужу, были верны этой дурной черте, если не сказать больше. "Разве ты не знаешь, - писал один из них своему отцу, упрекавшему его в заговоре против его власти, - что наша природа такова, что никто из нас не должен любить другого, но брат должен враждовать с братом, а сын с отцом? Я не хотел бы, чтобы вы лишали нас наследственного права и пытались лишить нас нашей природы".

Людовик VII, чтобы ослабить Генриха II, поощрял этот дух предательства и даже предоставил убежище Бекету во время его изгнания: его политику продолжил Филипп Август, который держал в Париже открытый дом для мятежной семьи своего главнокомандующего, когда несчастье заставляло их бежать перед гневом отца или амбиции заставляли их замышлять какой-нибудь новый заговор.

Если бы Генрих однажды установил такую же прочную власть над своими французскими владениями, как в Англии, он мог бы одержать победу в борьбе с сыновьями и владыкой; но в Пуату и Аквитании его считали лишь супругом Элеоноры, и народ смотрел на его наследников как на правителей, особенно на Ричарда, любимца своей матери. Однако никогда еще их правление не было таким разнузданным и угнетенным, как при безрассудном и эгоистичном Львином Сердце.

После долгих тайных заговоров и открытых восстаний Генриху удалось заточить в тюрьму Элеонору, которая подстрекала своих сыновей к неповиновению отцу, но к концу своего

правления, когда Ричарда поддержал Филипп Август и сила южной Франции, он был вынужден пойти на уступки. Хотя ему было всего пятьдесят шесть лет, здоровье его уже подводило, а известие о том, что его собственная провинция Мэн быстро переходит к врагам, сломило его мужество. Проклиная сына, который его предал, он угрюмо повторил клятву почтения, которую должен был принести Филиппу, и пообещал Ричарду богатство и независимость, которых тот требовал. Подписав договор, он ускакал, тяжелый от лихорадки, в свой замок Шинон и там, равнодушный к жизни, погрузился в оцепенение. Ему принесли весть о том, что его младший сын Джон, для которого он выделил княжество в Ирландии, был тайным членом Лиги, которая только что поставила его на колени. "Правда ли, - спросил он, пробудившись на минуту, - что Джон, мое сердце... покинул меня? Прочитав ответ на угрюмых лицах своих помощников, он отвернулся к стене. Пусть теперь все идет как идет... Я больше не забочусь ни о себе, ни о мире". Так умер старый король.

Ричард I Английский

В 1189 году Ричард Лжедмитрий сменил своего отца и благодаря своим успехам в Палестине стал Ричардом "Кёр-де-Львом". Как он поссорился с Филиппом II, мы видели в предыдущей главе, и что Филипп после осады Акры вернулся домой в отвращении к властной личности другого.

Филипп Август не был таким же героем на поле боя, как его соперник: действительно, в Европе не было равных "Аквитанскому дьяволу", не знавшему страха, и слава о его ратных подвигах пережила семь веков. Именно в королевском деле Филипп занимает ведущее место в своей эпохе, готовый в нужный момент вступить в бой, но еще более готовый служить Франции терпеливым государственным устройством. Пока Ричард оставался в Палестине, Филипп сговаривался с вечно вероломным Иоанном о взаимной выгоде за счет отсутствующего короля; но их вражда оставалась тайной, пока не пришло радостное известие, что королевский крестоносец был замаскирован на пути домой тем самым Леопольдом Австрийским, чье знамя он когда-то презрительно бросил в канаву.

Теперь владыкой герцога Австрийского был император Генрих VI, чьи притязания на Сицилию Ричард часто высмеивал; и Львиное Сердце, перейдя из темницы вассала в темницу владыки, не вырвался на свободу, пока его подданные не заплатили огромный выкуп, а сам он не пообещал держать Англию в качестве вотчины империи. "Берегись, дьявол на свободе", - написал Филипп Джону, узнав, что их совместные усилия подкупить Генриха VI, чтобы он оставил своего пленника навечно, провалились.

В течение следующих нескольких лет шла затяжная борьба между французскими войсками, вторгшимися в Нормандию, и войсками Ричарда, который, горя жаждой мести, оказался таким же страшным соперником Филиппа на севере Франции, как и на Востоке; поединок продолжался до тех пор, пока отравленная стрела не пронзила плечо Львиного Сердца, став причиной его смерти. "Бог посетил землю Франции, - писал летописец, - ибо короля Ричарда больше не было".

С этого момента Филипп Август начал реализовывать свои самые заветные амбиции, сначала медленно, но, благодаря "худшему из английских королей", все быстрее и быстрее. Иоанн, сменивший Ричарда, не был ни государственным деятелем, ни солдатом. К бессмысленным вспышкам анжуйской ярости он добавил вероломство и жестокость Аквитанского дома и вялое пренебрежение к достоинству и обычным приличиям, свойственным только ему. Вскоре все его подданные объединились против него в страхе, ненависти и презрении: церковь, чьи привилегии он попирал; бароны, чьи жены и дочери были небезопасны при его дворе и чьи земли он разорял и конфисковывал; народ, который

его наемники пытали и угнетали. Как он поссорился с капитулом Кентербери из-за выбора архиепископа, бросил вызов папе Иннокентию III, а затем, поставленный на колени интердиктом, принес дань Святому престолу за свои владения - все это, а также подписание Magna Charta, Английской хартии народных вольностей, в Руниমেде, хорошо известно из английской истории.

Что важно подчеркнуть в европейской истории, так это контраст непопулярности, которую Иоанн снискал себе среди всех слоев своих подданных в тот самый момент, когда Филипп Август казался в глазах французов действительно их "богом данным" королем.

Французское завоевание Нормандии

Пока Иоанн пировал в Руане, гонцы принесли весть о том, что Филипп завоевывает Нормандию. "Оставьте его в покое! Когда-нибудь я отвоюю все, что он захватил". Так отвечал медлитель, но когда он наконец поднял свой штандарт, было уже слишком поздно. Английские бароны последовали бы за "Кёр-де-Львом" по дороге в Париж: они не желали вынимать меч из ножен ради Иоанна: сами анжуйцы и нормандцы начинали понимать, что у них больше общего с их французскими завоевателями, чем с любым королем за Ла-Маншем. Аквитания, правда, кисло смотрела на успехи Филиппа, но причина была не в том, что она не любила Англию, а в том, что она боялась господства Парижа и на протяжении многих лет делала систематической частью своей политики поддержку правителя, который жил дальше всех и, следовательно, мог меньше всего вмешиваться в ее внутренние дела.

В 1214 году Иоанн предпринял свою самую грозную попытку, отправив армию во Фландрию, чтобы объединиться с армией могущественного фламандского графа Ферранда, одного из главных арендаторов Филиппа, и с императором Оттоном IV для совместной атаки на северную границу Франции. В Бувине армии встретились, и Филипп Август, командуя своими войсками, ехал с радостным лицом "не меньше, чем если бы его пригласили на свадьбу".

Когда открылась битва, он находился везде, где разгорался бой, орудовал мечом, подбадривал, сплывал, пока к ночи не остался победителем на поле боя с графом Фландрии и многими другими своими главными врагами, включая английского командующего, пленниками по его милости.

Филипп нес графа Феррана в цепях за собой во время своего триумфального шествия в Париж, в то время как все церкви по пути звонили в колокола, а толпы людей ликовали за своего короля и пели *Te Deums*.

Битва при Бувине была, возможно, самым важным сражением, когда-либо происходившим на французской земле". Так писал один современный историк перед войной 1914 года.

Во времена Людовика VII французские короли стояли в тени герцогов Нормандии и Аквитании, графов Фландрии и Анжу. Теперь сын Людовика победил императора, бросил в темницу одного непокорного арендатора, а от другого, Анжуйского Иоанна, получил в награду за победу все давно желанные провинции к северу от Луары. Даже коронная казна, некогда столь бедная, на время пополнилась доходами от конфискованных нормандских и анжуйских владений английских баронов, которым их государь запретил больше оказывать почести французскому владыке.

Филипп Август представлялся Филиппом "Завоевателем", но он был чем-то гораздо большим - королем, который, подобно Генриху II Английскому, мог как строить, так и разрушать. Во

время его правления угроза старого феодального баронства была сметена, а правительство получило постоянную печать слуги монархии.

В отношениях с французской церковью Филипп следовал традициям Пипина Короткого и Карла Великого, но, как бы ни были приятны его многочисленные подарки монастырям и обителям, они были вписаны в схему сочетания либерального покровителя с твердым хозяином. То, что между королем и духовенством сложились хорошие отношения, во многом объясняется политикой Филиппа, который заменял епископов, принадлежавших к влиятельным семьям, людьми скромного происхождения, привыкшими к покорности. Кроме того, он обычно поддерживал низшее духовенство в их частых ссорах с церковным начальством, тем самым ослабляя лидеров и завоевывая расположение рядовых членов.

Иннокентий III и Франция

Как и Иоанн, он столкнулся с железной волей папы Иннокентия III, но по чисто моральному вопросу - из-за его отказа жить с датской принцессой Ингеборг, к которой он в день свадьбы воспылил бурной и необъяснимой неприязнью. Невеста была восемнадцатилетней девушкой, она не знала французского языка, епископы ее мужа боялись поддерживать ее дело, каковы бы ни были их тайные мнения, но, обратившись за помощью к папе, она обрела непреклонного защитника.

В других главах мы увидим Иннокентия III как политика и гонителя еретиков, здесь же он предстает как нравственный лидер Европы, и ни одна оценка его характера и деятельности не будет справедливой, если пренебречь этим аспектом. Иннокентию было выгодно угодить французскому королю, чья помощь была ему необходима, чтобы наказать английского Иоанна и поддержать крестовый поход против вспышки ереси в Лангедоке. Кроме того, у него не было войск, чтобы заставить короля, обвинившего его жену в колдовстве, признать ее королевой. Тем не менее Иннокентий считал, что Филипп не прав, и когда французский король убедил епископов развестись с ним, а затем быстро женился снова, папские письма стали обличать развод как фарс, а новый брак - как незаконный.

"Верните свою законную жену, - писал Иннокентий, - и тогда мы выслушаем все, на чем вы можете справедливо настаивать. Если вы этого не сделаете, никакая сила не сдвинет нас ни вправо, ни влево, пока не восторжествует справедливость". За этим письмом последовали угрозы отлучения, а через несколько месяцев - интердикт, который заставил Филиппа пообещать подчиниться в обмен на полное расследование его дела. Обещание, данное с такой неохотой, так и осталось обещанием, и только в 1213 году, спустя почти двадцать лет после того, как он так жестоко отрекся от Ингеборг, Филипп, подгоняемый постоянным папским давлением и критическим состоянием своего состояния, открыто признал датскую принцессу своей женой и королевой.

Мы уже видели, как Филипп общался со своими главными арендаторами; но такие достижения, как завоевание Нормандии и Анжу и победа при Бувине, были лишь плодами многолетней дипломатии, в течение которой королевская власть проникала в страну, как эфир в атмосферу, почти незаметно. С пониманием относясь к жалобам Ричарда и его братьев на отца, Филипп просто проводил политику, которую мы заметили в его отношении к церкви.

Он никогда не начинал новую кампанию, не заключив союза, который мог бы поддержать его на каждом шагу", - говорит современный биограф Филиппа; и этими союзниками часто были субарендаторы крупных феодальных поместий, которым в мирные дни он оказывал поддержку в борьбе с притязаниями их феодалов. Иногда он просто использовал свое

влияние в качестве посредника, в других случаях предоставлял арендаторам привилегии, а то и вовсе передавал спорное дело на рассмотрение своего королевского суда. Так или иначе, он заставлял мелких арендаторов чувствовать себя их друзьями, и, когда он отправлялся на битву, они охотно стекались под его знамена, иногда наперекор своему владыке.

Опасность для короны заключалась не в самом феодальном баронстве, а в *прево*, чиновниках, назначаемых королем с полномочиями взимать налоги, исполнять законы и судить от его имени преступников в провинциях. Когда монархия была слаба, эти *прево*, из-за отсутствия контроля, превращались в мелких тиранов, и к счастью для Филиппа, их посягательства вызывали недовольство как дворян, так и духовенства, поэтому система реформ, которая вновь свела их к подчиненному положению, повсеместно приветствовалась.

Постепенно между местной администрацией и советом короля установилась связь: на севере Франции чиновников называли *baillis*, на юге - *sénéchals*, в обязанности которых входило следить за *прево* и при необходимости смещать его или доносить на него. *Прево*, как и прежде, должен был собирать королевские доходы, но *байи* следил за тем, чтобы не обмануть короля, и пересылал полученные деньги центральному правительству: он также проводил ассамблеи и время от времени посещал Париж, где давал отчет о местных условиях и о том, как он с ними справлялся.

В этих реформах, как и в реформах Генриха II Английского, прослеживается процесс, постепенно меняющий облик Европы: сначала рушится феодальный механизм, слишком неповоротливый, чтобы идти в ногу с нуждами и потребностями зарождающейся цивилизации, а затем его заменяет чиновничий класс, образованный в тонкостях финансов, правосудия и управления и зависящий не от баронства, а от монархии в плане вдохновения и успеха.

В ранние средневековые времена главные дворяне Франции считали такие титулы, как "мэр дворца", "сенешаль", "камергер", "дворецкий" и т. д., дающими не только наследственную славу, но и политическую власть. С годами некоторые из этих титулов исчезли, а при Филиппе Августе и его внуке Людовике IX те, что остались, перешли к "новым" людям более низкого ранга, которые носили их лишь до тех пор, пока сохраняли должность, или же, лишённые всякой политической власти, продолжали оставаться почестями двора и бального зала. По сути, королевский дом, который во времена Карла Великого был чем-то вроде генеральской прислуги, "делающей все понемногу и неадекватно", теперь превратился в два отдельных органа, каждый со своей сферой деятельности: знатные вельможи окружали своего государя с достоинством и церемониалом, которыми наслаждались Средние века, а обученные чиновники давали ему советы и исполняли его волю.

Французские коммуны

В своем отношении к крупным городам, за исключением собственных коронных земель, где он, как и другие землевладельцы, не решался поощрять независимость, Филипп II проявлял симпатию к попыткам горожан сбросить иго соседних баронов, епископов и аббатов. Многие города образовали "коммуны", то есть корпорации, чем-то напоминающие современные профсоюзы, но они, хотя им и суждено было сыграть большую роль в истории Франции, пока находились лишь в зачаточном состоянии. Иногда они возникали в результате революционных выступлений против угнетения, но чаще - в результате реальных усилий ведущих горожан организовать гражданскую жизнь по прибыльному принципу с помощью "гильдий", или объединений купцов и торговцев с особыми привилегиями и законами. Среди

привилегий, на которые были нацелены эти городские корпорации, - право собирать собственные налоги, содержать собственные суды для решения чисто местных споров, а также защищать свою торговлю от мошенничества, тирании и конкуренции извне. Все это звучит достаточно естественно для современного уха, но у французского писателя XII века это вызвало глубокое возмущение.

"Слово "коммуна", - говорит он, - новое и отвратительное, ибо оно подразумевает вот что: те, кто должен платить налоги, должны платить ренту, причитающуюся их господину, только раз в году, а если они совершат преступление против него, то получают помилование, когда возместят ущерб в соответствии с установленным тарифом справедливости".

За исключением собственных владений Филипп II охотно выдавал хартии, подтверждающие "коммуны" в их желанных правах, а также основывал "новые" города под королевской защитой, предлагая там на определенных условиях убежище беглым крепостным, способным платить необходимые налоги.

Достижения Филиппа II

В самом Париже его правление ознаменовало новую эпоху, когда вместо города, прославившегося, по словам одного из летописцев того времени, главным образом своими вредными запахами, были заложены основы одного из самых роскошных городов Европы. Очистка и мощение грязных улиц, строительство укреплений, рынков и церквей, и прежде всего славы готической архитектуры, Нотр-Дам-де-ла-Виктуар, основанной в честь триумфа Бувинов: таковы некоторые из работ, запланированных или предпринятых в столице в это царствование. Над молодым Парижским университетом король также протянул руку защиты, оградив студентов от враждебности горожан повелением допустить их к привилегиям, которыми пользуются священники. За это практическое сочувствие он и его преемники были хорошо вознаграждены ростом образованного общественного мнения, готового возвеличить своего покровителя корону языком и пером.

Филипп Август умер в июле 1223 года. Великий среди многих великих фигур своего времени, французские хронисты до сих пор не оставили отчетливого впечатления о его личности. Создается впечатление, что воля, прозорливость и терпение, снискавшие ему славу в глазах потомков, воздвигли непроходимый барьер между его характером и теми, кто видел его наяву. Люди признавали в нем короля, которым можно восхищаться и бояться, "величественного" в своих завоеваниях, страшного в гневе, если кто-то осмеливался перечить его воле, но его сдержанность, равнодушие к придворному веселью, жесткая неприязнь к тем, кто произносил клятвы или богохульствовал, казались им совершенно несимпатичными и странными. О великой работе, которую он проделал для Франции, они были слишком близки, чтобы судить справедливо, и поняли бы его лучше, если бы он, подобно Львиному Сердцу, был необдуманным и безрассудным. Чтобы по-настоящему оценить Филиппа Августа, мы должны обратиться к его современному биографу.

Франция показалась ему маленьким королевством, окруженным могущественными соперниками. Когда он начал свое правление, лишь очень небольшая часть франкоязычного населения находилась под его властью. Как сюзерена его власть осмеивали. Даже в качестве непосредственного повелителя ему бросали вызов и сводили на нет. Но когда он умер, весь облик Франции изменился. Король франков

бесспорно был королем большей части страны, а внутренняя сила его правительства развивалась так же быстро и надежно, как и внешняя".

Таковы были перемены в самой Франции, но сегодня мы можем оценить и то, что не мог осознать ни один современник Филиппа Августа, - влияние этих перемен на Европу, когда Франция из совокупности феодальных вотчин превратилась наконец в нацию в современном смысле слова, готовую занять место лидера среди своих более отсталых соседей.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Людовик VII Французский	1137-47
Генрих II Английский	1154-89
Филипп II Французский	1180-1223
Иоанн, король Англии	1199-1216
Битва при Бувине	1214

XIV ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО

Когда император Генрих IV пересекал скованные льдом Альпы, направляясь в Каноссу, его сопровождал верный рыцарь Фредерик Буренский, которого он позже наградил за верность рукой своей дочери и титулом герцога Суабии. Сын Фредерика был избран императором под именем Конрада III¹⁷, первого из императорской линии Гогенштауфенов, которой суждено было на протяжении нескольких поколений продолжать войну между империей и папством.

Гогенштауфены получили свое название от холма, на котором стоял один из самых сильных замков Фридриха Буренского, но их также называли "Вайблинген" по имени города, находившегося в их владениях; в то время как Баварский дом, их главный соперник, назывался "Вельф" по имени своего раннего предка. Вражда Вайблингов и Вельфов, охватившая Германию, оказала не менее разрушительное воздействие на Италию, всегда подверженную влиянию из-за Альп, и имена соперников, искаженные на итальянских языках в "гибеллины" и "гвельфы", стали партийными кличками на протяжении XIII и XIV веков.

Итальянские коммуны

В прошлой главе мы говорили о французских коммунах, муниципалитетах, которые восстали против своих владык и создали собственное правительство: тот же процесс освобождения происходил и в Северной Италии, только благодаря национальной тенденции к разделению и активной городской жизни он некоторое время действовал с большей быстротой и успехом.

"Во Франции, - удивленно говорит итальянец XIII века, - только горожане живут в городах: рыцари и благородные дамы остаются... в своих собственных поместьях". Конечно, контраст с его родной Ломбардией был сильным. Там каждый город жил как укрепленное королевство на вершине холма или посреди широких равнин, отрезанный от соседей подозрительностью, ревностью, конкуренцией. На узких улочках благородные и рыцари толкались плечами с купцами, студентами, конюхами и нищими. Ограниченность

пространства диктовала, что многие вещи в жизни должны быть общими, будь то религиозные процессии или чума, и если уличные бои процветали в результате этого, то и классовая близость и оттачивание ума, а также мечей тоже. Таким образом, города Северной Италии, словно цветы в парнике, приносили плоды цивилизации, опережающие внешний мир, будь то торговля, живопись или искусство самоуправления; а гости из-за Альп с удивлением смотрели на роскошные дворцы купцов, по сравнению с которыми замки их собственных князей казались простыми варварскими крепостями.

Однако эта выгодная независимость была завоевана не без борьбы, столь ожесточенной и непрерывной, что в конце концов поставила под угрозу политическую свободу, в интересах которой она изначально велась. Сначала борьба велась с варварскими захватчиками; и здесь, как и в случае с Римом и римскими папами, зачастую именно местные епископы, когда императоры в Константинополе перестали править лишь номинально, поддерживали молодую жизнь городов-государств и обучали их граждан грубому знанию войны и государственного устройства.

С рассветом феодализма епископы превратились в тиранов, а муниципалитеты стали избирать консулов и консультативные советы и под их руководством восставать против своих бывших благодетелей и создавать независимые от их контроля правительства.

Следующая опасность исходила изнутри: городами управлять легче, чем нациями, и слишком часто "коммуны" Ломбардии становились добычей частных группировок или более могущественных городских соседей. Классы воевали против классов, города против городов, и из их борьбы возникали лиги и контр-лиги, за которыми было трудно уследить, как за постоянно меняющимися цветами калейдоскопа.

В эту атмосферу смятения ссора между папой и императором Священной Римской империи, начатая Генрихом IV и Гильдебрандом и продолженная Гогенштауфенами и наследниками идеалов Гильдебранда, вошла с точки зрения "коммун" как небесная возможность утвердить свою независимость. По словам епископа X века: "Итальянцы всегда хотят иметь двух господ, чтобы сдерживать одного другим".

Города, следовавшие за Гогенштауфенами, были названы "гибеллинами", а те, кто поддерживал Папу, - "гвельфами"; и поначалу, да и в течение всей борьбы, когда речь шла о жестокости и предательстве, выбирать между соперниками было практически не из чего. Однако позже яростный империализм Фридриха I должен был придать войне его противников, гвельфов, патриотический аспект.

Фридрих I, "Барбаросса" Третьего крестового похода, был Гогенштауфеном по отцовской линии, Вельфом по материнской; и те, кто избрал его императором, надеялись, что он, "как краеугольный камень, свяжет их вместе... что таким образом с Божьего благословения он сможет положить конец их древней ссоре". Поначалу казалось, что эта надежда оправдается, ведь новый император подружился со своим кузеном Генрихом Львом, который, будучи герцогом Баварии и Саксонии, был наследником амбиций Вельфов. Кроме того, Фредерик своим твердым и деловым правлением установил то, что летописцы называли "нежданным миром", "люди казались изменившимися, мир - другим, сами небеса - мягче и нежнее".

К сожалению, Фридрих, которого метко называли "империалистическим Гильдебрандом", рассматривал мир в Германии лишь как ступеньку к более широким амбициям. Юстиниан, правивший Европой из Константинополя, был для него образцом, и с помощью юристов из Болонского университета, которых он щедро вознаграждал за их услуги, он возродил все

старые имперские претензии на Северную Италию, о которых люди забыли или позволили им затеряться. Коммуны обнаружили, что права и привилегии, за которые боролись и умирали их предки, попираются ногами имперским чиновником, *подестой*, отправленным в качестве верховного правителя в каждый из важнейших городов: налоги устанавливались и взимались до последней монеты его железной рукой: жалоба или восстание карались пытками и смертью.

Смерть за свободу - это лучшее, что есть свобода", - кричали люди Кремы, пылая от дикого бунта, а Милан закрыл свои ворота от *подесты* в упорной трехлетней осаде. Освобождение еще не наступило, а Фридрих со своей огромной армией немцев опустошил равнины: Крема была сожжена, ее голодающее население обращено в бегство: слава Милана превратилась в каменный карьер: Папа Александр III, который, чувствуя угрозу собственной независимости из-за императорских требований, поддерживал движение за свободу, был изгнан из Рима и вынужден искать убежища во Франции. Повсюду побеждали гибеллины, и именно в эти черные дни в Италии гвельфы на время перестали быть фракцией и стали патриотами, а папа предстал перед всем миром как потенциальный спаситель своей земли от чужеземного ига.

Среди дымящихся руин Милана ожила Ломбардская лига: город за городом, уставшие от немецкого гнета и наглости, предлагали свою верность: даже Венеция, обычно эгоистичная в безопасной изоляции своих лагун, предлагала корабли и деньги. Милан был отстроен, а новый город, названный в честь папы-патриота "Алессандрия", был основан на стратегически важном месте. *Alessandria degla paglia*, "Алессандрия из соломы", - презрительно прозвал его Барбаросса, угрожая сжечь, как кучу сорняков; но новые стены выдержали его лучшие моторы, а чума и сырой холод зимы опустошили его армии, расположившиеся вокруг них.

Политический горизонт, действительно, не был таким справедливым для императора, как в первые дни его правления. Германия в отсутствие своего повелителя кипела заговорами, и у Фридриха были все основания подозревать, что их главным автором был Генрих Лев, тем более что он угрюмо отказался участвовать в этой последней итальянской кампании. Хуже всего было то, что Александр III, заключив союзы с королями Франции и Англии, вернулся в Италию и занялся разжиганием возможных очагов восстания против Фридриха, которого он отлучил от церкви.

Битва при Леньяно

В 1176 году в Леньяно, в пятнадцати милях от Милана, армии Лиги и Империи сошлись в решающей битве. Барбаросса не сомневался в своем успехе против простых вооруженных горожан; но дух людей Кремы сохранился в "Роте смерти", телохранителе миланских рыцарей, поклявшихся защищать свою *carroccio*, или священную повозку, или пасть рядом с ней. На *карроччо* возвышалась фигура Христа с распростертыми руками, под его ногами находился алтарь, а с высокого столба свисало знамя святого Амвросия, покровителя Милана.

Когда битва открылась, первый страшный натиск немецкой кавалерии прорвал миланские ряды; но Рота Смерти, безрассудная в своей решимости, сплотила колеблющихся и превратила оборону в нападение. В завязавшейся схватке император оказался без лошади, и, когда по рядам пополз слух, что он убит, немцы сломались, и их отступление превратилось в дикий, неразумный разгром, который понес их полководца назад по течению, не в силах остановить поток и едва ли в силах спасти себя.

Такова была битва при Леньяно, достойная памяти не как изолированная победа двенадцатого века одной группы войск над другой, а как одно из первых вполне определенных достижений в великой кампании за свободу, которая до сих пор является битвой мира. В Венеции в следующем году Гогенштауфен признал свое поражение и примирился с церковью, а по "Вечному Констанцскому миру", подписанному в 1183 году, он предоставил коммуна Северная Италии "все королевские права (регалии), которые они когда-либо имели или имели в настоящее время".

Такие права - чеканка монет, избрание чиновников и судей, право поднимать и контролировать армии, вводить и взимать налоги - являются столпами, на которых демократия должна поддерживать свой дом свободы. Однако, поскольку "свобода" в средневековом сознании слишком часто подразумевала право угнетать кого-то другого или поддерживать состояние анархии, не стоит слишком много внимания уделять сиюминутным достижениям. Северная Италия в последующие столетия снова окажется под иностранным владычеством, ее "коммуны" будут злоупотреблять и предавать права, за которые Компания Смерти рисковала своими жизнями: но, несмотря на этот оттенок невежества и предательства, победа при Леньяно принесла Европе нечто бесконечно ценное - знание того, что тираны могут быть свергнуты народной волей, а феодальные армии - отброшены сборами граждан.

Генрих "Лев"

Барбаросса вернулся в Германию, чтобы выместить свой гнев на Генрихе Льве, чей отказ сопровождать его в Италию он считал в значительной степени своим поражением. Опираясь на поддержку церкви, с которой он теперь примирился, он призвал своего кузена предстать перед имперским сеймом и дать ответ на обвинение в конфискации церковных земель и доходов для собственного использования. В ответ на этот приказ Генрих лишь поджег церковные владения в Саксонии, а в его отсутствие Сейм наложил на него запрет вне закона. Старая вражда между Вайблингенами и Вельфами снова вспыхнула, как наполовину затушенный пожар, и двоюродное родство пошло на убыль. Генрих Вельф был зятем Генриха II Английского и сделал своими союзниками Филиппа Августа и короля Дании: его герцогство Бавария на юге и Саксония на севере занимали треть территории Германии: он завоевывал военные лавры в борьбе со славянами, в то время как Фридрих терял Ломбардию. Таким образом, он противопоставил себя императору, не осознавая, что даже в Германии стрелки политических часов движутся вперед, а феодализм постепенно сдает свои позиции.

Для зарождающегося чувства немецкой национальности Барбаросса был не просто первым среди своих баронов, он был королем, которого поддерживала церковь, а баварцы и саксонцы неохотно вставали под знамена мятежников; в то время как по мере развития кампании другие принцы видели, как их вассала избивают, лишают земель и отправляют в изгнание, не поднимая пальца, чтобы помочь ему.

Фридрих позволил Генриху Льву сохранить свои владения в Брауншвейге, но Саксонию и Баварию он разделил между мелкими вассалами, чтобы избежать риска появления еще одного могущественного соперника. Владея Германией не только именем, но и властью, он и его преемники могли бы построить сильную монархию, как это сделали Филипп II и дом Капетингов во Франции, если бы голос сирены Италии не призвал их к крушению ее изменчивой политики.

До сих пор мы говорили в основном о Северной Италии; но Фридрих I связал Германию с ее южными соседями новыми узами, когда в 1187 году женил своего старшего сына Генриха на Констанции, наследнице нормандского королевства Неаполя и Сицилии. Этим союзом он

надеялся создать постоянный противовес Гогенштауфенов на юге союзу Папы и городов гвельфов на севере. Одержав победу над разгневанным, но беспомощным Римским престолом, он почувствовал себя настоящим императором и, короновав своего сына Генриха как "цезаря", в подражание классическим временам, ускakas в Третий крестовый поход, все еще жаждая приключений и славы.

Весть о его смерти в Малой Азии¹⁸ пронеслась по Германии с печалью и гордостью. Как и все его домашние, он был жесток и суров; но подобные пороки казались средневековому уму малозначительными на фоне мира и процветания, которые царили под его властью. О его имени стали слагать легенды, а крестьяне шептались, что он не умер, а спит под песчаными скалами и проснется, когда его народу будет угрожать опасность, чтобы стать его вождем и защитником.

Генрих VI, сменивший Фредерика на посту правителя империи, также был верен своим мечтам и тем опасностям, которые они сулили. Одной из самых ранних его битв была успешная попытка отстоять Сицилию от притязаний графа Танкреда, незаконнорожденного внука последнего правителя. Велики были страдания несчастных сицилийцев, принявших дело норманна; Генрих, подкупив или принудив папу и Северную Италию к временному союзу, жестоко отомстил. Юный сын Танкреда, ослепленный и искалеченный, был отправлен вместе с матерью в альпийскую тюрьму, чтобы закончить свои дни, а в темницах Палермо и Апулии пытки и голод принесли его последователям смерть как благословенное избавление от боли.

Королева Констанция, которая была бессильна остановить эти злодеяния, с ненавистью отвернулась от мужа, папа отлучил их автора от церкви, но Генрих VI презрительно смеялся над обоими. Он стремился к трем целям: во-первых, сделать императорскую корону не выборной, а наследственной в доме Гогенштауфенов; во-вторых, склонить германских князей к принятию этого предложения путем включения Неаполя и Сицилии в состав империи; в-третьих, управлять всеми своими владениями из южного королевства, а папу в Риме, как во времена Оттона Великого, сделать главным епископом в своей империи.

Волевой, настойчивый, изобретательный, с воображением, которое видит видения, и практическим умом делового человека, который может их реализовать, Генрих VI, проживи он дольше, мог бы добиться хотя бы временного признания своих планов; но в 1197 году он умер в возрасте тридцати двух лет, оставив сына, которому еще не исполнилось трех лет, наследником амбиций Гогенштауфенов. Двенадцатью месяцами позже умерла и королева Констанция, отменив, насколько смогла за время своего короткого вдовства, немецкую политику своего ненавистного мужа и завещав маленького короля Неаполя под опеку величайшего из средневековых пап и защитника гвельфов, Иннокентия III.

Папа Иннокентий III

Во время коронации Иннокентия III священник произнес такие слова: "Возьми диадему и знай, что ты отец князей и королей, правитель мира, наместник на земле Спасителя нашего Иисуса Христа". Для Лотарио ди Конти это изречение было лишь подтверждением его собственных убеждений, таких же непоколебимых, как у Гильдебранда, и таких же широких, как империализм Фридриха Барбароссы или Генриха VI. "Господь Иисус Христос, - провозгласил он, - поставил одного правителя над всем сущим как своего вселенского наместника, и как все на небе, на земле и в аду преклоняет колена перед Христом, так и все

должны повиноваться наместнику Христа, чтобы было одно стадо и один пастырь". И снова: "Князья имеют власть на земле, священники также имеют власть на небесах".

В качестве иллюстрации этих взглядов он сравнил папство с солнцем, империю - с меньшим светом луны и напомнил, как Христос в Гефсиманском саду дал святому Петру два меча. Под ними, пояснил он, подразумевалась мирская и духовная власть, и императоры, претендовавшие на первую, могли делать это только с милостивого согласия преемников святого Петра, поскольку "Господь дал Петру управление не только вселенской Церковью, но и всем миром".

Григорий VII во время триумфа в Каноссе заставил людей задуматься, сможет ли когда-нибудь воплотиться в жизнь такой идеал папства; но в доказательство он был изгнан из Рима и умер в изгнании. Иннокентию III оставалось продемонстрировать частичное исполнение, во всяком случае, всего того, о чем мечтал его предшественник. Не будучи по характеру святым Бернардом из Клерво, но будучи ясно мыслящим практичным государственным деятелем, он поставил перед собой задачу создать на земле Царство Божье по образцу земных царств; и для этого, чему он искренне верил, неся в себе благословение Божье для совершенствования человечества, он использовал все имеющиеся в его арсенале средства.

Иногда его амбиции терпели крах, как, например, когда он, пылая энтузиазмом, проповедовал Четвертый крестовый поход - экспедицию, которая закончилась тем, что Венеция, обещавшая необходимые корабли, отвлекла крестоносцев на штурм ее желанного порта на далматинском побережье, а затем на разграбление и сожжение Константинополя в интересах торговли и грабежа. Его гнев от известия о том, что напоминания его легатов были проигнорированы, поначалу едва ли можно было погасить. Не таким был его план завоевания восточного христианства для католической веры и уничтожения неверных; ведь латинская империя Константинополя, созданная победившими крестоносцами, была, очевидно, слишком слаба, чтобы долго сохранять тиранию над враждебными греками или служить эффективным барьером против турок. Однако государственная мудрость побудила его немедленно извлечь возможную выгоду из ошибок своих неверных сыновей; и он принял подчинение Константинопольской церкви как долг, давно причитающийся Святому престолу.

Четвертый крестовый поход, несмотря на расширение церковного влияния Рима, следует отнести к числу неудач Иннокентия. С другой стороны, на Западе атмосфера, созданная его личностью и государственными делами, сделала имя "владыки Иннокентия" весомым и страшным для его врагов и радостным для его друзей. Поддерживая королеву Ингеборг, он выступал как моральная сила, склоняя Филиппа Августа к своей воле своей убежденной решимостью; и эта же стойкость убеждений и целей, дополненная чистотой его личной жизни и очарованием его манер, завоевала ему любовь римского населения, обычно столь враждебного к своим викариям.

Средневековых пап, как правило, уважали в Италии меньше, чем за Альпами, и меньше всего в их собственной столице, где слишком много духовных даров было замечено в расточительстве ради материальных целей, а папские деяния часто расходились с благочестивым исповеданием. Во время понтификата Иннокентия III, однако, мы видим, что "префект", императорский представитель в Риме, принимает инвеституру из его рук, "сенатор", главный магистрат муниципалитета, оказывает ему почтение; и благодаря этому двойному влиянию его контроль над городским правительством стал первостепенным.

В Неаполе и Сицилии он смог продолжить политику Констанция, изгнать мятежных немецких баронов, бороться с сарацинами в Сицилии и развивать воспитание своего подопечного,

юного короля Неаполя, как духовного сына, который однажды должен будет сражаться за свои идеалы. "Бог не пощадил жезла, - писал он Фридриху II. Он отнял у тебя отца и мать: но он дал тебе более достойного отца, Его викария, и лучшую мать, Церковь".

В Ломбардии, где гвельфы, естественно, обратились к нему как к своему защитнику, папский путь был сравнительно гладким, поскольку жестокость Барбароссы и его сына Генриха VI вызывала ненависть и подозрения со всех сторон. Таким образом, Иннокентий стал хозяином Италии в большей степени, чем любой папа до него, а из Италии его покровительство и союзы протянулись, как паутина, по всей Европе.

Филипп Август Французский, пытаясь игнорировать его и бросать ему вызов, в конце концов обнаружил, что гнев, который он вызывал, стоит утихомирить: Иоанн Английский сменил свое нахальное неповиновение на покорность и клятву верности: Португалия приняла его как своего сюзерена: соперничающие короли Венгрии обратились к нему за арбитражем: даже далекая Армения отправила послов просить его защиты. Однако самый впечатляющий триумф он одержал в отношениях с Империей.

Генрих VI, как мы уже видели, хотел сделать императорскую корону наследственной; но ни один немецкий принц не захотел бы принять оставленного им ребенка в качестве наследника своего беспокойного состояния. Поэтому выбор курфюрстов колебался между другим Гогенштауфеном, Филиппом Суабским, братом покойного императора, и Вельфом Отто, сыном Генриха Льва. Голоса разделились, и после этого каждый претендент объявил себя законно избранным императором, один - с титулом Филиппа II, другой - Оттона IV.

Десять долгих лет Германия была опустошена гражданскими войнами. Оттон, как представитель гвельфов, заручился поддержкой Иннокентия Великого, к которому претенденты одно время обращались за третейским судом; но Филипп отказался подчиниться этому решению в пользу своего соперника, полагая, что за ним стоит большинство немецких князей и чиновничьего сословия.

"Поскольку, - заявил Иннокентий, - наш дражайший сын во Христе Оттон трудолюбив, благоразумен, осмотрителен, силен и постоянен, сам предан Церкви... мы властью святого Петра принимаем его как короля и со временем даруем ему императорскую корону".

Здесь был папский триумф! Рим уже не покровительствует, а патронирует, Оттон стоит на коленях, с благодарностью обещая покорность и почтение со всеми видами церковных привилегий, чтобы завершить картину. Однако обстоятельства меняют традиции, как и людей, и когда после смерти Филиппа Суабского он остался хозяином Германии, гвельф Оттон счел свои прежние идеалы неосуществимыми: он стал гибеллином в политике, объявил о своих императорских правах на Ломбардию, даже на некоторые города, принадлежащие папе, и громко заявил о своем намерении изгнать молодых Гогенштауфенов из Неаполя.

Гнев Иннокентия по поводу этой *вольницы* был безграничен. Оттон, больше не являвшийся его "дражайшим сыном во Христе", теперь был клятвопреступником и раскольник, отлучение и низложение которого было прямой обязанностью Рима. Однако ни то, ни другое не могло быть эффективным, пока Папа не предоставит Италии и Германии соперника, чьи ослепительные заявления, подкрепленные папской поддержкой, могли бы завоевать ему сторонников, куда бы он ни отправился. В этом кризисе Иннокентий нашел своего защитника в принце Гогенштауфенов, осужденном Оттоном, мальчике, воспитанном почти с младенчества в догматах и амбициях католической церкви.

Фридрих II

Фредерик, король Неаполя и Сицилии, представлял собой интересное развитие наследственных вкусов и атмосферы, в которой он воспитывался. Южной крови, которая текла в его жилах, он был обязан, возможно, своими горячими страстями, чувственным восприятием роскоши и искусства, почти сарацинским презрением к женщинам, разве что в качестве игрушек для развлечения в часы досуга. От Гогенштауфенов он впитал силу, честолюбие и жестокость, от норманнов по материнской линии - безрассудную смелость и вероломство. При обычном воспитании принца своего времени качества и пороки Фридриха могли бы породить лишь короля-воина с весьма выдающимися способностями; но благодаря папским наставникам, предоставленным Иннокентием, быстрый от природы ум и воображение мальчика были взбудоражены курсом обучения, намного превосходящим то, чем обычно пользовались его светские сверстники, и в зрелом возрасте он проявил настоящую любовь к книгам и культуре, а также любопытство к таким предметам, как философия и естественная история.

В королевской хартии, на основании которой он основал Неаполитанский университет, Фредерик выразил намерение, чтобы здесь "те, кто жаждет знаний в королевстве, могли найти пищу, которой они жаждут"; а его двор в Палермо, если с одной стороны, был беспутным и роскошным, то с другой - центром остроумия и знаний, с мозгами которых король любил сверять свои собственные измышления и теории.

Когда Фридрих прибыл в Рим по спешному вызову Иннокентия, чтобы обнажить меч Гогенштауфенов против Оттона, многое в его характере было еще закрытой книгой даже для него самого. Импульсивный и жаждущий, как любой амбициозный семнадцатилетний юноша, призванный к высоким приключениям, и искренне уважающий своего опекуна, он не заглядывал далеко вперед; но, преклонив колени у ног Папы, он пообещал ему свое почтение и веру, прежде чем ускакать на север, чтобы завоевать империю. В Германии его ждали многочисленные сторонники, пожизненные противники Оттона из-за его вельфской крови, а также те, кто ненавидел его за грубые манеры. Среди них Фридрих щедро разбрасывал деньги, одолженные у Генуэзской республики, и эта щедрость, в сочетании с силой и смелостью Гогенштауфенов, укрепила счастливую репутацию, которую папские легаты уже создали ему во многих кругах.

В декабре 1212 года он был коронован в Майнце. Последовала гражданская война, раздираемая папскими и имперскими лигами, но в 1214 году Оттон IV был решительно разбит при Бувине в борьбе с Филиппом II Французским, которую мы уже [описывали](#)¹⁹, и прилив, который до этого был направлен против него, теперь сметал его немногих друзей и последние надежды. С приходом его молодого соперника в Рейнские провинции двойная империя прекратила свое существование, и Фридрих был коронован в Ахене, старой столице Карла Великого.

Иннокентий III достиг вершины своего могущества, ведь его ученик и протеже восседал на троне имперского соперника Рима. В том же году он созвал в Латеранском дворце Собор, четвертое по счету собрание такого рода, чтобы рассмотреть два самых дорогих его сердцу вопроса: "Освобождение Святой земли и реформа Вселенской церкви". Крестоносное рвение, однако, он не смог пробудить вновь: очистить и одухотворить жизнь Церкви в XIII веке оказалось задачей, непосильной для людей более тонкого склада характера, чем Иннокентий. Но как иллюстрация его огромного влияния на Европу, Четвертый Латеранский собор с его плотными покорными толпами, представлявшими все земли и сословия, стал достойным завершением его понтификата.

В 1216 году умер Иннокентий III - самый могущественный из всех пап, яркая личность, чья жизнь по милости судьбы не пережила его славы. При оценке способностей Иннокентия как государственного деятеля на его послужном списке остается одно пятно в ясном свете, пролитом последующими событиями, а именно: недальновидная политика, которая вновь объединила Неаполитанское королевство с Империей и поставила папство между верхним жерновом Ломбардии и нижним жерновом Южной Италии. Оправданием может служить отчаянная потребность Иннокентия в защитнике, поскольку Оттон IV угрожал его папскому наследию, а также его вера в обещания молодого Гогенштауфена остаться его верным вассалом. Он также попытался обезопасить будущее, заставив Фридриха публично заявить, что завещает Неаполь сыну, который не будет баллотироваться на пост главы империи; но, доверившись слову молодого императора, он посеял ветер, от которого его преемникам суждено было пожинать плоды.

Новому императору было всего двадцать лет, когда умер Иннокентий. То ли в угоду своему опекуну, то ли движимый минутным религиозным порывом, он принял крест сразу после въезда в Ахен; но годы шли, а он все не спешил исполнить обет. Большую часть времени он проводил в своем любимом южном королевстве, где завершил дело Иннокентия по приведению к покорности сарацинского населения, которое осталось в Сицилии после магометанского завоевания.²⁰ Как неверные, папство относилось к этим арабам с особой ненавистью; но Фредерик, убедившись, что они настолько слабы, что в будущем будут зависеть от его благосклонности, начал защищать их вместо того, чтобы преследовать. Он также поощрял их шелковую промышленность, построив для них город Лучера на неаполитанском побережье, где они могли заниматься ею без помех; в то же время он набрал большое количество арабских воинов в свою армию и использовал их для навязывания своей воли феодальной аристократии, потомкам норманнских авантюристов XI века.

Ему так удавалось натравливать одну часть своих подданных на другую, противостоять или помогать различным классам в зависимости от политики, что вскоре он воцарился в Неаполе как самодержец. Многие крепости знати были сровнены с землей: право на ведение частной войны было запрещено под страхом смерти; дела отбирались у их судов и судов феодальных епископов для решения королевскими судьями; города были лишены свободы избирать собственных магистратов, а присланные из Палермо чиновники короны управляли законами, вводили и собирали налоги.

В целом эти изменения были полезны, поскольку в Неаполе частными привилегиями сильно злоупотребляли, а Фредерик, подобно Филиппу Августу или Генриху II Анжуйскому, обладал инстинктом и способностью хорошо управлять, когда выбирал. Тем не менее подчинение "королевства", как обычно называли Неаполь в Италии, было, конечно, воспринято с громкими криками гнева неаполитанскими баронами и церковниками, которые поспешили сообщить Святому престолу, что их правитель любит неверных больше, чем христиан, и держит восточный гарем в Палермо.

Гонорий III, новый папа римский, с тревогой воспринимал подобные сообщения и скандалы. Он и сам с беспокойством отмечал поглощенность Фридриха итальянскими делами и часто напоминал ему о его крестоносной клятве. Однако Гогенштауфен, будучи мягким и медлительным, не решался на решительный шаг, и только после того, как он сознательно нарушил обещание, данное Иннокентию III, и короновал своего старшего сына Генриха как короля римлян, так и короля Неаполя, признав его, таким образом, своим наследником и в Германии, и в Италии, гнев Гонория разгорелся до угрозы отлучения от церкви. Некоторое время она не распространялась дальше, поскольку Фридрих был щедр на объяснения и

обещания дружбы, которые он не собирался выполнять, а старый Папа предпочел поверить ему, чем рисковать настоящим пожаром. Наконец, однако, больной Гонорий умер.

Григорий IX, новый папа, происходил из рода Иннокентия и в полной мере разделял его взгляды на всемирное главенство Церкви. Старый человек строгой жизни и кипучей энергии, он считал Фридриха чудовищем неблагодарности и стал почти истеричным и совершенно неразумным в своих попытках смирить его. Подстрекаемый его постоянными упреками и угрозами, император начал неторопливо готовиться в Бриндизи к крестовому походу; но когда он наконец отправился в путь, эпидемия лихорадки, жертвой которой стал он сам, заставила его вернуться в порт. Григорий, не поверив в то, что эта болезнь - не более чем оправдание задержки, сразу же отлучил его от церкви; а затем, хотя Фридрих отплыл, как только поправился, повторил запрет, объяснив это тем, что император не дождался помилования за первое преступление, как послушный сын церкви.

Крестоносец, отлученный главой христианства сначала за невыполнение обета, а затем за его выполнение! Это было унижительное и смешное зрелище; но Фредерик, теперь уже определенно враждебный Риму, продолжал свой путь, с упрямой гордостью решив, что если не ради католической веры, то ради собственной славы он осуществит свою цель. Тамплиеры отказали ему в поддержке: христиане, оставшиеся в окрестностях Акры, помогали ему вполсилы или держались в стороне, напуганные предостережениями своих священников; но Фредерик добился без помощи Папы большего, чем другие крестоносцы в последние годы добивались с его благословения. Силой оружия, а еще больше искусными переговорами он добился от султана владения Иерусалимом и, войдя в город с триумфом, возложил на свою голову корону латинских королей.

Выполнив свою клятву, он отплыл на Сицилию, а Папа, чьи войска в отсутствие Фредерика досаждали "королевству", поспешил заключить мир в Сан-Джермано. "Я больше не буду вспоминать прошлое", - воскликнул Фридрих, но в нем горел гнев на папскую враждебность. Император пришел ко мне с рвением преданного сына", - сказал Григорий, но в его сердце не было доверия, которое соответствовало бы его словам.

Гогенштауфен, без помощи взявший Иерусалим, верховный в Неаполе, верховный также в Германии, простирающий свой императорский скипетр над Ломбардией! Какой папа, веривший, что будущее Церкви зависит от временной независимости Рима, мог спокойно спать в своей постели при таком видении?

Невозможно подробно описать возобновление войны между империей и папством, последовавшее за неизбежным разрывом Сан-Германского договора. Очень горьким был дух, в котором она велась с обеих сторон. Фридрих, каковы бы ни были его намерения, не мог забыть, что именно Отец христианства пытался сорвать его крестовый поход. Воспоминание об этом не столько поколебало его веру, сколько пробудило в нем обостренное чувство несправедливости, которое сделало его глухим к тем, кто советовал пойти на компромисс. Не в силах полностью избавиться от страха перед папским порицанием, он все же достаточно ясно видел, что грех, за который папы неустанно преследовали его, заключался не в его жестокости, не в распутстве и даже не в терпимости к сарацинам, а в том, что он был королем Неаполя и императором Священной Римской империи.

Для человека с надменным характером Фридриха существовало только одно отпущение грехов: он мог овладеть Римом и сжимать его приговоры в своих фантазиях, как губку между сильными пальцами. "Италия - мое наследие, - писал он папе, - и весь мир это знает".

В своей страстной решимости получить это наследие государственная мудрость была отброшена на задворки. Он планировал создать сильную монархию в Неаполе, но в Германии он подорвал основы королевской власти, которые начали закладывать Барбаросса и Генрих VI. "Пусть каждый князь", - провозгласил он, - "спокойно наслаждается, согласно устоявшемуся обычаю своей земли, своими иммунитетами, юрисдикциями, графствами и сотнями, как теми, которые принадлежат ему по полному праву, так и теми, которые были пожалованы ему в качестве вотчины".

Итальянский Гогенштауфен добивался от своего северного королевства, чье хорошее управление он так легкомысленно принес в жертву феодальной анархии, только денег для оплаты своих походов за Альпы и досуга для их продолжения. По словам современного историка, "он обменял свое германское королевство на немедленный триумф над ненавистным врагом".

Поначалу победа вознаградила его энергию и мастерство. Его наследственный враг, "Ломбардская лига", подстроила подлог под верность его старшего сына, Генриха, короля римлян, которого он оставил править в Германии: но Фридрих вовремя обнаружил заговор, сместил и заключил преступника в тюрьму. В отчаянии от перспективы пожизненного заточения юный Генрих бросился вниз с крутого горного склона и вместо него короновался его младший брат Конрад, восьмилетний мальчик.

В Северной Италии Фридрих проводил политику, направленную не столько на подавление сопротивления своими немецкими войсками, как его дед Барбаросса, сколько на привлечение итальянских дворян из партии гибеллинов, которых он поддерживал и финансировал, чтобы они могли участвовать в его сражениях и наводить ужас на народный слух. Такими были Эккелин де Романо и его брат Альберико, лорды Вероны и Виченцы, чья тирания и жестокость казались ненормальными даже в их время.

Современник называет Эккелина "служкой самого дьявола", описывая, как он хладнокровно расправился с одиннадцатью тысячами пленников.

Полагаю, что от начала мира и до наших дней не было такого злого человека, ибо все люди трепетали перед ним, как камыш трепещет в воде... Тот, кто жил сегодня, не был уверен в завтрашнем дне: отец искал и убивал своего сына, а сын - своего отца или любого из своих сородичей, чтобы угодить этому человеку".

Альберико "повесил двадцать пять величайших людей Тревизо, которые ничем не обидели его и не причинили ему вреда"; а когда узники бились в предсмертной агонии, он бросил среди их ног их жен, дочерей и сестер, которых потом полуголыми отправил в плавание искать защиты там, где они могли.

Месть, когда эта "конечность сатаны" попала в руки его врагов, была жестокой, и Альберико с сыновьями был разорван на куски разъяренной толпой, а его жена и дочери сожжены заживо, "хотя они были благородными девами, самыми прекрасными в мире и без вины виноватыми".

Страсти между гвельфами и гибеллинами были слишком глубоки, чтобы различить невинность, пощадить молодость или пол. Жестокость, самый презренный и заразный из пороков, была самой атмосферой тринадцатого века, оскверняя то, что с другой стороны было описано как "век высоких идеалов и героических жизней".

Современники с некоторым удивлением отмечали, что Фридрих II мог простить шутку над собой; но, с другой стороны, мы читаем о том, как он отрубил большой палец нотариусу,

неправильно написавшему его имя, и бессердечно приказал одному из своих слуг в качестве развлечения нырять и снова нырять в море за золотым кубком, пока тот от изнеможения не появился вновь.

При Кортенуове Ломбардская лига была решительно разбита имперскими войсками, а миланский *карроччо* захвачен и сожжен. Окрыленный успехом Фридрих объявил, что не только Северная, но и Средняя Италия подлежит его подданству, и в ответ на новое отлучение от церкви двинулся в Романьи и осадил некоторые папские города. Григорий, измученный горем и яростью, умер, когда его враг приблизился к воротам Рима, а его непосредственный преемник, не выдержав волнения, последовал за ним в могилу, прежде чем избравшие его кардиналы смогли приступить к его посвящению.

Иннокентий IV, который теперь взошел на папский престол, с давних пор проявлял некоторую симпатию к императорскому делу; но Фридрих, узнав о его избрании, как сообщается, сказал: "Я потерял друга, ибо ни один папа не может быть гибеллином". Помня пример Оттона IV, он должен был добавить, что ни один император не может оставаться гвельфом.

Фридрих действительно приобрел заядлого врага, более опасного, чем Григорий IX, потому что более политичного и осмотрительного. Из Лиона, куда он бежал, Иннокентий IV непоколебимо отстаивал те претензии, которые он уже не мог отстаивать в Риме, объявив победившего императора отлученным от церкви и низложенным. Папа низложил меня?" - презрительно спросил Фридрих, когда пришло известие. Принесите мне мои короны, чтобы я мог увидеть, что он отнял!

Одну за другой он возложил на голову семь корон, которые принесли ему сопровождающие: королевскую корону Германии и императорскую диадему Рима, железный циркуль Ломбардии, короны Иерусалима, Бургундии, Сардинии, Сицилии и Неаполя. "Видите!" - сказал он, - "Разве не все они по-прежнему мои? И никто не отнимет их у меня без борьбы".

Так продолжалась отвратительная война между Вельфом и Вайблингеном, между Гельфом и Гибеллинами, и Германия и Италия были залиты кровью и пламенем. "После того как император Фридрих попал под запрет, - пишет немецкий хронист, - разбойники радовались добыче. Тогда лемехи превратились в мечи, а жатвенные крючья - в копыя. Никто не выходил на улицу без кремня и стали, чтобы поджечь все, что можно разжечь".

Отлив от высшей точки в судьбе императора ознаменовался восстанием и успешным сопротивлением гвельфского города Пармы имперским войскам - поражение, которое Фридрих мог бы свести на нет новой победой, если бы его собственное здоровье не стало подводить. В 1250 году он умер, все еще отлученный от церкви, унесенный в ад, по мнению его врагов, но не умерший, по мнению многих, кто из любви или ненависти считал его личность более чем человечески выносливой.

И все же Фредерик, к добру или к худу, погиб, а вместе с ним и его императорские амбиции. Папы могли трепетать перед другими кошмарами, но господство Священной Римской империи над Италией больше не будет преследовать их сны в течение многих лет. Неаполь, завоеванию и управлению которым он посвятил все силы своего ума и рассудка, был отторгнут от его наследников и подарен его папским врагом французскому дому Анжу. В борьбе с этими узурпаторами последний представитель королевского рода Гогенштауфенов, Конрадин, сын Конрада, пятнадцатилетний юноша, галантный и безрассудный, как его дед, был схвачен в бою и обезглавлен.

Фридрих разрушил в Германии и построил на песке в других местах; из всех его завоеваний и достижений только память о них должна была ослеплять последующие поколения. Те, кто его знал, называли его *Stupor et Gloria Mundi*, и, несмотря на конечную неудачу и пороки, он по-прежнему остается "чудом света", возвышаясь над врагами и друзьями своей личностью, славой своего мужества, смелостью и силой цели.

Дополнительные даты. Хронологическое резюме см. на с. 368-73.

Папа Александр III	1159-81
Император Филипп II	1197-1208
Император Оттон IV	1197-1215
Четвертый Латеранский собор	1215
Шестой крестовый поход	1228-9
Битва при Кортенуове	1237
Смерть Конрадина	1268

XV

ОБУЧЕНИЕ И ЦЕРКОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Слово "прогресс" для современных мужчин и женщин означает движение вперед, к еще неизвестному совершенству, только что придуманному каждым поколением: для Средневековья оно означало скорее взгляд назад, сквозь туман варварских нашествий, на идеализированный христианский Рим. Вдохновение лежало в прошлом, не только в таких политических концепциях, как Священная Римская империя, но и в области искусства и мысли, где слишком часто традиция накладывала удушающую хватку на оригинальность, пытающуюся найти свое выражение.

Живопись раннего Средневековья была стереотипной в виде строгих, хотя и прекрасных моделей Византии, которые "отцы церкви" настаивали, посредством постановлений, принятых на церковных соборах, на том, что они должны считаться подходящими изображениями христианских сюжетов на все времена. Менее впечатляющими, но более реалистичными были иллюстрации к миссалам и священным книгам, которые, иллюстрируя Евангелия или жития святых, воспроизводили окружение художника - знатного, которого он мог видеть из окна своей кельи, проезжающего мимо с ястребом или гончими, рабочего, который сеет или копает, купца с мешком денег, модника, шлейфом управляющего свое меховое платье.

Виньетки, подобные этим, с их аккуратным мастерством линии и цвета, почти фотографической любовью к деталям, придают реальность нашим представлениям о жизни в Европе с XII по XIV век; но как бы ни были велики наши долги перед ними, настоящее искусство Средневековья было завершено не кистью, а инструментами строителя и резцом скульптора.

Архитектура Средневековья

Как и у живописца, импульс архитектора поначалу был почти полностью религиозным, хотя за возведением церквей и монастырей последовали гильдии и университеты .

Вскормленные верой святого Августина в то, что эта жизнь - всего лишь преходящее путешествие к вечному "Граду Божьему", средневековые мужчины и женщины видели это паломничество в окружении огромной армии дьяволов и святых, ведущих непрерывную борьбу за человеческую душу. Только с помощью веры и благосклонной помощи святых человек мог надеяться отбить легионы ада, которые, как стая волков, вились вокруг его ног, и нигде это не было так эффективно, как в святилище, из которого ежедневно возносилась молитва к Божьему престолу.

В наше время церкви и часовни стали собственностью определенной части общества, то есть тех, кто думает или верит определенным образом; и иногда из-за бедности кошелька или духа, из-за плохого изготовления или материала, архитектура, которая получается в результате, является некачественной или незначительной. В Средние века приходская церковь была самым определенным фактом в жизни каждого христианина, начиная с того дня, когда его несли к купели для крещения, и заканчивая его последним путешествием, чтобы отдохнуть под ее сенью. Здесь он исповедовался, давал обеты покаяния и исправления, совершал богослужения и благодарения: здесь он часто находил укрепленное убежище от насилия на улице, школу, зернохранилище, зал приходского совета.

Что может быть естественнее, чем то, что средневековые художники, их души, созвучные надеждам и страхам своей эпохи, лучше всего реализовали свой гений в строительстве и украшении зданий, которые были для всех горожан одинаковым символом их веры?

"Давайте построим, - говорили жители Сиены в XIII веке, - такую церковь во славу Божью, чтобы все люди удивлялись!

Когда собор был завершен, его размеры и величие составляли лишь треть от первоначального проекта, поскольку Черная смерть обрушилась на Сиену и унесла ее строителей в самый разгар их работы; тем не менее, он остается великолепным и привлекательным для современных глаз, как будто вера тех, кто планировал и создавал его плиты из черного и белого мрамора из любви к Богу и своему городу, вдохнула в их творение что-то от средневековой души.

То же самое можно сказать и о соборе Дамы Виктуар в Париже, основанном Филиппом Августом, о котором Виктор Гюго сказал: "Каждое лицо , каждый камень - это страница истории". Это относится почти ко всем средневековым церквям, пережившим войны и пожары, - памятникам эпохи, которая, если и отставала от нашей в конечных достижениях, была выдающейся, по крайней мере, в одном искусстве - церковной архитектуре.

Там, где останавливался архитектор, средневековый скульптор брался за работу, сначала с простой суровостью, но затем с буйством воображения, которое наполняло фасады, сводчатые крыши и капители колонн ангелами, демонами и гибридными чудовищами, преследующими фантазию того времени. Летающий контрфорс, изобретение которого сделало возможным возвышенные клиросы с огромными пространствами окон, довел до совершенства еще одно искусство - роспись стекла. Здесь средневековый художник также преуспел, и тигли, в которых он смешивал краски, заставляющие нас замирать перед окнами Леона, Альби и Шартра, до сих пор хранят неразгаданный секрет их прозрачной нежности и глубины.

Обучение и церковная организация

В архитектуре, скульптуре и витражах Средневековья мы видим самобытный гений, но в области образования и культуры Европа медленнее сбрасывала гигантское влияние Рима. Даже под сокрушительным натиском варварского невежества Италия сумела сохранить изучение классических авторов и римского права. Латынь оставалась языком образованного человека, языком, на котором читались церковные службы, читались проповеди, велась переписка, велись дела, а студенты университетов и школ обращались к своим профессорам.

Можно представить себе преимущества общего языка: сравнительная легкость, с которой папа или король могли поддерживать связь с епископами или подданными другой расы; доступность лучших книг для студентов всех наций, поскольку едва ли какой-нибудь известный средневековый автор соблаговолит бы использовать свой собственный язык: прежде всего, возможно, легкость, с которой посол, торговец или паломник мог понять себя во время путешествия по Европе, вместо того чтобы мучить свой мозг поисками нужного слова сначала на одном иностранном диалекте, а затем на другом.

Эта классическая форма, так жестко удерживающая знания от невежественных людей, имела и свой недостаток; ведь многие средневековые перья, которые могли бы в радостной близости летать по пергаменту на языке своего владельца, неуклюже спотыкались о латинские конструкции, оставляя в итоге не спонтанную запись текущих событий, а "сухой, как пыль" каталог, составленный в плохом подражании какому-нибудь латинскому стилисту. Современный мир больше благодарен средневековой культуре за такие промахи, как "Божественная комедия" Данте, чем за все тяжелые латинские тома, авторы которых надеялись на лавровое бессмертие.

Для тех жителей Англии и Франции, кто не мог легко овладеть латынью или находил ее величественные периоды слишком громоздкими для обычного общения, французский язык, происходящий от разговорной латыни римского солдата или торговца в Галлии, в Средние века, как и сегодня, был языком вежливого общества. Он обладал двумя различными диалектами, "langue d'oïl" и "langue d'oc", названными так потому, что северный француз, включая норманна, должен был произносить *oui* как *oïl*, в то время как его южный соотечественник произносил его как *oc*.

Англия, где со времен завоевания Вильгельма I французский язык был естественным языком полуиностранного двора, обязана огромным литературным импульсом "языку oïl" в XII и XIII веках; в то время как "язык oc", давший название району на юге Франции, делил свою поэзию и романтику между провансальцами и каталонцами. Потомки первых сегодня являются французами, вторых - испанцами: но в XI веке они были подданными графов Тулузских, которые правили областью, простиравшейся от истоков Роны до Средиземного моря, от итальянских Альп до Эбро.

Культура Средневековья

В этом полунезависимом королевстве развилась цивилизация и культура жаркого периода, которая была очень развита в своем понимании менее бурных удовольствий жизни, таких как любовь, искусство, музыка, литература, но часто была развращена в их получении. Тулузский двор не обращал внимания на ад святого Августина, чьи страхи преследовали остальную Европу в моменты задумчивости. Веселый и бессодержательный, он жил ради проходящего часа, и из его атмосферы кутежа и культуры родилась целая раса поэтов-певцов. Эти трубадуры (*troubadours* = discoverers) пели о любви, чьи шелковые пути могли держать в плену рыцарей и прекрасных дам; и их золотая лирика, то пронзительная, то веселая, была перенесена в переполненные города Италии и Испании или нашла школы

подражателей в других местах, как в Германии среди ее *миннезингеров* (певцов любви) тринадцатого столетия. На севере Франции и в Англии также появились менестрели, но их темы были не столько любовными, сколько боевыми; и публика наслаждалась у замка и костра "жестами" или "деяниями" Карла Великого и его паладинов, рыцарством Артура и его рыцарей или волнующими балладами о границах, такими как "Чеви Чейз".

Средневековые университеты

Рынок, лагерь и зал баронства, где пелись или читались эти часто выдуманные истории прошлого, были школами для многих неграмотных; точно так же, как разговоры арабов и евреев у костров в пустыне стимулировали воображение молодого Магомета; но для тех немногих, кто мог позволить себе более глубокое образование, существовали университеты - Париж, Болонья, Оксфорд, если назвать только три самых известных.

Слово *universitas* в Средние века означало объединение людей, такую корпорацию, как "гильдии", созданные рыботорговцами и драпировщиками для защиты своих торговых интересов; и университеты действительно возникли с подобной целью. Сегодня города, в которых есть университеты, гордятся этим фактом и приветствуют новых студентов; но в ранние средневековые времена приток молодых людей всех возрастов со всех концов Европы, многие из которых были дикими и необузданными, а некоторые настолько бедными, что им приходилось просить или красть хлеб насущный, был на первый взгляд весьма сомнительным благом. Уличные драки между национальностями, которые ненавидели друг друга по принципу, или между группами студентов и горожан были обычным явлением в городах, которые обучение почтило своим присутствием, и сопровождалось они, как правило, разбитыми головами, пожарами и грабежами. Если бы *не universitas*, созданные мастерами и студентами для контроля и защиты своих членов, эти образовательные центры, вероятно, были бы уничтожены возмущенными торговцами: им и так приходилось бороться за свое существование.

Муниципалитеты не смотрели снисходительно на корпорацию, которая казалась им "государством в государстве", угрожая их собственному праву управлять всем в городе. Только через много поколений они поняли значение слова "сотрудничество", то есть возможность помогать, а не мешать работе *universitas*. Иногда король, например Филипп Август, настаивал на веротерпимости, предоставляя своим студентам "привилегию духовенства", но по мере роста университета он становился способным проводить в жизнь свои собственные уроки. В XIII веке магистры Парижа закрыли свои аудитории и увели свою паству в знак протеста против несправедливого, по их мнению, обращения со стороны городских властей во время бунта. Их отсутствие показало парижанам, что, несмотря на разбитые головы, студенты приносят пользу, а не вред городской жизни. Под защитой папской "буллы" они через несколько недель с триумфом вернулись в Латинский квартал.

Лишь постепенно стали возводиться колледжи, где студенты могли жить, и появилось хоть что-то, напоминающее продуманную организацию современного университета. Студенты селились где попало, а "мастера" жили за счет благосклонности тех, кто платил за обучение, и голодали, если их популярность падала, а вместе с ней и аудитория. Жизнь учителя и ученика была туманной и опасной, а на углах улиц таились нищета и преступность, готовые погубить неосторожного или глупого. Период обучения также не был простым "мимолетным пребыванием", как в некоторых современных "терминах": бакалавр искусств в Оксфорде или Париже должен был учиться пять лет, магистр искусств рассчитывал потратить еще три года на получение итоговой степени, а доктору богословия предстояло не менее восьми лет

упорной работы. Можно сказать, что в этих условиях высшее образование превратилось в профессию.

В Болонью, величайший из итальянских университетов, отправлялись те, кто хотел изучать римское право у истоков. Это не значит, что студент из любопытства ворошил юридическую пыль мертвой империи, а хотел овладеть живой системой права, которую варварские захватчики постепенно привили к своим собственным национальным кодексам. В одиннадцатом веке законы Юстиниана²¹ были столь же или даже более почитаемы, чем в его собственное время. Мы видели, что Фридрих Барбаросса поручил юристам Болоньи обосновать на основе старых юридических документов претензии, которые он хотел установить над Ломбардией; когда они добились успеха, он наградил их подарками и рыцарским званием, показывая, какое значение он придавал их достижениям. Это очень хороший пример уважения, которое средневековые умы испытывали к законам и титулам более ранней эпохи, даже несмотря на тиранию, которая привела к тому, что "Ломбардская лига" стала оспаривать эти претензии.

Средневековое папское правительство

Еще более тесно, чем гражданские кодексы Европы, со старыми римскими правовыми текстами было связано "Каноническое" право Церкви, которое было непосредственно основано на классических образцах; с ростом мировых амбиций Гильдебранда его решения приобретали все большее значение и требовали огромной армии обученных юристов для их толкования и упорядочивания. Для практичных и амбициозных юношей здесь можно было пройти курс обучения, ведущий к профессии, выгодной во все века; учебник для таких начинающих юристов был представлен в *decretum* Грациана, монаха, составившего в XII веке полный и авторитетный текст канонического права.

О существовании церковных судов, в которых действовало каноническое право, мы уже упоминали, обсуждая ссору Генриха II Английского и Томаса Бекета.²² Созданные изначально для рассмотрения чисто церковных дел и должностных лиц, они со временем стали включать в свою компетенцию всех, над кем Церковь могла требовать защиты, и любые дела, затрагивающие обряды Католической Церкви. Это была широкая сеть с очень маленькой ячейкой, в чем убедились анжуйский Генрих II и другие светские правители Европы. Защита, расправившая крылья над священниками и клириками, распространялась также на крестоносцев, вдов и сирот: юрисдикция церковных судов распространялась не только на моральные вопросы, такие как ересь, святотатство и лжесвидетельство, но и на все дела, связанные с завещаниями, браками и разводами и даже клеветой.

Рим превратился в улей церковных юристов, а папа, как и римские императоры прежних времен, стал верховным законодателем и последней апелляционной инстанцией для всех церковных судов Европы. Его власть была абсолютной, по крайней мере, в теории, поскольку он мог отменить, если считал нужным, каноническое право, которым управляли его чиновники. Он также мог вызвать в свою *курую*, или папский суд, любое дело, по которому он хотел вынести решение, на какой бы стадии оно ни находилось в нижестоящем церковном суде.

Под началом папы в упорядоченной иерархии, соответствующей феодальному устройству светского общества, находились митрополиты, которые получали из его рук или рук его легатов узкий шерстяной шарф, или *паллиум*, который был символом их власти. Далее по порядку следовали епархиальные епископы со своими "чиновниками", архидиаконами и сельскими деканами, каждый из которых имел свой суд и свою меру юрисдикции.

Воля папы распространялась по христианскому миру в виде писем, называемых "буллами", из-за *буллы* или тяжелой печати, которая прилагалась к ним. Против тех, кто не внимал их содержанию, он мог применить либо оружие отлучения от церкви, то есть персонального изгнания из нее, либо, если нарушителем был король или город, еще более взрывной "интердикт", который обрушивался как на правителя, так и на управляемого. Страна, стонущая под интердиктом, лишалась всякого духовного утешения: ни один священник не мог совершать публичную мессу, крестить новорожденного, совершать брачную службу, утешать умирающих "высшим унциклом" или хоронить мертвых. Сами церковные колокола больше не звонили.

Именно под этим давлением духовного голода, когда святые, казалось, сложили свои объятия, а демоны радостно собрались на жатву потерянных душ, Иоанн Английский был вынужден под проклятиями своего народа обратиться к Риму с покаянием и покорностью. Однако, как и в случае с большинством видов оружия, знакомство порождает презрение, а слишком частое использование полномочий "интердикта" и "отлучения" притупляет их эффективность - и Фридрих II, неоднократно подвергавшийся отлучению, оказался способен завоевать Иерусалим и господствовать в Италии даже под папским запретом.

Церковь, претендуя на мировую империю, требовала повиновения, которое она не могла обеспечить. Кроме того, она была открыта для соблазнов, которым, исходя из природы ее мирских амбиций, она неизбежно должна была поддаться. Ни одно столь сложное и дорогостоящее управление, исходившее от ее *курии*, не могло продолжаться без неиссякаемого притока денег в ее казну. Юристы, священники, легаты, кардиналы, сам папа - все должны были содержаться в состоянии, подобающем их должности в глазах мира, готового как в тринадцатом веке, так и в двадцатом судить по внешности и оказывать соответствующее почтение.

В дополнение к обычным расходам правителя, чей двор был центром религиозной и интеллектуальной жизни Европы, существовало постоянное бремя войны, сначала с соседними итальянскими правителями, а затем с Империей. Иннокентий IV одержал победу над Гогенштауфенами, но в основном за счет того, что опускал руки в английские денежные мешки, причем во время правления сына Иоанна, Генриха III, до такой степени, что Англия получила насмешливое название "дойной коровы папства".

Поначалу, когда церковные суды предлагали преступникам правосудие, одновременно более гуманное и всеобъемлющее, чем грубая тирания короля или феодала, защитники прав канонического права считались народными героями. Однако позже, с ростом национального чувства, развитием и совершенствованием гражданских кодексов, мужчины и женщины начали колебаться в своей верности. Каноническое право оказалось и дорогим, и медлительным, особенно в случае "апелляций", то есть дел, переданных из нижестоящего суда в Рим. Ключ к решениям, вынесенным в Риме, часто был слишком явно золотым и имел большой вес.

Папские поборы

Не только правосудие можно было купить или продать. Значительная часть денег, наполнявших римскую казну, поступала от бенефиций и ливров в разных странах Европы, которые тем или иным способом скапливались в папских руках. Постоянное давление войн с императорами и итальянскими гибеллинами заставляло пап как можно выгоднее распоряжаться этим покровительством, и поэтому духовные нужды епархий и приходов стали приноситься в жертву военным потребностям римской казны.

Иногда это была не сама жизнь, за которую кандидат в клирики платил большие деньги, а просто обещание "преференции" на следующую вакансию; или же он обязывался в случае выдвижения отправить в Рим свои "первые плоды", то есть доход за первый год. Те, кто мог позволить себе требуемую сумму, могли быть уроженцами страны, в которой находилось вакантное епископство или место жительства; часто они таковыми не являлись, и успешный номинант, вместо того чтобы лично отправиться исполнять свои обязанности, просто посылал агента для сбора своих пошлин. Эти пошлины поступали из разных источников, но в случае с жильем в основном из "десятины", налога на содержание церкви, который должен был составлять десятую часть дохода каждого человека.

Люди обычно ропщут, когда у них постоянно просят деньги, и средневековые мужчины и женщины не были исключением из этого правила. Так, в случае с Англией, хотя войны между императором и папой оставляли ее сравнительно равнодушной к затрагиваемым вопросам, растущие поборы римской *курии*, которые касались ее карманов, пробуждали тлеющее недовольство, которое время от времени перерастало во враждебность.

"В эти времена, - писал летописец Матфей Парис, - маленький огонь веры начал сильно остывать, так что едва не превратился в пепел... ибо теперь симония практиковалась без стыда..... Каждый день неграмотные люди самого низкого сословия, вооруженные буллами из Рима, боялись не расхитить доходы, которые наши благочестивые предки выделили на содержание религиозных, поддержку бедных и содержание чужестранцев".

В Оксфорде в правление Генриха III (1216-72 гг.) папский легат был вынужден покинуть город из-за возмущенных "клерков" университета, или студентов, как мы называем их сегодня. "Где этот ростовщик, этот симонист, этот расхититель доходов, этот жаждущий денег?" - кричали они, преследуя его и его свиту по улицам, - "Это он извращает короля и подрывает королевство, чтобы обогатить иностранцев нашими трофеями".

В Линкольне епископ Гросстете с негодованием отказался посвятить племянника Иннокентия IV, мальчика двенадцати лет, в пребендарии собора. Другие папские родственники поглощали ливреи и епископства в других странах Европы, поскольку при Иннокентии IV началась открытая практика "непотизма", то есть использования папами своих доходов и должностей для обеспечения своих племянников и других членов их семей.

"Он отбросил всякий стыд, - говорит об этом папе Мэтью Пэрис, - он вымогал большие суммы денег, чем кто-либо до него". Эти "денежные суммы" позволили Риму повергнуть своего имперского врага, но вымогательство было опасным приемом. На протяжении всего раннего Средневековья папу римского принимали в западном христианстве как глашатая Церкви, обладающего авторитетом Христа. В своих спорах с королями последние никогда не могли быть уверены в лояльности своих людей, если те призывали их взять в руки оружие против "святого отца".

С ростом наций и Рима как временной державы постепенно менялось мировоззрение европейцев; подданные были более склонны подчиняться правителям, которых они знали, чем далекому и незнакомому им государю; они также были менее готовы принять папское вмешательство без критики. Таким образом, впервые было проведено различие между Папой и Церковью.

Когда королю Норвегии Хако предложили императорскую корону после низложения Фредерика II Иннокентием IV, он отказался, сказав: "Я с радостью буду сражаться с врагами Церкви, но не буду сражаться с врагами Папы". Его слова ознаменовали новый дух. В

междоусобицах гвельфов и гибеллинов, бушевавших в XII и XIII веках, были заложены основы движения за контроль над папой с помощью Вселенских соборов в XV веке и еще более решительного противостояния его власти в XVI, которое мы называем Реформацией.

XVI ВЕРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Современный студент, переходя из школы в университет, вскоре обнаруживает, что стоит на распутье: он не может надеяться, подобно философу XVI века, "взять все знания в свою провинцию", но должен выбрать, по какому из многочисленных указателей он пойдет - право, классика, наука, экономика, химия, медицина, и это лишь некоторые из наиболее важных. Средневековые умы были бы сильно озадачены некоторыми из этих путей познания, в то время как остальные они бы осудили как просто окольные пути, ведущие коварным маршрутом к главной дороге теологии. Например, наука - терпеливый поиск истины путем построения знаний на основе фактов, не принимая за факт ничего, что не было бы подтверждено доказательствами, - в XIII веке была закрытой книгой.

К Роджеру Бэкону, английскому монаху, одному из первых, кто попытался провести научные эксперименты, относились с таким подозрением из-за его исследований и язвительных комментариев к взглядам своего времени, что считали, что он находится в союзе с дьяволом; и даже благосклонность папы, более просвещенного, чем большинство его современников, не смогла спасти его в последующие годы от заключения в тюрьму как подозреваемого в колдовстве.

Мужчины и женщины ненавидят менять представления, в которых их воспитали; и в XIII веке они с готовностью принимали за факты такие сказочные истории, рассказанные ранними христианскими писателями, как история о фениксе, который в возрасте пятисот лет бросается в священный огонь, возрождаясь из пепла здоровым и бодрым, или о пеликане, убивающем своих птенцов при рождении и возрождающем их через три дня, или о единороге, сопротивляющемся всем уловкам охотника, но легко пойманном чистой девой. Очарование такой естественной истории для средневековых умов заключалось не в ее легендарной причудливости, а в том, что ее можно было использовать, чтобы указать на мораль или украсить доктрины теологии.

Теология была главным предметом изучения в Париже, подобно тому как римское право господствовало в Болонье. Она включала в себя тщательное изучение Священного Писания в изложении "Отцов Церкви", а также того, что было известно в то время благодаря латинским и арабским переводам трудов греческого философа Аристотеля. Несмотря на то, что Аристотель был язычником, многие средневековые богословы почитали его почти так же, как святого Иеронима или святого Августина, и для них было делом всей жизни попытаться примирить его взгляды с католическим христианством.

Схоластика

Философия, ставшая результатом изучения этих очень разных авторитетов, называется "схоластикой", а те, кто отдал годы терпеливого размышления аргументам, на которых строились и поддерживались ее теории, - "школярами".

Первым из великих парижских богословов был Петр Абеляр, бретонец, красивый, уверенный в себе, готовый к языкам и мозгам. Изучив "диалектику", то есть систему рассуждений, с помощью которой средневековый ум строил свою философию, он вызвал отвращение своих мастеров, увлекая их учеников своим красноречием и оригинальностью, как только понял предмет в достаточной степени, чтобы читать лекции самостоятельно.

В Париже вокруг его стола толпилось столько молодых людей его времени, что Абеляра иногда называли основателем университета. Это не так, но можно сказать, что его популярность решила, что именно Париж, а не какой-либо другой город должен стать интеллектуальным центром Франции. Его аудитория с жадностью слушала, пока он пытался доказать человеческим разумом то, чему Церковь учила как вопросу веры; и хотя он отправился в путь с намерением защищать ее, именно с Церковью он вскоре вступил в конфликт.

Одна из его книг под названием "Да и нет" содержала краткое изложение взглядов раннехристианских отцов на различные богословские вопросы. В такой близости некоторые из этих взглядов оказались противоречивыми, и бретонский лектор стал объектом подозрений в церковных кругах, особенно святого Бернара Клервоского, который считал, что человеческий разум дан человеку лишь для того, чтобы он мог принять учение Церкви, а не для того, чтобы выдвигать аргументы или критику в его адрес.

"Петр Абеляр, - писал он папе, - пытается свести на нет заслуги христианской веры, когда считает себя способным с помощью человеческого разума постичь Бога во всей полноте... Этот человек велик в своих собственных глазах... этот исследователь величества и фабрикант ересей".

Умы этих двух людей действительно были абсолютно противоположны - это образцы противоречивой человеческой мысли во все века. Святой Бернар, несмотря на свои откровенные обличения грехов Церкви, был послушен голосу ее авторитета и ненавидел и боялся гордыни человеческого интеллекта как самого смертельного из всех грехов. Абеляр, от природы любознательный и скептический, рассматривал свой ловкий мозг как нож хирурга, данный ему для того, чтобы отсекал больные или изношенные ткани от мысли своего времени, чтобы оставить ее более здоровой и чистой.

Как антагонисты они не подходили друг другу, ибо Сен-Бернар был бесконечно более великим человеком, без мелочного тщеславия и мирской суеты другого, чтобы запутать вопрос, за который они боролись: за ним также стояло сочувствие средневековых умов, еще не пробудившихся к духу исследования, и поэтому бретонец был изгнан в уединение монашеской кельи, а его осужденные работы публично сожжены.

Один из его учеников, Петр Ломбард, перенял методы своего учителя, не вызывая гнева ортодоксов смелыми спорами, и создал "Книгу сентенций" (*sententiae* = мнения), которая стала учебником для схоластики, подобно тому как "Декретум" был авторитетом для изучающих римское право. Не будучи гениальным произведением, "Сентенции" расчистили путь через джунгли средневековой мысли для более оригинальных умов, а открытие во второй половине двенадцатого века нескольких доселе неизвестных работ Аристотеля придало дополнительную остроту исследованиям "Школяров". Величайшим из всех этих "школяров" был Фома Аквинский, "ангельский доктор", как его иногда называли.

Аквинский был неаполитанцем из знатной семьи, который еще мальчиком убежал из дома, чтобы присоединиться к доминиканцам, ордену странствующих проповедников, об основании которого мы вскоре расскажем. Томаса поймал и вернул домой его старший брат,

знатный вельможа при дворе Фридриха II; но ни угрозы, ни тюремное заключение не смогли убедить юного послушника отказаться от выбранной им жизни. Через год он сломал решетку своего окна, бежал из Неаполя, отправился в Кельн и Париж, где изучал теологию и стал величайшим лектором и учителем своего времени. В своей "Сумме теологии", самой известной книге, он изложил свою веру в высшее благо человека как главную мысль Бога, используя как комментарии Отцов Церкви, так и труды Аристотеля в качестве каменоломни, чтобы обеспечить материал для создания своих аргументов. Как и Абеляр, он верил в голос разума, но без бретонского скептицизма. Человеческий разум, обузданный божественной благодатью, был тем проводником, который он искал, чтобы провести свое перо через дебри теологии; и настолько ясными и судебными были его методы, настолько блестящим был интеллект, сиявший в его трудах, что Аквинский стал для последующих поколений авторитетом, почти равным Святому Августину.

Средневековая вера

Сильная озабоченность средневековых умов теологией и важность, придаваемая "правильной вере", - наиболее яркие ментальные характеристики того периода, с которым мы имеем дело. Сегодня мы склонны судить о человеке по его поступкам, а не по его убеждениям, оценивать характер как хороший или плохой, потому что его обладатель щедр или эгоистичен, добр или жесток, храбр или труслив. В двенадцатом или тринадцатом веках это показалось бы совершенно ложным стандартом. Идеал поведения, которого придерживались такие монахи, как святой Бернард Клервоский, был настолько возвышенным, что для обычных мужчин и женщин в век жестокости и неистовых страстей хорошая жизнь казалась невозможной, кроме как для святых. Грехи и недостатки остального мира получали очень легкое прощение, за исключением аскетов; и обычно считалось, что Бог в своем милосердии, через заступничество добрых Святых, будет сострадать человеческим слабостям до тех пор, пока грешник раскаивается, исповедуется и держится за веру в учение Церкви. Это учение, или "вера", объявленная как данная Христом своим апостолам, изложенная в трудах христианских отцов, собранная воедино в Символах веры и Таинствах, определенных церковными соборами, проповедуемая и излагаемая духовенством и богословами, защищаемая Папой, была тем факелом, который один мог направить колеблющиеся стопы человека к "Граду Божьему".

"Знаете ли вы, что я получу, - спрашивал один французский граф XIII века, - за то, что в течение этой земной жизни я верил так, как учит Святая Церковь? Я получу венец на небесах над ангелами, ибо ангелы не могут не верить, так как видят Бога лицом к лицу".

Ересь - отказ принять учение Церкви - была единственным непростительным грехом, моральной проказой, которая в глазах средневековья была хуже любой человеческой болезни, потому что поражала душу, а не тело, а жизнь души была вечной. Еретик должен быть подавлен, по возможности обращен, а если нет, то сожжен и забыт, как больная тряпка, чтобы его неверные убеждения не заразили других и не лишили их души навечно. Сегодня мы знаем, что ни подавление, ни сожжение не могут в конечном итоге уничтожить ту независимость мысли и дух исследования, которые являются такой же движущей силой одних человеческих натур, как признание авторитетов - других. Терпимость и то, насколько она может быть распространена как на действия, так и на убеждения, - одна из проблем, которую мир все еще изучает. Города и провинции, где проходили первые сражения, засеяны кровью и пеплом тех, кто не искал и не предлагал путь компромисса в качестве решения.

Другим учеником Абеяра, помимо ортодоксального Петра Ломбарда, был итальянец Арнольд из Брешии - человек во многом схожий по интеллекту со своим учителем, эгоцентричный, беспокойный и честолюбивый. Вернувшись домой из университета, он сразу же принял бурное участие в жизни Брешианской коммуны, публично заявив, что Церковь должна вернуться к временам "апостольской бедности", и призвав горожан сбросить иго своего епископа. Изгнанный из Италии из-за гнева папы и духовенства на его взгляды, он снова отправился в Париж, где преподавал в университете, пока по приказу короля не был изгнан. Затем он нашел убежище в Германии под защитой папского легата, который знал и восхищался им в прежние времена; но эта новость вызвала яростный гнев святого Бернарда.

"Арнольд Брешианский, - писал он легату, - чьи речи - мед... чье учение - яд, человек, которого извергла Брешия, которого ненавидит Рим, которого Франция отправляет в изгнание, которого проклинает Германия, которого отказывается принять Италия, получает твою поддержку. Быть его другом - значит быть врагом Папы и Бога".

Легату удалось путем посредничества временно примирить еретика с Церковью, но Арнольд по натуре был вспыльчив и, поселившись в Риме, вскоре стал лидером одного из многочисленных заговоров с целью превращения этого города в "вольный город", обязанный подчиняться только императору. Во многом благодаря его усилиям Папа был вынужден отправиться в изгнание; но затем римляне, опасаясь интердикта, который лишил бы их визитов паломников, за счет которых они обычно зарабатывали себе на жизнь, покинули его, и лидер республиканцев был вынужден бежать. Схваченный среди итальянских холмов, он был доставлен в Рим и сожжен, а его прах был брошен в Тибр, чтобы его не потребовали в качестве реликвии те из жителей, кто все еще любил его. Его судьям не было нужды принимать такие меры предосторожности, поскольку ни религиозные, ни политические взгляды Арнольда не могли получить большого общественного одобрения в его собственное время. В других местах, конечно, кипели ересь и мятеж, но только в начале XIII века эта вспышка стала жизненно важной проблемой для папства.

Наиболее широкая область распространения ереси была в провинциях Лангедок и Прованс, о быстром умственном развитии которых мы уже упоминали.²³ Графы Тулузские в XIII веке уже не управляли современной Испанией, но к северу от Пиренеев они были главными арендаторами французского короля в одной из самых плодородных провинций южной Франции, а в качестве маркизов Прованса они были вассалами императора в стране за Роной.

Полунезависимый от контроля одного из этих владык, граф Раймонд VI возглавлял двор, славившийся роскошью и весельем души, легкими нравами и неортодоксальными религиозными взглядами. Когда он получил из Рима жалобы на то, что его люди насмеяются над католической верой и побивают камнями своих епископов и священников, он едва ли притворился сожалеющим, поскольку его скептическая натура была совершенно непоколебима ересью, и как он, так и его вельможи полностью одобряли настойчивое стремление народа к "апостольской бедности", доктрине, позволявшей им присваивать церковные земли и доходы для своих собственных целей.

Ересь в Лангедоке

Еретических сект в Лангедоке было много: пожалуй, самые значительные из них - альбигойцы и вальденсы. Первые практически отрицали христианство, утверждая, что добро и зло - равноправные силы и что смерть Христа не помогла спасти человечество. Вальденсы,

или "Лионские бедняки", напротив, сначала пытались найти признание своим убеждениям внутри церкви. Их основатель, богатый лионский купец Петр Вальдо, перевел некоторые Евангелия с латыни на деревенский язык и, раздав все свое имущество, отправился из деревни в деревню, проповедуя и стараясь вместе со своими последователями подражать жизни апостолов в простоте и бедности.

Несмотря на осуждение со стороны Папы Римского, который с подозрением относился к их учению, вальденсы росли в числе. Они провозгласили, что авторитет Библии выше авторитета Церкви, назначили собственных священников и отрицали многие основные пункты веры, которые, по мнению Церкви, были необходимы для спасения.

Средневековая церковь учила, что только через веру в эти статьи веры, то есть в Символы веры и Таинства (*sacramentum* = нечто священное), совершаемые духовенством, человек может надеяться на спасение. Самым важным из таинств, которых было семь, было чудо Мессы, иногда называемое "трансубстанцией". Его истоком стала Тайная вечеря, когда Христос перед распятием дал своим ученикам хлеб и вино, сказав: "Примите, ядите, сие есть тело Мое...", "Примите, пейте, сие есть Кровь Моя, за вас пролитая". Средневековая церковь провозгласила, что каждый раз, когда на мессе священник приносит "Воинство", или освященный хлеб, Христос заново приносится в жертву за грехи мира, и что хлеб воистину превращается в вещество Его тела.

Вальденсы и многие секты, отколовшиеся впоследствии от догматов средневековой церкви, отрицали это чудо, а также священный характер священников, которые могли его совершать. По мнению Церкви, ее священнослужители при рукоположении получают через возложение рук епископа часть той таинственной силы, которую Христос передал святому Петру, наделив их также властью прощать грехи. Неважно, стал ли священник праздным или порочным, он все равно в силу своего рукоположения сохранял свой священный характер, и наложить на него руки означало навлечь на себя гнев Божий.

Даже в двенадцатом веке, когда святой Бернар путешествовал по Лангедоку, он с ужасом обнаружил, что "таинства больше не священны, а священники не пользуются уважением". На его попытки возразить ему отвечали камнями и угрозами, а учреждение "епископской инквизиции" для расследования и искоренения этой враждебности только усилило ожесточение и решимость провансальцев.

В Средние века "лучше бы я был евреем" было выражением презрения; но в Тулузе люди говорили: "лучше бы я был священником", и священнослужители, которые ходили за границу, были вынуждены прятать свои тонзуры, опасаясь нападения.

Ересь можно уничтожить только твердым наставлением", - таков был первый вердикт Иннокентия III. Именно проповедуя истину, мы разрушаем основы заблуждений". Поэтому он отправил несколько цистерцианцев с миссией в Лангедок, и в их компании путешествовал молодой испанец Доминик де Гусман, горящий желанием завоевать души для веры или принять мученическую смерть. Цистерцианцы ехали на лошадях с большой вереницей слуг и с повозками, запряженными волами, чтобы перевозить одежду и еду. Это зрелище вызвало презрительный смех альбигойцев и вальденсов. "Смотрите, - кричали они, - богатые миссионеры Бога, который был смиренным и презиравшим, обремененные почестями!

Повсюду звучали насмешки и презрение, и именно в момент неудачи вмешался Доминик Испанский, искренне говоря тем, кто был с ним, о контрасте между еретическими служителями в их жизни бедности и самоотречения с роскошью и мирской жизнью местного духовенства, и даже с показным парадом его собратьев-проповедников. Поскольку он сам

долгое время занимался аскезой, носил волосяную рубашку, часто постился и отказывал себе во всех удовольствиях, молодого испанца выслушали с уважением, и его энтузиазм так зажег цистерцианцев, что они отослали своих лошадей и багажные повозки и отправились пешком по стране, чтобы попытаться завоевать население разными методами. С ними отправился и босой Доминик, ликуя от возможности перед лицом опасности засвидетельствовать веру, которой он так дорожил.

Отношение мужчин и женщин Лангедока к папской миссии уже не было насмешливым, но оставалось враждебным, поскольку они также свято хранили свою веру, а все расовые предрассудки сельской местности были брошены в противовес Риму. Поэтому новообращенных было мало, а гневных собраний, на которых в чужаков бросали камни, - много; дело шло своим чередом, и миссия все больше и больше унывала.

В 1208 году произошел жестокий кризис, поскольку папский легат, отлучивший графа Раймонда Тулузского за присвоение некоторых церковных земель и отказ их вернуть, был убит, а сам граф оказался замешан в преступлении, поскольку, как и в случае с Генрихом II и Бекетом, именно его гневные проклятия побудили некоторых рыцарей совершить это деяние. Иннокентий III сразу же объявил графа низложенным и проповедовал крестовый поход против него и его подданных как еретиков.

Последовало двадцать лет кровопролития и жестокости; под командованием французского графа Симона де Монфора, беспринципного и жестокого полководца, ортодоксальные легионы северной Франции собрались по папскому призыву, чтобы уничтожить независимость юга, который они всегда ненавидели как соперника. Лангедок, его дворяне и народ, объединившись, упорно боролись за свою религиозную и политическую свободу; но борьба была неравной, и в конце концов он был вынужден подчиниться. Тридцать тысяч ее сыновей и дочерей погибли, а вместе с ними цивилизация и культура, прославившие имя Прованса в средневековой Европе.

Альбигойский крестовый поход

Имя Доминика Испанского не фигурирует в кровавых анналах Альбигенского крестового похода. Он выступал за совсем другие меры, а в 1216 году, следуя своему идеалу, получил от Папы разрешение создать орден "братьев-проповедников", созданный по образцу монашеских орденов, за исключением того, что "монахам" (*Fratres* = братья), как называли этих монахов, было велено не жить постоянно в общинах, а проводить свою жизнь, путешествуя от деревни к деревне, проповедуя на ходу. Они должны были просить хлеб насущный, а самому ордену было запрещено приобретать богатство - их основатель надеялся этим строгим правилом предотвратить мирскую суету, развратившую другие религиозные общины.

Доминик, или Святой Доминик, поскольку энтузиазм средневековой церкви вскоре канонизировал его, был сыном своего века в своей интенсивной преданности Вере; но его духовное мировоззрение было непостижимо для всех, кроме немногих. В Иннокентии III можно найти более типичную фигуру начала XIII века; и в большинстве своем последователи святого Доминика подчинялись стандартам Иннокентия, а не своего основателя.

Папа Иннокентий выступал за изгнание заблуждений с помощью правильного учения; но неудачи в этом деле пробудили в нем такое отчаяние, что упрямая ересь Лангедока стала казаться моральной и социальной чумой, которую необходимо безжалостно подавить. Тщательно выполнив это начинание, как и все, к чему он приложил руку и ум, он добавил к кровавой бойне крестового похода Симона де Монфора страшный и эффективный механизм

инквизиции, которая во время понтификата Григория IX была передана из юрисдикции местных епископов в юрисдикцию папского престола. Инквизиторами, уполномоченными выявлять ересь и обращать еретиков пытками и огнем, были в основном доминиканцы, отобранные для этой задачи благодаря своей богословской подготовке и той самой преданности вере, на которой так настаивал их основатель.

Самые важные политические плоды Альбигойского крестового похода были собраны Филиппом II Французским, который сам стоял в стороне от этой борьбы, хотя и разрешал и поощрял своих дворян принять крест. В результате низложения и падения его могущественного главного арендатора, графа Тулузского, центр и юг Франции, до сих пор столь гордо независимые, потеряли грозного союзника, а обширные территории Пуату и Аквитании попали под королевское влияние и были включены в состав коронных земель.

Этот процесс продолжился при сыне Филиппа, Людовике VIII, который сам присоединился к крестовому походу и прошел с армией по долине Роны, захватив Авиньон и дойдя почти до ворот Тулузы. Его внезапная болезнь и смерть положили конец кампании; но его вдова, Бланш Кастильская, выступая в качестве регентши своего сына, короля Людовика IX, заключила договор с новым графом Тулузы Раймондом VII, по которому этот знатный вельможа становился наказанным и покорным вассалом короля и папы. Кроме всего прочего, он был вынужден признать одного из младших братьев французского короля своим преемником в графстве Прованс.

Святой Франциск Ассизский

От Альбигойского крестового похода, одной из самых черных картин Средневековья, приятно перейти к его лучшей и светлой части - истории святого Франциска Ассизского.

В 1182 году в Ассизи, маленькой умбрийской деревушке, родился мальчик, которого мать назвала Джоном, а отец, богатый торговец, недавно путешествовавший по Франции, прозвал Франциском, или "французом". Святой Доминик развил свою пламенную веру в строгом и сугубо религиозном доме; Франциск же участвовал в легкомысленном общении итальянского городка и в детстве отличался от своих товарищей лишь щедростью, врожденной чистотой и неумейной радостью жизни.

Повзрослев, Франциск отправился воевать с войсками Ассизи против соседнего города Перуджи, был взят в плен вместе с другими горожанами и брошен в темницу. В течение двенадцати месяцев плена ропот и горечь большинства были вполне естественны; но Франциск, в отличие от остальных, встретил всеобщий дискомфорт с безмятежным добрым юмором, даже весельем, так что не в последний раз в своей карьере был осужден как сумасшедший.

После освобождения и возвращения домой купец Бернадоне пожелал, чтобы его сын занял достойное место в мире; и когда юноша размышлял о блестящих доспехах и воинской славе, он снабдил его всем, что он просил, одеждой и амуницией и отправил в обоз богатого дворянина, который собирался сражаться в Неаполе.

На полпути Франциск повернул обратно в Ассизи. Бог, по его мнению, велел ему сделать это - почему, он не мог сказать. Он пытался вести прежнюю легкомысленную жизнь, но теперь смех его спутников казался ему пустым звоном в ушах. Они словно находили удовольствие в тени, в то время как он один сознавал, что где-то совсем рядом есть реальность радости, которая, если бы он только мог ее открыть, осветила бы весь мир.

Затем пришел его зов; но уютным жителям Ассизи он показался голосом безумия. Ходили слухи, что молодого Бернадоне видели в компании прокаженных и за его столом собирались нищие. Почти все деньги и вещи, которыми он владел, он раздарил; более того, в конце концов пришло известие, что он продал свою лошадь и покинул дом, чтобы жить в пещере за городом. Люди качали головами от такого безрассудства и сочувствовали старому Бернадоне в том, что так закончились его прекрасные амбиции в отношении сына.

Пьетро Бернадоне, правда, пришел в такой яростный гнев, что обратился к епископу Ассизскому, умоляя его либо убедить Франциска отказаться от нового образа жизни, либо заставить его отдать то небольшое имущество, которое у него еще оставалось. Франциск был вызван и в присутствии епископа отдал отцу свой кошелек и даже одежду. Без гроша в кармане он предстал перед Ассизи, который часто ездил по улицам в качестве наследника богача, и именно серую одежду нищего с белым крестом, грубо начертанным на ней, он принял в качестве униформы для своей новой карьеры.

Его сограждане были тронуты этим полным отречением; но поначалу к их восхищению примешивалось полупрезрительное недоверие. Они могли понять святых, горячо защищающих веру от ереси, пламенно обличающих все мирские удовольствия, ибо такова была религиозная атмосфера Средневековья; но этот сын Ассизи, не поднимающий знамя в спорах и находящий равную радость жизни в солнечном свете на склоне холма, в тепле огня, в убожестве трущоб, был поначалу недоступен их духовному видению.

Однако Франциск Бернадоне принадлежал к средневековому миру так же искренне, как святой Доминик или святой Бернар из Клерво. В его духе смешались самоотречение "Лионских бедняков" и романтика провансальских певцов. Эти трубадуры пели о рыцарях, чьей славой и гордостью было служение жизни какой-нибудь несравненной дамы. Франциск ликовал в своем служении "миледи Бедности", его душа пылала рыцарством, по сравнению с которым обычная преданность поэтов тускнела.

В честь "Миледи Бедность" сын богатого купца отказался от привязанности отца, от военных амбиций, от уютного дома и шикарных одежд, и благодаря силе и глубине его преданности отказ не оставил горечи, только глубокую радость, которая находила красоту среди лохмотьев, болезней и грязи самого убогого окружения.

Орден францисканцев

Некоторое время Франциску не приходило в голову основать орден из числа людей, которые, неудержимо влекомые его искренностью и радостью, желали стать его последователями и разделить его лишения и труд среди бедных и больных. Когда они попросили у него "правило жизни", подобное тем, что существуют в монашеских фондах, он привел их в ближайшую церковь. По словам летописца:

"Начав молиться (поскольку они были простыми людьми и не знали, где найти евангельский текст об отречении от мира), они благоговейно просили Господа, чтобы Он соизволил явить им Свою волю при первом же открытии Книги".

Когда они помолились, блаженный Франциск, взяв в руки закрытую Книгу, стоя на коленях перед Алтарем, открыл ее, и его взгляд упал сначала на наставление Господа: "Если хочешь быть совершенным, продай все, что имеешь, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на Небесах", чему блаженный Франциск очень обрадовался и воздал благодарение Богу".

Так, посвятив себя служению "Госпоже Бедности", был основан орден "Меньших братьев" (миноритов), или "Бедняков Ассизи", получивший от Иннокентия III разрешение на работу среди прокаженных и изгоев, хотя официальное разрешение на создание ордена было получено из Рима только в 1223 году.

Три года спустя святой Франциск умер, и жившие с ним монахи заявили, что он так близко следовал за Христом, что на его руках и ногах были обнаружены "стигматы", или следы ран, которые его Учитель перенес в агонии распятия. Передавались рассказы о его смирении и мягкости, о том, как в первые дни существования ордена он сам отправлялся просить хлеб насущный для своей маленькой общины, а не посылал своих спутников на встречу возможным оскорблениям; о том, как в эпоху, когда мало ценили даже человеческие жизни, он спасал голубей в клетках, которые парни носили с собой на продажу, и отпускал их на свободу; и о том, как, поскольку он читал что-то от души Бога в каждом существе, имеющем жизнь, он проповедовал птицам так же, как людям.

Братство для монаха из Ассизи означало объединение не только всех человеческих душ, но и всего творения в восхвалении Бога, и ежедневно он благодарил за помощь своих братьев - солнце, огонь и ветер; своих сестер - луну и воду; свою мать - землю. Именно его любовь к природе, наиболее странная для XIII века, является одной из самых сильных связей между святым Франциском и современными мужчинами и женщинами.

Он велел брату, разбившему сад, - говорит его летописец, - не посвящать всю его территорию овощам, а отвести часть для цветущих растений, которые в свой сезон производят "братские цветы" из любви к Тому, Кто назван "Цветком поля" и "Лилией долины". Он сказал, что брат-садовник всегда должен делать красивую грядку в какой-нибудь части сада и засаживать ее всевозможными сладко пахнущими травами и травами, которые производят красивые цветы, чтобы в свое время они могли побудить людей, видя их, прославлять Господа. Ибо всякая тварь громко восклицает: "Бог сотворил меня ради тебя, о человек!"

Как только истинная красота жизни святого Франциска была признана, число его последователей быстро увеличилось, и им больше не приходилось бояться оскорблений или травм, когда они просили милостыню. Толпы людей собирались, чтобы послушать их проповеди и принести им подношения. Некоторые францисканцы поселились во Франции и Германии, другие отправились в Англию во времена правления Генриха III и жили в трущобах Лондона, Оксфорда и Норвича, где, как им казалось, они могли бы лучше всего служить "леди Бедности".

Сам святой Франциск перед смертью был озадачен и почти встревожен популярностью, которой он никогда не добивался, и с грустью признавался, что вместо того, чтобы жить жизнью святых, некоторые из тех, кто исповедовал следование за ним, "желали получить похвалу и честь, повторяя и проповедуя дела, которых достигли сами святые".

Он был прав, опасаясь за будущее. Правила - мертвая буква без духа понимания, который дает им истинное послушание; а секрет своего радостного и непритязательного самоотречения Франциск мог завещать лишь немногим. Проповедовать не ради помощи людям и прославления Бога, а ради того, чтобы заработать богатство и уважение, которые их основатель считал отбросами, - вот искушение, которому поддались "Серые братья", даже в том поколении, которое знало самого святого Франциска. Скупость и самодовольство, следовавшие за их широкой популярностью, вскоре привели францисканцев к ссорам с

другими религиозными орденами, а также с преподавателями университетов и светским духовенством. Они смотрели на "мендикантов" как на интервентов, пытающихся присвоить себе конгрегации, сборы и доходы, на которые они не имели права.

"Никто из верующих, - с горечью пишет современный бенедиктинец, - не верит, что может спастись, если не будет находиться под руководством проповедников или миноритов". Власть францисканцев, как и доминиканцев, поощрялась большинством пап, которые, как и Иннокентий III, видели в их энтузиазме новое оружие, с помощью которого можно было защитить Рим от обвинений в мирской жизни и коррупции. В обмен на папское сочувствие и поддержку монахи стали самыми яркими поборниками Рима, и в защиту системы, а не в преданности идеалу жизни они ухудшили и приняли обычный религиозный стандарт своего времени.

И снова волна реформ ворвалась в средневековую церковь очистительным потоком, но была потеряна в приливе реакции. Однако этот конечный провал не означал, что сила волны была потрачена напрасно. Святой Франциск не смог остановить разложение тринадцатого века; но его простая искренность смогла вновь открыть человечеству почти забытую истину о том, что путь к любви к Богу лежит через любовь к человечеству.

Бенедиктинский орден был отступлением от мира, францисканский - возвращением к нему". Эти слова показывают, что средневековый ум с его подозрительностью и ужасом перед человеческой природой претерпевал изменения. В нем уже появился отблеск того более современного духа, который в каждом деле Божьем улавливает нечто божественное, а потому испытывает не недоверие, а симпатию и интерес.

Для святого Августина путь к *Civitas Dei* был обрывистой и узкой дорогой для каждой человеческой души, охваченной легионами зла в ее борьбе за спасение. Для святого Франциска это был путь, крутой и неровный, но усыпанный цветами и освещенный радостью служения другим, так что паломник едва ли осознавал, что его ноги кровоточат от камней.

В подземельях Перуджи веселье Франциска Бернадоне его товарищи называли "безумием", а для тех, чьи глаза видят в этом мире скорее зло, чем добро, его послание по-прежнему граничит с безумием. Однако во все века после смерти святого из Ассизи у него были последователи, которых отличала не обязательно серая монашеская мантия, но молчаливая жертва себя ради других и радостная вера в Бога и человека.

Дополнительные даты. Хронологическое резюме см. на с. 368-73.

Роджер Бэкон	1214-92
Петр Абеляр	1079-1142
Фома Аквинский	1227-74
Арнольд Брешианский (сожжен)	1155
Святой Доминик	1170-1221
Альбигойский крестовый поход	1209
Людовик VIII Французский	1223-6
Святой Франциск Ассизский	1182-1226
Основание ордена францисканцев	1223

XVII

ФРАНЦИЯ ПРИ ДВУХ СИЛЬНЫХ КОРОЛЯХ

Мы видели, что Филипп Август заложил основы сильной французской монархии, но за его смертью последовала феодальная реакция, и дворяне всячески пытались обманом или насилием вернуть утраченную независимость.

Людовик VIII, новый король, чтобы пресечь их замыслы, решил разделить свои земли между сыновьями, причем все младшие должны были подчиняться старшему, но каждый непосредственно отвечал за управление своей провинцией. Возможно, в то время это был самый очевидный способ управлять в интересах короны королевством, которое, стремительно поглощая Нормандию, Анжу, Пуату и Тулузу, опередило центральное правительство. Однако на самом деле это была недалековидная политика, поскольку, поскольку эти "уделы", или королевские вотчины, были наследственными, они привели к замене старого феодального дворянства новым, более высокомерным в своих амбициях, поскольку оно могло претендовать на родство с домом Капетингов.

Людовик IX

Людовик VIII не прожил достаточно долго, чтобы привести свой план в исполнение; а Людовик IX, двенадцатилетний мальчик на момент своего воцарения, хотя и принял позднее положение, предусмотренное для его младших братьев в завещании отца, смог, отчасти благодаря административным способностям своей матери и опекуна, королевы Бланш, отчасти благодаря своей собственной личности, сохранить свое верховенство без изменений. Однажды его брат, граф Анжуйский, посадил в тюрьму рыцаря в гневе за то, что тот посмел обжаловать в королевском суде судебное решение, вынесенное им самим. "У меня будет только один король во Франции", - воскликнул Людовик, узнав об этом, и приказал освободить рыцаря, а ему и графу привезти их дело в Париж для королевского решения.

Людовик также подверг суровым наказаниям всех организаторов частных войн, а баронство было ограничено в праве чеканить деньги. В это время восемьдесят дворян, помимо короля, по слухам, обладали собственными монетными дворами. Людовик, зная, что феодальная монета сильно обесценилась, запретил ее обращение только в той провинции, где она была отчеканена; в то время как его собственные деньги, имевшие гораздо более высокую стоимость, ходили повсюду. Мужчины и женщины, естественно, предпочитают хорошие монеты плохим в обмен на товары; поэтому король надеялся, что дебетовые деньги, когда их ограничат в использовании, постепенно будут вытеснены из обращения.

Если Людовик верил в свои права абсолютного короля, он имел не менее высокое представление об обязанностях, которые эти права подразумевали. "Сделай себя любимым своим народом, - сказал он своему сыну, - ибо я предпочел бы, чтобы шотландец приехал из Шотландии и управлял моими подданными хорошо и справедливо, чем чтобы ты управлял ими плохо".

Королевское правосудие, как и чеканка монет, должно быть выше любого другого правосудия; поэтому летописцы рассказывают, что Людовик выбирал в качестве своих судебных приставов и сенешалей тех, кто был "верным и мудрым, с честным поведением и хорошей репутацией, прежде всего, людей с чистыми руками". Зная, с какой легкостью даже благонамеренные чиновники могут быть развращены деньгами и почестями, он приказал

своим заместителям не принимать и не дарить подарки, а своих судей предупредил, чтобы они всегда склонялись на сторону бедных, а не богатых в судебном деле, пока доказательства не выявят истину.

Филипп Август следовал справедливости, потому что верил, что за нее платят, а его подданные боялись и уважали его. Его внук, с его обостренным чувством чести, сторонился несправедливости как чего-то нечистого, и нам говорят, что народ "любил его, как люди любят Бога и святых".

Как и почти все короли Франции, Людовик был благочестивым сыном Церкви, и именно под его защитой Иннокентий IV благополучно проживал в Лионе, когда Фридрих II изгнал его из Рима.²⁴ Тем не менее искренняя любовь короля к вере, которая впоследствии принесла ему канонизацию в качестве святого, никогда не мешала его решимости быть господином всех своих подданных, как светских, так и церковных. Если духовенство грешило по примеру мирян, он твердо решил, что их следует судить в мирских судах; и в то время как его современник, Генрих III Английский, оставался слабой жертвой папских посягательств, Людовик смело заявил: "Неслыханно, чтобы Святой Престол, когда он в нужде, налагал субсидии на Церковь Франции и взимал те взносы на мирские блага, которые могут быть наложены только королем".

Буря протеста не была вызвана, поскольку папство в своей ожесточенной борьбе с Империей во многом зависело от французской поддержки; а прозрачная чистота побуждений Людовика в сохранении своего главенства обезоруживала негодование. Один итальянский монах, который видел, как он смиренно разделял трапезу с братьями-францисканцами, назвал его "скорее монахом, чем королем". Это предположение на первый взгляд подтверждалось его повседневной жизнью: его простой рацион и любовь к мрачной одежде; его привычка подниматься с постели в полночь и рано утром, чтобы принять участие в церковных службах; его ненависть к клятвам, лжи и пустым сплетням; его почти безрассудная благотворительность; его горячая помощь в уходе за больными в парижских трущобах и в омовении ног самым отвратительным нищим, толпившимся у его ворот. "Он был хрупким и стройным, - говорит тот же итальянец, - с ангельским выражением лица и голубиными глазами, полными благодати".

Возможно, если бы Людовик не был призван к жизни короля, он мог бы стать монахом; но, живя в миру, он любил свою жену и детей и иногда дразнил первую, заявляя, когда она жаловалась, как плохо он одет, что если он надевает вульгарные одежды, чтобы угодить ей, то и она должна ходить в убогом наряде, чтобы угодить ему.

Те из его подданных, кто видел Людовика на поле боя, описывают его как "самого лучшего рыцаря, которого когда-либо видели", и рассказывают о том, как им было трудно сдерживать его горячую храбрость, которая увлекала его в самые жестокие рукопашные схватки без всякой мысли о личной опасности. Однако в душе этот король был любителем мира. Он желал дружить со всеми своими соседями-христианами, и, довольствуясь землями, которые уже принадлежали французской короне, заключил договор, по которому признал английские претензии на герцогство Гиеннское. Менее успешной была его попытка выступить в качестве посредника между папой и императором; но если он не мог обеспечить мир, то, по крайней мере, решил оставаться максимально нейтральным в борьбе, отказавшись от императорской короны, когда папа низложил Фридриха II. Он также не стал извлекать выгоду из анархии, следовавшей за смертью императора.

Война между христианами была ненавистна Людовику, поскольку мешала совместным действиям против турок; ведь в нем, как и в Иннокентии III, горел старый крестоносный дух, который так и не угас во Франции.

В начале XIII века французский крестьянин Стефан проповедовал новый крестовый поход, утверждая, что Бог сказал ему в видении, что христианским детям предстоит преуспеть там, где их старшие потерпели неудачу в восстановлении Гроба Господня. Тысячи мальчиков и девочек, некоторым из которых было всего двенадцать или тринадцать лет, собрались в Марселе в ответ на эту весть. Они ожидали, что им откроется путь через море, как во времена Моисея и избранного народа, и когда они некоторое время тщетно ждали этого чуда, они позволили заманить себя в ловушку лжекупцам, которые, хотя и были христианами по имени, не позволяли ничему стоять на пути к золоту, которого они жаждали. Завлеченные на корабль, обезоруженные, связанные и закованные в кандалы, несчастные молодые крестоносцы были проданы на рынках Египта и Сирии, чтобы стать рабами мусульман, которых они надеялись покорить.

Когда Иннокентий III впервые услышал о детском крестовом походе, он воскликнул: "Дети позорят нас!", и Людовик Святой, унаследовавший их дух, почувствовал, что его королевская власть будет опозорена, если он не использует свою силу и влияние для обращения и свержения турок.

Седьмой крестовый поход

Один из любивших его подданных, съёр де Жуанвиль, оставил наглядный личный рассказ об экспедиции, предпринятой против Египта. С Кипра, штаб-квартиры крестоносцев, флот из тысячи восьмисот судов, больших и малых, отплыл в Дамьетту, в устье Нила; и Людовик, увидев, что его прапорщика выносят на берег, не стал сдерживаться, а прыгнул в воду с копьем в руке, выкрикивая свой боевой клич "Mont-joie St. Denys!".

Перед стремительностью армии, вдохновленной таким рвением, город вскоре пал; но средневековый ум мало считался с климатическими трудностями, и вскоре нездоровые туманы, повисшие над дельтой Нила, уничтожили ряды христиан лихорадкой и дизентерией, а многие из лучших солдат погибли в ничего не значащих стычках, в которые их завела смелость, а не мудрое решение. Сдерживаемое наступление превратилось в отступление, а отступление - в разгром, и Сен-Луи, отказавшись оставить свой арьергард, попал в плен к магометанам.

Катастрофа была полной, так как только после сдачи Дамьетты и выплаты огромного выкупа король был освобожден, но его терпение и рыцарское достоинство искупили его неудачу от всех пятен бесчестья. Вместо того чтобы вернуться во Францию, он отплыл в Святую землю, где, хотя Иерусалим снова перешел к туркам после временного владения им Фридрихом II, полоска морского побережья, включая порт Акко, осталась за христианами.

Людовик считал, что, если он не будет упорствовать в выполнении своего обета, крестоносцы меньшего ранга потеряют надежду и мужество, и поэтому, ослабленный болезнью, он оставался в Палестине три года, пока смерть его матери, королевы Бланш, которую он оставил регентшей во Франции, не вынудила его вернуться домой. Жуанвиль рассказывает, что во время этого плавания из-за сильного шторма моряки хотели высадить короля на берег Кипра, но Людовик побоялся паники среди перепуганных солдат, если бы согласился. "Нет никого, - сказал он, - кто не любил бы свою жизнь так же сильно, как я свою, а эти никогда не вернутся на свою землю. Поэтому я предпочитаю отдать свою персону... в руки Божьи, чем причинять вред многим людям, которые находятся здесь".

Людовик благополучно добрался до Франции, но, терзаемый неудачами в крестовом походе, в 1270 году, вопреки совету своих баронов, он вновь принял крест. Его целью было отвоевать Тунис и таким образом освободить хотя бы часть Северной Африки от магометанского владычества. К этой задаче он подошел с прежним религиозным энтузиазмом, но Франция устала от крестовых походов, и многие из тех, кто добровольно сражался в Сирии и Египте, теперь отказались следовать за ним, оставив большую часть армии наемникам, которых прельщала только плата.

Высадившись у Карфагена, крестоносцы вскоре оказались в меньшинстве и были блокированы своими врагами среди руин города. Чума охватила переполненный, антисанитарный лагерь, и одной из первых жертв стал нежный король. Господи, сжался над людьми Твоими, которых я привел сюда. Отправь их домой в безопасности. Пусть они не попадут в руки врагов, пусть их заставят отречься от Святого Имени Твоего".

Предсмертные слова святого характеризуют его любовь к Вере и своему народу; и повсюду в лагере и во Франции, когда до нее дошла весть о его смерти, скорбели об этом короле среди королей, пожертвовавшим жизнью ради своих идеалов. Однако пламя энтузиазма, которое он пытался поддерживать, быстро угасло, и его сын и преемник Филипп III заключил перемирие с султаном Туниса, что позволило ему вывести армию и отправиться домой. Единственным человеком, которого действительно раздражало это соглашение, был английский принц Эдуард, впоследствии Эдуард I, который прибыл на сцену как раз во время смерти Святого Людовика, жаждавшая похода и военной славы; но из-за всеобщего безразличия он был вынужден отказаться от идеи войны в Африке и продолжить свой путь в одиночку в Святую землю.

Филипп III Французский оставил мало следов в истории. Он, носящий титул "Безрассудного", стоит между двумя королями с выдающимися личностными качествами - своим отцом, канонизированным как святой еще до конца века, и своим сыном Филиппом IV, "Справедливым", не являющимся святым в своих жестких, беспринципных отношениях с миром, но все же одним из самых сильных правителей, которых знала Франция.

Филиппу IV было всего семнадцать лет, когда он стал королем. Судя по его прозвищу "Бель", он был красавцем, но ни один любезный Жоанвиль не оставил записей о его личной жизни и характере. Мы можем делать выводы только из его поступков, а они показывают его безжалостным в своих амбициях, подлым и злопамятным.

В отношениях с папством поведение Филиппа контрастирует с обычным ласковым почтением его предшественников; но этот контраст отчасти объясняется тем, что по окончании ссоры между империей и папством Рим стал относиться к Франции с совершенно иной точки зрения, чем в первые дни этого противостояния.

Со времен Григория VII императоры Гогенштауфены нависали над папским горизонтом как грозная туча, но после казни Конрадина, последнего из королевской [династии](#)²⁵, эта угрожающая атмосфера рассеялась. Империя стала жертвой гражданской войны во время Великого междоусобия, то есть в течение семнадцати лет, когда английские, испанские и немецкие принцы безрезультатно боролись за императорскую корону. Граф Рудольф Габсбургский, который в конце концов вышел триумфатором, усвоил по крайней мере один дипломатический урок: если он хочет иметь свободу действий в Германии, то лучше всего это делать как друг Папы, а не как его враг. Одним из первых его действий стала ратификация конкордата с Римом, в котором он отказался от всех тех имперских претензий на земли, принадлежащие Святому престолу, которые выдвигал Фридрих II. Он также согласился

признать графа Карла Анжуйского, брата Людовика Святого и главного союзника Папы, графом Прованса и королем Неаполя и Сицилии.

Италия, таким образом, освободилась от немецкого вмешательства, но ее города по-прежнему раздирали группировки гвельфов и гибеллинов; железная рука французов легла на "Королевство" так же тяжело, как когда-либо деспотический скипетр Гогенштауфенов. Сицилийцы, неугомонные под игом, начали оплакивать Фридриха, который, каковы бы ни были его грехи, родился и вырос на юге, сын южной принцессы; а французы были жестоки с равнодушной свирепостью чужеземцев, презирающих тех, кого они угнетают.

Сицилийская вечерня

Из угрюмой ненависти народа, внезапно разгоревшейся до белого каления после нападения французского солдата на жительницу Палермо, возникла "Сицилийская вечерня" - восстание и резня в ночь на пасхальный понедельник, когда более четырех тысяч ненавистных чужаков, мужчин, женщин и детей, были преданы смерти, а их тела сброшены в открытую яму. Карл Анжуйский готовил достойную месть за это оскорбление своего рода, месть, которую он намеревался осуществить до последнего фартинга, поскольку у него было мало чувства справедливости и нежного сердца его брата; но пока он делал свои приготовления, испанский принц, Петр III Арагонский, пришел на помощь сицилийцам с большим флотом. Последовала ожесточенная война, но, несмотря на поражения, договоры, которые должны были принести ее в жертву интересам королей, и постоянные папские угрозы, Сицилия стойко держалась за своего нового союзника, получив, наконец, в качестве признанного арагонского владения триумфальную независимость Анжуйского королевства Неаполь.

Рим, под властью папы, который был всего лишь марионеткой Карла Анжуйского, обрушивал на Петра III анафемы; но его преемники, обладавшие более независимым умом, завидовали сицилийцам. Риму было бесполезно сбрасывать цепи Гогенштауфенов, если вместо них он должен был приковать к ним цепи французского Анжуйского дома. Именно этот страх заставлял ее с холодным подозрением смотреть на своих некогда любимых сыновей - королей Франции, чьи кровные родственники были также королями Неаполя.

Бонифаций VIII

В 1294 году на кафедру Святого Петра был избран папа Бонифаций VIII, которого иногда называют "последним из средневековых пап", поскольку вместе с ним умерли все надежды на реализацию всемирных амбиций Гильдебранда или Иннокентия III. Его юбилей, состоявшийся в Риме в 1300 году в честь нового столетия, был великолепен, чтобы ослепить тысячи паломников со всех концов Европы, которые осыпали его казну своими пожертвованиями; но его очарование было обманчивым.

Он уже потерпел поражение в столкновениях с королями Англии и Франции: когда он опубликовал буллу "*Clericis Laicos*", запрещавшую духовенству платить налоги светским правителям, Эдуард I сразу же обрек английскую церковь на запрет, пока из страха перед массовым грабежом их земель и имущества его епископы не согласились на компромисс, сделавший буллу мертвой буквой. Филипп IV Французский, со своей стороны, был еще более жесток, поскольку в ответ приказал своим подданным больше не посылать в Рим никаких жертвований.

Более мудрый человек, чем Бонифаций, мог бы понять на основе своих неудач, что рост национальности оказался слишком сильным для любых теорий мирового правительства,

будь то папского или императорского; но, старый и упрямый, он не мог отбросить свои гильдебрандские идеалы. Когда один из его легатов, француз, вступил в спор с Филиппом IV, Бонифаций велел ему встретить короля открытым неповиновением, после чего Филипп немедленно приказал арестовать церковника, а его архиепископу - низложить его с должности. Тогда Бонифаций разразился угрозами отлучения и низложения, на что французский король ответил актом открытого насилия.

Агентом для нанесения оскорбления он выбрал некоего Ногарета, внука альбигойского еретика, сожженного на костре, и этот человек присоединился к некоторым дворянам римской Кампании, которые столь же мало почитали главу христианства. Вооруженные до зубов, они явились в деревню Ананьи, где остановился Бонифаций VIII, и потребовали встречи с ним. Снаружи на улице стояли их вооруженные люди и кричали "Смерть Папе!".

Бонифаций мог слышать их из своего зала, но, хотя ему было уже восемьдесят шесть лет, мужество его не покинуло. В полном понтификальном облачении, с крестом в одной руке и ключами Святого Петра в другой, он принял злоумышленников. Ногарет грубо потребовал от него отречения. "Вот моя голова! Вот моя шея!" - ответил он. "Преданный, как Иисус Христос, если я должен умереть, как Он, я, по крайней мере, умру Папой". В этот момент один из римских вельмож ударил его по лицу своей перчаткой, повалив его на землю, и убил бы, если бы не вмешался Ногаре. Миссия провансальца заключалась в запугивании, а не в убийстве, и пока он спорил с итальянцами, враждебная толпа собралась, чтобы спасти своего викария, и французские агенты были вынуждены бежать.

Гордый старик пережил нанесенные ему оскорбления лишь на несколько недель, а его преемник, осмелившись отлучить от церкви тех, кто принимал участие в сцене в Ананьи, также умер с таинственной внезапностью. Определенных подозрений на Филиппа IV не пало, но слухи шептали роковое слово "яд", и конклав кардиналов провел десять беспокойных месяцев в поисках нового папы. Наконец конклав остановил свой выбор на архиепископе Бордо, получившем титул Климента V. Он был коронован в Лионе и ни разу не осмелился посетить Италию, избрав своей резиденцией город Авиньон в Провансе.

Здесь в течение чуть более семидесяти лет, во время "вавилонского пленения", как его обычно называли, черед пап царствовала под французским влиянием, сменив императорское иго на еще более тяжкое.

Филипп IV сразу же воспользовался этим французским главой христианства, чтобы осудить орден тамплиеров, к которому из-за его мощной организации и обширных доходов он давно относился с неприязнью и завистью.

Крестовые походы закончились, тамплиеры изжили цель своего основания; а самоотречение, наложенное на них, и их бродячая, незамутненная жизнь подвергали их постоянным искушениям, которым поддавались многие из менее духовных людей. Поэтому их подавление было, вероятно, разумным; но Филипп IV, безжалостный враг, не просто подавил, он преследовал рыцарей Храма с мстительной жестокостью. Сотни людей были брошены в темницы, где их пытками заставляли признаться в преступлениях, от которых они потом тщетно отказывались; а их главных офицеров сжигали на костре на рыночных площадях крупных французских городов. По папскому указу доходы тамплиеров перешли в казну рыцарей Святого Иоанна, которые по-прежнему охраняли один из форпостов христианства - остров Родос; но французский король позаботился о том, чтобы значительная часть конфискованных во Франции денег поступала в его собственную казну.

Филипп действительно испытывал серьезные финансовые затруднения, поскольку доходы королевских владений оказывались совершенно недостаточными для покрытия расходов правительства, которое теперь распространяло свою власть на всю территорию Франции. Филипп испробовал множество способов покрытия дефицита, большинство из которых оказались неудачными. К ним относились частое обесценивание монеты и введение *габеля*, то есть налога на продажу товаров. Его справедливо ненавидели, потому что вместо поощрения торговли он наказывал промышленность, увеличивая цену почти каждого товара, выставленного на рынок. Так, *габель*, наложенная на зерно, означала, что человек должен платить налог на него трижды: сначала в виде зерна, затем в виде муки и, наконец, в виде хлеба.

Еще хуже, чем *габель*, был метод Филиппа "выращивать" налоги, то есть продавать право на их сбор какому-нибудь спекулянту, который должен был сам отвечать перед правительством за круглую сумму, а затем выжимать из несчастного населения дополнительные деньги, чтобы отплатить за свои усилия.

Правительство Филиппа IV

Правление Филиппа IV заслуживает похвалы не за улучшение финансового управления. В нем не было оригинального гения, а скорее практическая способность развивать схемы, придуманные его предшественниками. Как и они, он ненавидел и не доверял своим непокорным баронствам и, стремясь навязать им свою жестокую волю, обращался за советом и послушанием к людям более низкого ранга, используя в качестве главного инструмента своего правления класс юристов, который Филипп Август и Людовик IX в ограниченном количестве ввели среди феодальных чиновников при своем дворе.

Использование квалифицированных работников вместо дилетантов привело к улучшению управления, поэтому при Филиппе IV французское правительство стало приобретать определенно современный вид и было разделено на отдельные департаменты для рассмотрения различных видов работ. Так, в обязанности *Conseil du Roi*, или Совета короля, входило давать советы государю; *Chambre des Comptes*, или Палата финансов, занималась финансовыми вопросами; *Parlement*, или главный судебный орган, заседал в Париже в течение двух месяцев не реже двух раз в год, чтобы проводить ассамблеи и выносить решения.

Парижский парламент по названию несколько напоминает английский парламент, но, за исключением приобретенного позднее права регистрировать королевские эдикты, его работа была исключительно судебной, а не законодательной. Органом во Франции, который наиболее близко соответствовал английскому парламенту, были Генеральные штаты, состоявшие из представителей трех сословий - духовенства, дворянства и горожан. Крестьяне Франции, составлявшие большую часть ее населения, не были представлены вообще.

Филипп IV несколько раз созывал "Генеральные штаты", чтобы одобрить его предложения; но, в отличие от "Образцового парламента", созданного его английским современником Эдуардом I по аналогичным причинам, он так и не превратился в законодательное собрание, способное выступить в качестве компетентной сдержки королевской тирании, а существовал лишь для того, чтобы, казалось, принять на себя ответственность за законы и финансовые требования своего правителя, будь то хорошие или плохие. Слабость законодательного собрания объяснялась отчасти тем, что оно часто заседало всего один день и не имело возможности обсуждать представленные ему меры, но еще больше -

сословным эгоизмом, который не позволял трем классам объединиться и настаивать на реформах, прежде чем голосовать за какие-либо налоги.

Это было очень неудачно для Франции, поскольку в тот единственный раз, когда дворяне и бюргеры действительно объединились, отказавшись подчиниться особенно неприятному *габелю*, который ударил по карману обоим, Филипп IV был вынужден уступить, причем довольно неохотно, поскольку потеря денег привела к его поражению в войне во Фландрии.

Фландрия была вотчиной французской короны, и, поскольку ее граф, его главный арендатор, посмел восстать против него, Филипп бросил его в тюрьму и объявил его земли конфискованными. Затем вместе со своей королевой он отправился на север, чтобы посетить эту территорию, которая теперь напрямую подчинялась ему, полагая, что ему ничего не остается делать, как отдавать приказы ее жителям и ждать их немедленного исполнения. Летописцы рассказывают, что королевская чета была поражена демонстрацией прекрасных нарядов и драгоценностей, приготовленных мещанами Брюгге, чтобы оказать им честь.

"Я думала, что во Франции только одна королева, - недовольно воскликнула супруга Филиппа. А здесь я вижу по меньшей мере шестьсот". Король, всегда устремленный к главному шансу, отнесся к блестящей толпе более философски. Они казались ему очень подходящими объектами для налогообложения; но фламандцы завоевали свое богатство благодаря твердой независимости духа как на рынке, так и в открытом море: они были равнодушны к судьбе своего графа, но в любой момент предпочитали риск восстания тому, чтобы быть ошипанными, как гуси, королем Франции.

На поле Куртрей, куда Филипп привел свою армию, чтобы наказать их за дерзость, фламандские бюргеры показали Европе, как их миланские собратья при Леньяно в XII веке, что гражданские сборы могут противостоять тяжеловооруженным феодальным войскам; и хотя осторожный полководец короля искупил это поражение два года спустя, он нашел полученную победу бесплодной. Через несколько недель после очевидного поражения бюргеров еще одна армия горожан собралась, чтобы напасть на королевский лагерь, и Филипп, гневно заявив, что "идет дождь из фламандцев", был вынужден заключить мир.

Филипп IV

Помимо ненависти к независимости фламандцев, Филипп IV не любил английское господство над герцогством Гиеннским, которое так охотно признал его дед. В его ревнивых глазах оно, как чужой кинжал, вбивало свой клин в сердце его королевства; и, улучив удобный момент, пока Эдуард I не был вовлечен в войны с Уэльсом и Шотландией, Филипп пересек границы герцогства и силой или хитростью получил контроль над большим количеством его крепостей. Нет сомнений, что если бы он был жив, то постепенно поглотил бы все южные провинции; но в сорок шесть лет он умер, оплакиваемый немногими своими подданными, и все же один из тех королей, которые наложили свою печать на правительство Франции с самыми долговременными результатами.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Крестовый поход детей	1212
Филипп III Французский	1270-85
Эдуард I Английский	1272-1307
Климент V	1305-14

XVIII СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

В течение четырнадцати лет, с 1314 по 1328 год, три сына Филиппа IV царствовали быстрой чередой; но со смертью последнего основная линия дома Капетингов прервалась, и корона перешла к его племяннику и тезке Филиппу [Валуа](#)²⁶. Последний заявил, что его претензии основаны на статье старого Салического [закона](#)²⁷, запрещающей женщине наследовать земельные владения, поскольку так случилось, что Филипп IV оставил дочь Изабель, которая вышла замуж за Эдуарда II Английского, а их сын Эдуард III громко заявлял, что его право на трон Франции сильнее, чем у Валуа. Салический закон, утверждал Эдуард, мог помешать женщине наследовать трон, но в этом ограничении не было ничего, что запрещало бы передачу наследства ее наследникам мужского пола.

Причины Столетней войны

Вопрос о Салическом законе важен потому, что различные его интерпретации стали непосредственным поводом для начала военных действий между Англией и Францией в той долгой и изнурительной борьбе, которую называют "Столетней войной". Конечно, были и другие, гораздо более глубокие причины. Одна из них заключалась в том, что английские короли никогда не забывали и не прощали изгнание Иоанна из Нормандии. Они хотели отомстить за это позорное поражение, а также за посягательства Филиппа IV на герцогство Гиень, которое, в сочетании с его политикой поддержки шотландских вождей в их войне за независимость, было постоянным источником бедствий для Англии с начала четырнадцатого века.

Из-за неудач в Шотландии и восстаний беспокойных баронов Эдуард II был убит, а Эдуард III, вняв предостережению судьбы своего отца, принял участие в войне с Францией, не только в надежде на месть и славу, но и для того, чтобы найти занятие для горячей английской крови, которая в противном случае в ходе междоусобиц могла бы убить его.

Он отправился в бой, герой своего двора и рыцарства Англии, но не менее, как оказалось, и чемпион ее средних классов, которые с радостью засунули руки в карманы, чтобы оплатить его первые походы. Причина их энтузиазма в этой войне заключалась в том, что Филипп Валуа, чтобы досадить своему сопернику, приказал своим фламандским подданным больше не торговать с англичанами. Теперь английские овцы были лучшими в Европе (настолько ценными, что их экспорт был запрещен, чтобы другой народ не получил эту породу), а английская шерсть была сырьем для всех остальных, от которых зависело богатство и процветание Фландрии, достигнутое ее ткацкими станками и фабриками. До этого времени английские короли поощряли фламандскую торговлю, учреждая в некоторых городах под своей защитой "скобяные" рынки, где купцы обеих стран могли встречаться и торговаться о своих товарах. Однако, желая отомстить Филиппу VI, Эдуард III прекратил экспорт шерсти, хотя в то же время он предложил хорошие условия и преимущества любому из производителей Брюгге и Гента, которые пожелают поселиться в Норфолке или на Восточном побережье и основать там фабрики в качестве английских подданных.

Такое предложение не могло удовлетворить национальный дух фламандцев, и в крупных городах недовольство французским королем росло с каждым днем. Наконец один из народных лидеров, Якоб ван Артевельде, "пивовар из Гента", начал будоражить своих соотечественников зажигательными речами. Он доказывал им, - говорит летописец, - что они не могут жить без короля Англии; свои многочисленные торговые аргументы он подкреплял другими, призванными убедить тех, кто колебался, не нарушать ли им клятву верности, уверяя их, что Эдуард III действительно является королем Франции по праву рождения.

В ответ на это со всех сторон вспыхнули восстания; и когда в 1338 году Эдуард III действительно вступил в войну, за ним не только английские шерстяные фермеры, но и большинство фламандских купцов и ремесленников, одинаково убежденных в том, что его победа откроет фламандские рынки для торговли через Ла-Манш.

Столетняя война делится на два разных периода: первый - борьба, которую вел Анжуйский Эдуард III против дома Валуа, продолжавшаяся до 1375 года; второй - аналогичные усилия, начатые английскими королями Ланкастерами в 1415 году после того, как при Ричарде II военные действия были почти приостановлены. В каждом периоде кампаний наблюдается одинаковое движение назад, когда они поднимаются к высшей точке английских успехов, а затем опускаются к окончательным французским достижениям.

Первой из великих английских побед стало морское сражение, призванное отомстить за долгие годы, в течение которых французские налетчики беспокоили южное побережье, проникали в Солент и даже поджигали такие крупные города, как Саутгемптон. В июне 1340 года у входа в порт Слюйс около двухсот английских кораблей всех мастей и размеров столкнулись с французским флотом, выстроившимся в четыре линии, тесно прижавшись друг к другу, чтобы образовать своеобразный фальшборт гавани. На палубах высоких кораблей, башни которых были завалены камнями и другими снарядами, находились сотни генуэзских лучников; но английским стрелкам в это время не было равных в Европе по точности и меткости стрельбы на дальние расстояния, и свистящий огонь их стрел вскоре загнал наемных соперников в укрытие и позволил английским стрелкам почти беспрепятственно взять на бордаж суда напротив них.

С этого момента во французских рядах началась паника, и большая часть кораблей, не имея возможности спастись из-за сковывающих их цепей, была потоплена на якоре, вместе с двадцатью пятью тысячами их экипажей и боевого имущества, как утверждают летописцы.

Теперь англичане были хозяевами Ла-Манша, и Эдуард III получил возможность перебросить армию во Фландрию, но триумф, ни в коей мере не соответствующий победе при Слюйсе, не вознаградил его усилий на этом поле брани. Кампания превратилась в утомительное дело осады, а фламандцы, охладев от своих первых симпатий, стали недолюбливать англичан и обвинять Якоба ван Артевельде в том, что он снабжает Эдуарда III деньгами только для того, чтобы реализовать свои личные амбиции. Фламандский лидер упорно отрицал это обвинение, но когда, услышав, что жители Гента улюлюкают ему на улице возле его дома, он вышел на балкон и попытался оправдаться, толпа набросилась на него и, не слушая ни слова, ворвалась через зарешеченные двери и убила его. Это была плохая новость для Эдуарда III, но, хотя он и был разгневан судьбой своего союзника, у него не было ни людей, ни денег, чтобы отомстить. Вместо этого он решил попробовать себя на новом театре военных действий, ведь помимо его армии во Фландрии, у него были и другие войска, сражавшиеся с французами в Нормандии и Гиени.

Битва при Креси

Эдуард высадился в Нормандии, и в Креси, к северу от Соммы, когда он продвигался к Кале, его настиг Филипп Валуа, командовавший очень большим, но недисциплинированным войском.

"Вы должны знать, - пишет Фруассар, знаменитый летописец первого периода Столетней войны, - что французские войска наступали без определенного порядка, и как только их король увидел англичан, его кровь закипела, и он крикнул своим маршалам: "Прикажите генуэзцам выступить вперед и начать сражение во имя Бога и святого Дениса!".

Эти генуэзцы были лучниками, которые уже прошли пешком такое расстояние и в таком темпе, что выбились из сил; и когда, против своей воли, они уныло двинулись вперед, их луки, мокрые от грозы, оказались слабыми и неправдивыми. Да и солнце, только что вышедшее из-за туч, светило им в глаза и ослепляло их. Английские стрелки молча ждали, пока они приблизятся, хрипло крича, а затем внезапно высыпали в изможденные ряды такое количество стрел, что "казалось, будто пошел снег".

Генуэзцы, совершенно обескураженные, разбились и бежали; тогда французский король, задыхаясь от ярости, воскликнул: "Убейте этот сброд, который без всякой причины загромождает нашу дорогу"; но огонь англичан не прекращался, и французские рыцари и оруженосцы, которые пришли на смену генуэзцам и скакали по ним под ногами, в свою очередь падали, пронзая стволами тяжелые доспехи.

И снова при Креси Европе стало очевидно, что старый феодальный порядок сражений уходит в прошлое. Победа доставалась не рыцарю, запряженному в коня, как медленно движущаяся башня, а ясноглазому, обтянутому кожей лучнику или пешему солдату, быстро орудуя ножом или копьем. Французы галантно сражались при Креси, и никто не был более яростным, чем Филипп Валуа, чей конь был убит под ним; но храбрость не может уничтожить плохого полководца, и когда он наконец согласился отступить, то оставил одиннадцать принцев королевской крови и более тысячи своих рыцарей, растянувшихся на поле боя.

Поражение при Креси лишило Кале всякой надежды на помощь Франции, и в следующем году после продолжительной осады он сдался англичанам и стал самым заветным из всех их владений за морями. Английские коммонеры, - писал Фруассар, - любят Кале больше, чем любой город в мире, ибо говорят, что пока они хозяева Кале, они держат ключи от Франции у своего пояса".

Черная смерть

Смерть в битве при Креси, одетая во все паноптикумы средневековой войны, выкосила рыцарство Франции и Англии. Теперь, в открытой и жуткой форме, безразличная к расе и вероисповеданию, она шагала по Европе, посещая дворцы и замки, но еще более безжалостной косой сметая трущобы и лачуги. Где-то на далеком Востоке зародилась "черная смерть", как ее позже называли, и где бы она ни проходила, двигаясь на запад, исчезали деревни, нет, даже города.

Считается, что в Китае погибло более тринадцати миллионов человек, Индия почти обезлюдела, и, наконец, в 1347 году была поражена и Европа. Удар был очень быстрым, ведь многие жертвы чумы умирали за несколько часов, большинство - в течение пяти дней; и современные авторы рассказывают о кораблях, вышедших из восточной гавани с полным составом команды, которые через несколько недель дрейфовали в Средиземном море без

единой живой души на борту, чтобы взять штурвал; о городах, где мертвых было так много, что их некого было хоронить; о деревнях, где крестьяне падали как скот на полях и обочинах дорог незамеченными.

В Италии, во Франции, в Англии есть такие же свидетельства несчастья и ужаса. Итальянский писатель Боккаччо описывает в своей книге "Декамерон", как богатые вельможи и девицы Флоренции бежали из охваченного чумой города на виллу за стенами, чтобы провести там дни, рассказывая друг другу сказки. Эти истории прославили Боккаччо как первого великого европейского романиста; но на самом деле даже немногие из богачей смогли остаться вне зоны заражения, и сам Боккаччо в другом месте говорит: "Те, кто первыми подали пример оставления других, томились там, где некому было их пожалеть".

Ни мужество, ни преданность, ни эгоизм не могли противостоять страшному бичу; хотя, как и все болезни, его бедствия были наиболее жестокими там, где теснились маленькие жилища или где царили грязь и антисанитария. "Они болели тысячами, - говорит Боккаччо о бедных слоях населения, - и, не имея никого, кто мог бы их обслужить, большинство из них умирало". По словам одного врача с юга Франции, "число тех, кого унесло в море, было больше, чем тех, кто остался в живых". В некогда процветающем порту Марселя "погибло так много людей, что он остался как необитаемый". Другой французский писатель, говоря о Париже, отмечает, что "смертность людей обоих полов была столь велика... что их едва успевали хоронить". "Не было ни города, ни поселка, ни деревушки, - пишет англичанин о своей стране, - ни даже, за исключением редких случаев, дома, в котором эта чума не унесла бы всех или большую часть жителей".

Одним из непосредственных результатов Черной смерти стало временное прекращение войны между Англией и Францией, поскольку армии сократились до части своей прежней силы, а соперничающие короли забыли такие слова, как "слава" или "завоевание", в ужасе глядя на врага, против которого все их оружие было бессильно.

Другие, более длительные последствия ощущались повсюду, ибо жизнь города и деревни была полностью дезорганизована: магистраты, городские чиновники, священники и врачи погибли в таком количестве, что их трудно было заменить: преступники бесконтрольно грабили опустевшие дома: обычно законопослушные люди, лишённые руководства, к которому они привыкли, предавались беспутной жизни, стараясь утопить все мысли о прошлом и будущем в любых удовольствиях, которые они могли найти в настоящем. Работа почти прекратилась: ткацкие станки простаивали, корабли оставались без грузов, поля не убрали урожай и не засеяли для следующего. Крестьяне, когда их упрекали, заявляли, что чума была знаком конца света, а потому трудиться - пустая трата времени. "Все дорожало, - говорит один француз, - мебель, еда и всевозможные товары подорожали вдвое: слуги работали только за более высокую плату".

В годы, последовавшие за Черной смертью, трудящиеся классы Европы впервые осознали свою ценность. Они были необходимым фундаментом схемы средневековой жизни, основанием феодальной пирамиды; и поскольку теперь их было мало, хозяева начали конкурировать за их услуги. Таким образом, они могли требовать лучшей оплаты за свой труд и улучшения условий; но тут вмешалось тогдашнее правительство, которое управляло в интересах дворян и среднего класса, и запретило повышать зарплату, а холопам и крепостным - покидать свои дома и искать лучших условий в другом районе. Недовольство тех, кого держали железной рукой, но кто наполовину пробудился к возможностям большей свободы, вылилось в революцию; но немногие средневековые короли предпочитали

заглядывать под поверхность национальной жизни, а в случае с Англией Эдуард III, конечно, не был достаточно государственным деятелем, чтобы сделать это.

В 1355 году он возобновил войну с Францией, надеясь, что благодаря победам сможет пополнить собственный кошелек за счет французских выкупов и грабежей, а также одурманить расстроенные народные умы у себя дома показными триумфами. Его старший сын Эдуард, Черный принц, получивший шпоры при Креси, высадился в Бордо и двинулся в поход через Гиень. Английские армии, как и французские, состояли в основном из "компаний", то есть наемных войск под командованием военных капитанов, наводивших ужас как на друзей, так и на врагов; с беспристрастной беспощадностью они вытапывали кукурузу и виноградники на своем пути, грабили города, сжигали фермы и деревни.

Битва при Пуатье

Филипп Валуа был мертв, но его сын, Иоанн Добрый, стал его преемником и заслужил свой титул, надо полагать, благодаря пунктуальному соблюдению законов средневекового рыцарства. Его безрассудная смелость, экстравагантность и необдуманные полководческие решения сделали его, во всяком случае, очень плохим правителем по современным меркам. Фруассар говорит, что на поле Пуатье, где встретились две армии, "король Иоанн со своей стороны показал себя хорошим рыцарем; действительно, если бы четвертая часть его людей вела себя так же хорошо, день был бы его собственным".

Это крайне сомнительно, так как французы, хотя и превосходили их по численности, с самого начала были переиграны. Черный принц обладал полководческим даром и расположил свою армию так, чтобы она была спрятана среди склонов густого виноградника, устроив засаду из опытных лучников за живой изгородью. Когда кавалерия короля Джона устремилась к единственной бреши, чтобы расчистить дорогу для основной армии, она была сбита безжалостным огнем с близкого расстояния из засады, а в возникшей неразберихе английские рыцари обошли французов с фланга и обратили пеших воинов в бегство. Победа Черного принца была полной, так как король Джон и его главные дворяне были окружены и взяты в плен после ожесточенной схватки, в которой они долго отказывались сдаваться. Они вели себя так лояльно, - говорит Фруассар, - что их наследники и по сей день почитают их за честь", а принц Эдуард, дождавшись своего королевского пленника вечером за ужином, наградил его "призом и гирляндой" за галантность, проявленную в бою выше всех остальных.

Злые дни последовали во Франции, где рыцарство ее короля не могло заплатить огромный выкуп ни за него, ни за его выдающихся товарищей по плену. За эти деньги купцы должны были потеть и экономить, а крестьяне работать дольше на голодном пайке; в то время как "роты", освобожденные перемирием от регулярных военных действий, требовали свой хлеб насущный на острие меча, когда и где им вздумается.

Знаменитые капитаны, которые на самом деле были отъявленными разбойниками, забирали овец, кукурузу и виноград; а тех крестьян и рабочих, которые отказывались или не могли дать требуемое, они сжигали живьем на кострах, а их жен и семьи подвергали пыткам и увечьям. От такого нечестия не было защиты ни у правительства, ни у владык; последние были столь же жестоки, как и вожди разбойников, вымогая у своих арендаторов и крепостных средства к существованию, чтобы оплатить развлечения двора, никогда не бывавшего более экстравагантным и жаждущим удовольствий, чем в этот час национального бедствия.

"У Жака Бонхомма, - насмешливо говорил французский дворянин о крестьянине, - широкая спина... он быстро вытащит свой кошелек, если его побьют". Однако настал день, когда Жак Бонхомм, став безрассудным в своем несчастье, вытащил нож и, по словам Фруассара, стал

похож на "бешеную собаку". У него не было ни лидеров, ни надежды на реформы, ничего, кроме кипящей жажды мести; и в "Жакерии", как называли крестьянское восстание этого времени, он обрушил на дворян и их семьи все те ужасы, которые сам, беспомощно стоя в стороне, видел, как творили с его собственным имуществом. Замки были сожжены, их мебель и сокровища разграблены и уничтожены, их владельцев жарили на медленных кострах, их жен и дочерей насиловали, их детей пытали и убивали.

Это одна из самых отвратительных сцен в истории Франции, тем более страшная, что Франция в своей слепоте не извлекла из нее никакого урока. Дворяне, которые вскоре одержали верх над этими дикими недисциплинированными ордами, требовали возмездия пропорционально совершенным преступлениям и крепче, чем когда-либо, закрепили ярмо крепостного права на плечах Жака Бонхомма. По их мнению, только так можно было справиться с бешеным псом; но на самом деле Жак Бонгомм был таким же возмущенным человеком из плоти и крови, как и те, кто его ненавидел и презирал; за столетия тирании его гнев становился все сильнее и ожесточеннее, пока во время революции 1789 года он не вырвался наружу с такой жестокостью по отношению к виновным и невиновным, которую не смогла сдержать ни одна власть во Франции.

Этьен Марсель

Бесчинства Жакерии, к сожалению, дискредитировали реальные усилия по проведению реформ, которые были инициированы в Париже лидером средних классов, проректором купцов, Этьеном Марселем. Этот Марсель требовал, чтобы Генеральные штаты созывались регулярно два раза в год, чтобы дофин [Карл28](#), старший сын короля Иоанна, исполнявший обязанности регента во время заключения своего отца, отослал своих фаворитов и чтобы вместо этих министров-мошенников был создан постоянный совет из выборных представителей для консультирования короны.

На эти и многие другие реформы дофин сделал вид, что уступает под давлением общественного мнения; но вскоре он нарушил все свои обещания и снова стал править по своему усмотрению. Марсель, охваченный негодованием, созвал своих граждан и, ворвавшись во дворец принца, приказал своим воинам схватить двух самых ненавистных министров и привести их в королевское присутствие. Делайте быстро то, для чего вас привели", - приказал он солдатам, после чего они расправились с фаворитами, когда те склонились к ногам Карла, вцепившись пальцами в его мантию.

Этот акт насилия снискал для Этьена Марселя неизбывную ненависть дофина и его двора, и с этого времени можно проследить падение его влияния. Чтобы сохранить свою власть, народный вождь был вынужден оправдать эксцессы крестьян в их восстании, потрясшем всю Францию, и вступить в союз с Карлом Плохим, королем Наварры, которому он обещал передать ключи от Парижа в обмен на его поддержку против Дофина.

Это был роковой шаг, поскольку Карл Дурной совершенно не заботился об интересах среднего класса: он хотел лишь заполучить какой-нибудь секрет или преимущество, которое стоило бы продать, и сразу же предал Этьена своим врагам, как только Дофин заплатил ему достаточную цену. Тогда была устроена ловушка, и Марсель был убит в воротах Парижа, когда собирался открыть их крепкие решетки своему вероломному союзнику. С его смертью все попытки обеспечить более либеральное и ответственное правительство потерпели крах.

Страна, действительно, погрузилась в апатию истощения; и два года спустя был с благодарностью подписан Бретиньский договор, который представляет собой высшую точку английского могущества во Франции. В обмен на отказ Эдуарда III от претензий на

французский престол было признано его право на герцогство Гиень, а также на Кале и страну, расположенную непосредственно вокруг его стен, без каких-либо феодальных обязательств, которые были столь плодотворным источником проблем в прежние времена.

Бретигнский договор

Мир теперь казался возможным на неопределенный срок; но, по правде говоря, пока две враждебные нации разделяли Францию, всегда существовала вероятность новых раздоров, и Дофин, сменивший своего отца, короля Иоанна, осторожно раздувал пламя всякий раз, когда ему казалось, что политический ветер дует в его пользу. Из робкого, раздражительного юноши, одним из первых в ужасе бежавшего с поля боя при Пуатье, он превратился в пронцательного политика, чьи успешные усилия по возвращению утраченных территорий Франции принесли ему титул "Мудрого".

Король Эдуард III и его сын презирали этого принца, не умевшего толком владеть копьем; но Карл, хотя и слабый телом и скорее студент, чем солдат в душе, умел выбирать хороших капитанов для службы в поле; один из них - знаменитый Бертран дю Гесклен, по слухам, самый уродливый рыцарь и лучший боец своего времени - стал героем многих сражений против англичан, сначала во Франции, а затем в Испании.

Именно благодаря войне в Испании английское господство на юге Франции впервые пошатнулось; Черный принц, получивший титул герцога Гиеннского, неразумно послушал изгнанного короля Кастилии Педро Жестокого, который прибыл в Бордо с просьбой о помощи против узурпатора его трона. Это был его незаконнорожденный брат, Генрих Трастамарский. Английский принц сразу же заявил, что рыцарство требует от него помочь законному королю. Возможно, он вспомнил о крепких узах, связывавших Англию и Кастилию с тех пор, как его прадед Эдуард I женился на испанке Элеоноре: возможно, дело было в обещании больших денег, которыми, по словам Педро, будут награждены победившие войска: однако более вероятно, что пламенного воина тронула новость о том, что Генрих Трастамара получил свой трон благодаря помощи Франции и ратным подвигам прославленного Дю Гесклена.

Битва при Наваретте

В 1367 году английский принц перешел Пиренеи, и в Наваретте, у реки Эбро, его английские лучники и хороший генералитет вновь оказались противниками. Хотя испанцы значительно превосходили их числом, они были уничтожены, когда опрометчиво бросились в атаку; Генрих Трастамарский был изгнан с поля боя, оставив Дю Гесклена в плену, а его брат Педро вновь смог утвердить свое королевское право.

Настоящие победители Наваретта теперь имели повод раскаяться в своем союзе. Болезни, вызванные жарким климатом и непривычной пищей, поредели еще больше, чем сама война: денег, обещанных Педро Жестоким, не было; более того, этот коварный негодяй после зверств, совершенных над беспомощными пленниками и полностью оправдавших его прозвище, ускользнул, чтобы обеспечить себе трон, а Черный принц был не в состоянии преследовать его и не мог получить удовлетворения от переписки. Угрюмый и изможденный, с лихорадкой, уже понизившей его жизненный тонус, которая в конце концов должна была оборвать его жизнь, Эдуард Уэльский прибыл в Бордо со своими почти голодающими "ротами". Поскольку у него не было денег, чтобы заплатить им, он отпустил их разорять южную Францию, а чтобы пополнить свою казну, ввел налог на каждый очаг в Гиени.

Эти меры показали, что он не был государственным деятелем, какими бы ни были его полководческие способности. В начале Столетней войны Гиенна холодно смотрела на Париж и ценила далекого правителя, который обеспечивал ей свободу действий; теперь же, став жертвой политики грабежей и поборов, она вскоре стала воспринимать английских правителей как иностранных тиранов. Таким образом, люди Гиенны обратились к Карлу V, и тот, вопреки условиям Бретиньского договора, вызвал принца Эдуарда в Париж - как будто тот был его вассалом - чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения. "Мы с радостью ответим на вызов", - ответил принц, когда услышал его. Мы пойдем, как приказал король Франции, но со шлемом на голове и шестьюдесятью тысячами людей".

Это были смелые слова, но надменный дух, диктовавший их, говорил из уст умирающего человека, и Черный принц так и не дождался того, чтобы оправдать свою хвастливость. Его место во Франции занял младший брат, Джон Гонтский, герцог Ланкастерский, который проявил себя как равнодушный полководец. В 1373 году герцог Джон отправился из Кале в сердце Франции, его армия сжигала деревни на своем пути; но, хотя он все глубже и глубже

проникал в страну противника, он не встретил ни открытых врагов, ни городов, которые он мог бы взять без осады. "Оставь их, - сказал Карл Мудрый, когда его возмущенные вельможи попросили разрешения сразиться на поле боя, - путем сожжения им не овладеть нашим наследием". Хотя буря и шторм вместе бушуют над землей, они рассеиваются: так будет и с этими англичанами".

Со времен Бретиньского договора Карл планировал выгодные союзы с иностранными правителями, которые оставили бы англичан без друзей; в то же время, подобно Генриху Фаулеру в Германии, он укреплял свои города против вторжения. С наступлением зимы Ланкастер и его люди не могли найти ни еды, ни помощи у местных баронов, и когда остатки его некогда гордой армии достигли Бордо, они были без единого коня, оставляя за собой след из больных и умирающих, которых отрезали партизанские отряды. Он не проиграл ни одного сражения, но потерпел не меньшее поражение и поставил под угрозу английское дело во Франции.

Перемирие 1375 года, практически завершившее первый период Столетней войны, оставило Эдуарду III и его преемникам не более чем прибрежные города Кале, Шербур, Брест, Байонну и Бордо.

* * * * *

Генрих V во Франции

Когда в 1415 году Генрих V Английский официально предъявил претензии на трон Франции и тем самым возобновил войну, затянувшуюся с 1375 года, у него не было ни одного удовлетворительного аргумента, кроме меча, чтобы поддержать свои требования. Внук Иоанна Гонтского и сын королевского узурпатора Генриха IV, который сверг и убил своего кузена Ричарда II, Генрих V надеялся с помощью успешной кампании утвердить популярность династии Ланкастеров. Кроме того, он, как и большинство средневековых правителей, хотел найти поле битвы для своих баронов на любой территории, кроме своей собственной. Справедливости ради стоит добавить, что о современной вере в то, что единственным возможным оправданием для пролития человеческой крови является праведное дело, он не имел ни малейшего представления.

Война ради войны" могла бы стать девизом этого самого средневекового из всех английских государей; но если сегодня его цель неоправданна по своему эгоистичному бессердечию, он, во всяком случае, выбрал замечательное время для ее осуществления; ведь Франция, начавшая восстанавливать подобие национальности под правлением Карла Мудрого, выродилась в анархию при его сыне Карле Безумном.

Сначала малолетний, ведь на момент воцарения ему было всего одиннадцать лет, а затем, когда у него начались частые приступы безумия, Карл VI был обречен стать чьим-то орудием, а вокруг его персоны бушевали те группировки, к которым Людовик VIII недалеко видя подготовился, подав пример создания [уделов](#)²⁹. Сначала один "принц лилий", затем другой стремились контролировать двор и правительство в своих интересах; но самыми грозными соперниками в начале XV века были Бургундский и Арманьякский дома.

Центром последнего был молодой Карл, герцог Орлеанский, племянник короля и зять графа Бернарда Арманьякского, давший имя этой партии: вторым был его кузен, Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский, который по наследству от матери был графом Фландрии, а значит, правителем этой великой средней провинции, лежащей между Францией и Империей.

Сам король в минуты здравомыслия склонялся на сторону Карла Орлеанского и арманьяков; и так случилось, что как раз в то время, когда Генрих V Английский высадился в Нормандии и осадил Арфлер, арманьяки контролировали Париж. Поэтому именно их фракция собрала армию и отправила ее на север, чтобы противостоять захватчикам, а Иоанн Бургундский остался в стороне, поскольку не только не хотел помогать арманьякам, но и не желал ввязываться в войну с Англией, от торговли шерстью которой зависело торговое состояние его фламандских городов.

При Азенкуре Генрих V, взявший Арфлер и шедший к Кале, столкнулся с врагами, расположившимися поперек дороги, по которой он должен был следовать, в таком огромном количестве, что они казались непреодолимыми. Однако последовавшая за этим битва показала, что французы не извлекли никакого военного урока из предыдущих катастроф. Тяжеловооруженный, недисциплинированный дворянин на коне все еще оставался их главной надеждой, и в этот мрачный октябрьский день он беспомощно барахтался в грязи, не в силах атаковать, с трудом освобождаясь, становясь легкой жертвой для вражеских копий. Бойня была огромной, так как Генрих, получив ложное сообщение о появлении на горизонте новой французской армии, приказал убивать пленных, и их число погибло, прежде чем ошибка была обнаружена и приказ успели отменить.

Когда весть о поражении и резне при Азенкуре достигла Парижа, который всегда ненавидел арманьяков, возмущенные жители подняли восстание, крича "Бургундия и мир!", но движение было подавлено, и только в 1418 году Иоанну Бесстрашному удалось войти в столицу. К этому времени Генрих V, вернувшийся после победы в Англию, вновь оказался во Франции, завоевывая Нормандию; негодование французов разгорелось до бела, когда стало известно, что Руан, старая столица герцогства, был вынужден сдаться под его победоносными руками.

Даже герцог Бургундский, которому все еще не нравилась война с Англией, почувствовал, что должен предпринять какие-то шаги, чтобы предотвратить дальнейшие посягательства; и, после того как переговоры с врагом провалились из-за его высокомерных требований, он предложил заключить соглашение с арманьяками, чтобы Франция, если ей придется воевать, по крайней мере, предстала перед своими врагами единым фронтом.

Настал момент для возрождения Франции; ведь главой арманьякской фракции в это время был дофин Карл, сын Карла Безумного, и в ответ на оливковую ветвь своего соперника он согласился встретиться с ним на мосту Монтеро, чтобы скрепить старый разрыв. В знак покорности и доброй воли Иоанн Бургундский преклонил колено, чтобы поцеловать руку принца, но, когда он это сделал, арманьяк, все еще пылавший партийной ненавистью, бросился вперед и вонзил кинжал ему в бок. Бургундцы закричали от ужаса и ярости и, унося тело Иоанна Бесстрашного, поклялись, что это убийство было спланировано с самого начала и что они никогда больше не будут хранить верность лжедофину.

Договор в Труа

В Труаском договоре, который был немедленно заключен с англичанами, они подтвердили эту клятву, поскольку Генрих V Английский получил в жены руку дочери безумного короля Екатерины и был признан его наследником французского престола.

Через два года умерли и Генрих V, и Карл VI, в результате чего Франция разделилась на два лагеря: один, лежавший в основном на севере и востоке, признал правителем младенца Генриха VI, сына Генриха V и Екатерины; другой, на юге и юго-западе, подчинялся Карлу VII из Валуа.

Труаский договор стал высшей точкой английского могущества во Франции во второй период Столетней войны; хотя после этого знамена, которые Генрих V с таким триумфом пронес при Азенкуре, неуклонно продвигались на юг, на территорию Арманьяков, влияние захватчиков уже пошло на убыль. Договор, отдавший Францию чужеземцу и национальному врагу, был заключен лишь с частью французского народа, и некоторые из тех, кто в пылу гнева против арманьяков согласился на его условия, вскоре втайне устыдились своей странной верности.

Когда Карл Дофин стал Карлом VII, он перестал казаться просто лидером партии, дискредитировавшей себя убийством герцога Бургундского. Он стал национальной фигурой; и хотя враги могли называть его в насмешку "королем Буржа", потому что он не осмелился приехать в Париж, а правил только из города в центральной Франции, он оставался, несмотря на все насмешки, королем и французом. Если бы он был менее робким и эгоистичным, более готовым к риску и самоотдаче, а не к пустому времяпрепровождению с недостойными фаворитами, несомненно, он мог бы ускорить крах Англии. Вместо этого он позволил тем, кто поощрял его лень и ненависть к государственным делам ради увеличения собственной власти, помешать примирению с бургундцами, которое могло бы стать спасением для Франции.

Филипп Добрый, сын Иоанна Бесстрашного, недолюбливал дофина как убийцу своего отца, но не питал особой любви к своим английским союзникам. Благодаря браку и искусной дипломатии он присоединил большую часть современной Голландии к своему и без того огромному наследию и мог принять состояние и значение независимого государя. С Англией он чувствовал себя равным, и теперь с тревогой относился к мысли о том, что она может постоянно контролировать оба берега Ла-Манша. Пока Джон, герцог Бедфордский, брат Генриха V, выступал в роли регента своего юного племянника с государственной умеренностью, внешняя видимость дружбы сохранялась; Но Бедфорду с трудом удавалось удерживать в порядке своего ссорящегося и безответственного младшего брата, Хамфри, герцога Глостера, правившего в Англии, и с еще большим трудом подавлять угрюмое недовольство парижского народа, который, страдая от голода в результате затянувшейся войны, считал иностранного короля источником всех своих бед.

Только престиж английского оружия сохранял лояльность северной Франции. Двести англичан прогнали бы перед собой пятьсот французов", - пишет летописец того времени; но спасение должно было прийти во Францию с неожиданной стороны, и тот же автор с гордостью добавляет: "Теперь двести французов будут преследовать и бить четыреста англичан".

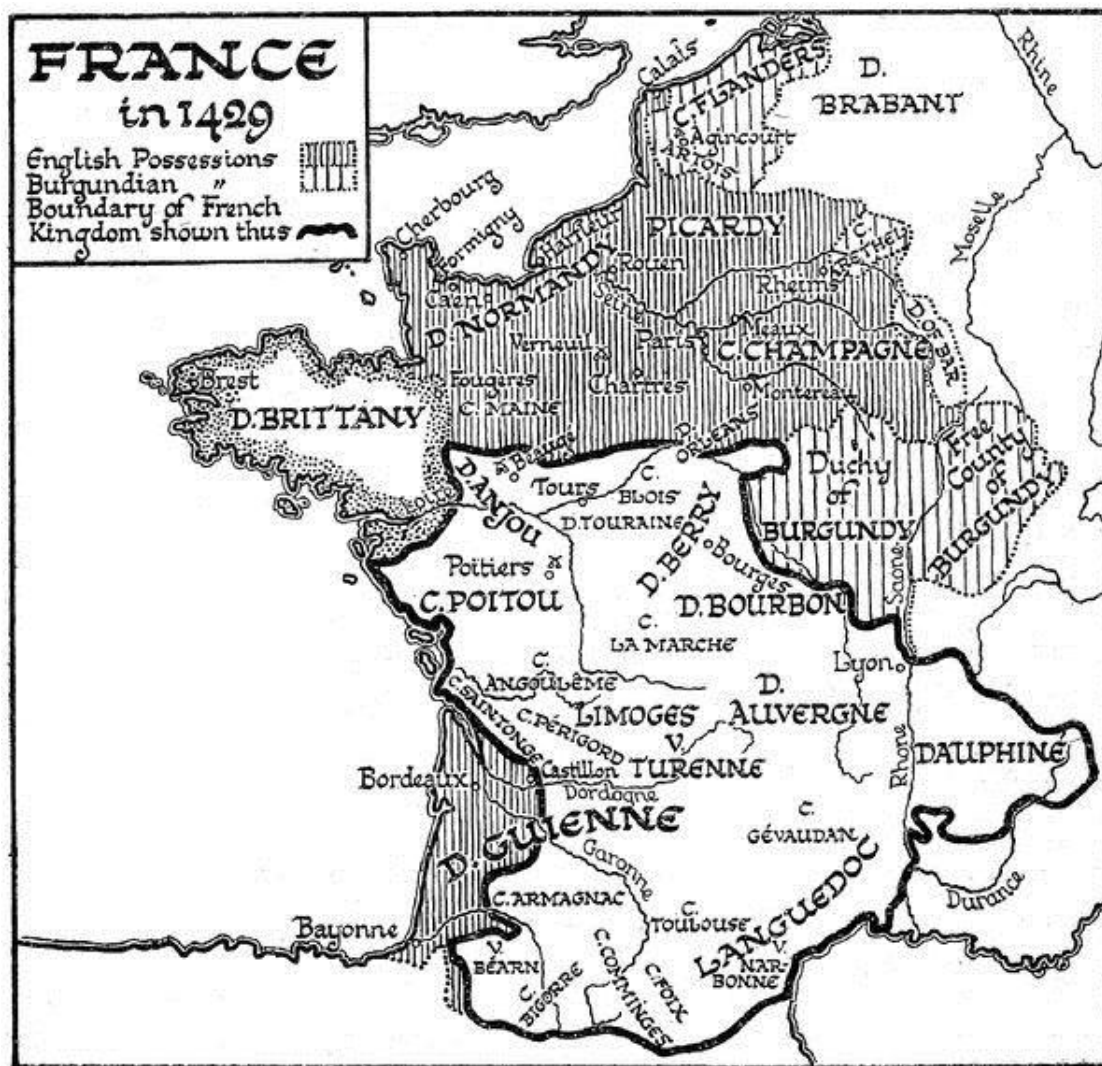
Жанна д'Арк

В начале XV века в деревне Домреми на реке Мёз жила крестьянская девица Жанна д'Арк, которая, по описанию односельчанина, была "скромной, простой, набожной, с удовольствием посещала церковь и святые места, работала, шила, копала в поле и делала все необходимое по дому". До тринадцати лет Жанна была похожа на других легкомысленных девочек, но именно тогда в ее жизни произошла перемена: голоса словно отвлекли ее от товарищей и заговорили с ней из-за блестящего облака, а позже у нее появились видения святой Екатерины и святого Михаила, чьи нарисованные портреты она знала в церкви.

"Я видела их своими телесными глазами так же ясно, как вижу вас", - сказала она, когда ее спросили об этих явлениях, и призналась, что сначала испугалась, но потом они принесли ей утешение. Они всегда приходили с одним и тем же сообщением, по ее собственным словам,

"что она должна изменить свой образ жизни и совершать чудесные поступки, ибо Царь Небесный избрал ее для помощи королю Франции".

Жанна д'Арк не была истеричной провидицей: она всегда обладала здравым смыслом и понимала, насколько нелепой покажется миру мысль о том, что она, необразованная крестьянская девушка, призвана спасти Францию. Некоторое время она пыталась забыть весть, которую ей передали Голоса; но в конце концов до нее дошло, что Бог дал ей миссию, и с этого момента ни возмущенный отец, ни робкие друзья не могли отвратить ее от задуманного.

ФРАНЦИЯ в 1429 году

Обо всех трудностях и испытаниях, с которыми ей пришлось столкнуться, прежде чем в семнадцать лет она наконец получила разрешение на аудиенцию у Карла VII, здесь рассказывать не стоит. Весть о ее настойчивости распространилась за границей, и освещенный факелами зал замка, в который ввели Жанну, был заполнен одетыми в платья придворными, а среди них стоял король, ничем не выделявшийся среди остальных ни своим платьем, ни внешней пышностью. Все полагали, что крестьянка будет ошеломлена, но она, не видевшая ни одного портрета короля и прожившая всю жизнь в тихой деревушке Домреми, ничуть не смутилась от сотен устремленных на нее глаз. Сразу узнав человека, к которому была обращена ее миссия, она направилась прямо к нему и сказала: "Мой благородный господин, я пришла от Бога, чтобы помочь вам и вашему королевству".

Наверное, простота и откровенность Жанны, контрастировавшие с этой развращенной атмосферой, были чем-то поразительным. Даже слабый король был тронут; после того как она была опрошена и одобрена епископами, он разрешил ей отправиться, как она того пожелает, с войсками Франции, чтобы спасти для него важный город Орлеан, который тесно осаждали англичане. Она ехала в доспехах, с мечом в руке и знаменем, и те, кто ехал с ней, чувствовали ее абсолютную веру в победу, и в их сердца проникало магическое влияние ее собственной великолепной храбрости и надежды.

Мы часто говорим о рыцарстве, идеале хорошего поведения в Средние века. Короли, принцы и рыцари, чьи доблести прославили хроники Фруассара, были для своих журналистов настоящими рыцарскими героями, выразителями мужества, учтивости и воспитания. Однако современным глазам эти качества кажутся зачастую запятнанными, поскольку герои, выставившие их напоказ, ничуть не стыдились таких пороков, как жестокость, эгоизм или снобизм. Король Франции Иоанн скорее умрет в чужой тюрьме, чем нарушит условно-досрочное освобождение, но при этом с презрением расправится со "сбродом" лучников, которые по его халатности слишком устали, чтобы сражаться в его битвах. Черный принц, как слуга, ждал своего королевского пленника, но принимал в качестве брата по оружию такого человеческого дьявола, как Педро Жестокий; или предавал мечу город, как он сделал в Лиможе, стариков, женщин и детей, потому что тот осмелился бросить ему вызов.

В рыцарстве крестьянки, спасшей Францию, нет ничего подобного. Ее рыцарские подвиги - чистое золото, в них нет и следа гордеца или хвастуна. Жанна д'Арк всегда была человеческой и потому милой, быстро гневалась на обман, но легко успокаивалась; дружелюбно относилась и к королю, и к солдату, но никогда не теряла простого достоинства, которое было ее защитой при дворе и в лагере. Из всех средневековых воинов, о которых мы читаем, она была самой храброй, ибо знала, что такое страх, и часто молилась, чтобы не попасть в руки врагов живой, но никогда не уклонялась от битвы и не шла на опасность с опущенным лицом. Стройная фигура, аккуратно подстриженные темные волосы и сияющие глаза, она скакала туда, где бой был наиболее густым, всегда, по словам современного биографа, "веселая и радостная", быстро видя возможности и используя их, радуясь победе, щедрая к врагам, жалостливая к раненым и пленным.

Вид ее пробуждал новое мужество в ее соотечественниках и ужас перед сверхъестественным в ее врагах, которые прозвали ее ведьмой и поклялись сжечь.

Внезапно она повернулась к англичанам, - рассказывает современник об одном из сражений, - и, поскольку людей с ней было немного, она столкнулась с англичанами и стремительно двинулась на них с выставленным штандартом. Тогда англичане позорно бежали, а французы вернулись и загнали их в свои укрепления".

Орлеан был освобожден и взят, неохотно, но все еще наполовину сомневающегося Карла отвели в Реймс и там, в древней столице Франции, короновали, чтобы все французы знали, кто их истинный король. Дева" настаивала на том, чтобы за церемонией последовал быстрый марш на Париж; но фавориты, боявшиеся ее влияния, нашептывали на ухо королю другие советы, и Карл мешкал и колебался. Когда он наконец выступил, то обнаружил, что мосты через Сену перерезаны, причем не отступающими англичанами, а французским вероломством.

Париж созрел для восстания и при виде "Девы" убил бы свой иностранный гарнизон и открыл свои ворота. Бедфорд на севере подавлял восстание, а Карл, ухватившись за оправдание в виде разрушенных мостов, отступил на юг, распустив армию и бросив свою защитницу на произвол судьбы.

Голоса предупреждали Жанну о предстоящем пленении и смерти, но ее миссия заключалась в спасении Франции, и, узнав, что герцог Бургундский планирует взять важный город Компьень, она с небольшим отрядом отправилась на его защиту. Под стенами, во время вылазки, она попала в плен, отказавшись сдаться. "Я поклялась и отдала свою веру другому, а не вам, и я сдержу свою клятву", - заявила она; и все последующие месяцы, заключенная в клетку и оковы в темной камере замка Руана, подвергаясь оскорблениям грубых английских лучников, она сохраняла свою верность, говоря своим врагам о принце, который так жалко ее подвел: "Мой король - самый благородный из всех христиан".

Французы (некоторые из них были епископами, канониками и юристами Парижского университета), а также англичане были среди тех, кто после издевательского суда отправил Жанну на сожжение как еретичку на рыночной площади Руана. Она умерла, храбро живя и взывая к святым, прося прощения у своих врагов и прощая зло, которое они ей причинили. Чтобы мир, - говорит современный писатель, - не имел реликвий, которых мир был недостоин, англичане бросили ее прах в Сену".

Франция, предавшая Жанну д'Арк, не нуждалась в реликвии, чтобы сохранить память о ней. Сегодня мужчины и женщины называют ее святой, и одно чудо она, несомненно, совершила, ибо вернула своей стране, которая за годы анархии почти утратила веру в себя, несокрушимое чувство собственной национальности. "Что касается мира с англичанами, - говорила она, - то единственный возможный мир - это их возвращение на свою собственную землю". Спустя чуть более двадцати лет после ее смерти миссия, с которой она выехала из Домреми, была выполнена, и из всех французских владений только Кале остался за врагами Франции.

Подводя итог Столетней войне, можно сказать, что с самого начала англичане сражались за проигранное дело. Удача, военный гений и отвага придавали их завоеваниям мнимую стойкость; но национальность - враг непобедимый, потому что она открыла эликсир жизни; и когда с приходом "Девы" фортуна повернула вспять, английское поражение было очень быстрым.

В 1435 году умер герцог Бедфорд, и в том же году Карл VII, отойдя от своей медлительности, заключил в Аррасе договор с Филиппом Бургундским, который обеспечил ему въезд в Париж. По счастливой случайности его молодой соперник в последующих кампаниях, английский король Генрих VI, унаследовал не энергию и доблесть своего отца, а анемичную версию безумия своего французского деда. Еще до первого приступа меланхолии он стал слабой марионеткой сначала одного, потом другого влияния; группировки, пытавшиеся управлять от его имени в своих интересах, потеряли сначала Нормандию, потом Гиенну. В конце концов они перенесли свою вражду за Ла-Манш, чтобы отомстить, что казалось почти божественной местью за анархию, которую они вызвали во Франции, в беспокойных "Войнах Роз".

При Карле VII, которого все называли *le bien servi*, Франция, постепенно освобождаясь от иностранного ига, превратилась из средневекового в подобие современного государства. Мудрые министры, которых в последние годы жизни королю хватило ума заменить своих прежних безропотных фаворитов, укрепили власть монархии, восстановили ее финансовый кредит и создали вместо беспорядочных "компаний" постоянную армию, набранную и контролируемую короной.

Все это не обошлось без противодействия, и восстание "прагеря", в котором были замешаны почти все ведущие дворяне Франции, включая сына самого короля, дофина Людовика, было отчаянной попыткой аристократии избавиться от растущего давления королевского контроля. Она потерпела неудачу, потому что нация в целом увидела в подчинении абсолютному монарху средство, возможно, несовершенное, но все же единственное доступное в данный момент, для обеспечения возрождения Франции.

Знаменательно, что когда Людовик XI стал преемником Карла VII, он неизбежно пошел по стопам своего отца, отказавшись от интересов класса, с которым он сначала связал себя, чтобы править как самодержец и воплотить в жизнь идеал королевской власти своего времени.

Дополнительные даты. Хронологическое резюме см. на с. 368-73.

Филипп VI Французский	1328-50
Иоанн II Французский	1350-64
Карл V Французский	1364-80
Карл VI Французский	1380-1422
Карл VII Французский	1422-61
Генрих V Английский	1413-22
Генрих VI Английский	1422-61
Боккаччо	1313-75
Жанна д'Арк	1412-30

XIX ИСПАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

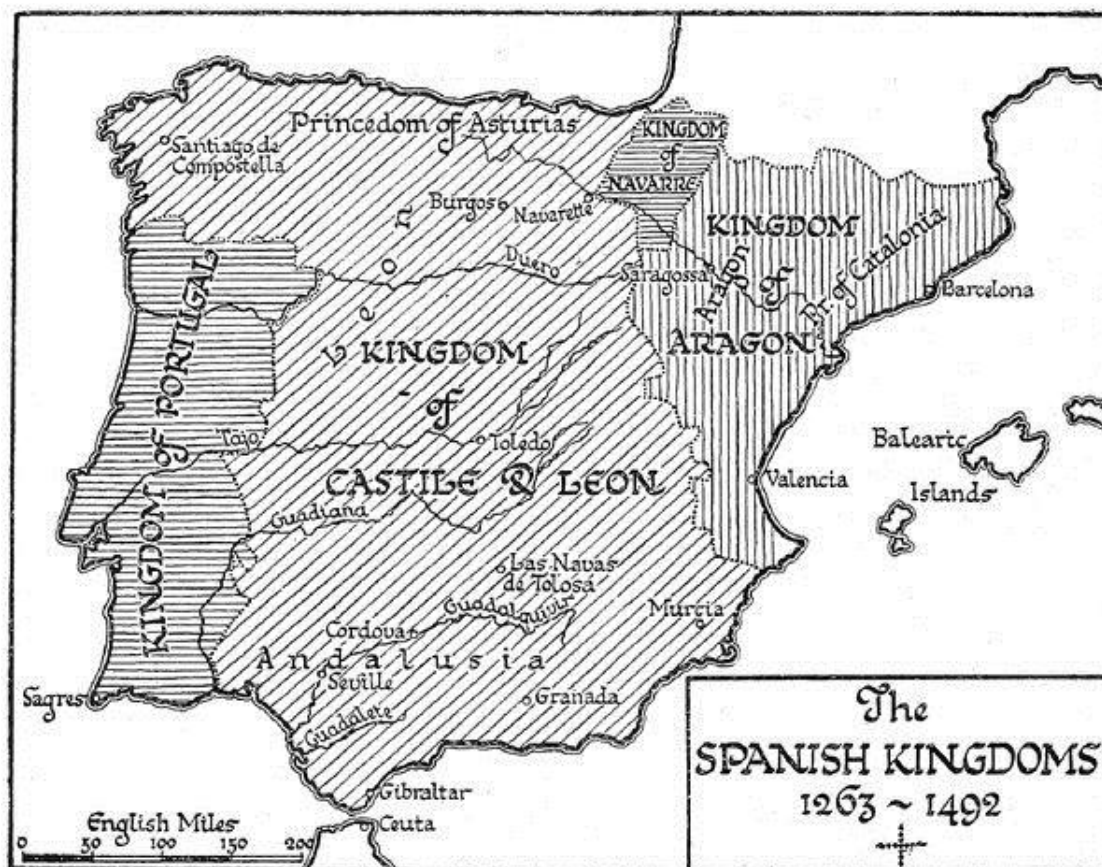
Испанию справедливо называют "одной из самых изрезанных частей земной поверхности". Взглянув на ее карту, можно увидеть многочисленные горные хребты, которые пронзают сердце страны, разделяя ее на районы, совершенно непохожие друг на друга как по климату, так и по почве. Даже реки, которые в других странах Европы, как, например, Рейн и Дунай, служат дорогами дружбы и торговли, в Испании по большей части не судоходны, текут бурными потоками между обрывистыми берегами, создавая дополнительные препятствия для общения.

География, таким образом, сыграла очень большую роль в истории средневековой Испании, решив, что, хотя ее и завоевывали римляне, вандалы, вестготы и сарацины, ни одно завоевание никогда не было полным, поскольку захватчики всегда могли найти недоступные убежища среди гор. Дух провинциальной независимости также развивался, как и в [Италии](#)³⁰ - люди учились говорить не "я испанец", а "я из Бургоса", или "из Андалусии", или "из Барселоны", в зависимости от своего района.

Когда сарацины разгромили короля Родриго и его христианскую армию в битве при [Гвадалете](#)³¹, мы видели, что покорение южной и центральной Испании стало для них легким делом. Богатые города и районы перешли в их руки почти без удара: готская знать и ее

семьи, которые должны были их защищать, ослабленные племенными раздорами, бежали на север, в горы Леона и Астурии, а оставленные ими угнетенные массы вскоре приветствовали своих новых хозяев.

Политика мавров состояла в том, чтобы даровать рабу свободу при открытого признания Аллаха единым Богом и Магомета его пророком, а христианам и иудеям, отказавшимся от своей веры, они позволяли жить в мире при условии уплаты налога, не требуемого от мусульман.

Испанские королевства 1263-1492

Кордовский халифат

Столицей сарацинского королевства, или "халифата", которому суждено было просуществовать практически без охраны около трехсот лет, стал город Кордова, захват которого мавры считали божественным вдохновением Аллаха, поскольку, когда их войско под покровом темноты подкатило к стенам, обрушился страшный град, заглушивший стук приближающихся копыт. От коварного пастуха один из капитанов узнал, что часть укреплений легко преодолеть, и, забравшись незамеченным на фиговое дерево, он спустил свой длинный тюрбан, чтобы помочь своим товарищам, пока их не набралось достаточно, чтобы одолеть стражу и открыть ворота для основной армии.

Для испанцев, потерпевших поражение почти во сне, Кордова была падшим городом, опозоренным присутствием неверных; однако эти самые неверные должны были сделать ее роскошь и блеск соперничающими с почти сказочной славой Багдада и завоевать для ее культуры неодобрительное восхищение христианской Европы. Когда мы читаем о ее "Дворце наслаждений", украшенном золотом и драгоценными камнями, о ее лесах граната и сладкого

миндаля, о ее садах и благоухающих фонтанах, о ее роскошных домах отдыха для путешественников за стенами, мы снова попадаем в атмосферу восточной сказки, которая витает и вокруг истории ее халифов, окрашивая романтикой их любовь, их ненависть и их соперничество.

Есть и другие аспекты мавританской Испании, едва ли менее замечательные по сравнению с бессистемным национальным развитием остальной Европы. Здесь сельское хозяйство и промышленность целенаправленно стимулировались внимательным и практическим изучением таких отраслей знаний, как естествознание и ботаника, алгебра и арифметика. Засушливая почва, которая при обычном средневековом пренебрежении осталась бы пустыней, благодаря каналам и ирригации превратилась в плодородную равнину, сад риса, сахара, хлопка или апельсинов. Математика, примененная к повседневным нуждам, создала компас мореплавателя; ученые мозги и умные рабочие - стальные клинки Толедо и Севильи, шелковые ткани Гранады, керамику и бархат Валенсии.

И все же, хотя знания сознательно использовались в коммерческих целях, мавры не возводили "Полезность" в ранг идола для своих ученых и не говорили им, что только та информация, которая несет за собой материальные блага, достойна обладания. Философия и литература, равно как и наука, имели свои лектории: Греция и Восток по приказу халифов разыскивали рукописи для пополнения своих библиотек; кордовские профессора стали настолько всемирно известны, что в XII веке христианские студенты спешили сесть у их ног; а переводы Аристотеля арабского профессора Аверроэса стали одним из главных источников авторитета для самых ортодоксальных "школяров".

В своем стремлении к знаниям ради них самих мавры проявляли терпимость к лучшим умам всех рас. В других странах Европы евреи считались проклятыми, находились под защитой христианских правителей до тех пор, пока их денежные мешки можно было сжимать, как губку, но подвергались оскорблениям, пыткам и смерти всякий раз, когда народная ярость, вызванная крестовым походом или эпидемией, требовала легкого выхода для рвения в сжигании и разграблении домов.

Христианский фанатизм закрыл для еврея почти все жизненные пути, кроме ростовщичества, в котором у него было мало конкурентов, поскольку церковный закон запрещал ростовщичество. Затем его стали осуждать как кровососа за высокий процент, который он взимал за свои ссуды из-за своего шаткого положения. Таким образом, презрение, ненависть и страх перед гонениями способствовали тому, что в обычном еврее зарождались те самые пороки, за которые его обвиняли, а именно: стремление уничтожить своих соседей-христиан и высокомерное поглощение своей собственной расой, исключая все остальные.

Только в мавританских городах еврей мог достичь общественного положения, как, например, в Кордове, где учителя этой расы были особенно известны своими исследованиями в области медицины и хирургии. Многие испанские израильтяне действительно стали врачами и настолько явно превосходили в знаниях и мастерстве обычных шарлатанов, что правители христианских государств с благодарностью прибегали к их услугам, когда их здоровье было в опасности.

На первый взгляд казалось, что это счастливое королевство мавров, где царили культура, комфорт и веротерпимость, со временем должно было распространить свое цивилизующее влияние на всю Европу; но у мусульманской Испании была и другая, более темная сторона. Кордовский халифат, как и другие мусульманские государства, стал жертвой формы правления, единственной скрепой которой была религия ислама. Его правитель был

тираном, не зависящим от народного контроля, и мог одним словом отправить на смерть даже своего великого визиря, или главного министра. Такое возвышенное положение имело свои последствия, и халиф должен был постоянно следить за тем, чтобы не найти врагов, готовых убить его, не только среди своих слуг, но еще больше среди своих сыновей или братьев. Поскольку преобладало многоженство, почти в каждой семье были дети от матерей-соперниц, которые с младенчества учились ненавидеть и бояться друг друга. Казалось, только от удачи или хитрости зависело, кому достанется королевский титул, и мало кто решался прибегнуть к кинжалу или яду, чтобы обеспечить себе желанную честь.

Из междоусобиц и заговоров мавританского двора, из взлетов и падений эмиров и султанов в провинциях мавританская Испания подготовила свой собственный крах в течение трех веков, пока она господствовала в южной и центральной Испании.

На севере, в Астурии, "колыбели испанской расы", где каждый крестьянин считает себя "идадьго" или благородным, в королевствах Леон и Наварра, в графствах Кастилия и Барселона, потомки некогда ослабевших готов тем временем превращались в расу воинов.

Несмотря на то, что испанец был горячо предан христианству, приплетая сверхъестественную помощь к каждой победе, он не проявлял в тот период, который можно назвать первым периодом "Реконкисты", острой неприязни к маврам. Вначале он боролся не за религию, а за независимость, и часто принц или граф объединялся с каким-нибудь дружественным эмиром, чтобы свергнуть соперника-христианина. Все короли для меня одинаковы, пока они платят мою цену! Эти слова Родриго (Руя) Диаса, величайшего из испанских героев, были типичны для его расы в ту эпоху, в которую он жил.

Сид

Этот Руй Диас, "Эль Кампеадор", или "Претендент", как называли его христиане, но более популярный под арабским именем "Аль Саид" или "Сид", что означает "Вождь", был храбр, щедр, хвастлив и вероломен. Кастилец по происхождению, он хранил верность королю Леона, чьи войны он иногда снисходил до участия в них, не считая их священными; но когда этот монарх изгнал его, имея обоснованные подозрения в его верности, он невозмутимо продолжил сражаться на стороне врага своего покойного господина, мавританского султана Сарагоссы.

Из старых хроник и баллад видно, что сам Сид умел вызывать и сохранять привязанность тех, кто ему служил. Когда он послал за своими родственниками и друзьями, чтобы сообщить им о своем изгнании королем Леона и спросить, кто пойдет с ним в изгнание, нам рассказывают, что Альвар Фаньес, который был его двоюродным братом, ответил: "Сид, мы все пойдем с тобой через пустыню и через населенную страну, и никогда не подведем тебя. На твоей службе мы потратим наших мулов и лошадей, наше богатство и наши одежды, и всегда, пока мы живы, будем тебе верными друзьями и вассалами"; и все они подтвердили слова Альвара Фаньеса".

Средневековая Испания всегда была готова восхищаться воином; и большая часть очарования Сида, несомненно, заключалась в его доблести на поле боя, когда, зарядив свой добрый меч "Тизона", никто не мог противостоять его натиску. К этому восхищению добавлялось более глубокое чувство товарищества. Их герой мог проливать кровь сотен людей ради достижения своих целей, но он не был дворянином средневекового французского типа, презирающим людей низшего ранга; скорее он был полнокровным испанцем, горячо сочувствующим всем остальным испанцам.

Выезжая из Бургоса по пути в изгнание, Сид подозвал к себе Альвара Фаньеса и сказал: "Кузен, бедняки не участвуют в том зле, которое король причинил нам..... Смотри же, чтобы на нашем пути им не причинили зла". А старуха, стоявшая у дверей, сказала: "Иди в счастливую минуту и наведи порчу на все, что пожелаешь".

Удача, или, возможно, правильнее было бы сказать, его восхитительное благоразумие, с триумфом пронесла его через множество кампаний: в одних он примирялся с христианским королем и сражался под его знаменем, в других - опустошал свои земли в качестве союзника мавров. В конце концов он достиг вершины своей удачи и выделил себе княжество из мавританской провинции Валенсия; став правителем этого государства, он не претендовал на роль чье-либо вассала, но хвастался, что он, Родриго, освободит Андалусию, как другой Родриго отпустил ее в рабство.

В этом королевском достижении ему было отказано, так как даже герои терпели поражение; наступило время, когда он заболел, мавры вторглись в его земли, и, поскольку он больше не мог сражаться с ними, он повернулся лицом к стене и умер. Однако его последняя победа была еще впереди; его последователи, которые так верно служили ему, набальзамировали его тело, посадили его на боевого коня и привязали к его руке "Тизона", и так они вывели его из города против его врагов. Вместо плача и причитаний вдова Сиды приказала звонить в церковные колокола и трубить в военные трубы, чтобы мавры не знали, что их великий враг мертв; но, вообразив, что он мчится среди них, страшный в своем гневе, как в старые времена, они разбились и бежали.

Несмотря на эту победу, Валенсия вновь оказалась под властью мавров, но она никогда не забывала Руя Диаса и по сей день с гордостью называет себя "Валенсией Сиды".

Второй период завоевания Испании христианами можно назвать крестоносным и продолжался до падения Гранады в 1492 году. Он начался не в какую-то определенную дату, а с постепенного осознания христианскими государствами в течение двенадцатого века того, что их война с маврами - это нечто совершенно отдельное и гораздо более важное, чем их почти братская вражда друг с другом. Это зарождающееся убеждение переросло в веру, когда мавританское королевство, которое из-за слабости и коррупции его правительства почти перестало быть королевством и распалось на ряд враждующих государств, было в конце двенадцатого века захвачено и временно объединено свирепым берберским племенем из Северной Африки, Альмохадами.

Альмохады, как и ранние последователи Магомета, были определенно враждебны как христианам, так и евреям, поэтому чувство религиозной горечи росло, и война, которая поначалу была серией побед над неверными, приобрела характер крестового похода.

Другие крестовые походы, как мы видели, получили общественную поддержку; и в начале XIII века папа Иннокентий III, осознавая свою ответственность перед Испанией не меньше, чем перед Святой землей, разослал призыв о наборе во все страны Европы. В ответ на него прибыли отряды тамплиеров, госпитальеров и других молодых воинов, жаждущих получить шпоры в борьбе с язычниками. Испания сама основала несколько военных орденов, самым известным из которых стал орден Сантьяго, то есть Святого Иакова, названный так в честь национального святого, чья гробница в Компостелле на севере страны была одной из любимых святынь, посещаемых паломниками.

Лас-Навас-де-Толоса

Во главе христианского войска, скакавшего через горы к равнине Лас-Навас-де-Толоса, где ему суждено было сразиться в одной из самых решающих испанских битв, стоял Альфонсо VIII, "Добрый", из Кастилии, который воевал с маврами с момента своей коронации пятнадцатилетним мальчиком. С ним были его союзники, король Наварры, командовавший правым крылом, и Педро II, король Арагона, командовавший левым.

Весь день бушевала битва, христианские короли и их рыцари сражались как герои, но, несмотря на все их усилия, они были отброшены назад, и поражение казалось почти несомненным. "Здесь мы должны умереть", - с горечью воскликнул Альфонсо, решив дорого продать свою жизнь; но Родриго Хименес, пламенный архиепископ Толедо, ответил: "Не так, сеньор, здесь мы победим!" и со своим крестоносцем так решительно бросился на врага, что христиане, сплотившись, чтобы спасти свой священный штандарт, вытеснили мавров с поля боя. Победа была настолько ошеломляющей, что продвижение Альмохадов было полностью остановлено, а христианские государства стали доминирующей силой на полуострове.

Поначалу в сражениях между собой среди христианских государств первенствовала Наварра, но затем это маленькое горное королевство, которое лежало через Пиренеи, как в седле, и было наполовину французским по своим симпатиям и взглядам, утратило свое превосходство. Испанские интересы перестали быть сосредоточены во Франции, а сосредоточились на землях, которые постепенно отвоевывались у мавров. Португалия объявила себя независимым королевством, Кастилия разорвала наваррское иго и объединилась с Леоном, Арагон поглотил важную провинцию Каталонию с ее процветающим морским портом Барселоной.

Яков "Завоеватель"

Одним из самых известных арагонских героев XIII века был Яков Завоеватель, сын Педро II Арагонского, который во время Альбигойского крестового похода погиб, сражаясь на стороне своего брата и вассала, графа Прованса, против Симона де Монфора.³² Яков, которому в то время было всего шесть лет, попал в плен к жестокому графу, но Иннокентий III настоял на том, чтобы его вернули его собственному народу, и тот отдал его на воспитание тамплиерам. Естественно, что в такой военной обстановке мальчик должен был вырасти солдатом; но ему предстояло проявить себя и государственным деятелем, и любителем литературы, написав на каталонском диалекте прямую, мужественную хронику своего правления и поощряя в своих каталонских подданных преданность поэзии, которую они с ранних лет разделяли со своими провансальскими соседями.

По свидетельствам современников, молодой король был красив сверх всякой меры, ростом почти семь футов и хорошо сложен. К сожалению, он был настолько привлекателен, что сильно испортился, вел беспутный образ жизни и был неуправляем в своем нраве. В порыве гнева он был способен на любое преступление, хотя обычно был настолько великодушен и нежен, что с ненавистью подписывал смертный приговор. В своей хронике он рассказывает, как во время одного из походов обнаружил, что ласточка свила гнездо у хоровода его палатки: "И я приказал людям не снимать его, - говорит он, - пока ласточка не улетит со своими птенцами, поскольку она доверилась моей защите".

Сочетание привлекательной внешности, ума и рыцарства, присущее Якову I, поразило воображение арагонцев, но еще большее значение имели его боевые качества, которые были типично испанскими. "Это всегда было судьбой моей расы, - писал он, - завоевывать или умирать в бою"; и когда он был еще совсем маленьким мальчиком, он решил, что станет крестоносцем.

В течение многих лет после того, как он был объявлен достаточно взрослым, чтобы править самостоятельно, король Яков был вынужден тратить свое время и энергию на усмирение знати, которая во время его долгого несовершеннолетия была предоставлена самой себе. Утвердив свою власть, он повел свои войска против мавров, и под его завоевательным знаменем "Валенсия Сиды" окончательно перешла в руки христиан.

Мавританское королевство теперь сводилось к Гранаде на юге и зависимой провинции Мурсия на северо-востоке, на которую претендовали кастильцы, хотя Альфонсо "Ученый" из Кастилии был совершенно не в состоянии стать ее хозяином.

Услышав о победах арагонцев в Валенсии, Альфонсо, который был зятем "Завоевателя", спросил короля Якова, не поможет ли он ему вторгнуться в Мурсию. Этот проект сначала вызвал гнев арагонцев, поскольку им казалось, что от них ждут тяжелой работы, чтобы кто-то другой мог поживиться добычей.

Король Яков был более дальновидным, чем его подданные, и придерживался другого мнения. В данный момент мавры слабы, но благодаря притоку свежих воинов из Северной Африки они всегда могли собрать свои силы в прошлом и могут сделать это снова. Если король Кастилии потеряет свои земли, я вряд ли буду в безопасности в своих", - так он проникательно оценил ситуацию; с этими словами он вторгся в Мурсию и захватил ее, которую в 1262 году передал своему зятю.

Эта дата, 1262 год, хотя и не ознаменовала собой новых приобретений Арагона, тем не менее стала эпохой в его истории. До сих пор ее главный интерес совпадал с интересами Кастилии - свобода Испании от неверных, но теперь, благодаря завоеванию Мурсии, она была окружена соседями-христианами, и то, что осталось от крестового похода, стало делом одной Кастилии. В начале своего правления король Яков также закрыл еще одну главу в истории Арагона, когда в результате поражения и смерти своего отца он был вынужден уступить все каталонские претензии на Прованс и тем самым навсегда избавиться от перспективы поглощения Франции, которая ослепляла его предков.

Куда же Арагону направить свое победоносное оружие? Король Яков, истинный араговец, уже ответил на этот вопрос, когда в 1229 году начал завоевание Балеарских островов, тем самым ясно осознав, что естественные перспективы экспансии его страны лежат не на севере и не на юге, а на востоке. Уже каталонские рыбаки и барселонские купцы оспаривали торговое господство в Средиземноморье со своими братьями из Марселя и итальянских республик, и в дальнейшем арагонским королям предстояло принять участие в этой игре, поддерживая торговлю дипломатией и мечом.

Петр III Арагонский

Яков "Завоеватель" умер не в боевом снаряжении, как он предсказывал, а в рясе цистерцианского монаха, искупая в уединении монастыря грехи своей бурной, любящей удовольствия юности. Традиции воина перешли к его сыну Педро III, под правлением которого Арагон начал кампанию итальянских завоеваний.

Как предлог для этого предприятия, так и повод были описаны в другом месте в другой связи. Поводом послужила казнь [Конрадина33](#), последнего законного потомка неаполитанских Гогенштауфенов. Когда он стоял на эшафоте, спокойно ожидая своей смерти, мальчик, так как он был еще совсем маленьким, бросил свою перчатку в толпу. Действие говорило само за себя, одно горькое слово "мечь", и партизан, ставший свидетелем этого, быстро опустился на колени, подобрал перчатку и отнес ее в Испанию. Здесь он подарил ее Педро

III, к жене которого Констанции, дочери незаконнорожденного сына Фридриха II, перешли права итальянских Гогенштауфенов.

Педро не забыл ни перчатку, ни ее послание; и когда сицилийцы, поднявшись в гнев на пасхальной [вечерне](#)³⁴, расправились со своими анжуйскими тиранами, именно арагонские корабли принесли им помощь, а Педро бросил вызов анафемам Папы и силе Франции, чтобы согнать его с нового трона.

Все поражения и победы последующих лет, когда арагонские и анжуйские претенденты заливали кровью "королевство" и прилегающий остров, относятся скорее к итальянской, чем к испанской истории, и именно с Кастилией связаны в первую очередь интересы полуострова.

Кастилия в позднее средневековье занимала примерно две трети всей территории Испании, простираясь от Бискайского залива на севере до пределов мавританского королевства Гранада на юге. Как следует из ее названия, она была страной замков, построенных изначально не как крепости незаконных баронов Стефана в Англии для поддержания тирании над деревней, а как военные форпосты на каждом новом этапе отвоевания от ислама. Естественно, те, кто жил в таких форпостах и мог быть разбужен в любую ночь, чтобы принять участие в пограничном набеге или выдержать внезапное нападение, рассчитывали на особые привилегии в качестве компенсации. Так и должно было быть, и благодарные короли Кастилии, чтобы поощрить торговцев, а также рыцарей и принцев селиться на их опасной южной границе, предлагали уступки в виде хартий и доходов с безрассудной расточительностью, от которой другие европейские монархи содрогнулись бы.

Проблемы начались, когда с неуклонным продвижением крестоносных армий форпосты перестали быть форпостами; и все же их жители, что вполне естественно, не видели причин лишать их привилегий и богатств, которые они завоевали в прошлом. Если бы они знали, как использовать свою независимость, когда опасность со стороны мавров уменьшилась, для обеспечения правительства, осознающего национальные нужды и чаяния, Испания могла бы стать политическим лидером Европы. К сожалению, средний кастилец испытывал лишь эгоистическое чувство от преимуществ, которые могла дать свобода, нисколько не осознавая, что обладание ею влечет за собой тяжелую ответственность. Таким образом, он позволил своей стране вырождаться в анархию.

Война казалась естественной атмосферой жизни для кастильца чистых кровей, чьи предки были крестоносцами. Не имея возможности конкурировать в сельском хозяйстве и промышленности с расторопными мусульманами и евреями, оставшимися на завоеванных землях, он решил, что труд, кроме меча, является отличительным признаком рабов; и это прискорбное заблуждение, получившее широкое распространение, стало окончательной гибелью Испании. Оно свернуло ее с истинного пути к национальному процветанию, которое может быть достигнуто только упорным трудом, не позволяя знати и городским представителям понимать друг друга и делая их неспособными к совместным действиям в "кортесах", или национальном парламенте. Заблуждение пошло еще дальше, поскольку из-за него война между знатными и благородными казалась естественным выходом для военного рвения, когда под рукой не было мусульманских войск, на которых можно было бы наточить христианские мечи.

Роль короля в этой стране независимых крестоносцев и аристократических головорезов была сложной и ненадежной. Хотя юридически он не был так связан уступками, как в Арагоне, где ни один король не мог принять закон без согласия кортесов и где "Justiciar", народный министр, оспаривал его верховное право на правосудие, на практике

средневековые кастильские монархи находились в очень большой зависимости от своих подданных.

Генрих II Английский смог сжечь замки своих баронов и повесить некоторых их владельцев, проложив тем самым путь к королевскому верховенству; но короли Кастилии вряд ли могли столь радикальные меры против подданных, обычно более богатых, чем они сами, чьи замки были необходимы как национальные крепости, а их сторонники составляли основную часть христианских армий против мавров. Вместо этого обычаи и обстоятельства, казалось, постоянно заставляли правителей Кастилии предоставлять новые вольности и отчуждать свои земли и доходы в виде постоянных вознаграждений и взяток.

Сиете Партидас".

Это был один из недостатков Альфонсо Ученого, который, несмотря на свое хвастовство: "Если бы я присутствовал при сотворении мира, я бы устроил его лучше", конечно, не был "Мудрым", как его иногда называют. Альфонсо был большим читателем и ученым, опередившим свое время; но лучшим произведением, которое он сделал для своего королевства, была публикация "Семи частей" (Siete Partidas), сборника всех прежних законов Испании, как римских, так и готских, составленных и сведенных в единый кодекс. В остальном, помимо некоторой академической сообразительности, он был тщеславен, непостоянен и поверхностен. Однажды он развелся с женой, а затем, когда новая жена, норвежская принцесса, уже прибыла в испанский порт, решил отослать ее и оставить прежнюю. Эта капризность была в одном ряду с остальными его поступками.

Во время "Великого междоусарствия" ³⁵ Альфонсо был одним из претендентов на императорскую корону, но у него не было ни денег, ни достаточной популярности, чтобы осуществить этот глупый проект, для чего он обложил свой народ непомерными налогами. Он также планировал вторжение в Африку в стиле великого крестового похода, но вместо этого ему пришлось обратить свое внимание на борьбу с непокорными сыновьями. Он умер, не добившись почти ничего, кроме репутации мудрого человека.

Правление Альфонсо X стало прелюдией к полутора векам анархии в Кастилии, периоду, когда мало кто из ее королей мог претендовать на звание "мудрого" или "ученого", и когда четверо из них по несчастливой случайности взошли на трон в детстве, что дало их вельможам дополнительные возможности для реализации собственных амбиций за королевский счет.

Мы уже касались одной борьбы в течение этих полутора веков - горькой вражды между Педро "Жестокий", Нероном Испанским, и его сводным братом Генрихом Трастамарским ³⁶. Список преступлений, в которых обвиняли этого монстра, не имеет конца: от удушения матери соперника и спокойного наблюдения за тем, как его сводный брат, близнец Генриха Трастамарского, был преследуем и зарублен безоружным королевской стражей, до приказа дать молодой невесте, с которой он отказался жить, ядовитые травы, чтобы она умерла.

Чёрный принц, должно быть, почувствовал, что честь его запятнана, когда узнал, на помощь какому брату по оружию он пересёк Пиренеи: он расправлялся с пленными из чистого любопытства, сжигал священника за пророчество о своей смерти и убивал архиепископа в приступе дикости. Наверное, правильнее было бы назвать этого худшего из испанских королей безумцем: многие из его злодеяний были настолько бессмысленными, настолько очевидными шагами к собственной гибели, что оттолкнули тех, кто пытался сохранить верность его делу. Его конец, когда он наступил, порадовал народное сердце и воображение, ведь Педро, согласно преданию, был наконец-то заманен в ловушку коварным

Дю Гесклином, недавно освобожденным из заточения Черным принцем и вновь перешедшим на службу к Генриху Трастамарскому.

Король Педро считал, что каждый человек имеет свою цену, и под предлогом Дю Гесклена, что его можно перекупить, тайно прокрался однажды ночью в палатку француза. Там он обнаружил своего ненавистного брата с несколькими придворными, которые громко кричали: "Смотрите, сеньор, это ваш враг". "Это я! Я!" - яростно закричал Педро, поняв, что его предали, и бросился на брата, а тот набросился на него с кинжалом. Они снова и снова метались в полусвете сальной свечи, пока Педро, одержав верх, не нащупал свое острие, чтобы нанести смертельный удар. Тогда, согласно старой балладе, вмешался Дю Гесклен. "Я не делаю короля и не женюсь на нем, но служу своему господину", - сказал он и перевернул Педро на спину, дав возможность тем, кто стоял рядом, расправиться с ним при помощи ножей. Эта история если и заслуживает доверия с точки зрения преданности Дю Гесклена, то вряд ли с точки зрения его любви к честной игре, но убитый король жил как дикий зверь, и трудно испытывать сожаление, что он умер как зверь, а не в бою как рыцарь.

Дом Трастамара был утвержден на кастильском троне триумфатором Генрихом II. Несколько лет спустя он подарил короля своему восточному соседу, когда королевский дом Арагона угас по мужской линии. Им стал инфант Фердинанд, человек зрелых взглядов, уже завоевавший золотые отзывы за свою честность и государственную мудрость, когда выступал в роли опекуна своего юного племянника Иоанна II Кастильского.

Оба королевства, но особенно Кастилия, еще полвека оставались жертвами гражданских войн и частых периодов анархии. Иоанн II, лишенный мудрого дядино руководства, посвящал свое время сочинению любовных песен и отдавал свою слабую волю королевскому фавориту Альваро де Луна, без согласия которого, по преданию, он не смел даже лечь в постель. Результатом стали постоянные волнения, ведь вельможи ненавидели высокомерного и всемогущего выскочку, который управлял двором по своему усмотрению и постоянно увеличивал свои владения и доходы. Однако, добившись его падения и смерти, они не нашли лучшего правительства, которое могло бы заменить его тиранию.

Генрих IV Кастильский

При сыне и преемнике Иоанна Кастильскому государству пришлось еще хуже: Генрих IV был не просто слаб, но и порочен, так что корона погрязла в трясине скандала и деградации. Правительству любого рода теперь был положен конец. "Наши мечи, - писал современный кастилец, вспоминая это кошмарное время, - использовались не для защиты границ христианства, а для разрывания внутренностей нашей страны..... Среди нас больше всего уважали того, кто был силен в насилии: справедливость и мир были далеки".

Пытаясь спасти свои жизни и состояния от этого крушения, города и деревни создавали *германдады* или "братства", то есть отряды вооруженных людей, которые преследовали и наказывали преступников; но эти лиги без поддержки короны были недостаточно сильны, чтобы справиться с самыми страшными преступниками - богатыми дворянами, которые могли прикрывать свои проступки щедрым подкупом или угрозами.

Фердинанд и Изабель

В этот момент истории Кастилии, когда она опустилась на такую глубину, с которой уже не могла спастись, Генрих IV умер, и на троне его сменила сестра Изабелла, еще девочка, но уже государственный деятель по взглядам и благоразумию. Генрих IV еще при жизни пытался добиться личных преимуществ, устраивая различные браки для Изабеллы, сначала

с французским принцем, затем с королем Португалии и, наконец, с одним из своих собственных никчемных фаворитов, и сестра завоевала его неприязнь своим неуклонным отказом согласиться на любой из этих союзов. Тайно, правда, она вышла замуж за своего кузена Фердинанда, наследника арагонского престола, юношу, уже отличавшегося военными способностями и проницательным здравым смыслом.

Как совместные правители Кастилии и Арагона Исабель и Фердинанд доминировали в Испании и могли навязать свою волю даже самым могущественным из своих мятежных подданных, вернув себе безрассудно отданные короной земли, организовав *Санта-Эрмандад*, или "Святое братство", по образцу предыдущих местных усилий по обеспечению порядка, и сами проводя верховные трибуналы для рассмотрения важных дел о грабежах и убийствах. Этому проявлению власти земля не просто повиновалась, а радовалась, совершенно устав от независимости, злоупотребление которой привело к появлению свободы вместо свободы.

Таким образом, сильная монархия, подобная той, которую Людовик XI смог установить во Франции по окончании Столетней войны, а Тюдоры - в Англии после Войны Роз, была организована и сохранена и в Испании. Под его деспотической властью были утрачены многие народные свободы, но зато был достигнут мир внутри страны, а за границей - слава и почет, превосходящие все ожидания. Вечный крестовый поход против мавров всегда будоражил воображение Европы, а теперь его венцом стало завоевание Гранады, ослепившее их взоры всей пышностью и помпезностью победы, столь дорогой средневековым умам.

Едва успели рассказать об этом чуде, как пришло известие, что генуэзский авантюрист открыл от имени Исабель и Фердинанда испанскую империю с почти сказочными богатствами за Атлантикой.³⁷ К этим триумфам добавились завоевания в Италии, плоды арагонских амбиций Фердинанда.

Слава Испании принадлежит современной, а не средневековой истории; но как мужчина или женщина - это развитие ребенка, так и эта первая нация Европы, какой она стала в XVI веке, оказалась результатом качеств и пороков более ранней эпохи. Прежде всего, как и следовало ожидать, она стала нацией воинов, вдохновленных пылкой католической верой, высокомерных и амбициозных. К ее силе добавилась роковая слабость, порожденная тщеславием и узким кругозором, - нетерпимость, которая восхищала безжалостную инквизицию Фердинанда и Исабель и радовалась изгнанию тысяч бережливых евреев и мавров.

Испания была прирожденным завоевателем среди народов, но то, что она завоевала, не научилось ни сочувствию, ни приспособляемости к управлению. Поэтому империи, завоеванной ее мужеством и стойкостью, суждено было ускользнуть из ее рук.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Сарацинское владычество в Испании	711-1031
Сид	(умер) 1099
Яков I Арагонский	1213-76
Педро III Арагонский	1276-85
Альфонсо X Кастильский	1252-84
Педро I Кастильский	1350-69

Иоанн II Кастильский	1407-54
Генрих IV Кастильский	1454-74
Изабелла I Кастильская	1474-1504
Фердинанд II Арагонский	1479-1516

XX

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Рудольф I

Вступление Рудольфа [Габсбурга](#)³⁸ на пост короля римлян в 1273 году стало поворотным пунктом в истории средневековой Германии. До сих пор личные или имперские амбиции мешали даже благонамеренным императорам использовать все свои силы против анархии внутри страны, а некоторые, как Фридрих II, сознательно игнорировали интересы Германии. В результате шел неуклонный процесс дезинтеграции, усугубляя расовую и классовую вражду; но теперь, наконец, традиция была прервана, и был избран император, готовый отказаться от славы господства над Римом и Ломбардией ради создания нации к северу от Альп.

Само избрание было несколько неожиданным, ведь Рудольф принадлежал к малоизвестной и далеко не богатой семье, владевшей территорией в Эльзасе и среди швейцарских гор. Для современного мира интересно то, что человек, который оказал наибольшее влияние на выбор курфюрстов и тем самым помог поставить Габсбурга ногами на лестницу величия, был Гогенцоллерном.

Граф Рудольф к моменту своего избрания был человеком средних лет, обладавшим значительным военным опытом, добродушным, простым и решительным. Он завоевал любовь своих вассалов, помогая им в борьбе с несправедливыми требованиями местных тиранов, таких как феодальные епископы или бароны, которые строили замки среди скал и рассылали вооруженных отрядов для преследования купцов и путешественников. В одном из рассказов говорится о том, как он с небольшим отрядом смело выступил против разбойничьей крепости, побуждая гарнизон выступить и напасть на него. Однако когда разбойники приблизились, то к своему ужасу обнаружили, что за каждым из их конных противников сидит еще один вооруженный человек, и поэтому, будучи безнадежно превзойденными и обманутыми, они были вынуждены сдаться или бежать.

Рудольфу понадобились все его военные способности, когда он был избран императором; ведь самый могущественный правитель центральной Европы того времени, король Богемии Оттокар, отказался признать его, будучи в ярости от того, что сам он не получил ни одного голоса, в то время как его господином был избран безвестный граф со швейцарских гор. Правда заключалась в том, что Оттокар был известен как высокомерный и вспыльчивый человек, так что все курфюрсты его боялись; и было всеобщее ликование, когда в битве с королем Рудольфом под Веной он был убит и трон Богемии перешел к его сыну, двенадцатилетнему мальчику.

Эта победа стала настоящим началом судьбы Габсбургов; ведь Рудольф, конфисковав австрийские провинции Каринтию, Штирию и Карниолу, принадлежавшие его сопернику, утвердил свою семью в качестве одной из великих территориальных держав империи. К сожалению, его характер, казалось, портился с успехом, а жадность к землям и власти росла с приобретением.

Вместо того чтобы найти в Рудольфе защитника своих свобод, его крепкие швейцарские вассалы теперь должны были защищаться от его посягательств; и в 1291 году некоторые из них в целях самообороны образовали так называемую "Вечную лигу", чей договор, составленный несколько лет спустя в упрощенной форме, является для швейцарцев такой же священной хартией вольности, как Магна Чарта для англичан.

"Знайте, все люди, - говорилось в нем, - что мы, жители долины Ури, община долины Швиц и горцы Нижней долины, видя злобу времени, торжественно договорились и связали себя клятвой помогать и защищать друг друга всеми силами и средствами, жизнью и имуществом, как в пределах, так и за пределами наших границ, каждый за свой счет, от любого врага, который попытается помешать нам, будь то по отдельности или совместно".

Это была первая "Швейцарская конфедерация", объединение трех провинций - Ури, Швиц и "Нижняя долина", или "Унтервальден"; но Рудольф умер в том же 1291 году, так что борьба швейцарцев за свободу началась против его сына, Альберта Австрийского.

Рудольф, несмотря на конкордат, который он заключил с папой, отказавшись от претензий на папскую территорию, так и не побывал в Италии, чтобы короноваться императором, поэтому он умер просто "королем римлян"; курфюрсты Германии привели это в качестве одного из оправданий, чтобы не выбрать сразу его сына в качестве преемника.

Как и Оттокар, Альберт был властолюбив и честолюбив; после смерти отца он сразу же получил во владение все семейные владения, не позволив ни одному из них перейти к графу Иоанну Габсбургскому, сыну своего старшего брата, умершего за несколько лет до этого. Альберт был настойчивым человеком, когда очень сильно желал чего-либо, и, не сумев с первого раза избраться императором, он принялся завоевывать друзей и союзников среди влиятельных семей по всей Германии. Он был настолько успешен, что когда в 1298 году появилась новая вакансия императора, выбор курфюрстов пал на него.

Эта реализация его амбиций подстегнула Альберта к новым усилиям. Теперь он был властелином империи, но в его собственных владениях среди швейцарских гор его воля часто оспаривалась горожанами и крестьянами, которые утверждали, что имеют императорское разрешение на свою независимость. Как император, Рудольф мог отменить привилегии, легкомысленно дарованные предшественниками, которые не были Габсбургами; с этой целью он отправил судебных приставов и управляющих управлять от своего имени с приказом принуждать к полному подчинению его требованиям.

Что касается последовавших за этим событий, то художественная литература выстроила вокруг фактов удивительную историю, которая, независимо от того, правдива или ложна в своих основных происшествиях, является характерной для средневековой швейцарской смелости и подходящим введением к великой национальной борьбе за свободу.

Гесслер, как гласит легенда, был самым ненавистным из всех австрийских губернаторов Альберта. Он был настолько узок в своих взглядах, что ненавидел, когда крестьяне строили

себе каменные дома, а не жили в глинобитных лачугах, и использовал любую возможность, чтобы унижить и притеснить их.

История Вильгельма Телля

Однажды на рыночной площади одного из главных городов он установил на шесте шляпу и приказал каждому прохожему салютовать ей. Некий Вильгельм Телль, то ли по упрямству, то ли по неосторожности, не сделал этого, на что Гесслер, узнавший, что он лучник, приказал ему в наказание выстрелить в дальнее яблоко, положенное на голову его сына. Напрасно отец умолял вынести ему какое-либо другое наказание: Гесслер только смеялся. Видя, что уговоры бесполезны, Телль взял два древка и одним из них пронзил яблоко насквозь. Гесслер был раздосадован его успехом и, недоверчиво глядя на него, спросил: "Что же тогда означает вторая твоя стрела? Лучник заколебался, и только после того, как ему пообещали сохранить жизнь, если он ответит правду, он заговорил. Тогда он сказал прямо: "Если бы я ранил моего ребенка, моя вторая стрела не промахнулась бы мимо твоего сердца". Горожане зааплодировали, но губернатор был разгневан таким смелым ответом. "Воистину, - закричал он, - я обещал тебе жизнь, но я брошу тебя в темницу, где никогда больше ни солнце, ни луна не будут падать на тебя своими лучами". Далее в легенде рассказывается, как, будучи связанным и тщательно охраняемым, галантный лучник совершил побег и, спрятавшись в кустах неподалеку от дороги, по которой Гесслер должен был пройти к своему замку, выстрелил в него и скрылся. Это древко Телля, - сказал умирающий, падая с коня. Своей смелой борьбой с тираном Вильгельм Телль стал одним из национальных героев Швейцарии.

К счастью для швейцарцев, Альберт был так занят в качестве правителя всей Германии, что не мог уделять столько внимания усмирению своих мятежных вассалов, сколько ему хотелось бы; и когда он наконец нашел время посетить свои владения, как раз когда он был почти в поле зрения фамильного замка Габсбургов, он был убит, но не крестьянином, а своим племянником графом Иоанном, который считал, что его несправедливо лишили наследства.

Попытка привести швейцарцев к покорности выпала на долю младшего сына короля Альберта, герцога Леопольда, юноши, который презирал крестьян своих родных долин так же искренне, как французы своего "Жака Бонхомма". Его армия, беспечно бредущая по швейцарским горам, без строя и пикетов, напоминала охотничий отряд, ищущий развлечений на день; на седлах всадники несли связки веревок, чтобы вешать мятежников и связывать скот, который они рассчитывали захватить в качестве трофеев.

Не встречая сопротивления, герцог Леопольд начал подниматься по замерзшему склону Моргартена; и здесь, продвигаясь между высокими хребтами, он оказался в смертельной ловушке. С высоты швейцарцы лесных кантонов обрушили на него смертоносный огонь камней и снарядов, которые повергли лошадей в смятение, поскользнувшись и упав на гладкой поверхности тропы. Затем со всех сторон спустились небольшие отряды крестьян, вооруженных алебардами, которые так уверенно держались на ногах среди снега и льда, что срубили большую часть войск герцога, прежде чем те смогли освободиться и найти безопасную землю.

Леопольд спасся, но, по словам его летописца, "растерянный и с лицом, похожим на смерть", он ускакал с места бойни. Его поражение подтвердило независимость Швейцарии, а вокруг ядра лесных республик вскоре собрались другие, связанные федеративным союзом, который, обеспечивая безопасность всех, гарантировал каждому его свободу.

Карл Смелый

За полную независимость Швейцарии еще предстояло побороться; одна из самых важных кампаний произошла в конце XV века и была направлена против одного из полководцев Европы, Карла, герцога Бургундского, сына и преемника Филиппа Доброго, сыгравшего столь значительную роль во второй половине Столетней войны³⁹.

Этот Карл Смелый, которого иногда называли также "Бесшабашным" или "Грозным", был во многих отношениях типичным средневековым солдатом. С детства он любил поединки - не пышные турниры, в которых он, как наследник герцогства, мог рассчитывать на безопасное и эффектное проявление рыцарской храбрости, а настоящие состязания, в которых, замаскированные в простые доспехи, его сила и мастерство могли в одиночку завоевать ему лавры и избежать смерти. Сильный и здоровый, храбрый и стремительный, он любил атмосферу войны со всеми ее опасностями и трудностями. "Я никогда не слышал от него жалоб на усталость, - писал Филипп де Коммин, французский историк, одно время находившийся на его службе, - и я никогда не видел в нем признаков страха".

К таким качествам, как храбрость и выносливость, Чарльз добавил недостатки, которые часто становились его ошибкой - вспыльчивость, нетерпение и склонность недооценивать ум противников. Его умный, амбициозный мозг постоянно строил планы, но он не понимал, что у него нет ни умения, ни политического видения, чтобы держать в огне множество утюгов, не позволяя одному из них раскаляться, а другому - остывать.

Как и все средневековые правители Бургундии, он столкнулся с проблемой своего среднего королевства с его многочисленным торговым населением, чьи торговые интересы должны были учитываться наряду с его собственными территориальными амбициями. Для правителей Франции и Империи он был главным арендатором разных провинций, и любой из них мог причинить ему неудобства, посеяв смуту среди его подданных, или же объединиться с ним в угоду своим интересам, чтобы бросить вызов власти другого.

Сначала Карл пытался увеличить свои территории на западе за счет Людовика XI Французского и даже одержал несколько громких побед, но постепенно он обнаружил, что в дипломатии ему не сравниться с этим проницательным королем, "вселенским пауком", как окрестил его современник; тогда он обратил внимание на свои восточные границы.

Здесь он обнаружил, что один из Габсбургов, Сигизмунд Тирольский, ввязался в ссору со швейцарскими кантонами и был вынужден пообещать им большую сумму денег, которую он был не в состоянии выплатить. Когда Карл предложил одолжить ему требуемую сумму, если он передаст в качестве залога свои провинции Эльзас и Брейсгау, Сигизмунд, не видя другого выхода, неохотно согласился. Перспектива возврата долга была столь отдаленной, что герцог Бургундский сразу же начал управлять заложенными территориями, как будто они были его собственными, и мог бы спокойно присоединить их к своим владениям, если бы французский "Паук" не решил вмешаться в игру. Людовик XI так и не простил Карлу его неуклюжих попыток отнять у него французские территории, и теперь, плетя паутину, которая должна была опутать бургундца и погубить его окончательно, он тайно указывал швейцарцам, насколько более опасным соседом был Карл Смелый, чем Сигизмунд Бескопый. Он предложил Сигизмунду отказаться от всех претензий Габсбургов на города и земли, принадлежащие кантонам, а кантоны взамен обязуются оплатить восстановление утраченных провинций.

Этот компромисс был в конце концов достигнут, и возмущенного Карла призывали вернуть земли, которые он уже считал своими. Вместо того, чтобы подчиниться, он обратился с уговорами и к Людовику, и к императору, причем с таким успехом, что когда швейцарские

войска вторглись в Эльзас, чтобы отвоевать эту провинцию для Сигизмунда, они оказались без могущественных союзников, на поддержку которых рассчитывали.

Битвы при Грансоне и Морате

Карл, всегда склонный переоценивать свое значение, теперь считал, что в его силах раз и навсегда сокрушить этих самонадеянных бюргеров. С великолепно оснащенной армией в пятьдесят тысяч человек и новой тяжелой артиллерией, которая уже начала превращать поля сражений в ад, он перешел горы Юра и двинулся к городу Грансону, занятому швейцарцами. Он быстро взял его, повесив весь гарнизон на деревьях у ворот в знак того, что намерен расправиться с мятежниками, и продолжил свой путь, так как узнал, что поблизости собралась армия кантонов, всего около восемнадцати тысяч человек.

На склоне виноградника он вскоре увидел их авангард, стоящий на коленях с распростертыми руками. "Эти трусы - наши", - презрительно воскликнул он и тут же приказал своей артиллерии открыть огонь; он думал, что крестьяне молят о пощаде, тогда как, веря, что Бог на их стороне, они на самом деле стояли на коленях в молитве. Сбитые в кучу, швейцарцы устояли на ногах, и Карл, чтобы сбить их с сильной позиции, приказал части своей армии отступить, как будто в бегстве. Эту уловку не поняли его собственные бургундцы, тем более что в момент получения приказа они видели, как главные силы швейцарцев быстро продвигаются по противоположным высотам и трубят в свои знаменитые боевые рога. Возникло замешательство, и вскоре, по словам старого швейцарского летописца, "бургундцы бросились наутек и исчезли из виду, словно их смахнул с земли вихрь".

Такова была неожиданная победа Грансона, благодаря которой в руки швейцарцев попали шелковые шатры и повозки самого богатого и роскошного правителя Европы. Ковры и фламандские кружева, тонкий лен и драгоценности, вышитые знамена, великолепное чеканное и гравированное оружие - таковы были некоторые из сокровищ, образцы которых до сих пор хранятся в музеях кантонов.

Карл потерпел поражение, "побежденный деревенщинами, которых не было бы чести покорить", как выразился король Венгрии на рыцарском языке того времени. Такой позор усилил решимость бургундцев продолжать войну; швейцарцы же, в свою очередь, укрепились в своем решении, увидев висящий на деревьях гарнизон Грансона.

Врагов в три раза больше, чем в Грансоне, но пусть никто не тревожится. С Божьей помощью мы перебьем их всех". Так говорил один из швейцарских вождей накануне битвы при Морате, где жестокая рукопашная схватка свела бургундскую пехоту на нет и обратила герцога с несколькими всадниками в стремительное бегство с поля боя.

Дважды потерпев поражение, мудрый принц мог бы подумать о мире с теми, кто, хотя и был деревенщиной, оказался более чем равным ему; но Карл, храбрый солдат, не признал, что его собственное плохое полководческое искусство во многом способствовало его бедствиям. Вместо этого он предпочитал верить в удобное, но несколько тонкое оправдание неудач - "невезение" - и пророчил, что удача повернется к нему лицом, если он будет упорствовать.

Сомневаясь больше в способностях своего правителя, чем в его богатстве, фламандцы, нехотя выделив деньги на новую кампанию, просили своего герцога заключить мир. Его бывшие союзники, некогда ослепленные его именем и богатством, собирались покинуть его: но Карл был глух как к намекам на благоразумие, так и к рассказам о предательстве.

У города Нанси он в третий раз встретился со швейцарцами, и снова знаменитые рога, "бык" из Ури и "корова" из Унтервальда, прокричали призывы к победе, а бургундцы, вдохновленные предательством или предчувствием поражения, повернули и бежали. Никто не знал, что случилось с герцогом, пока один из пленных пажей не сообщил, что видел, как его рубили, когда он упорно сражался с огромным числом людей. Позже его тело было обнаружено, раздетое ради богатых доспехов и наполовину погруженное в замерзшее озеро.

Так достойно погиб Карл "Стремительный", оставив репутацию воина, которую он с радостью заслужил, своим врагам - швейцарцам, которые теперь считаются одними из непобедимых ветеранов Европы.

* * * * *

Голос свободы так громко прозвучал в лесных кантонах, что средневековая Европа была вынуждена признать ее притязания, а в других местах также открыто действовали демократические силы. В предыдущих главах мы говорили о "Коммунах" северной Франции и Италии, развитых в своей цивилизации, современных в своих требованиях к самоуправлению. По крайней мере, в Италии они были достаточно сильны, чтобы сформировать лиги и победить императоров; но коммерческая ревность и классовая вражда всегда мешали этим союзам перерасти в федерацию.

Это относится и к южной Германии, где такие города, как Аугсбург и Нюрнбург, стали центральным пунктом торговли между Восточной и Западной Европой, а также между Венецией, Генуей и землями к северу от Альп, соперничая по богатству и роскоши со средиземноморскими портами. В такие периоды, как "Великое междуцарствие", когда германские короли были не в состоянии сохранить мир и порядок, именно объединения этих городов посылали молодых бюргеров на борьбу с рыцарями-разбойниками, которые были вредителями сельской местности, и на защиту товаров, от которых зависело их общее состояние.

Союз для очевидных целей обороны был, таким образом, политическим оружием, выкованным в ранних городских анналах; но, с другой стороны, лишь постепенно бюргеры и горожане стали осознавать преимущества постоянного объединения для других целей, таких как расширение торговли или обеспечение стабильного правительства.

Такая ограниченность взглядов отчасти объясняется тем, что средневековые города в один и тот же момент находились на самых разных стадиях развития. Некоторые из них только выходили из зависимости от местного епископа или графа за счет уплаты огромных пошлин, то же время другие, хотя и пользовались значительной свободой в торговле, все еще были вынуждены подчиняться магистратам, назначаемым соседним владыкой. И опять же, привилегированные немногие были бы "свободными" городами, полностью самоуправляемыми и подчиняющимися только императору. Возможно, некий мастер мог бы объединить все эти противоречивые системы управления в федерацию, которая помогала бы и защищала интересы всех, но, к сожалению, средневековый разум был рабом заблуждения, что коммерческая выгода может быть получена только за счет кого-то другого.

Жители одного города ненавидели и боялись процветания другого и были убеждены, что пределом долга перед соседом являются их собственные городские стены. Ничто так не противоречит современным кодексам братства, как мнение раннего Средневековья по поводу кораблекрушений. Мужчины и женщины тех времен не видели ничего предосудительного в том, чтобы благочестиво просить Бога в публичной молитве о хорошем

крушении или рассматривать потерпевшего кораблекрушение моряка или купца, выброшенного на скалы, как добычу, которую нужно бить по голове и ощипывать.

Города Северной Германии в полной мере разделяли эту первобытную дикость, но они узнали секрет сотрудничества, который совершенно упустили их богатые южные соседи, и на какое-то время стали политической силой с мировым именем.

Ганза

Таким был торговый союз "Ганза", образованный вначале несколькими главными портами - Любеком, Данцигом, Бременом и Гамбургом, расположенными на Балтийском или Северном море, но впоследствии, по мере осознания ценности взаимной поддержки и обязательств, увеличившийся до союза восьмидесяти и более городов.

Право в Средние века было скорее личным, чем территориальным, то есть человек, отправляясь за границу, не судился и не защищался законом той страны, в которую ехал, а вез с собой свой собственный закон. Если этого закона практически не существовало, как, например, в Германии в годы анархии, когда Священная Римская империя была основательно дискредитирована в глазах Европы, у купца оставался небольшой шанс защитить себя и свои товары.

Именно здесь, когда императоры и короли римлян потерпели неудачу, вмешался Ганзейский союз, который содержал в чужих городах центры, где купцы этих городов, входящих в Лигу, могли размещать и хранить свои товары, а постоянные представители Лиги могли обращаться к правительству страны с исками от имени купцов, пострадавших от грабежа или насилия.

Уже в десятом веке немецкие торговцы получили привилегии на английских рынках, поскольку в кодексе Этельреда "Красного" мы находим следующее утверждение: "Люди императора были признаны достойными хороших законов, как и мы сами".

Позже для удобства имперских купцов были созданы "стальные дворы", или склады, похожие на фламандские "штапельные города"; благодаря энергии Ганзейского союза они стали процветающими торговыми центрами, уважаемыми королями Англии, хотя и вызывающими ревнивую неприязнь у их подданных.

Однако защита купцов, принадлежащих к "Ганзе", во время их пребывания в чужих странах вскоре стала лишь малой частью обязанностей Лиги по отношению к тем, кто требовал ее привилегий. Купец должен был безопасно добираться до своего рынка по суше и по морю; но в Северной Германии ему приходилось опасаться не только рыцарей-разбойников, но и национальных врагов: враждебных славянских племен, которые нападали на него, когда он ехал на восток, на знаменитый русский рынок в Нижнем Новгороде, чтобы договориться о покупке мехов, сала и жира; или еще более опасных скандинавских пиратов, которые пытались потопить его судно, когда он пересекал Балтику или пробирался через датские острова.

Одним из главных источников ганзейских богатств было рыболовство, поскольку закон, согласно которому каждый христианин должен воздерживаться от мяса в течение сорока дней Великого поста и еженедельного пятничного поста, делал рыбу жизненной необходимостью в Средние века даже в большей степени, чем в наши дни. Теперь самой дешевой рыбой для озабоченных домохозяек была соленая сельдь, и по мере того, как сельдь кочевала из одного океана в другой, она делала и не делала судьбы городов. С середины двенадцатого до середины пятнадцатого века она выбирала Балтику в качестве

убежища от китов Северного моря и тем самым строила процветание Любека, как и разрушала его, когда уплывала к берегам Голландии.

Два месяца в году северогерманские рыбаки ставили сети для своей добычи, когда она миллионами проплывала через узкие проливы мимо побережья Скании; но здесь у "Ганзы" были проблемы, поскольку Скания, один из самых южных районов современной Швеции, была тогда датской провинцией, а датчане, которые были скорее воинами, чем торговцами, люто ненавидели немцев.

NOTE. U. = Unterwalden. The Empire is shaded

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СРЕДНИЕ ВЕКА

В раннем средневековье мы видели Скандинавию как родину норвежских пиратов, как мать расы завоевателей мира, норманнов, а при Кнуде, правившем в Англии, Норвегии и Дании, как строителя империи. Последний идеал никогда не был окончательно забыт, поскольку еще во время Столетней войны король Дании Вальдемар III планировал помочь своему французскому союзнику, вторгнувшись в Англию; но необходимых денег не нашлось, а другие, более насущные политические проблемы вмешались и остановили его.

Вальдемар унаследовал от своих норвежских предков тягу к пиратству, которым он занимался с неугомонной, беспринципной энергией, весьма утомительной для его народа. Иногда это приносило ему победу, но чаще - катастрофу, по крайней мере, для его земель. "Во всем королевстве, - пишет недовольный датчанин, - не оставалось времени для еды, отдыха, сна - ни одного времени, когда люди не были бы вынуждены работать на приставов и слуг короля, рискуя потерять его королевскую милость, свои жизни и имущество". За свое упорство Вальдемар получил прозвище "Аттердаг", или "Есть еще один день": он хвастался тем, что у него всегда есть время вернуться к любой задаче, к которой он приложил свое сердце.

Главным стремлением Вальдемара было сделать Данию верховной державой в Северной Европе, и в попытках достичь этой цели он постоянно заключал союзы с Норвегией и Швецией, которые распадались и ввергали его в войны. Ганзейские города он ненавидел и презирал, и в 1361 году, движимый этой враждой, он пообещал своей армии, что "поведет их туда, где достаточно золота и серебра, и где свиньи едят из серебряных корыт". Он имел в виду Висби, столицу Готланда, которая под опекой и контролем северогерманских купцов превратилась в процветающий центр балтийского селечного промысла. Под неожиданным натиском Вальдемара город с сорока восемью башнями, возвышающимися над морем, был подожжен и разграблен.

Поскольку Готланд был шведским островом, месть за это оскорбление по закону не полагалась Ганзе, но, понимая, что удар был направлен в первую очередь против ее торговли, она отправила флот на север, чтобы сотрудничать со шведами и норвежцами. Это привело к одному из величайших бедствий, когда-либо постигших Ганзейский союз, поскольку союзники не появились, а ее флот, превосходящий по численности, был разбит и уничтожен.

Вальдемар, обрадованный успехом, решил разорить северных немцев и продолжил агрессивную политику с еще большим рвением, но в этом он допустил политическую ошибку. Многие города, особенно те, что не находились на Балтике, были апатичны, когда началась борьба с датским королем: они не хотели платить налоги даже за победу и гневно отвергали финансовую ответственность за поражение. Только когда они осознали, что в результате постоянных нападений датчан на карту поставлено само существование Лиги, родилось новое общественное мнение, и в Кельне в 1367 году было принято решение возобновить кампанию против короля Вальдемара, в которую каждый город должен внести свой вклад.

Если какой-либо город откажется помочь, - гласило объявление о решениях собрания, - его мещане и купцы не будут иметь сношений с городами немецкой Ганзы, не будут покупать у них товары или продавать им, не будут иметь права въезда или выезда, погрузки или разгрузки в любой гавани".

Результат энергичной политики Лиги был полностью успешным и вынудил беспринципного Вальдемара, который вскоре оказался в неудобном положении, собрать все деньги, которые он мог, и отправиться с визитами к различным европейским дворам. Он оставил свой народ на произвол судьбы, которую он ему уготовил, и за время его отсутствия Копенгаген был разграблен, а датчане вынуждены были заключить Штральзундский договор, по которому Лига получала контроль над всеми крепостями вдоль побережья Скаании на пятнадцать лет.

Теперь Ганза получила господство на Балтике, а поскольку для гарнизонирования крепостей и патрулирования морей требовались постоянная армия и флот, Лига северных городов не растаяла, как это произошло в Южной Германии, Италии или Франции, как только была достигнута временная безопасность. Каждый город продолжал управлять своими делами, но проводились федеральные собрания, на которых обсуждались вопросы общего налогообложения и внешней политики, а те города, которые отказывались подчиняться ранее принятым решениям, "отлучались", то есть лишались своих привилегий.

Даже императоры, принципиально осуждавшие лиги по старому опыту Гогенштауфенов, уважали, если не любили "Ганзу", выполнявшую на севере национальную полицейскую работу, на которую сами были совершенно неспособны.

Император Карл IV, посетив Любек, обратился к главным городским чиновникам "Мои господа!", а когда они, заподозрив такую лесть, отнеслись к нему с недоверием, ответил: "Вы действительно господа, ибо из старейших имперских реестров известно, что Любек - один из пяти городов, которые присвоили себе герцогский ранг в имперском совете". Летописец с гордостью добавляет, что таким образом Любек был признан равным Риму, Венеции, Флоренции и Пизе.

Во второй половине XIV века Ганзейский союз находился на пике своего могущества; хотя политическому гению королевы Маргариты, дочери Вальдемара III, удалось объединить Данию, Норвегию и Швецию соглашением, названным "Кальмарской унией", а также заставить Ганзу сдать крепости на побережье Скании, но даже создание этой огромной скандинавской империи не смогло поколебать господство Германии на Балтике. При преемниках Маргариты Кальмарская уния превратилась в датскую тиранию, а поскольку она была результатом династического урегулирования, а не какого-либо национального движения, то вскоре потерпела крушение на фоне всеобщего недовольства и гражданских войн.

Сам Ганзейский союз, хотя и просуществовал как политическая сила весь XV век, постепенно пришел в упадок и утратил связь с коммерческим мировоззрением эпохи. Отчасти этот упадок можно объяснить тем, что в Германии не было активной национальной жизни, которая могла бы подпитывать жизнеспособность союза, но также и устойчивой тенденцией городов отдаляться друг от друга и погружаться в местные интересы своих провинций.

Однако настоящим ударом по престижу Лиги стал уход сельдевых судов с Балтики к берегам Амстердама. Ганза сосредоточила свои торговые интересы на Балтике, а когда Балтика ее подвела, она оказалась не в состоянии конкурировать с голландскими и английскими торговцами, которые уже были хозяевами Северного моря.

Другие, более авантюрные соперники открывали торговые пути вдоль африканского побережья и через Атлантику, но Ганзейский союз с его жесткой и ограниченной концепцией коммерческих интересов был похож на кормилицу, все еще держащую за руку детей, которые должны были быть в состоянии сами за себя постоять. Некогда защищавшая своих купцов, она превратилась в ограничитель индивидуальной предприимчивости, и так, принадлежа к духу Средневековья, вместе со Средними веками ушла в прошлое.

Тевтонские рыцари

Другой средневековый институт, которому также суждено было прийти в упадок и окончательно исчезнуть, был близким союзником Ганзейского союза, а именно Тевтонский рыцарский орден. Перенесенный, как мы уже [отмечали](#)⁴⁰, после падения Латинской империи в Малой Азии на берега Балтики, орден оправдывал свое существование вечной войной с язычниками - литовцами и пруссами, возводя крепости и основывая колонии немецких поселенцев, примером которых служил Карл Великий и его франки.

Пока еще оставались язычники, которых нужно было покорить, рыцарей горячо поощрял Папа Римский, и их поля сражений были популярным местом для рыцарства почти всех стран Европы, соперничая в своих притязаниях с лагерями Валенсии, Мурсии и Гранады.

На родине орден пользовался меньшей популярностью. Например, в Польше, которая поначалу приветствовала рыцарей как оплот против северного варварства, постепенно

пришло неприятное осознание того, что крестоносцы, закрепив за ней территории Ливонии, Курляндии и Пруссии, отрезали ее от прибыльной морской торговли.

Польша была самым восточным из тех государств, которые в средневековые времена номинально подчинялись императорам Священной Римской империи. Она приняла христианство из Рима и была таким образом втянута в сеть западной жизни - в отличие от России, или, как ее называли, царства Русь, которое было обращено миссионерами из Константинополя и чьи князья и княгини с середины XIII до середины XV века находились в подчинении у монгольских владык в Сибири.

Поляки были храбры, горячо преданы своему роду, упорны в своей вражде, и ни в чем не уступали немецким рыцарям, чей военный гений и дисциплина так часто мешали их амбициям. Ссоры и войны велись постоянно, но самая смертельная рана, нанесенная поляками, стала результатом не победы, а брачного союза.

В 1387 году, вскоре после смерти Людовика Великого, который был королем Венгрии, и Польши, поляки предложили свою корону литовскому князю Ягелло при условии, что он женится на одной из дочерей Людовика и станет христианином. Соблазн королевства вскоре одолел религиозные угрызения Ягелло, и он отбросил своих старых богов и был крещен как Ладислас V, став основателем династии Ягелланов, которая продолжала оставаться на тронах Польши и Литвы на протяжении всего Средневековья.

Обращение литовцев, которые, независимо от своих убеждений, были вынуждены на острие копья принять новую веру Ягелло, полностью подорвало позиции Тевтонского ордена, который, окруженный соседями-христианами, больше не имел крестового похода, чтобы оправдать свои притязания. Папы перестали посылать свое благословение Великому магистру и заговорили о возможности его подавления, а рассказы о безнравственности и скупости, преследовавших тамплиеров, повсюду шептались в уши желающих.

На своей территории влияние рыцарей также ослабевало, поскольку сама природа их обетов делала их правление лишь военным господством, и, как только страх перед языческим вторжением был снят, немецкие колонисты начали возмущаться. Обреченные на безбрачие, рыцари не могли воспитать наследственных преемников, с детства сочувствующих нуждам балтийской провинции; но, старея и умирая, они должны были уступать место рекрутам из отдаленных районов Германии, которые могли лишь на собственном опыте заново изучать нравы и традиции тех, кем они управляли.

В этих новых условиях забылось то доброе дело, которое Тевтонский орден сделал, спасая Северную Германию от варварства. Ослабленный недовольством внутри своего государства, он стал неизбежной жертвой польской вражды, и в битве при Танненберге его Великий магистр и многие ведущие рыцари были убиты. Смелость и решительность тех, кто остался, не позволили в полной мере воспользоваться плодами этой победы до 1466 года, когда по Торнскому договору Польша получила всю западную Пруссию, включая важный город Данциг, что дало ей давно желанный контроль над Вислой и балтийский морской порт, а также сковало ее врагов в узкой полосе восточной Пруссии.

Людовик Великий

Южным соседом Польши было Венгерское королевство, с которым она на короткое время объединилась при Людовике Великом, "Знаменосце Церкви", как его назвал благодарный Папа за победы над магометанами. Помимо борьбы с турками, у Людовика были и другие

военные замыслы. Одним из его стремлений было господство в Восточной Европе, и с этой целью он постоянно атаковал и ослаблял Сербскую империю, которая, как казалось, могла стать его главным соперником. Он также боролся с венецианцами за владение далматинским побережьем, а в одной из следующих глав мы увидим, что он стремился стать королем Неаполя после убийства своего брата князя Андрея, мужа Жанны I.

Людовик был настолько успешен в войне с венецианцами, что смог отнять у них Далмацию и потребовать ежегодную большую дань. Это уже само по себе было достаточным достижением, чтобы завоевать ему репутацию в Европе, ведь "королеву Адриатики" было трудно смирить; но Людовик также завоевал всеобщее восхищение своим просвещенным правлением. Осознав, как глубоко его земля была изранена расовой враждой, например, между чехами и мадьярами, которая донесла свою горечь до наших дней, он взялся за разработку справедливых законов, которые старался соблюдать с беспристрастной справедливостью, а не отдавать предпочтение одной расе за счет другой. Он также превратил свой двор в центр культуры и образования, где его дворяне могли развивать свой ум и манеры, а также владеть мечом.

Одним из главных помощников Людовика в этом деле цивилизации был император Карл IV, которого мы уже видели, когда он делал комплименты жителям Любека. Дружба продолжалась несколько лет, пока некоторые принцы империи, уставшие от правления Карла, не начали сравнивать двух монархов, одного столь неповоротливого, а другого - военного героя, и предлагать свергнуть повелителя в пользу знаменитого короля Венгрии. Людовик с негодованием отверг этот заговор; но Карл, который вряд ли поступил бы так же в подобном случае, не мог заставить себя поверить ему и в гневе начал грубо оскорблять королеву-мать Венгрии, которой, как он знал, был предан ее сын. Это привело к упрекам и, наконец, к войне, в которой Карл был так основательно побежден, что запросил мира; а внешняя дружба была восстановлена браком сына императора, Сигизмунда Люксембургского, с дочерью Людовика Марией.

Когда Людовик умер, Польша, которая никогда не подчинялась его власти, отдалась, как мы видели, королю Литвы Ягелло, а венгры, после нескольких лет анархии, выбрали своим королем Сигизмунда Люксембургского.

* * * * *

Дом Люксембургов был в позднее Средневековье главным соперником Габсбургов и дал империи несколько самых интересных правителей. Один из них, император Генрих VII, относится к более раннему периоду, чем тот, с которым мы только что имели дело, поскольку он был дедом Карла IV. Это был галантный и рыцарственный рыцарь, который, если бы не его неудачная внешняя политика, мог бы проявить себя как хороший и мудрый король.

Данте, величайший из итальянских поэтов, живший во времена Генриха VII, сделал его своим героем и надеялся, что он спасет мир, установив господство гибеллинов, которые реформируют церковь и государство. Генриха VII погубило то, что он вместе с Данте поверил в то, что призван к этой невыполнимой миссии, и перешел Альпы, чтобы попробовать свои силы в улаживании итальянских распрей. Германия больше не видела его, так как вскоре после коронации в Риме он заболел и умер, отравившись, как говорят, в чаше вина, которую ему поднес священник на мессе.

В Германии начались раздоры, и только в 1348 году королем римлян был избран другой представитель дома Люксембургов. Это был Карл IV, человек совсем иного склада ума, чем его дед. Для Карла Италия не была приманкой: он перешел Альпы только потому, что понимал, что короноваться Папой как император повышает престиж правителя Германии, и его нисколько не смущало, что его принимали без всякой помпезности и уважения, только с подозрением и умоляющими требованиями. Как только церемония закончилась, он поспешил вернуться в свое королевство, оставив глухим ухом все жалобы и предложения итальянцев.

Это поспешное путешествие было, конечно, недостойным для императора мира; но Карл, сбежавший в юности с поля битвы при Креси, никогда не был героической личностью. Ни мысли о славе, ни о долге не могли взбудоражить его вялую кровь, но в том, что касалось очевидных вещей, он обладал изрядной долей здравого смысла. Во всяком случае, разделяя убеждение Рудольфа I в том, что Германия должна стоять на первом месте в его мыслях, он был мудрее своего героического деда.

Золотая булла

К периоду правления Карла IV относится "Золотая булла" - документ, названный так из-за своей *буллы* или печати. В "Золотой булле" четко прописан точный метод проведения императорских выборов. До сих пор большая часть проблем, связанных со спорными выборами, возникала из-за того, что никто не был уверен в правильности процедуры, и поэтому разочарованные кандидаты, утверждая, что произошло нечто незаконное, могли отказаться от верности победившему кандидату. Теперь было решено, что курфюрстов должно быть семь - три архиепископа и четыре мирянина - и что церемония всегда должна проходить во Франкфурте, а меньшинство соглашалось подчиняться воле большинства.

Помимо этих основных положений "Золотая булла" обеспечивала семи курфюрстам огромные привилегии и права юрисдикции, поднимая их на гораздо более высокий социальный и политический уровень, чем других князей Германии, которые были просто представлены в императорском сейме или парламенте. Фактически курфюрсты стали более влиятельными, чем сам император, и Карла часто обвиняют в том, что он передал Германию феодальной олигархии.

Возможно, он не предвидел всех результатов и долгосрочности "Золотой буллы", а стремился лишь создать на время работоспособную схему, которая предотвратила бы анархию. Существует также предположение, что он был больше заинтересован в положении королевства Богемия, своего наследственного владения, которое он возвел на первое место среди избираемых территорий, чем в роли императора, на которую он был избран. Каковы бы ни были истинные мотивы Карла, очевидно, что ему хватило ума понять, что империя в ее нынешнем виде была устаревшим институтом, и попытаться переделать ее в менее фантастическую форму правления. Подобно Эдуарду I Английскому и Филиппу IV Французскому, хотя и не обладая гением одного или возможностями другого, он стоит для потомков как один из тех правителей Европы, во время правления которых их страна смогла избавиться от некоторых средневековых черт. Карл носил императорскую корону дольше, чем любой из его предшественников, не вызывая серьезной оппозиции, что свидетельствует о том, что, не будучи оригинальным политиком, он все же двигался вместе со своим временем в сторону более современной эпохи.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Карл Смелый	1433-77
Вальдемар III	1340-75
Ладислав V Польский	1386-1433
Торнский договор	1466
Император Генрих VII	1308-13

XXI

ИТАЛИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Когда "Рота смерти" отразила немецкую армию Фридриха Барбароссы на поле [Леньяно41](#) , она подняла перед глазами Европы знамя не только демократии, но и национальности. Другие, как мы видели, последовали за этими знаменами: швейцарские кантоны сбросили иго Габсбургов; фламандские города бросили вызов своим графам и французским владыкам; ганзейские города образовали политические и торговые лиги против Скандинавии: Франция, Англия и Испания путем войн и анархии создали современные государства, осознавшие свою национальную судьбу.

Эта медленная эволюция наций и классов - история позднего Средневековья; но в Италии нет устойчивого прогресса; скорее, регресс, который доказывает, что ее ранние усилия по обеспечению свободы были мало понятны даже тем, кто их предпринимал.

В XIII веке Фридрих II управлял Ломбардией при помощи тиранов; но еще долго после того, как исчезли Гогенштауфены, а распри Вельфов и Вайблингенов канули в Лету в Германии, вражда гвельфов и гибеллинов оставалась чудовищной реальностью в городах к югу от Альп, где мелкие деспоты поработили коммуны и привели страну к вечным войнам.

В конце концов, из этой массы потерянных надежд и злых дел возникла не Италия как нация, а пять итальянских государств, занимавших главенствующее положение на полуострове: Милан, Венеция, Флоренция, Неаполь и Рим. Каждое из них ревновало друг к другу больше, чем к иностранному вмешательству, так что под малейшим предлогом одно обращалось за поддержкой своих амбиций к Франции, другое - к Испании или Империи, а третье - к Венгрии или грекам. Если Италия в результате и стала впоследствии "кабиной Европы", где чужеземцы вели свои битвы и устраивали свои судьбы, то в значительной степени именно отсутствие национального предвидения в средневековые времена привело ее к этому несчастью.

ИТАЛИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

История Милана, сначала как коммуны, борющейся за свою свободу и уничтожающей соседскую, затем как арены борьбы между двумя главными семьями и, наконец, как раба победителя, - это история многих североитальянских городов, только положение и богатство придают судьбе этого знаменитого города не только местный интерес.

Висконти

Владыками Милана в XIV и начале XV века были Висконти, типичные тираны Италии своего времени, быстрые на меч, но еще более готовые на яд или кинжал, распутные и роскошные, покровители литературы и искусства, плохие враги и еще худшие друзья, лживые и жестокие, изощренные, как змея, которую они так уместно носили в качестве эмблемы. Никакие узы, кроме страха, не заставляли их подданных хранить верность, а преднамеренная жестокость, чтобы внушить страх, стала частью их системы.

Бернабо Висконти не позволял никому, кроме себя, наслаждаться погоней, но для этого он держал около пяти тысяч диких гончих, питавшихся плотью, и в их псарни его солдаты

бросали тех незадачливых крестьян, которые случайно убивали дичь своего господина или осмеливались браконьерствовать на его запасах.

Чувство неприкосновенности личности посланника ничуть не смутило мрачного Висконти, когда он потребовал от гонцов, присланных папой с неприятными вестями, что они предпочитают - пить или есть. Задавая этот вопрос, он указал на реку, бурлящую под мостом, на котором он стоял, и посланники, бросив в ту сторону полные ужаса взгляды, ответили: "Господин, мы будем есть". Тогда съешьте вот это, - сурово сказал Бернабо, протягивая им папское письмо со свинцовыми печатями и толстым пергаментом, и прежде чем они покинули его присутствие, все было съедено.

Галеаццо Висконти, старший брат Бернабо, пользовался еще худшей репутацией в плане жестокости. Приговоренным им к смерти мучения продлевались по продуманной программе в течение сорока одного дня, они теряли то глаз, то ногу или руку, их били, заставляли глотать тошнотворные напитки, а затем, когда агония не могла больше продолжаться, ломали на колесе. Местом этих пыток был эшафот, выставленный на всеобщее обозрение, чтобы в Милане могли прочесть, какой гнев испытывают Висконти, и содрогнуться.

Самым известным представителем этой печально известной семьи был Джан Галеаццо, сын Галеаццо, юноша настолько робкий от природы, что вздрагивал и белел от внезапного закрытия двери или шума на улице внизу. Его дядя, Бернабо, считал его полубезумным и по глупости принял приглашение навестить его после смерти отца, намереваясь управлять делами юноши и держать его в страшной покорности. Однако хитрому старику пришлось переиграть, так как Джан Галеаццо пришел на место их встречи с вооруженной охраной, арестовал дядю и заточил его в замок, где тот умер от медленного отравления.

После этого Джан Галеаццо стал править в Милане один, не имея никаких законов, кроме своего безжалостного честолюбия; благодаря этому и умению создавать политические возможности и использовать их за счет своего соседа, ему удалось распространить свою тиранию на равнины Ломбардии и на юг, среди горных городов Тосканы. Вблизи дома он подавлял сопротивление силой оружия, а вдали подкупом или обманом добивался верности городов, слишком слабых, чтобы выстоять в одиночку, но боявшихся далекого Милана меньше, чем Венеции или Флоренции, которые лежали ближе к их стенам.

Целью Джан Галеаццо было основать королевство в Северной Италии, и он далеко продвинулся в реализации своего проекта, распространив свое владычество на Верону и Виченцу у самых ворот Венеции, а на юге поглотив в качестве подвластных городов Пизу и Сиену, двух заклятых врагов Флоренции. Эту территорию, приобретенную войной, подкупом, убийствами и мошенничеством, он убедил императора признать герцогство наследственным в его семье и сразу же приступил к заключению союзов с королевскими домами Европы. Брак его дочери Валентины с молодым и слабовольным герцогом Орлеанским, братом французского короля, хотя и не был привлекательным союзом для невесты, оказался чреват для всей Италии, поскольку в самом конце XV века Людовик, герцог Орлеанский, внук Валентины Висконти, наследовал французскую корону как Людовик XII, а также претендовал на Миланское герцогство, как потомок [Висконти42](#).

На первый взгляд кажется странным, что такая жестокая и беспринципная раса, как Висконти, продолжает сохранять свою тиранию над мужчинами и женщинами, независимыми от природы, как жители Северной Италии. Конечно, если бы их правители были вынуждены опираться на муниципальные сборы, они не смогли бы сохранить свою власть даже в течение одного поколения; но, к сожалению, старый план, согласно которому каждый гражданин, достигший военного возраста, должен был явиться по звонку колокола,

чтобы защитить свой город, практически исчез. Вместо этого место гражданина занял профессиональный солдат - человек, которому, пока он получал высокое жалование и частую добычу, было все равно, кто его хозяин, и на какую уродливую работу, связанную с резней или запугиванием, ему велено принести свой меч.

Эта система найма солдат, *кондотьеров*, как их называли в Италии, возникла отчасти из-за лени самих горожан, которые не хотели бросать свои дела ради учений и сражений и поэтому охотно платили добровольцам, чтобы те служили вместо них. Отчасти это было связано с нежеланием тиранов вооружать и нанимать в солдаты людей, над которыми они властвовали. С точки зрения Висконти, например, было гораздо безопаснее набирать в армию чужаков, которые без патриотических угрызений совести могли бы устроить резню или выполнить любой другой столь же суровый приказ.

Для таких грубиянов Италия сама предоставляла широкое поле для вербовки, а именно бесчисленные маленькие города, некогда независимые, но теперь поглощенные большими государствами, которые относились к завоеванным как к вечным врагам, которых нужно запугивать и подавлять, не давая им ни доли в управлении, ни права голоса в своей дальнейшей судьбе. Широкий опыт научил мир, что такая тирания порождает лишь ненависть и нелояльность, и постоянные локальные войны, от которых страдала средневековая Италия, во многом объясняются неспособностью признать эту политическую истину. Не имея законного выхода своей энергии, молодые люди из завоеванных городов находили в создании компании авантюристов или на службе у какого-нибудь князя единственный путь к славе, а возможно, и к мести.

Система "кондотьеров"

К итальянским *кондотьерам* добавились немецкие солдаты, которых императоры, посещавшие Италию, привозили в своем обозе и которые после этого оставались, глядя на города Италии как на счастливое место охоты за добычей и приключениями. Третьим источником снабжения были вольные разбойники из Франции, освобожденные в результате одного из перемирий Столетней войны и поспешно отправленные теми, кто их нанял, на поиски удачи в другие страны.

Среди тех, кто прибыл в Италию в XIV веке и создал себе имя, наводящее ужас и славу, был английский капитан, сэр Джон Хоквуд, сын портного из Эссекса, посвященный в рыцари Эдуардом III за свою доблесть на полях сражений во Франции. Вот что говорит о нем флорентийский летописец:

"Он продержался под оружием дольше всех, ибо продержался шестьдесят лет, и он хорошо знал, как управлять, чтобы в Италии в его время был небольшой мир..... Ибо и люди, и коммуны, и все города живут миром, а эти люди живут и растут войной, которая губит города, ибо они воюют и становятся никчемными. В таких людях нет ни любви, ни веры".

В одной из историй того времени рассказывается, как несколько францисканцев, встретив сэра Джона Хоквуда, воскликнули по своему обыкновению: "Мир вам". К их изумлению, он ответил: "Господь отнимет у вас милостыню". Когда они спросили его о причине, по которой он желает им такого зла, он ответил: "Вы также желали, чтобы Бог заставил меня умереть от голода. Не знаете ли вы, что я живу войной и что мир меня погубит? Поэтому я ответил на ваше приветствие тем же".

Сэр Джон Хоквуд провел большую часть своего времени на службе у Флоренции; и, несмотря на свою жестокость и жадность, он, похоже, не был таким лживым, как другие капитаны его времени. Действительно, когда он умер, флорентийцы похоронили его в своем соборе и поставили чучело в благодарную память о его деяниях на благо города.

Возвращаясь к истории Милана и его *кондотьеров*, следует отметить, что Джан Галеаццо, несмотря на свою робость и нелюбимость, был проницательным человеком, и его капитаны, наводя ужас на его врагов, оставались верны себе. Однако после его смерти в 1402 году многие из них попытались основать независимые государства, и прошло несколько лет, прежде чем его сын, Филиппо Мария, смог овладеть ими и восстановить контроль над большей частью герцогства.

Еще более трусливый, чем его отец, Филиппо Мария жил, подобно Людовику XI Французскому, закрывшись от людских глаз. Историк Сисмонди описывает его как "странное, мрачное существо, с выпирающими глазными яблоками и скрытым взглядом". Он ненавидел упоминание слова "смерть" и, опасаясь покушения, каждую ночь менял свою спальню. Когда ему приносили известие о поражении, он трепетал, ожидая, что его *кондотьеры* могут покинуть его: когда гонцы прибывали с победой, он был в не меньшем ужасе, полагая, что успешный генерал может стать его соперником.

Такова была плата деспотов, за исключением тех, у кого железные нервы, за роскошь и власть: страх, что самый подневольный *кондотьер* может быть подкуплен и превратиться в неумолимого врага, яд может таиться в приправленном блюде или кубке с вином, кинжал - пронзить прочную сетку стальной туники. Так день и ночь великого Висконти преследовал страх, пока его наемные армии заставляли Геную признать его сюзеренитет и ввергали герцогство в соперничество с Венецией по линии реки Адидже.

Венеция

История Венеции во многом отличается от истории других итальянских государств. Построенная на сети островов, которые географически предназначали ее для великой морской державы, она с древнейших времен искала удовлетворения своих амбиций не в территориальном, а в торговом расширении. Таким образом, она избежала междоусобиц феодальных землевладельцев и даже группировок гвельфов и гибеллинов, которые обратили ее соседей в рабство.

В других местах Италии названия городов и государств связаны с историей средневековых семей; Неаполь - с распрями Гогенштауфенов, Анжуйских и Арагонских: Рим с баронами Кампаньи, Орсини и Колонна: Милан с Висконти, а позже с Сфорца: Флоренция с Медичи: но в Венеции государство было всем, требуя от своих сыновей и дочерей не поразительных качеств и пороков успешного солдата удачи, а послушания, самодостаточности и упорного труда.

Дожа, или герцога, главного магистрата Венеции, сравнивали с королем; но на самом деле он был всего лишь президентом, избираемым пожизненно, причем по максимально усложненной системе, чтобы предотвратить проволочное затягивание. Будучи избранным и представленным народу со старой формулой "Это ваш дож, и пусть он будет вам приятен!", новый правитель города оказался обнесен сотней конституционных сдержек, которые заставляли его действовать только по обдуманному совету шести герцогских советников, запрещали ему возводить кого-либо из своей семьи на государственную должность или

отказываться от звания, которое с годами могло показаться ему скорее обременительным, чем приятным. Ему также дали понять, что уважение, с которым принимались его приказы, относилось не к нему самому, а к его ведомству, а через него - к Венеции, королевской госпоже, перед которой даже надменная аристократия охотно преклоняла колена.

В ранние времена все важные дела в Венеции решались общим собранием народа, но по мере роста населения этот громоздкий орган был заменен "Большим советом", состоящим из ведущих граждан. В начале XIV века произошло еще одно, более важное изменение: ряды Большого совета были закрыты, и впредь на его заседания допускались только члены тех семей, которые имели привычку присутствовать на них. Таким образом, была создана привилегированная аристократия, а большинство венецианцев лишилось возможности участвовать в управлении государством; но поскольку это управление было направлено не на благо отдельной семьи, а всего государства, люди прощали его деспотический характер. Даже знаменитый Совет Десяти, который, подобно Звёздной палате при Тюдорах, имел право тайно арестовывать и допрашивать граждан в интересах государства, вызывал восхищение венецианцев, над которыми он властвовал, благодаря своей репутации беспристрастного правосудия, не делавшего различий между сыном дожа, купцом или нищим. Венецианская республика", - говорит современный писатель о средневековых временах, - "была единственным стабильным элементом во всей Северной Италии", и это состояние политического спокойствия вызывало удивление и восхищение современников.

Иногда сегодня кажется, что средневековой Венецией трудно восхищаться из-за ее эгоизма и откровенного коммерциализма. У нее не было чувства патриотизма ни по отношению к Италии, ни по отношению к христианству; вспомните Четвертый крестовый [поход](#)⁴³, когда на ее дипломатию не повлияло ничего, кроме настойчивого желания защитить свои торговые позиции на Востоке.

Это обвинение в эгоизме справедливо; но мы должны помнить, что слово "патриотизм" в наше время имеет гораздо более широкую сферу применения, чем это было возможно для ограниченного кругозора Средневековья. Венецию могли не волновать слова "Италия" или "Христианство", но вся ее жизнь и идеалы были сосредоточены в слове "Венеция". Ее моряки и купцы, заложившие основы ее величия, были не наемниками, а гражданами, готовыми отдать свои жизни за Республику, которая была их матерью и королевой. Таким образом, сужая понятие "патриотизм", мы видим, что из всех итальянских держав только Венеция понимала значение этого слова, поскольку ее сыновья и дочери были готовы пожертвовать ради интересов своего государства не только жизнью, но и семейными амбициями, классовой и даже индивидуальной принадлежностью.

Амбиции Венеции были связаны с мореплаванием и торговлей, которые принесли ей титул мировой перевозчицы. Возьмем, к примеру, шерстяное производство, представляющее такой жизненный интерес для англичан и фламандцев, - в свое время оно во многом зависело от венецианских купцов, которые везли в Англию с Востока сахар и пряности, заменяли свой груз шерстью, разгружали ее в свою очередь в гаванях Фландрии, а затем, нагруженные тюками с сукном, возвращались, чтобы сбыть их на итальянских рынках.

Помимо грузоперевозок, которые зависели от промышленности ее соседей, Венеция имела свои собственные производства, такие как шелк и стекло; но в любом случае и ее моряки, и рабочие находили одну вещь абсолютно жизненно важной для своих интересов, а именно - владение Адриатикой. Как и Британские острова в наши дни, Венеция не могла прокормить свое процветающее население продуктами собственного производства, и в то же время, если на далматинском побережье скрывались враги или пираты, безопасность ее богато

нагруженных судов, идущих туда и обратно, не могла быть гарантирована. Таковы некоторые из причин, по которым Республика с самых ранних времен начала проводить агрессивную морскую политику, которая привела ее к столкновению с другими средиземноморскими портами, и особенно с Генуей, ее соперницей в восточных водах.

Когда по окончании Четвертого крестового похода Венеция вынудила Константинополь принять латинскую династию, она обеспечила себе на время особые привилегии на этом мировом рынке; Генуя, принявшая сторону изгнанных греков, в свою очередь, добилась значительного триумфа, когда в 1261 году при ее содействии Михаил Палеолог, греческий полководец, восстановил Византийскую империю среди всеобщего ликования.

Теперь между республиками почти непрерывно велись открытые военные действия; уличные бои в Константинополе и портах Палестины, морские сражения у итальянских и греческих берегов, столкновения, в которых переменчивая удача сначала не давала покоя ни Венеции, ни Генуе, но которые катастрофически ослабляли все сопротивление христианства магометанам.

Наконец в 1380 году произошла решающая битва у Кьоджии, одного из городов венецианских лагун, где генуэзский флот, торжествующий в открытом море, занял свои позиции, решив блокировать противника, чтобы заставить его сдаться. "Давайте соберем все суда в Венеции и отправимся сражаться с врагом", - гласил всеобщий клич; и популярный лидер Пизани, заключенный в тюрьму за участие в недавней морской катастрофе, был освобожден по требованию общественности и назначен капитаном предприятия. Горожане радостно кричали: "Да здравствует Пизани!", но их герой, верный духу Венеции, отвечал им: "Венецианцы кричат только: "Да здравствует Святой Марк!"".

Имея в своем распоряжении лишь несколько кораблей и людей, Пизани понимал, что об успешной атаке не может быть и речи; но он знал, что если ему удастся отсрочить решение вопроса, то в восточном Средиземноморье есть венецианский флот, который, узнав о его проливах, со всей возможной скоростью вернется к нему на помощь. Поэтому он решил заставить врага оставаться на месте, не вступая в открытый бой, и этот маневр он осуществил с большой смелостью и мастерством, потопив тяжелые суда, груженные камнями, в каналах, ведущих к Кьоджии, а свой собственный флот разместил напротив главного входа, чтобы не допустить генуэзских подкреплений. Теперь блокадники были блокированы, и долгими зимними днями и ночами соперники, измотанные суровым бдением, голодом и нехваткой боеприпасов, наблюдали друг за другом и с тревогой осматривали горизонт. В конце концов раздался крик, потому что вдаль показались паруса; когда венецианский флаг гордо взвился в небо, крик Пизани и его людей превратился в песню триумфа: Республика была спасена. Венеция была не только спасена от разорения, ее будущее как королевств Адриатики было обеспечено, поскольку генуэзский адмирал был вынужден сдаться, а его республика - признать господство соперника на морях.

Морская политика Венеции была неизбежным результатом ее географического положения; но с течением веков у нее появилась гораздо более спорная политика на суше. Многие средневековые венецианцы заявляли, что раз земля - источник всех политических проблем, то Венеция должна владеть только ближайшим материком, чтобы обезопасить город от внезапного нападения. Другие отвечали, что подобные аргументы продиктованы узкими предрассудками - точка зрения, подходящая для тех времен, когда Ломбардия была разделена между несколькими слабыми городами-государствами, но невыполнимая в условиях могущественных тиранов, таких как Висконти, хозяева Северной Италии. Если Венеция не сможет закрепить за собой территории, лежащие у подножия Альп, а также

обширную часть восточной Ломбардии, она окажется лишенной власти над горными проходами, через которые она вела свою торговлю с Германией и Австрией.

Сторонники политики "земля-империя" получили подтверждение своим предостережениям, когда в начале XIV века Мастино делла Скала, повелитель Виченцы, Падуи и Тревизо, попытался взимать налоги с венецианских товаров, проходящих через его территорию. Республика, взбудораженная тем, что она посчитала оскорблением своего торгового господства, быстро сформировала лигу с Миланом и Флоренцией против Мастино и получила Тревизо и другие города в результате победоносной войны.

Эту кампанию, конечно, можно назвать лишь частью торговой политики Венеции, обороной, а не агрессией; но позже, в 1423 году, флорентийцы убедили Республику объединиться с ними в войне против Висконти, заявив, что устали бороться в одиночку с такими тиранами, и что если Венеция не поможет им, они будут вынуждены сделать Филиппо Марию "королем Северной Италии". Результатом последовавшей за этим войны стал договор, обеспечивший Венеции временное усиление власти на материке, и его можно рассматривать как первый решительный шаг в ее продуманном плане создания сухопутной империи в Италии.

Макиавелли, изучавший политику в XVI веке и написавший руководство по советам правителям под названием "Князь", а также историю Флоренции, своего родного города, утверждает, что упадок венецианцев "начался с того времени, когда они стали стремиться к завоеваниям на суше и перенимать нравы и обычаи других государств Италии". Возможно, это и так; но сомнительно, чтобы великая республика могла оставаться в славной изоляции, когда Висконти стучались в ее ворота.

* * * * *

Флоренция

Из Венеции мы должны отправиться во Флоренцию, которая к пятнадцатому веку вышла из мелкого соперничества как первый город Тосканы. Как и Милан, Флоренция стала жертвой гвельфов и гибеллинов; но эти распри, вместо того чтобы стать семейным соперничеством между потенциальными деспотами, переросли в ожесточенную классовую войну.

После падения Фридриха II гвельфам, которые во Флоренции в это время представляли *народ травы*, или богатых купцов, в противовес *грандам*, или дворянам, удалось изгнать большинство своих врагов из города. После этого они переделали конституцию в свою пользу.

Главной властью в городе теперь был "Синьория", состоящая из "Гонфалоньера юстиции" и нескольких "Приоров", представителей *arti*, или гильдий юристов, врачей, суконщиков и т. д.: и это лишь некоторые из них. Ни один аристократ не мог претендовать на государственную должность, если он не становился членом одной из гильдий, а чтобы убедиться, что он не просто записал свое имя в их реестры, позже было принято постановление, что каждый кандидат на должность должен предъявить доказательство того, что он действительно работает по профессии той гильдии, к которой он претендует на принадлежность.

Другие, более суровые меры запрета следовали из поколения в поколение. Дворянин, причинивший вред гражданину более низкого ранга, намеренно или случайно, должен был сравнять свой дом с пылью: башни, с которых в старину предки обливали кипящим маслом или камнями своих соперников, были законодательно уменьшены до высоты, которую можно было легко преодолеть; в случае бунта ни один аристократ, какими бы невинными ни были

его намерения, не мог иметь доступа на улицы. По сути, *гранды* были поставлены в столь невыгодное положение как в политике, так и в правосудии, что облагодетельствовать честолюбивого врага было излюбленным флорентийским способом сделать его безвредным.

Триумф гвельфов в XIII веке, несмотря на свою полноту, не принес Флоренции мира. Возникли новые партии, а правительство, стараясь оградить себя от влияния сословий и семей, ввело столько сложных сдержек, что это нанесло большой ущерб индивидуальным действиям и лишило всякой надежды на стабильную политику. Члены "Синьории", например, исполняли свои обязанности только в течение двух месяцев, а двенадцать "Буономини", или "Добрых людей", избранных для того, чтобы давать им советы, - только в течение шести. Наиболее контрастирующей с идеалом "подходящего человека для подходящей работы" была практика, когда сначала составлялся список всех граждан, которых считали подходящими для занятия должности, затем имена складывались в мешок, а потом они бессистемно выбирались по мере появления вакансий. Даже эта мера предосторожности против фаворитизма, а также, хочется добавить, и против эффективности, была подкреплена другим законом - о созыве *парламента* в чрезвычайных ситуациях. *Парламент* представлял собой неформальное собрание народа, собранное звоном колокола на большой площади, где ему предлагалось решить, следует ли назначить специальный комитет с правом внесения изменений в существующую конституцию. Политики утверждали, что в данном случае речь идет о прямом обращении к народу, но на самом деле, поставив вооруженных людей у входов на площадь, можно было отдать послушную толпу на милость любой толпы-оратора, созданной закулисными деятелями.

Власть во Флоренции оставалась в руках зажиточных мещан и купцов, которые со временем развели свои собственные распри под названиями "белые" и "черные", принятыми партизанами в семейной ссоре.

Данте Алигьери

Величайший из итальянских поэтов Данте Алигьери был "белым" и был изгнан из своего города в 1302 году из-за триумфа его соперников. Когда было предложено помилование с выплатой крупной суммы денег, Данте, пытавшийся верно служить своему городу, отказался, чувствуя, что это было бы открытым признанием его вины. "Если будет найден другой путь... который не запятнает славу и честь Данте, - писал он с гордостью, - я приму его и без всякой неохоты... но если во Флоренцию нельзя будет войти таким путем, я никогда не войду во Флоренцию".

Ментальное мировоззрение Данте было типичным для средневековья с его суровыми предрассудками и ненавистью, но в то же время оно было чище и благороднее по своему охвату. Энтузиаст-гибеллинец в политике, он считал, что первейший долг императоров Священной Римской империи - установить свою власть над Италией, но это видение не сужалось, как у многих итальянцев, до простой надежды на восстановление дома и власти с последующей местью личным врагам. Дороже любых личных амбиций для Данте было желание спасти церковь и государство от тирании и коррупции, а этого, по его мнению, можно было добиться, только передав верховную власть императору мира.

Одна попытка реформы была предпринята в 1294 году, когда конклав кардиналов, внезапно пораженный контрастом между характером католической церкви и ее исповеданием, выбрал своим викарием отшельника, известного своими лишениями и святой жизнью. Целестин V, как его стали называть впоследствии, был маленьким человеком, бледным и слабым, с всклокоченными волосами и в одежде из мешковины. Когда за ним явилась депутация великолепно одетых кардиналов, он в ужасе убежал, и его почти силой уговорили

пойти с ними и облачиться в понтификальные одежды. Мужчины и женщины, жаждавшие реформ, теперь с нетерпением ждали мандатов нового папы, но их ожидания были обречены на провал. Целестин V не обладал ни оригинальностью, ни силой воли, чтобы противостоять переменам в судьбе. Напуганный своим окружением, он стал легкой добычей беспринципных и амбициозных людей, раздавая бенефиции иногда по два раза, потому что не смел отказать в них жадным придворным, и создавая новых кардиналов почти так же быстро, как его просили об этом. Наконец ему позволили отречься от престола, и он поспешил вернуться в свою келью, но только для того, чтобы быть схваченным своим преемником, свирепым Бонифацием VIII⁴⁴, и заточенным в замке, где он и умер.

Данте ненавидел Бонифация как правителя, который пренебрег духовными возможностями ради материального вознаграждения, но едва ли меньшее презрение он испытывал к Целестину V, который получил власть над реформой Церкви Христовой и "сделал великий отказ". Реформ, по мнению флорентийца, нельзя было ждать от Рима, но, когда император Генрих VII перешел Альпы⁴⁵, его надежды возросли, что наконец-то появился спаситель Италии, и вполне вероятно, что в это время поэт написал свой политический трактат под названием *De Monarchia*, воплотивший его взгляды. Он сам вышел навстречу своему защитнику, но Генриху не суждено было стать вторым Карлом Великим или Оттоном Великим, и его смерть оборвала все надежды, возложенные на его рыцарский характер и идеалы.

Величайшее произведение Данте - длинная поэма "Божественная комедия", состоящая из трех частей: "Инферно", "Пургаторио" и "Парадизо". В ней рассказывается о том, как в Страстную пятницу 1300 года флорентиец, встретившись с духом Вергилия, которого он избрал своим учителем, был проведен им через царства вечного наказания и покаяния, а оттуда другой проводник, Беатриче, идеализированное видение женщины, которую он любил на земле, поднялся через "девять небес" к самому престолу Бога. Как краткое изложение средневековых теорий о вечной жизни, а также как размышление ума четырнадцатого века о политике того времени, "Божественная комедия" является поистине исторической сокровищницей, а также шедевром итальянской литературы. Однако это гораздо большее - откровение о развитии человеческой души. Путешествие Данте рассказано с таким мастерством передачи атмосферы и деталей, что и сегодня наше воображение не покидает ощущение реальности. Очевидно, оно было еще более реальным для него самого и выражает мучительное стремление души, живущей в условиях разложения и нервного истощения окружающего мира, найти путь спасения, паломничество, увенчавшееся в конце концов обретением *Civitas Dei*, столь величественной по своей красоте и покою, что превосходит пророчества святого Августина.

Теперь "Слава Отцу и Сыну,
и Святому Духу" - громко прозвучало
По всему Раю; и от этой песни
Дух мой попятился, так сладостна была эта песня.
И то, что я увидел, было таким же экстазом:
Казалось, что все вещи улыбаются друг другу;
Радость, не сравнимую ни с чем; радость неопишущую;
Нетленная жизнь в мире и любви;
Неисчерпаемые богатства и безмерное блаженство.

Сам Данте не дожил до исполнения своей земной мечты - возвращения во Флоренцию, а умер в Равенне в 1321 году. На его могиле высечена надпись на латыни: "Кого родила Флоренция, мать, которая мало любила его", а на его портрете - гордый девиз, столь характерный для всей его жизни: "Я не поддаюсь несчастью". В последующие века Флоренция со стыдом вспоминала о своем отречении от этого величайшего из своих сыновей; но пока он жил, и в течение нескольких лет после его смерти, политические предрассудки ослепляли ее глаза. В императоре Генрихе VII, которого Данте называл "королем земли и слугой Бога", Флоренция видела врага, настолько ненавистного, что готова была отказаться от своей хваленной демократии и принять в качестве господина любого принца, достаточно могущественного, чтобы противостоять ему. Так, она предоставила *синьорию*, или "владычество" над городом, на пять лет королю Роберту Неаполитанскому, главе партии гвельфов в Италии в первые годы XIV века.

* * * * *

Неаполь

Король Роберт Неаполитанский был внуком Карла, графа Анжуйского, брата Людовика Святого, и, верный традициям своего дома, выступал в качестве защитника пап против имперских притязаний на Италию. Внешне он был самым могущественным из итальянских принцев своего времени, но на самом деле ему было не по себе на своем троне. Неаполитанцы со временем не разучились любить своих анжуйских правителей, но даже после смерти Конрадина помнили о Гогенштауфенах и завидовали Сицилии, осмелившейся сбросить французское иго и отдаться испанской династии.

Трудно дать краткий и в то же время связный рассказ об истории Неаполя со смерти короля Роберта в 1343 году до 1435 года, когда он был завоеван Арагонским домом. На протяжении почти целого столетия ведется мрачная летопись убийств и заговоров, в которой почти не прослеживается патриотизма и героических деятелей. Это похоже на "танец смерти", в котором постоянно меняются партнеры, и ничего не достигается, кроме преступлений и революций.

Преемницей короля Роберта стала внучка, Джоанна I, политическая персона с колыбели, а в пятилетнем возрасте она вышла замуж за двоюродного брата, который был старше ее на два года, Андрея Венгерского, брата Людовика Великого. Мы не можем сказать, смогла бы эта молодая пара, предоставленная сама себе, - каждый из партнеров, столь страстный и своевольный, - научиться работать вместе в двойной упряжке. Несомненно лишь то, что никто при коррумпированном дворе не дал им такого шанса: одна партия интриганов постоянно нашептывала Джоанне на ухо, что как королеве ей недостойно принимать вмешательство мужа, а их соперники напоминали молодому принцу Андрею, что он происходит от старшего брата короля Роберта и поэтому имеет такое же большое право на трон, как и его жена. Частые ссоры о том, чья воля должна возобладать, сотрясали зал совета, и вот наконец произошла трагедия.

В 1345 году Джоанна и Эндрю, которым тогда было соответственно восемнадцать и двадцать лет, отправились вместе в деревню на охоту. Однажды ночью, когда они спали в гостевой комнате одного из монастырей, принц услышал, как его окликнули голоса в соседней комнате. Не подозревая ничего плохого, он встал и пошел посмотреть, кто из друзей его позвал, но обнаружил, что на него напала группа вооруженных людей. Он повернулся, чтобы вернуться в спальню, но дверь была заперта за ним. Когда шансы были полностью против него, Эндрю храбро боролся за свою жизнь, но в конце концов двум убийцам удалось

накинуть ему на шею веревку, которой они задушили его и подвесили тело на балконе снаружи.

Наконец пришли слуги и, отворив дверь, рассказали Джоанне об убийстве; на что она заявила, что так крепко спала, что ничего не слышала, хотя так и не смогла толком объяснить, как в таком случае дверь ее спальни оказалась запертой за молодым королем. Естественно, большая часть Европы считала ее виновной в попустительстве преступлению, и король Людовик Венгерский привел в Италию армию, чтобы отомстить за смерть брата. Ему удалось изгнать Джоанну из Неаполя, который он считал своим законным наследством, но ему не хватило поддержки для постоянного завоевания, и в конце концов он был вынужден поспешно удалиться в Венгрию, где его трон оказался под угрозой, оставив вопрос о виновности невестки на усмотрение Папы.

Папа в это время рассчитывал на анжуйских правителей Неаполя как на своих главных сторонников и сразу же провозгласил Джоанну невиновной. Стоит отметить, что три принца оказались достаточно храбрыми, чтобы стать ее мужем по очереди; но, хотя Джоанна была замужем четыре раза, у нее был только один сын, который умер в младенчестве.

Сначала она была готова принять в качестве наследника двоюродного брата, Карла Дураццо, женатого на ее племяннице, но вскоре жестоко с ним рассорилась и предложила трон вместо него члену французского королевского дома, Людовику, герцогу Анжуйскому. Это очень обескураживающий момент для студентов-историков, потому что он вводит в итальянскую политику вторую Анжуйскую династию, лишь отдаленно связанную с первой, но обе претендуют на Неаполь и ведут войну друг против друга, как будто каждая принадлежит к другой расе.

В конце концов Джоанна была наказана за свое капризное поведение: в ходе гражданских войн, которые она развязала, она попала в руки Карла Дураццо, который, возмущенный своим отречением, заточил ее в замке, где она и умерла. По одним данным, ее задушили пуховой периной, по другим - шелковым шнуром, возможно, в память об убийстве князя Андрея.

После этого акта возмездия Карл Дураццо сохранял свою власть в Неаполе в течение четырех лет, хотя и был вынужден отдать графство Прованс своему анжуйскому сопернику. Не довольствуясь своим итальянским королевством, он отправился с армией в Венгрию, как только узнал о смерти Людовика Великого, надеясь предъявить свои претензии на земли этого воина. Вместо этого он был убит, и в Неаполе его сменил сын Ладислас, пятнадцатилетний юноша.

Ладислас оказался прирожденным солдатом с неутомимой энергией и целеустремленностью, так что он не только покорил свое непокорное баронство, но и стал хозяином южной Италии, включая Рим, из которого с необычной для анжуйцев враждебностью изгнал папу. Здесь был шанс объединить Италию под властью одного правителя, и Ладислас, безусловно, стремился к этому, но помимо своего военного гения он был типичным деспотом своего времени - жестоким, беспринципным и жаждущим удовольствий, как Висконти, и когда он умер, будучи еще молодым человеком, в 1414 году, мало кто оплакивал его кончину.

Его сестра, Джоанна II, которая стала его преемницей, не обладала его силой и в то же время проявляла многие его пороки. Как и Жанна I, она была лжива и непостоянна; как и у Жанны I, у нее не было прямых наследников, так что после ее смерти Анжуйский дом в Неаполе прекратил свое существование. В последние годы ее правления велись многочисленные

переговоры о преемнике, и некоторое время казалось, что старая королева согласится принять Людовика III Анжуйского, в то время представителя Второго Анжуйского дома, но в минуту каприза и гнева она вдруг отдала свою благосклонность Альфонсу V Арагонскому и Сицилийскому и приняла его как своего наследника. Конечно, будучи Джоанной, она снова передумала; но, хотя Альфонсо и сделал вид, что принимает его отречение, твердолобого испанца было не так-то легко отвести от приобретения, которое могло бы продвинуть арагонские амбиции в Средиземноморье.

Сразу после смерти Джоанны II Альфонсо появился у берегов Неаполя с флотом, и хотя он был взят в плен в бою и отправлен в качестве пленника к Филиппо Марии Висконти в Милан, он действовал с такой дипломатией, что убедил этого деспота, до сих пор союзника Анжу, что для Милана гораздо безопаснее, если в Неаполе будет править испанский, а не французский дом. Это стало началом прочного союза между Миланом и Неаполем, а Альфонсо, освободившись из плена, сумел утвердиться в "королевстве", где, выведя свой двор из Арагона, основал новую столицу, ставшую центром для ученых и культурных итальянцев, как в старину во времена Фридриха II.

Теперь мы рассмотрели четыре из пяти главных итальянских государств позднего Средневековья. В Риме, чтобы уловить политические нити, мы должны вернуться к последствиям переноса папского двора в Авиньон в 1308 [году](#)⁴⁶.

С точки зрения самих пап, многие из которых были французами по происхождению, эти перемены давали значительные преимущества - не только безопасность от вторжений императоров Священной Римской империи, стремившихся править Италией, но и от беспокойной жизни римских граждан и баронов Кампаньи.

Авиньон находился достаточно близко к Франции, чтобы претендовать на защиту ее короля, но достаточно далеко за ее пределами, чтобы не подчиняться ее законам. Он находился в графстве Прованс, являясь частью французских владений Неаполитанского дома Анжу, но во время своего изгнания Жанна I, оставшаяся без гроша и нуждавшаяся в папской поддержке, была вынуждена продать город, и он оставался независимым владением Святого Престола вплоть до XVIII века.

От непосредственных преимуществ, вызванных "вавилонским пленением", как называли эти годы папской резиденции в Авиньоне, мы перейдем к конечным недостаткам, а они были серьезными. Неизбежно произошло падение папского престижа в глазах Европы. В Риме, который с классических времен был признанной столицей западного мира, папа казался поистине всемирным владыкой, на которого вполне могла пасть мантия как святого Петра, так и цезарей. Перенесенный в один из городов Прованса, он уменьшился почти до размеров мелкого государя.

Во время Столетней войны, например, в Англии было широко распространено недовольство покорностью Авиньону. Папы, по общему мнению, были более чем наполовину французами по политическим взглядам и симпатиям, так что англичанин, желающий добиться успешного решения по своему иску в папском суде, должен был заплатить вдвое больше, чем люди любой другой расы, чтобы добиться справедливости. Более того, он знал, что любые деньги, которые он посылает в папскую казну, помогают снабжать оружием его самых ненавистных врагов.

Папство не любил за Ла-Маншем еще во времена Иннокентия IV, когда Англию облагали налогами для оплаты войн с Гогенштауфенами: теперь, более века спустя, недовольство начало выкристаллизовываться в опасную форму сопротивления не только папскому

верховенству, но и папской доктрине, на которой это верховенство было основано. Так, Уайклифф, первый великий английский еретик, который начал провозглашать свои взгляды в последние годы правления Эдуарда III, в народе считался патриотом, а его проповеди, обличающие католическую доктрину, широко читались и обсуждались.

В XIII веке в Лангедоке удалось подавить ересь, но в XIV веке уже не было таких пап, как Иннокентий III, которые могли бы убедить людей сражаться в Авиньоне, поэтому практика критики и независимого мышления росла, и к XV веку многие доктрины, преподаваемые Уайклиффом, распространились по всей Европе и нашли приют в Богемии.

Рим

Историей богемской ереси мы займемся позже, но, рассмотрев ее развитие как частично обусловленное изменениями в папской судьбе, мы должны отметить влияние Вавилонского плена на сам Рим, а оно, действительно, было катастрофическим.

Отсутствие папы, - говорит Грегоровиус, современный немецкий историк, - сделало дворянство более разнузданным, чем когда-либо; эти наследственные дома теперь считали себя хозяевами Рима, оставшегося без господина. Их наемники расположились на всех дорогах; путешественников и паломников грабили; места поклонения оставались пустыми. Вся обстановка в городе была низведена до низкого уровня. Ни принц, ни дворянин, ни посланник иностранной державы больше не появлялись в городе. Викарии заменяли кардиналов, отсутствовавших в своих титулярных церквях, а самого папу в Ватикане, как тень, представлял какой-нибудь епископ из окрестностей, Непи, Витербо или Орвието".

Богатство и пышность, которые делали папский двор источником доходов для римлян, были перенесены в Прованс: Орсини и Колонна сражались на улицах, а верховный понтифик не мог их сдерживать. Остались только его агенты, которые занимались главным образом сбором ренты и доходов, так что городу, казалось, снова грозило политическое исчезновение, как тогда, когда Константин перенес свою столицу на Босфор.

Кола ди Риенци

За семьдесят лет мрака был один короткий период славы - реализованное видение римлянина Кола ди Риенци, юноши из народа, который, погрузившись в труды классиков, надеялся вернуть городу свободу и величие республиканских времен. По свидетельству современников, Риенци обладал прекрасным характером, поразительной внешностью и красноречием, которое редко не трогало тех, кто его слышал. В Авиньоне в качестве римского посланника он добился согласия папы на некоторые меры, которых так страстно желали в Риме, и этот успех снискал ему большую и восторженную поддержку среди горожан, которые аплодировали всему, что он говорил, и предлагали поддержать его стремления своими мечами.

Первым шагом к величию Рима, очевидно, должно было стать восстановление порядка на улицах, и поэтому Риенци решил свергнуть вельмож, которые со своими прислужниками постоянно устраивали драки, и прежде всего гордую семью Колонна, один из которых без всяких провокаций убил своего младшего брата в порыве ярости.

Революция произошла в мае 1347 года, когда Ренци, с папским викарием, стоящим рядом, и знаменами свободы, справедливости и мира, развевающимися над его головой, провозгласил народу новую конституцию и возложил на себя в качестве главного магистрата титул "Трибун, благородный исповедник Священной Римской Республики".

Поначалу римские вельможи, узнав об этом провозглашении, разразились хохотом. "Если этот глупец будет и дальше провоцировать меня, - воскликнул Стефан Колонна, глава этого могущественного клана, - я сброшу его с Капитолия"; но его презрение сменилось ужасом, когда он узнал, что армия граждан охраняет мосты и удерживает аристократические семьи в своих домах. В конце концов Стефан бежал в свои загородные поместья, а младшие члены его семьи договорились с трибуном и поклялись в верности новой республике.

Теперь Риенци торжествовал, и в его письмах ко всем правителям Европы сообщалось, что Рим обрел мир и закон, а другие города Италии он призывал сбросить иго тиранов и присоединиться к "национальному братству".

Похоже, что из всех своих современников только Риенци видел видение единой Италии; но, к сожалению, здравый смысл и уравновешенность, необходимые для практического воплощения мечтаний провидца, отсутствовали. Трибун был, несомненно, велик, но недостаточно велик, чтобы иметь успех. Дитя крестьян, он начал хвастаться, что на самом деле является сыном императора Генриха VII, а пышность, которой он сначала ослеплял римлян, становилась все более и более изощренной по мере того, как он сам становился одержим ложным чувством собственного достоинства. Облаченный в тогу из белого шелка, отороченную золотой бахромой, он проезжал по улицам на белом коне в окружении кавалькады великолепно экипированных всадников. Чтобы отпраздновать свое пришествие к власти, он учредил фестиваль, на котором, среди пышной помпы, его посвятили в рыцари в Латеране с золотым поясом и шпорами, после купания в порфировой купели, в которой, по преданию, Константин очистился от проказы.

Народ, как и подобает толпе, хлопал в ладоши и кричал, пока звучали трубы, и хватался за золото, которое слуги Риенци бросали в эфир; но спустя долгое время, когда они забыли о справедливости, которую обеспечил им Трибун, они вспомнили о его глупой экстравагантности и показухе и возмутились налогами, которые он считал необходимым ввести, чтобы поддерживать свое правительство и государство.

История последующих лет жизни Риенци - это история блестящих возможностей, созданных в первую очередь его гением, а затем упущенных из-за его робости или недостаточной уравновешенности. Однажды, узнав, что те самые вельможи, которые поклялись поддерживать его конституцию, замышляют ее свержение, он пригласил руководителей заговора на банкет, арестовал их и под охраной отправил в тюрьму. На следующее утро прозвенел тюремный колокол, и находившихся в тюрьме вельмож вывели на смерть, которую они вполне заслужили своим вероломством. Однако в последний момент, когда все уже потеряли надежду, Трибун вышел на эшафот и, прочитав проповедь о прощении грехов, приказал освободить приговоренных.

Если он хотел завоевать их преданность этим актом милосердия, то Ренци плохо оценил своих врагов. Они и раньше недолго любили его как крестьянского выскочку; теперь они ненавидели его гораздо сильнее, как человека, сумевшего смирить их в глазах общественности, полагая, справедливо или нет, что не прощение, а страх перед могущественными семьями, к которым они принадлежали, в конце концов подвинул его на милость. С этого момента у Орсини, Колонна и их друзей была только одна цель - свергнуть Трибуна с его трона. Подкупом и распространением ложных слухов они старались подорвать

его влияние, повсюду рассказывая о его расточительности и роскоши в сравнении с тяжелыми налогами, пока, наконец, в 1354 году в городе не начались волнения, и собравшаяся толпа ворвалась во дворец, где жил Риенци, с криками "Смерть предателю!". Когда трибун попытался бежать, его увидели на фоне пламени горящих стен и зарубили.

Святая Екатерина Сиенская

С падением Риенци умерла идея восстановления и реформирования Италии через Священную Римскую республику, так же как надежда Данте на новую и более совершенную Римскую империю была разрушена смертью Генриха VII. Так неужели в средневековом сознании не было надежды на Италию? Следующий ответ о том, что надежда действительно была, пришел из Сиены, одного из холмистых городов, расположенных к югу от Флоренции, и его автором была крестьянская девушка Екатерина Бенинкаса, которая, подобно Жанне д'Арк, глядя на несчастья своей страны, верила, что она призвана Богом указать своим соотечественникам путь к спасению.

Святая Екатерина, как ее впоследствии канонизировали, была одной из двадцати пяти детей сиенского красильщика, который поначалу был очень рассержен тем, что его дочь отказалась выйти замуж и вместо этого вступила в орден доминиканских терциариев, то есть женщин, которые, оставаясь в своем доме, связывали себя клятвой подчиняться религиозным правилам.

Со временем не только красильщик, но и все жители Сиены поняли, что Екатерина обладает умом и духом, намного превосходящими обычные стандарты, и, хотя в своей простоте она соглашалась на самую скучную работу по дому, у нее было такое глубокое понимание больших жизненных проблем, что она могла прочесть причину беды каждого мужчины или женщины, которые приходили к ней, и предложить то средство, в котором они нуждались, чтобы придать им новое мужество или надежду.

Во время вспышки чумы в Сиене именно Екатерина, неустрашимая и неутомимая, повсюду ходила среди больных и умирающих, вселяя новое сердце в измученных врачей и энергию в пациентов, беспомощно умирающих от болезни.

Когда один из буйных молодых дворян города был приговорен к смерти по суровому закону того времени за то, что осмелился критиковать свое правительство, Екатерина посетила его в тюрьме. Она обнаружила, что он мечется по камере, как загнанный в ловушку дикий зверь, отказываясь от всякого утешения; но ее присутствие и сочувствие принесли ему такое чувство покоя и даже благодарности, что он, как нам рассказывают, с радостью отправился на эшафот, назвав его "святым местом правосудия". Здесь, не уклоняясь от самой сцены смерти, Екатерина ждала его, стоя на коленях перед колодкой, и приняла его голову на свои колени, когда ее отсекли от тела. "Когда он упокоился, - писала она впоследствии, показывая, каким было напряжение, - моя душа тоже упокоилась в мире и покое".

Святую Екатерину не тревожило, когда послы из других городов и даже посланники Папы в Авиньоне приходили к ней за советом по наболевшим проблемам. Она верила, что является посланницей Бога, "служгой и рабой слуг Иисуса Христа", как она называла себя в своих письмах, и что Бог предназначил возрождение Италии не императору, не Священной Римской республике, а самому Папе. Он больше не должен жить в Авиньоне, а должен вернуться в Рим и, утвердившись там, начать работу по реформированию, в котором так остро нуждаются и церковь, и государство. Затем последовал бы призыв к миру, который, признав по его справедливым и щедрым деяниям, что он действительно "Отец христианства", с радостью пришел бы предложить свою верность.

Этот высокий идеал тронул сердца и воображение даже самых малодушных современников Екатерины. Одно из ее писем было адресовано вспыльчивому сэру Джону Хоквуду, которого она убеждала отвести меч от Италии против турок; говорят, что, прочитав его, он дал клятву, что если другие капитаны отправятся в крестовый поход, то и он сделает это.

Святая Екатерина сама отправилась в Авиньон и увидела папу Григория XI - робкого человека, который любил роскошь и душевный покой, сильно опасаясь буйства Рима. В это время все бароны Кампаньи и большинство городов в папских владениях были охвачены войной, и Григория предупредили, что если он лично не отправится умиротворять воюющих, то может потерять все свои мирские владения. Екатерина, посоветовавшись с ним, сурово ответила, что он непременно должен вернуться в Италию, но не по этой причине.

"Откройте глаза вашего разума, - сказала она, - и внимательно посмотрите на это дело. Тогда вы увидите, святой отец, что... для вас более необходимо возвращать души, чем отвоевывать свои земные владения".

В январе 1377 года святая Екатерина одержала свой самый значительный триумф, поскольку Григорий XI, по ее уговорам, явился в Рим и занял там свои покои, положив тем самым конец "вавилонскому плену". Вскоре после этого он умер, и римляне, радовавшиеся его приходу, были охвачены страхом, что его преемник может оказаться французом и вернуться в Авиньон. "Дайте нам римлянина!" - кричали они, толпясь у дворца, где коллегия кардиналов, или консистория, как ее называли, проводила выборы; и кардиналы, полагая, что их разорвут на куски, если они не выберут хотя бы итальянца, поспешно избрали неаполитанца, архиепископа Бари, который принял имя Урбан VI.

Это был неудачный выбор. Урбан искренне желал реформировать церковь, но христианским милосердием, без которого добрые дела бесполезны, он не обладал. Высокомерный, вспыльчивый, яростный в своих частых ненавистях, не знающий ни такта, ни умеренности, он пытался угрозами и оскорблениями заставить кардиналов отказаться от своих богатств и пышности. "Говорю вам честно, - воскликнул один из них, выслушав первые пламенные обличения Папы, - вы не обращались сегодня с кардиналами с тем уважением, которое они получали от ваших предшественников. Если вы умаляете нашу честь, мы умаляем вашу".

Рим вскоре запылал от козней мятежной коллегии, члены которой в конце концов удалились из города, заявили, что их выбор был запуган толпой, что избрание Урбана недействительно и что они намерены назначить кого-то другого. В результате этого нового конклава появился соперник папы, Климент VII, который после короткой гражданской войны бежал из Италии и поселился в Авиньоне.

Великий раскол

Последовавший за этим период называют Великим расколом, одним из времен глубочайшего унижения, в которое когда-либо погружалась папская власть. Из Рима и Авиньона в христианство пришло два набора булл, утверждающих божественную санкцию и необходимость человеческого послушания, авторы которых объявляли себя единственным законным преемником Святого Петра и Отцом Святой Католической Церкви.

На сторону Климента VII встали Франция, ее союзница Шотландия, Испания и Неаполь; на сторону Урбана VI - Германия, Англия и большинство северных королевств; а когда эти папы умерли, избранные ими кардиналы увековечили раскол, избрав новых соперников, чтобы разрушить единство Церкви. Таким образом, в борьбе за временное господство реформа

была забыта, а растущий дух сомнений и скептицизма получил широкое поле для посева своих семян.

Святая Екатерина осуществила свое желание - возвращение папы в Рим, но, как мы видим, не достигла той цели, о которой молилась и которую планировала. Папы четырнадцатого века были людьми той эпохи, в которой жили, а не великими душами, как сама Сиенская святая, которая призвала их к выполнению задачи, на которую они были духовно неспособны. С ее смертью ее идеал угас, и в сознании людей постепенно сформировался другой, а именно "обращение наместника Христа на земле к Самому Христу, пребывающему во всем теле Церкви".

Христианство помнило, что в начале своей истории именно Соборы Отцов, заседавшие в Никее и других местах, определяли Веру и устанавливали законы для Католической Церкви. Теперь предлагалось вновь созвать большой всемирный собор от каждого католического государства, состоящий из кардиналов, архиепископов, епископов, глав монашеских и военных орденов, а также докторов богословия и права. Этот собор должен был получить власть от всего христианства, чтобы положить конец расколу, осудить ересь и реформировать Церковь.

Главным виновником созыва этого собора, собравшегося в Констанце в 1414 году, был Сигизмунд, король римлян, сын императора Карла IV, брат и наследник императора Венцеля, пьяный сопляк, который был также королем Богемии, но совершенно неспособный играть разумную роль в государственных делах. Сигизмунд был королем Венгрии по избранию и благодаря браку с дочерью Людовика [Великого](#)⁴⁷; но его подданные мало уважали его способности и обычно находились в состоянии хронического мятежа. Несмотря на то что у него не было денег и он потерпел решительное и бесславное поражение в битве с турками, он продолжал питать высокие амбиции, желая прежде всего предстать вершителем судеб Европы, который реформирует и церковь, и государство.

Констанцкий собор предоставил ему такую возможность, и, конечно, ни один другой человек не прилагал столько усилий для его успешного проведения. Иногда он лично председательствовал на заседаниях, которые затягивались на четыре года: в другое время он посещал европейские дворы, пытаясь убедить соперничающих пап уйти в отставку или, если они упрямы, гражданских государей отказать им в покровительстве и защите. Он даже пытался, хотя и тщетно, выступить в качестве посредника в Столетней войне, чтобы политические распри французов и англичан не привели к трениям в совете.

Иоанн Гус

Для памяти Сигизмунда прискорбно, что его участие в Констанцском соборе было омрачено предательством. Будучи наследником престола Богемии и неспособного Венцеля, он часто вмешивался в дела этого королевства и считал своим долгом предпринять некоторые шаги в отношении распространения доктрин Виклифа среди своих будущих подданных, особенно в национальном университете Праги. Здесь еретические взгляды ежедневно излагал умный священник и учитель Иоанн Гусс. Ортодоксальные католики в университете были в основном немцами и ненавидели простых богемцев, которые были славянами, и поэтому они восхищались Гусом и следовали за ним как по национальным, так и по религиозным убеждениям.

Сигизмунд был согласен с Гусом в желании радикальной реформы церкви, подходящие средства для которой он надеялся увидеть разработанными в Констанце. В то же время он верил, что представители христианства придут к некоему компромиссу с богемским

учителем по поводу его религиозных взглядов и убедят его своими аргументами отказаться от некоторых из его самых неортодоксальных мнений. С этой целью он пригласил Гуса явиться на Собор, предложив ему безопасную конвоировку.

Многие богемцы заподозрили предательство и покачали головами, когда их национальный герой заявил, что по чести обязан исповедовать свою веру, когда его вызовут. "Да пребудет с вами Бог!" - воскликнул один из них, - "ибо я очень боюсь, что вы никогда не вернетесь к нам". Это пророчество исполнилось, так как Гус, прибыв в Констанц, обнаружил, что Сигизмунд отсутствует, а отношение Собора определенно враждебно ко всему, что он мог бы сказать. После длительного допроса его призвали отказаться от своих заблуждений и, отказавшись, приговорили к смерти как еретика; Сигизмунда, вернувшегося в Констанц вскоре после вынесения этого приговора, убедили, что если он не согласится отказаться от своей конспирации, то все собрание разразится гневом.

Ирод, говорили ему, дал неверную клятву, согласившись исполнить желание дочери Иродиады, и должен был отказаться от ее требования отдать голову Иоанна Крестителя. Клясться в вере еретику также неправильно, потому что в качестве примера и предупреждения для христианства все еретики должны быть сожжены. Поэтому для блага Церкви было крайне необходимо отказаться от такой безопасной связи. В конце концов Сигизмунд угрюмо уступил, сознавая, что это пятно лежит на его чести, но еще больше опасаясь, как бы собор, который он с таким трудом созвал, не растаял, не выполнив своих задач, как надеялись его многочисленные враги.

В июле 1415 года Гусс был сожжен заживо, с непоколебимым мужеством восклицая, когда окружающие убеждали его отречься: "Я готов умереть в той истине Евангелия, которой я учил и писал". Чтобы его не почитали мучеником, прах Гуса бросили в реку, а его одежду уничтожили; но меры, которые действовали, когда Арнольд из Брешии проповедовал немногим, за два века до этого, оказались несостоятельными, когда Иоанн Гус погиб за веру целого народа. Сигизмунд сдержал свой совет, но поплатился за свое неверное слово пламенем ненависти, которую его воцарение в 1419 году вызвало в Богемии и которая продолжалась в течение семнадцати лет того, что обычно называют Гуситскими войнами.

Констанцский собор осудил ересь: ему удалось низложить трех соперничавших пап, и, единодушно избрав нового папу, Мартина V, он положил конец длительному расколу, разделившему Церковь. Вопрос о реформе, самый насущный из всех обсуждавшихся, вызвал такие споры, что люди устали, и его отложили для решения на другой собор, который новый папа обязался созвать через пять лет.

Таковы были практические результаты первой реальной попытки Церкви решить проблемы средневековья не решением одного человека, будь то папа или император, а голосом всего христианства. Если попытка не удалась, то трудности на пути были столь велики, что провал был неизбежен.

Концилиарное движение было современным в том смысле, что это была апелляция к мнению многих, а не одного самодержца; но оно оказалось слишком средневековым в фактическом построении и работе для растущего духа национальности, который принес свои предрассудки и недоразумения в зал заседаний. Англичане и французы, немцы и богема, итальянцы и люди из-за Альп были слишком подозрительны друг к другу, слишком уверены в правильности собственного мировоззрения, чтобы пожертвовать своими индивидуальными, а тем более национальными убеждениями в пользу традиционного авторитета. День мирового правления, как его понимали средневековые государственные деятели, прошел, и Констанцский собор стал свидетелем его ухода.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Данте Алигьери	1265-1321
Король Роберт Неаполитанский	1309-43
Джоанна I Неаполитанская	1343-82
Ладислас Неаполитанский	1386-1414
Джоанна II Неаполитанская	1414-35
Святая Екатерина Сиенская	1347-80
Папа Григорий XI	1371-8
Папа Урбан VI	1378-89
Папа Климент VII	1378-94
Папа Мартин V	1417-31

XXII

ЧАСТЬ I. ПАДЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ

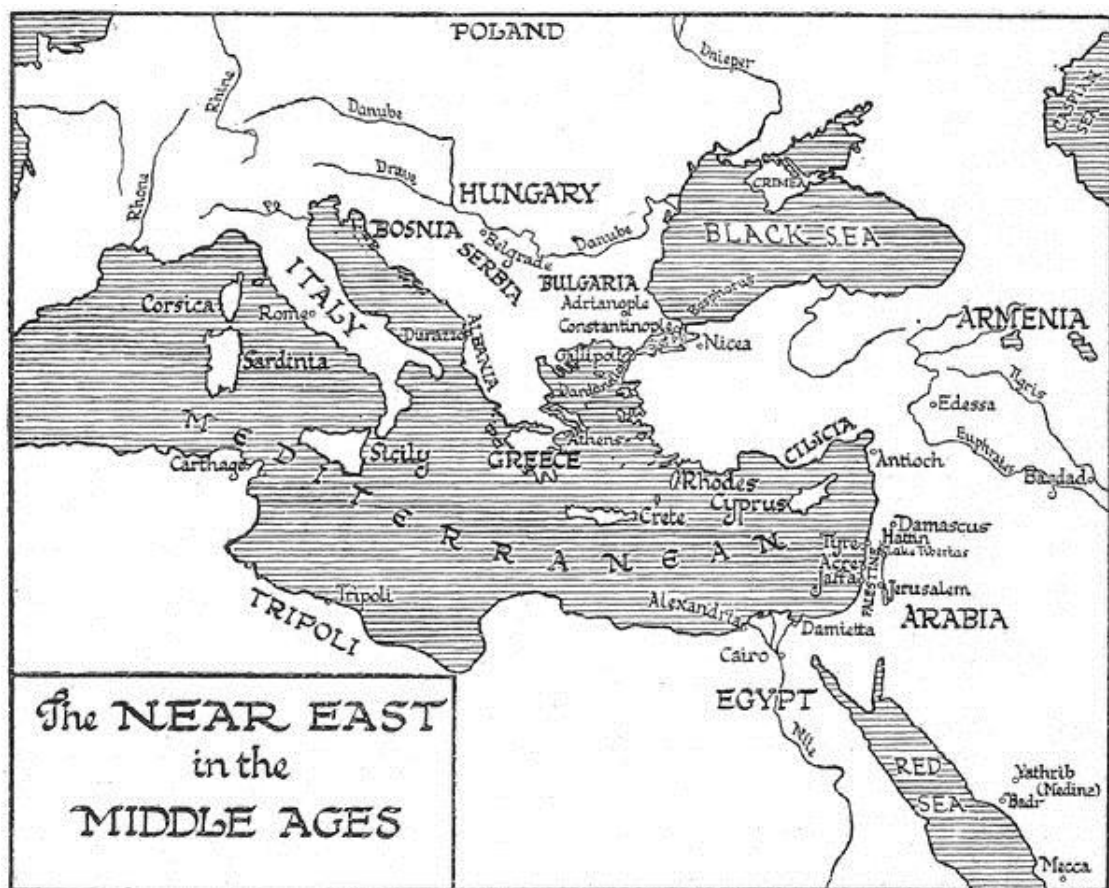
Окончательную неудачу христианства в деле сохранения Восточной Европы от неверных можно проследить по катастрофическому Четвертому крестовому [походу](#)⁴⁸ в тринадцатом веке, когда Венеция, руководствуясь исключительно эгоистическими соображениями, изгнала греческих правителей Константинополя и помогла создать латинскую или франкскую империю. Эта империя просуществовала пятьдесят семь лет, слабая в своем основании и становящаяся все слабее, как плохо построенный дом, готовый рухнуть на землю при первой же буре. Она претендовала на то, чтобы охватить всю территорию, принадлежавшую ее предшественникам, но многие из феодальных землевладельцев, которых она назначила, так и не смогли вступить во владение своими поместьями, которые остались под властью независимых греческих или болгарских князей, а в Малой Азии изгнанные греческие императоры правили в Никее, ожидая возможности пересечь Босфор и совершить триумфальное возвращение.

Михаил Палеолог, которому представилась такая возможность, был беспринципным авантюристом, который благодаря своей военной репутации был назначен опекуном юного императора Никеи Иоанна Дукаса, восьмилетнего мальчика. Воспользовавшись этим положением, Михаил изгнал со двора всех, кого считал бескорыстными приверженцами своего подопечного, а затем объявил себя императором вместе с ребенком. Эти амбициозные притязания стали лишь шагом к худшим деяниям, так как еще до того, как ему исполнилось десять лет, несчастный маленький император был ослеплен и брошен в темницу по приказу своего соправителя, а Палеологи стали правящим домом Восточной империи.

Восточная империя

Это был злой день для христианства, ибо, хотя Михаил Палеолог сломил сопротивление всех греческих князей, осмелившихся возмутиться тем, как он узурпировал трон, а затем сумел войти в Константинополь, ни он, ни его потомки не были такими людьми, чтобы сохранить

завоеванное. Почти все Палеологи были слабыми и лживыми: Сам Михаил был настолько непостоянен в своих делах, что друзья доверяли ему меньше, чем враги. Поскольку он завоевал свой трон обманом и жестокостью, то, подобно итальянским деспотам, всегда был подозрителен, чтобы кто-нибудь из его генералов не выступил против него и не перехитрил его. Поэтому, вместо того чтобы следить за постоянно растущей мощью магометан, что должно было побудить мудрого человека держать сильную армию вдоль границ империи в Малой Азии, он так боялся своих собственных греческих войск, что, утвердившись в Константинополе, распустил целые полки и сослал их лучших офицеров. Все, что он делал, было рассчитано только на обеспечение его сиюминутной безопасности или выгоды, без всякой мысли о будущем, так что он умер, оставив свое королевство легкой добычей для иностранных врагов, достаточно сильных, чтобы воспользоваться преимуществом.

Ближний Восток в средние века

Помимо неправильного правления Михаила Палеолога, действовали и другие факторы, которые активно подрывали восстановленную Греческую империю. Так, греческие и болгарские князья, получившие независимость во время правления латинян в Константинополе, не собирались возвращаться к прежнему подданству; то тут, то там возникали феодальные государства, например Афинское герцогство, созданное латинянами и до сих пор удерживаемое ими, хотя франкский император, который был их сюзереном, исчез. Острова в Эгейском море в большинстве своем находились в руках венецианцев, и Венеция заботилась о том, чтобы Греческая империя, чей флот она вытеснила из Средиземноморья в XIII веке, не построила еще один, достаточно сильный, чтобы отвоевать эти торговые и военно-морские базы. Точно так же и торговля, ушедшая из Константинополя, не вернулась обратно: города Средиземноморья предпочитали вести дела за свой счет с

сирийскими и египетскими купцами, а не платить пошлину "посреднику" на рынках Палеологов.

По всем этим причинам легко понять, что новая Византийская империя находилась в гораздо худшем состоянии слабости и нестабильности, чем старая. Подобно Филиппу IV Французскому, который считал финансовые методы Карла Великого совершенно не подходящими для решения своих более современных задач и расходов, Палеологи столкнулись с системой управления законами и взимания налогов, которая, полностью разрушившись под тяжестью иностранного вторжения, была еще более неспособна найти приемлемое решение проблем XIV века. Более практичные правители могли бы изобрести новые методы, но единственной надеждой выскочек, которые узурпировали власть, не осознавая ответственности, которую она влечет за собой, было обращение за военной и финансовой помощью к Западу, как во времена Алексия Коммена.

Такой помощи оказалось мало. Венеция и Генуя, некогда охотно участвовавшие в крестовых походах, теперь были слишком заняты борьбой за господство в Средиземноморье, чтобы выступать вместе в качестве союзников в восточных водах. Папы, раздосадованные тем, что свержение Латинской империи привело к восстановлению греческой церкви, с готовностью рассматривали повторное обращение Византии в качестве приманки; но даже если бы они выразили свое сочувствие, у них было слишком много собственных политических проблем, чтобы давать щедрые обещания, которые могли быть выполнены. Западная Европа, по сути, была слишком заинтересована в собственной национальной борьбе, чтобы откликнуться на призывы к крестовому походу, слишком слепа в своих узких корыстных интересах и предубеждениях против греков, чтобы осознать, какую опасность должно нести разрушение Константинополя тем, кто веками использовал его в качестве оплота.

Турецкое вторжение в Европу

Андроник II, сын и преемник Михаила, был столь же жесток и лжив, и еще более труслив лично. Он увидел опасность магометанского вторжения, которую игнорировал его отец, и в страхе перед турками и собственными подданными нанял отряд каталонских наемников, которые сражались за арагонцев против анжуйцев на Сицилии в войне, начатой сицилийской [вечерней](#)⁴⁹. После окончания этой войны капитан каталонцев Роже де Флор, тамплиер, изгнанный из ордена за свои дикие поступки, был готов обнажить меч на новом поле славы и грабежа, поэтому, получив ослепительные обещания награды и дружбы, он и его "веселые люди" отплыли на Восток.

Однако, обосновавшись в Греции, каталонцы оказались настолько высокомерными и незаконными, что греки жаловались, что они гораздо хуже магометан. Начались ссоры, и, наконец, в ходе ожесточенного спора между Рожером де Флором и Андроником испанский генерал был убит, когда разговаривал со своим господином. Этот акт вероломства, дополненный растущим негодованием по поводу ограниченных денежных средств, которые император нехотя выделял для своей иностранной армии, превратил каталонцев из притворных союзников в орду яростных врагов. От стен самого Константинополя их оттеснили, но в других местах они жгли, убивали и опустошали страну, пока, наконец, не достигли Афин, взяли штурмом стены этого города, убили его латинского герцога и утвердились в качестве независимой республики.

К тому времени, когда они перестали кочевать, каталонцы тоже перестали быть опасными, но в своих диких скитаниях они нанесли неисчислимый вред Византийской империи. Андроник, который с трудом сдерживал их перед воротами своей столицы, был Андроником, который не мог надеяться противостоять вторжению в Малую Азию; и через его восточные границы,

слабо защищенные гарнизоны со времен Михаила Палеолога, турки хлынули в неодолимом количестве. Вскоре из всех своих провинций по Босфору у Греческой империи осталась лишь полоска побережья к северу от Дарданелл, и, наконец, она тоже была отторгнута, а турки переправились через проливы и захватили Галлиполи как базу для будущих операций в Европе.

Главным магометанским эмиром в этот период завоеваний был некий Орхан, сын Османа, чье имя в форме "Оттоман" до сих пор носит его ветвь турецкой расы. Этот Орхан был таким же жестоким и беспринципным, как Палеологи, но гораздо более государственным человеком; поскольку, завоеывая территории греческих императоров и соперничающих эмиров в Малой Азии, он укреплял свое правление над ними с помощью справедливого и осторожного управления, которое постепенно объединило их в компактное государство.

Когда разразилась гражданская война между Иоанном V, внуком Андроника II, и его опекуном и соправителем, хитрым интриганом типа Михаила Палеолога по имени Иоанн Кантакузен, последний, совершенно лишенный патриотизма, обратился за помощью к Орхану. Он даже предложил ему в жены свою дочь, на что турк охотно согласился, отправив во Фракию большой отряд вспомогательных войск в знак своих дружеских намерений по отношению к будущему тестю. Он решил, что эти войска должны остаться, и христианам было очень трудно вытеснить их в последующие годы, так как турецкие легионы были усилены приемом Орхана, который сделал больше для сохранения его имени в памяти людей, возможно, чем любая из его побед.

В завоевательных походах эмира было принято не притеснять покоренных, а взимать с них дань как деньгами, так и жизнью детей. Из каждой деревни, переходившей под власть Орхана, его воины уводили из своих домов определенное количество мальчиков, отобранных по состоянию здоровья и крепким, хорошо развитым конечностям. Этих детей помещали в казармы, где их воспитывали без всяких знаний о прежней жизни, чтобы они стали воинами Пророка - фанатичными, высокодисциплинированными, искусными в обращении с луком и саблей, привитыми только одним идеалом и стремлением - преуспеть в государственном управлении или на поле боя.

Из-за их чрезмерной преданности эмиры выбирали из числа этих "детей дани" своих визирей и других главных чиновников, а большинство вступало в пехотный корпус "янычар", или "новых солдат", чья свирепость и выносливость при атаке или удержании, казалось бы, невозможных позиций, стала ужасом для Европы. По словам одного современного историка, "с дьявольской изобретательностью турки обеспечивали победу Полумесяца детьми Креста и обучали христианских мальчиков разрушать независимость и власть своей страны и своей Церкви".

В 1361 году, через несколько лет после смерти Орхана, турки захватили Адрианополь и таким образом вступили в контакт с другими христианскими народами, помимо греков, а именно с сербами и венграми.

Сербы были главной славянской расой на Балканах, и при их великом правителе Стефане Душане казалось вероятным, что они станут доминирующей державой в Восточной Европе. Короли Болгарии и Боснии были их вассалами; они совершили завоевания в Албании и Греции, открыв тем самым путь к Адриатическому и Эгейскому морям. Для христианства было бы хорошо, если бы эта энергичная раса бойцов смогла покорить слабых греков и представить туркам, когда они перейдут Босфор, врага, достойного сравниться с янычарами

в упорном мужестве. К сожалению, Стефан Душан умер до начала турецкого вторжения, оставив свой трон молодому сыну, "юноше с большими способностями", как описывает его сербский летописец, "тихому и милостивому, но без опыта".

Только опыт или железная воля могли удержать в те тяжелые времена королевство, полагавшееся в своей защите на мечи ссорящейся знати; и Сербия распалась на множество мелких княжеств, ее распаду способствовала честолюбивая ревность Людовика Великого Венгерского, который не упускал возможности расчленить и ослабить это братское королевство, которое в противном случае могло бы стать помехой для его собственных имперских проектов.

О карьере Людовика мы рассказывали в других главах и видели, как он смиряет венецианцев, изгоняет Джоанну I из Неаполя, приобретает польский престол, сражается с турками и императором Карлом IV. Поскольку он безрассудно тратил свою энергию на все эти проекты, Людовик остался для потомков, если не считать цивилизующего влияния его придворной жизни, одним из архиразрушителей Средневековья, государем, который больше, чем кто-либо другой, подверг Восточную Европу магометанскому завоеванию. Если бы он воздержался от своей постоянной агрессивной политики по отношению к Сербии, позволив ей объединить своих подданных князей перед лицом вторгшихся турок, или если бы он был достаточно могущественным, чтобы основать Венгерскую империю, которая поглотила бы и Сербию, и Константинополь и стала бы оплотом на Востоке, средневековая история завершилась бы на другой сцене. Вместо этого знаменитые победы Людовика над турками, сделавшие его имя почитаемым в христианстве, были сведены на нет другими частичными победами над христианскими народами, которые должны были стать его союзниками.

Битва при Коссово

На поле Коссово в 1389 году сербы, лишенные половины своих провинций, ослабленные и преданные венграми, встретились в бою с турками. Обе стороны оставили свидетельства о жестокости борьбы. Ангелы на небесах", - говорили турки, - "пораженные страшным шумом, забыли небесные гимны, которыми они всегда славил Бога", "поле битвы стало похоже на тюльпанную грядку с румяными отрубленными головами и скатывающимися тюрбанами". Лишь немногие, - писал сербский летописец, - вернулись в свою страну".

Когда день закончился, и сербский король Лазарь, и турецкий султан лежали мертвыми среди своих воинов, и победа, если судить по реальному сражению, не досталась ни христианину, ни мусульманину. Однако на самом деле турки могли предоставить другие армии, столь же многочисленные и столь же хорошо оснащенные, чтобы занять место павших, в то время как сербы исчерпали все свои силы: таким образом, плоды битвы полностью перешли в руки неверных.

"Нам тяжело, тяжело после Коссово", - говорит современная сербская поговорка, потому что сербы никогда не забывали тот день, когда они вели свою последнюю отчаянную битву в качестве поборников Креста и на время потеряли амбиции господства над Восточной Европой.

За Сербией осталась слава, (гласит старая баллада)

* * * * *

Да! До тех пор, пока не родится младенец,
Или человек на земле...
До тех пор, пока хоть одно зернышко
Пока не пожнет кукурузу рука человека,
Пока трава растет
На могучей равнине Косово...
Так долго, так долго, даже так
Будет слава о тех.
Кто в этот день в бою был убит.

Со дня Косово окончательное завоевание турками Восточной Европы стало несомненным. Отсутствие амбиций у одних султанов и борьба не на жизнь, а на смерть, в которую оказались вовлечены другие в Малой Азии против татарских племен, лишь отсрочили время расплаты, но она наконец наступила в середине XV века, когда Мухаммед II, "Завоеватель", решил воцариться в Константинополе.

Этот знаменитый в средневековой истории Мухаммед был сыном сербской принцессы и, как говорят, вырос равнодушным как к христианству, так и к исламу. Его описывают как обладателя "красно-белых щек, полных и круглых, крючковатого носа и решительного рта", а льстецы шли еще дальше и заявляли, что его усы "как листья над двумя бутонами роз, а каждый волосок бороды - нить золота". По характеру из вспыльчивого, недисциплинированного мальчика он превратился в своевольного мужчину, стремящегося к удовлетворению своих амбиций и желаний. Он умел говорить или, по крайней мере, понимать арабский, греческий, персидский, иврит и латынь; летописцы пишут, что именно при чтении триумфов Александра и Юлия Цезаря он впервые проникся мыслью стать великим полководцем.

Его соперник, Константин XI, последний и лучший из Палеологов, был человеком совершенно иного типа, чем турок, да и вообще его собственные предки. Он был предан христианской религии и Греции - храбрый, простой и великодушный. Когда ему впервые стало известно об агрессивной враждебности Мухаммеда, он попытался обезоружить его, освободив турецких пленников. "Если Богу будет угодно смягчить ваше сердце, - писал он, - я буду радоваться; но как бы то ни было, я буду жить и умру, защищая свой народ и свою веру". Его слова были проверены на практике, когда осенью 1452 года началась осада Константинополя.

Падение Константинополя

Император с отчаянием искал помощи на Западе, для обеспечения которой император Иоанн V в прошлые годы сам посетил Рим и официально отказался от всех взглядов греческой церкви, не согласных с католической доктриной. Одним из главных пунктов спора было использование католиками пресного хлеба в таинстве мессы; другим - слова Никейского Символа веры, провозглашающие, что Святой Дух "исходит" как от Сына, так и от Отца.

Во всех вопросах веры и церковной юрисдикции Иоанн V, а затем и сам Константин открыто признали верховенство Рима, но их подчинение не спасло их королевство в час опасности: хотя оно и не вызвало особой военной поддержки со стороны католических народов, оно вызвало острую враждебность и вероломство внутри страны. Многие греки отказались подписать подпись своего государя под актом, который они считали национальным предательством. Некоторые открыто заявляли, что победы магометан - это Божья кара

королям, оставившим веру своих отцов, и что лучше видеть тюрбаны неверных в Святой Софии, чем красную шапку кардинала.

Когда же Мухаммед начал громить своими четырнадцатью батареями некогда неприступные стены Константинополя, пробивая в них огромные бреши, разрушение города стало вопросом нескольких дней. Говорят, что султан, стремясь овладеть городом, предложил императору и его армии свободу и религиозную терпимость, если они капитулируют. "Я хочу либо трон, либо могилу", - ответил Константин, прекрасно понимая, что из двух этих вариантов должно стать его судьбой.

Кроме четырех тысяч собственных подданных, он мог командовать лишь несколькими сотнями наемников, присланных Папой, и тремя сотнями генуэзцев. Венецианцев и других западноевропейцев было еще меньше, и именно с этой миниатюрной армией он укомплектовывал широкий круг стен, совершал вылазки и восстанавливал, как мог, бреши, проделанные тяжелыми пушками.

Состязание было до абсурда неравным, ведь у Мухаммеда было около двухсот пятидесяти восьми тысяч человек; и в мае 1453 года героической борьбе пришел неизбежный конец. Через проломы в стене, которые не оставалось сил заделать, поднималась волна за волной фанатичных янычар, кричащих о своих надеждах на победу и рай. Под их непрерывными ударами защитники слабели и ломались, сражаясь до последнего в узких улочках, пока не был убит сам Константин, тело которого позже узнали только по золотым орлам, вышитым на его обуви.

Женщины и многие греки, отказавшиеся от помощи в это кризисное время из-за подчинения императора католической церкви, были вырваны из своего святилища в Святой Софии и проданы в рабство на рынках Сирии.

Так был потерян второй город христианства для неверных, а старая Римская империя, восстановление которой было идеей средневековья на протяжении веков, погибла навсегда.

* * * * *

Возмездие, по крайней мере в соответствии с человеческими представлениями о справедливости, часто кажется запаздывающим в истории; но в случае падения Константинополя некоторые из виновных, наиболее ответственные из-за своего эгоистичного безразличия, были быстро призваны заплатить наказание. Магомет II, раздув свои амбиции благодаря тому, чего он уже добился, задумал уничтожить христианство, заявив, что будет кормить своего коня от алтаря Святого Петра в Риме. С огромной армией он прошел через Сербию и осадил Белград; но здесь он был отброшен христианским защитником Иоанном Хуньяди, "нечестивцем", как гласит турецкое название, с такими людскими и материальными потерями, "что Венгрия и восточная Германия были спасены от серьезной опасности на восемьдесят лет".

Иначе обстояло дело с балканскими государствами, чьи правительства, разделенные в своих советах, ревнивые в своем соперничестве, были неспособны к союзу, который только и мог их спасти, и одно за другим они были раздавлены под пятой "Завоевателя". Греция также оказалась под властью мусульман, и, наконец, острова Эгейского моря, которые Венеция отвоевала у Константинополя в интересах своей торговли, были отняты у нее, оставив ее перед перспективой торгового разорения.

ЧАСТЬ II. ПУТЕШЕСТВИЯ И ОТКРЫТИЯ

Марко Поло

На протяжении всего Средневековья Европа обращалась к городам Средиземноморья, прежде всего к Амальфи и Пизе, затем к Марселю, Барселоне, Генуе и Венеции, как к очевидному средству связи с Востоком и всеми его сказочными чудесами. В XIII веке венецианский купец Марко Поло, отправившись вместе с отцом и дядей в путешествие, посетил королевство Катай, или Китай, и через двадцать лет привез оттуда не только чудесные рассказы о дворе Хубла-хана в Пекине, но и драгоценные камни, рубины, сапфиры, алмазы и изумруды в таком изобилии, что вскоре сограждане прозвали его "Марко Миллионов".

В восторженные уши гостей, которых он пригласил на банкет по возвращении, он влил описания страны, где "купцы так многочисленны и так богаты, что об их богатстве нельзя ни сказать, ни поверить. Они и их дамы ничего не делают своими руками, но живут так изысканно, как будто они короли". Больше всего его средневековый ум поразили огромные общественные бани в "Городе Неба" на юге Китая, которых было четыре тысячи, "самые большие и самые красивые бани в мире".

Банкеты, которые также давал великий хан, превосходили все европейские пиры. На них присутствовали многие тысячи гостей, а хозяин, возвышавшийся на помосте, имел в качестве слуг главных вельмож, которые обматывали их рты богатыми полотенцами, чтобы они не дышали на царские блюда. В качестве подарков хан имел обыкновение получать за раз около пяти тысяч верблюдов или столько же слонов, задрапированных в шелковые ткани, отделанные серебром и золотом. Его правительство по своей организации превосходило все, что Европа могла себе представить со времен падения Римской империи, например, почтовую систему, с помощью пеших и конных гонцов связывавшую Пекин с землями, находящимися на расстоянии ста дней пути, или благосклонное отношение правителя, который во времена неурожая не только отменял налоги, но и отправлял зерно в главные районы, которые пострадали.

В Китае широко использовался уголь - "вид черного камня, добываемого из гор в жилах", как описывает его Марко Поло. "Он поддерживает огонь, - добавил он, - лучше, чем дерево, и во всем Китае используется это топливо".

Помимо подробных рассказов о богатстве и процветании Китая, венецианец много рассказывал о Зипангу, или Японии, о Тибете и Бенгалии, о Цейлоне, "самом прекрасном острове в мире", и о Яве, ширина которой, как тогда считалось, "превышает три тысячи миль".

Другие путешественники подтверждали многие из его утверждений, но никто не рассказывал свои истории так просто и реалистично, как Поло, а некоторые, как английский сэр Джон Мандевиль в XIV веке, снабжали вымыслом в больших дозах там, где им казалось, что правда может наскучить их читателям. То, с какой готовностью поглощались факты или вымыслы, свидетельствует, во всяком случае, во-первых, о необычайном очаровании, которое вызывали в средневековых умах такие названия, как "Катай" или "Зипангу", а во-вторых, о всеобщей вере Запада в неисчерпаемые богатства Востока и его решимости завладеть хотя бы их частью.

Когда турки-сельджуки с их яростной враждой к христианству встали, как занавес, между Востоком и Западом, опасности и расходы на торговлю и коммерцию с Аравией и Малой

Азией, конечно, возросли. Венеция и Генуя по-прежнему привозили на западные рынки грузы шелка, пряностей и духов, но цена этих товаров увеличивалась за счет пошлин, которые платили турецким султанам и эмирам за разрешение пересаживать товары с верблюдов на торговые шлюпы. Затем произошло падение Константинополя, и Венеция, заключив в следующем году договор с "Завоевателем", казалось, получила прекрасные торговые привилегии. Мухаммед, однако, давал такие обещания только для того, чтобы нарушить их при удобном случае, и, как только он мог себе это позволить, поскольку надежно закрепился в Европе, пошлины, которые он требовал, становились все тяжелее, а не легче, ограничения, которые он на торговлю, все более и более раздражали христианских купцов, пока обычные покупатели венецианских товаров не стали приходить в ярость от цен, которые постоянно удваивались и утраивались.

Путешествия и открытия

Было только два способа избежать этой постоянно усиливающейся политики эксплуатации, помимо отказа от таких роскошеств: либо полное покорение турок, что заставило бы их вновь открыть старые караванные пути на Восток, либо открытие нового маршрута, который позволил бы полностью избежать их владений. Во многом благодаря слепому эгоизму средиземноморских городов, и особенно Венеции, мы видели, что золотая возможность помочь Византийской империи была упущена навсегда. Таким образом, первый способ потерпел неудачу. Осталось разобраться со вторым - путешествиями первооткрывателей, которыми уместно завершить Средневековье.

Генрих "Морепоплаватель"

В конце XIV века в Португалии родился принц Генрих, третий сын короля Иоанна I, внук по матери-англичанке Джона Гонта, герцога Ланкастерского. Еще будучи мальчиком, этот принц прославился тем, что участвовал во взятии Сеуты, мавританского города, расположенного прямо напротив Гибралтара на североафриканском побережье. В обычном португальском сознании это завоевание породило надежды на постепенное поглощение южного побережья Средиземного моря и, возможно, на конкуренцию в Леванте с Генуей и Венецией; но принц Генрих видел дальше, чем обычные умы. Проблема, которую он поставил перед собой и перед любым арабом или европейцем, способным предложить решение, заключалась в следующем: что произойдет, если вместо того, чтобы войти в Средиземное море, португальские корабли поплывут на юг? Насколько велик был этот неизвестный участок земли под названием Африка, на картах которого географы скрывали свое невежество, наклеивая ярлыки типа "Здесь гиппографы! Вот двухголовые чудовища!""? Разве нельзя было бы добраться до прославленных чудес Катая, проплыв сначала на юг, а затем на восток вокруг Африки, избежав при этом торговых путей через Сирию и юг России?

К счастью, принц Генрих сам был математиком и географом, потому что многие люди в ответ на его расспросы говорили ему, что Африка заканчивается на мысе Нам, не так много миль к югу от Танжера, а другие - что белый человек, осмелившийся парус дальше определенной точки, почернеет от солнечного жара, а воды будут кипеть вокруг его судна, а ветры разнесут по горизонту языки пламени.

Принц Генрих отказывался верить подобным рассказам. Сам он не мог плавать, так как был часто занят войнами в Африке с маврами; но год за годом он снаряжал корабли за свой счет и выбирал самых смелых мореплавателей, которых мог найти, подкупая их обещаниями награды и славы, чтобы они бороздили неизвестные африканские берега. Он сам построил военно-морской арсенал в Сагреше на южном мысе Португалии, и здесь, когда не был занят

государственными делами, изучал небо, составлял карты и с тревогой следил за возвращением парусов своих отважных искателей приключений.

При жизни принца Генриха португальцы или итальянцы, находившиеся у него на службе, открыли не только Мадейру, или "лесной остров", как они окрестили его из-за множества лесов, но и Канарские острова, острова Зеленого Мыса и африканское побережье вплоть до Гамбии и Сьерра-Леоне. Вскоре отпала необходимость подкупать мореплавателей, чтобы они шли на риск, ведь те, кто первыми отправлялись в эти авантурные путешествия, привозили с собой негров и золотую пыль в качестве доказательства того, что они побывали в землях, где люди могут жить и где их ждут несметные богатства. Таким образом, работа по исследованию продолжалась с радостью.

В 1471 году, через несколько лет после смерти принца Генриха, португальские мореплаватели пересекли экватор, не испепелившись на солнце и не подняв пламя, как предсказывали суеверные люди. Следующим важным шагом на этом новом пути в Азию стало плавание Бартоломеу Диаса, который, плывя все дальше на юг, пронесся под ледяным ветром, сам того не зная, вокруг мыса, мимо Столовой горы, а затем, повернув на восток, высадился наконец на маленьком острове Санта-Крус в заливе Алгоа, где установил крест. Он бы исследовал и материк, но кафиры, вооруженные тяжелыми камнями, собрали и отогнали десант.

Диас, ободренный успехом, хотел плыть дальше, но его команда устала от приключений, и со слезами сожаления на глазах он был вынужден уступить их угрозам мятежа и повернуть домой. В Лиссабоне, описывая свое плавание, он сказал, что из-за опасности назвал самую южную точку Африки "Мысом бурь", но король Португалии, узнав, что это действительно предел континента и что за ним, по всей вероятности, лежит путь в Азию, не согласился на такое злополучное название. Он заявил: "Это будет мыс Доброй Надежды", и так оно и осталось.

Васко да Гама

В 1498 году работу по исследованию, начатую Диасом, завершил другой знаменитый мореплаватель, Васко да Гама. Национальные надежды на богатство и славу были связаны с его задачей, и когда он и его компания отправились к своим кораблям, большая толпа вышла с ними на берег, неся свечи и распевая торжественную литанию. Затем паруса четырех его кораблей скрылись за горизонтом, и их не было видно два года и восемь месяцев, но когда, наконец, мужчины и женщины начали отчаиваться от великого молчания, их герой вновь появился среди них, принеся новости, более удивительные и славные, чем все, на что Португалия смела надеяться.

В этой главе не хватит места, чтобы рассказать о приключениях, которые Васко да Гама поведал королю и его двору. Казалось, он и его экипажи неделями плыли среди "одинокое унылого пространства морей и бескрайнего неба": они вступали в стычки с готтентотами и "удвоили мыс", попав в такой водоворот волн и штормовых ветров, что стены деревянных кораблей сочились водой, а отчаяние и болезни охватили всех. Васко да Гама, даже будучи больным и подавленным, не отступал от своей цели. На восток и на север, под угрозы своих матросов, он поднял паруса и в день Рождества высадился на побережье, которому в память о самом знаменитом *Dies Natalis* дал название Наталь.

Из Наталья, борясь со страшной болезнью цингой, вызванной длительным питанием соленым мясом, португальский командир продолжал свой путь, подвергаясь нападениям свирепых магометанских племен, когда он часто высаживался на берег за водой и свежей пищей, пока

наконец, ведомый арабским лоцманом, которого он подобрал, не пришел в гавани Каликута в Индии, где жил христианский король. Новый путь в Азию был открыт. Удачное предприятие - много изумрудов..... Вы должны благодарить Бога за то, что привел вас в страну с такими богатствами", - заявляли туземцы, и португальцы громко радовались этой славной национальной перспективе.

Вероятные последствия путешествия Васко да Гамы не остались незамеченными и в других странах Европы. "Скоро, - воскликнул венецианский купец в глубоком унынии, - покупать товары в Лиссабоне будет дешевле, чем в Венеции". В этих словах прозвучал предсмертный звон торгового процветания великой республики.

Христофор Колумб

Тем временем, за несколько лет до триумфального достижения Васко да Гамы, было сделано еще более значительное открытие, которому со временем суждено было изменить весь торговый облик мира. Его автором стал генуэзский моряк Христофор Колумб, который, как гласит предание, однажды проплыл на север до Исландии, а на юге - до острова Порту-Санту. В свободное время его всегда можно было найти склонившимся над картами и схемами, вычисляющим, приплетающим к своим аргументированным математическим доводам рассказы потерпевших кораблекрушение мореплавателей, пока, наконец, он не донес до ушей своих изумленных собратьев схему, как найти Китай, не плывя на юг или восток, а следуя на запад через Атлантику.

Вот описание Атлантики в четырнадцатом веке, мрачная картина, которая все еще была популярна в пятнадцатом: "Огромный и безбрежный океан, по которому корабли не осмеливались выходить за пределы суши. Ведь даже если бы моряки знали направления ветров, они не знали бы, куда эти ветры их понесут; а поскольку за океаном нет населенных стран, они рисковали бы затеряться в тумане и испарениях". Границей запада является Атлантический океан".

Многие люди все еще верили, что мир плоский и что переплыть Атлантику - значит подвергнуться риску быть выброшенным ветрами за край в космос. Таким образом, Колумб встречал либо упреки в том, что он идет на такой риск, либо насмешки за свою глупость, но он был настолько убежден в собственной мудрости, что его энтузиазм только возрастал в результате противодействия.

Без денег или королевского покровительства он не мог надеяться на успех путешествия, поэтому он изложил свой план королю Португалии, обычно охотно покровительствующему приключениям. К несчастью Колумба, открытия на африканском побережье сулили Португалии такие богатства и торговлю, что ее правитель не был склонен рисковать в других направлениях, которые, хотя и требовали расходов, пока не давали никаких гарантий возврата денег.

"Я отправился укрыться в Португалию, - писал Колумб позднее, - поскольку король этой страны разбирался в открытиях лучше, чем кто-либо другой, но... за четырнадцать лет я не смог заставить его понять то, что я говорил". В конце концов, получив решительный отказ, Христофор отправился из Португалии в Испанию, отправив своего брата Бартоломею с письмом, в котором объяснял свой проект английскому королю Генриху VII. Интересно отметить, что остроумный Тюдор, как только схема была представлена ему, как говорят, выразил готовность узнать больше и оказать поддержку; но Варфоломей потерпел кораблекрушение во время своего путешествия на север, и из-за этой задержки Колумб уже

получил покровительство Испании и отправился в путешествие, прежде чем его брат вернулся с новостями.

Именно королева Изабель Кастильская, супруга короля Фердинанда [Арагонского](#)⁵⁰, после долгих колебаний и вопреки совету совета ведущих епископов и государственных деятелей решила, наконец, заручиться поддержкой мореплавателя и, по преданию, отдать ему свои драгоценности, если потребуется. Отчасти его проект привлекал ее кастильское воображение, ведь Кастилию всегда преследовали мысли о возможностях мрачного серого океана, раскинувшегося у ворот Галисии; но еще сильнее, чем мысль об открытиях, было желание распространить католическую веру. Эта надежда вдохновляла и Колумба, который рассматривал свое предприятие как крестовый поход, считая, что он призван проповедовать Евангелие миллионам язычников, населяющих Китай.

Когда Колумб отправился в свое первое плавание в "Индию", как он условно назвал неизвестную территорию, которую он искал, те, кто плыл на его трех кораблях, были многие из них "прессованными" людьми, то есть матросами, которых заказал на борт их город, и которые, навлекая на себя королевское недовольство, получили такой способ его умиротворить. Поэтому они без энтузиазма и веры отнеслись к безумной и опасной, по их мнению, авантуре адмирала и с того момента, как потеряли землю из виду, не переставали роптать и угрожать мятежом. То они жаловались на необычайные колебания компаса, то на постоянство ветра, дующего с востока, который, по их мнению, никогда не изменится и позволит им вернуться домой, то на вялые воды Саргассова моря, среди водорослей которого они считали себя обреченными дрейфовать, пока не умрут от голода и жажды. На каждое предложение поставить паруса на восток Колумб отмалчивался, а остальным угрожал, уговаривал или спорил, в зависимости от случая, и его собственное сердце замирало каждый раз, когда раздавался крик "Земля!", а столь желанное видение оказывалось лишь облачной грядой, низко лежащей на горизонте.

Наконец пришло известие, что во тьме появился движущийся свет. Он был похож на свечу, которая то поднималась, то опускалась", - пишет Колумб в своем дневнике, и все с нетерпением ждали рассвета, на котором наконец показался лесистый остров, позже названный Багамами, но тогда считавшийся частью материка Азия. Облаченный в доспехи и неся королевское знамя Испании, великий первооткрыватель Запада сошел на берег, и там, смиренно преклонив колени, он и его экипажи вознесли к небесам благодарственную и радостную *песнь Te Deum*.

Всего Колумб совершил пять путешествий на Запад, поскольку однажды указанный путь оказался достаточно простым, и ему не нужно было "натаскивать" экипажи для этого предприятия, а скорее, наоборот, оберегать от непрошенных безбилетников. Смуглокожие индейцы, разноцветные попугаи, золотые самородки и диковинные корни, которые он привез в качестве свидетельства своего первого успеха, воспламенили умы и амбиции испанцев такими большими надеждами на богатство и славу, что они чуть ли не дрались за право присоединиться к экспедициям.

За путешествие в Индию Васко да Гама был вознагражден большой пенсией и португальским титулом "Дом": он умер в почтенном возрасте. Печально, что после первого триумфального возвращения, когда никакая слава и похвала не казалась слишком большой, чтобы одарить своего героя, испанцы ополчились против Колумба. Они обвиняли его в том, что золота не было больше; что его поселенцы ссорились и враждовали с туземцами; что, хотя он и был великим мореплавателем, он не оказался "губернатором", способным легко

контролировать и управлять другими людьми. Не мало людей завидовали его гению и со злости решили погубить его.

Из своего третьего путешествия на Запад Колумб был отправлен врагами в цепях, больной от уязвленной гордости за позорное обращение. Королева Исабель, узнав об этом, немедленно приказала освободить его и попыталась успокоить его негодование; но вскоре после этого она сама умерла, и Фердинанд, предоставленный самому себе, был всецело увлечен арагонскими амбициями в Средиземноморье. Для него завоевание Неаполя было гораздо важнее любого открытия Китая, поэтому жалобы Колумба остались без внимания, и он умер в нищете, забытый всеми, кроме немногих. После двадцати лет трудов и опасностей, - с горечью восклицал он, когда его спускали на берег после последнего плавания, - я не имею в Испании даже крыши над головой".

Новый Свет, в который он открыл вход, получил имя другого человека, а именно флорентийца Америго Веспуччи, который, проплыв за Вест-Индию, достиг материка.

Открытие Колумба оказало огромное влияние на жизнь Европы. Атлантика больше не стояла серой стеной между человеком и Неведомым. Она стала дорогой не в Китай, а на большой Запад, где лежали богатства, превосходящие все человеческие мечты, готовые как урожай для предприимчивых и трудолюбивых.

Центральной дорогой средневековой торговли было Средиземное море, дорогой современного мира должна была стать Атлантика, и коммерческое будущее Европы зависело не от городских республик Юга, а от народов Севера и Запада, от Португалии и Испании, от Фландрии и Англии, которые лежали на задворках Старого Света, но стояли в самом сердце Нового.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Император Андроник II	1282-1328
Император Иоанн V	1341-91
Султан Орхан	1325-59
Султан Мухаммед II	1451-81
Стефан Душан	1331-55
Марко Поло	1254-1324
Генрих "Мореплаватель"	1394-1460
Огибание мыса Доброй Надежды	1486

XXIII ВОЗРОЖДЕНИЕ

Вся история - это история изменений, направленных либо в сторону социального прогресса, либо в сторону упадка; но это движение настолько постепенное, что, подобно переходу от ночи к рассвету или от полудня к вечеру, мы не в состоянии определить момент начала или прекращения тенденций. Можно лишь отметить определенные изменения в их достижении, а затем распутать нити, возвращаясь назад по витой цепи, в которую они были вплетены.

Иногда в истории происходило так много изменений за короткое время, что эффект был кумулятивным и создавалась эпоха, как, например, при распаде Римской империи, когда цивилизация слилась с "темными веками". То же самое можно сказать и о Европе конца XV века и большей части XVI - периода, который обычно называют "Ренессансом", или временем "нового рождения", поскольку тогда стало очевидно, что старые средневековые взгляды и образ жизни исчезли, а на их место пришли другие, гораздо более привычные и понятные: возник современный мир.

Самым очевидным изменением в эпоху Возрождения стало крушение средневекового идеала мировой империи, управляемой от имени Бога папой и императором. Западная империя все еще оставалась претенциозной в своих притязаниях; но ее более мудрые правители, такие как Рудольф I и Карл IV, уже поняли, что успех скорее заключается в германском королевстве, чем в имперском влиянии. Папы были восстановлены в Риме, но угроза соборов, способных низложить и реформировать, висела как туча над их настойчивым требованием абсолютного повиновения христианства; и, признавая неизбежное, Ватикан утопил амбиции Иннокентия III в амбициях временного итальянского принца. Если проследить всю цепочку причин, то становится достаточно ясно, что тенденцией истории позднего Средневековья было развитие меньшего единства нации из большего единства мирового государства. К концу пятнадцатого века Англия, Франция и Испания уже были нациями; даже Германия и Италия, чувствуя этот призыв в меньшей степени, заменили более широкое чувство национальности преданностью провинции или городу-государству.

Вторым из великих изменений, характерных для эпохи Возрождения, стало развитие идеи человека как личности. На протяжении всего Средневековья, за исключением, пожалуй, правителей, мужчины и женщины участвовали в жизни окружающего их мира не столько как отдельные личности, сколько как часть системы, в которую они были рождены или влиты. В ранние времена племя воспринимало поступки своих членов, как хорошие, так и плохие, как нечто, что было делом всех, за что следовало искупить вину, поддержать или отомстить, как за общественный долг. Еще сильнее это отношение проявлялось в семейных делах, как, например, в многочисленных "вендеттах", или вражде, как у Вельфов и Вайблингинов, или у "черных" и "белых" во Флоренции.

Переходя от расовых связей к социальным, мы видим, что средневековые ассоциации всех видов связывают человека не по его личному выбору или усмотрению, а по решению группы, к которой он оказался привязан. Феодальная система никогда не была достаточно полной на практике, чтобы служить хорошим примером такого рабства, но в теории от главного арендатора до самого низкого землевладельца в социальной шкале существовали устоявшиеся правила жизни, диктовавшие обязанности и ответственность лорда и вассала. В еще большей степени это обязательное правило относилось к величайшей из всех средневековых корпораций - монашеству, требовавшему от своих сыновей и дочерей абсолютного послушания в уничтожении себя. Святой Бернар, чья личность была настолько сильна, что он не мог оставаться скрытым среди массы своих братьев, тем не менее, как мы помним, сердился на Абеяра за это, превышающее все остальные недостатки, - за то, что тот поставил свое индивидуальное суждение в качестве жизненного испытания. В Абеяре, как и в Арнольде Брешианском, зародились первые ростки независимого современного духа, который в эпоху Возрождения должен был потрясти основы средневекового мира.

Помимо монашества существовали и другие объединения - университеты и сословные корпорации, купеческие гильдии, такие как северогерманская Ганза, и более мелкие

городские гильдии, такие как "Большие" и "Малые искусства" во Флоренции, состоящие из юристов, рыботорговцев и т. д. Все эти гильдии поддерживали стандарт единообразия, регулируя не только часы работы, ставку оплаты, характер занятости, шкалу взносов, как современные профсоюзы, но шли гораздо дальше, вмешиваясь в жизнь каждого отдельного члена, настаивая на том, что ему следует носить на публике и как он может тратить заработанные деньги. Это был дух благожелательного рабства, который сохранялся до тех пор, пока над стремлениями индивидуального разума не одержало верх чувство беспомощности перед лицом невежества или груз традиций.

Этот груз традиций естественным образом приводит к третьему великому изменению, возведенному Ренессансом, - распаду неба, занавешенного ментальной тьмой, на отдельные группы облаков, все еще нагруженных суевериями и невежеством, но их плотность ослаблена светом подлинного поиска истины ради нее самой. В Средние века мы видели, что мужчины и женщины обращались за вдохновением к Римской империи, и это заставляло их с недоверием относиться к прогрессу, подобно тому как робкий всадник опасается резвого коня, боясь потерять управление и понестись в неизвестном направлении.

Самым первым хранителем средневековых знаний была Церковь, и в том свете, в котором она понимала свою задачу, она верно учила мир, который ее окружал. Ее девизом было "Почитание прошлого"; но, склонившись перед алтарем традиции, она упустила из виду другой великий девиз мира - "Доверяй будущему", который стал одной из путеводных звезд современности. Ее толкование веры, законных границ знания, пределов искусства было почти необходимой школой дисциплины для раннего Средневековья с его склонностью к варварской разнузданности; но по мере того как она цивилизовывала умы людей и углубляла их способность к рассуждению и пониманию, ограничения школы превратились в решетки тюрьмы. Средневековая церковь, некогда бывшая первопроходцем, потеряла хватку реальности, ее духовные перспективы заслонили материальные амбиции, ее вера ослабла; в конце концов она настолько не была уверена в полной истинности своего учения, что стала противиться критике и осуждать открытия, подобно торговцу, который втайне боится, что его методы ведения бизнеса могут устареть, и отказывается от "новомодных понятий", способных открыть ему глаза.

Когда Колумб представил свой план пересечения Атлантики совету епископов и ведущих членов испанских университетов, средневековая знать высмеяла его предположение, процитировав тексты из Ветхого Завета и различные высказывания святого Августина и других отцов Церкви. Антиподов быть не может, утверждали они, ведь ясно сказано, что мир был заселен потомками Ноя, и как такие люди могли пересечь эти мили океана? Было выдвинуто множество подобных возражений, и проект мореплавателя был осужден, точно так же как за двести лет до этого Роджер Бэкон был осужден как еретик за свои научные изыскания.⁵¹ Знаменательно изменение менталитета: пока Роджер Бэкон проводил свои последние годы в тюрьме, а Абельяр был изгнан из лекционного зала в монастырь, Колумб нашел общественную поддержку, подтвердил свои расчеты и тем самым открыл новый мир.

Великий секрет Ренессанса - это освобождение беспокойного духа поиска истины, который так же стар, как и само человечество, и который, вылетев, как птица, через дверцу клетки на воздух и солнечный свет, безрассудный к опасности, увлекаемый радостью свободной жизни, иногда глупый и экстравагантный в своем стремлении к опыту, был сначала слишком поглощен славой и интересом свободы, чтобы чувствовать сожаление о тюрьме, которая была по крайней мере убежищем от многих бурных проблем, которые должны были разрушить современный мир.

Карл Великий считал, что "без знаний добрые дела невозможны". Люди раннего Возрождения не были столь убеждены в важности добрых дел или надежды на спасение, как их предки, но они охотно согласились бы с утверждением, что "без знания невозможно истинное понимание человеческой жизни".

Если бы условия, в которых можно было получить знания, оставались такими же ограниченными, как в средневековые времена, Ренессанс с его интеллектуальной стороны, скорее всего, стал бы культом, движением, разделяемым несколькими учеными мужчинами и женщинами, о котором не имели бы представления массы людей в каждой стране; и таким образом он бы угас, как растение, не способное пустить свои корни. Человеческое изобретение вмешалось с открытием книгопечатания, которое вывело великие мысли мира из монастырских библиотек, где они кропотливо собирались и переписывались вручную, чтобы распространить их, сначала медленно, но все быстрее и быстрее, по оживленным центрам Европы, где мозги, как и желудки, всегда жаждут пищи.

Это был немец Джон Гутенбург, который изобрел печать с помощью подвижных шрифтов, но поскольку у него не было достаточно денег для осуществления своего замысла, он был вынужден взять в долг у богатого горожанина из Майнца по имени Джон Фуст. Этот Фуст обошелся с Иоанном Гутенбургом очень плохо: он потребовал назад деньги, которые дал займы, как только понял ценность чужого секрета, и таким образом заставил Гутенбурга, когда тот не смог расплатиться, отдать в качестве компенсации свой завод. После этого Фуст начал печатать за свой счет, и когда жители Майнца увидели изготовленные им копии Библии, каждая из которых была точной копией первой, они заявили, что он продался дьяволу и занимается магией. Так, говорят, началась легенда о докторе Фаустусе, которая вдохновляла поэтов, музыкантов и драматургов.

Первым английским печатником был Уильям Кэкстон, житель Кентиша, на чей печатный станок с большим изумлением пришли посмотреть король и двор, заинтересованные, но совершенно не понимающие, какую революцию в умственном развитии должен был произвести этот маленький механизм.

Величайшими из итальянских печатников были венецианцы, чей знаменитый альдинский пресс выпускал тома, которые до сих пор являются предметом восхищения всего мира, а также сокровищницей для коллекционеров книг. В наше время стремление к знаниям, а точнее, к информации, превратилось в скупку, а книгопечатание - в ремесло. В пятнадцатом и шестнадцатом веках оно считалось искусством, и Альдус Мануций, римлянин, который основал свой пресс в Венеции, намереваясь воспроизвести издание всех известных тогда греческих авторов, был великим ученым, который создавал свои письма по образцу почерка итальянского поэта Петрарки и собрал вокруг себя самые интеллектуальные и предприимчивые умы своего времени, чтобы советовать и помогать ему. Именно в альдинской типографии напечатал несколько своих книг один из лидеров нидерландского Возрождения Эразм, а Венеция в это время стала центром для ученых и всех, чей ум был полон жажды новых впечатлений.

Италия пятнадцатого века внешне не так уж сильно отличалась от Италии четырнадцатого. Полное господство пяти держав, предрешенное еще в начале века, стало окончательным, а трем из них - Милану, Флоренции и Неаполю - удалось заключить союз, чтобы сохранить баланс сил на полуострове и сдерживать амбиции Венеции, чья империя все еще распространялась по материку. В Неаполе правил Ферранте I, незаконнорожденный сын Альфонсо V Арагонского, типичный деспот, как и Анжуйцы, которых сменил его отец. В Милане Висконти влились в дом Сфорца благодаря хитроумной уловке одного из самых

известных *кондотьеров* Средневековья, Франческо Сфорца, который, осадив в 1441 году своего господина Филиппо Марию Висконти в Милане, заставил его отдать ему в жены свою единственную дочь и наследницу Бьянку, а затем признать его своим наследником.

'Il Moro'

Мрачные традиции, заложенные Висконти, продолжились и в этой новой семье, окрещенной их именами. Сын Франческо, Галеаццо Мария, чья жизнь прошла в разврате, по слухам, отравил свою мать и заживо похоронил своих подданных. Когда на него было совершено покушение, его брат Людовико, прозванный за смуглый цвет лица *Il Moro*, или "мавр", захватил бразды правления и начал действовать в интересах своего юного племянника Джан Галеаццо, которого он держал на заднем плане в Павии, объявив его беспомощным инвалидом.

Филипп де Коммин описывает Людовико как "умного, но очень нервного и дрожащего, когда боялся: человека без веры, когда ему казалось выгодным нарушить свое слово". Внешне он демонстрировал учтивые манеры, свойственные принцам эпохи Возрождения, и председательствовал в Милане при дворе, который так славился своим гостеприимством, остроумием и интеллектом, что привлекал в свой круг художников, скульпторов, писателей и ученых, а также военных героев и модников.

Как видно, Италия широко раскрыла свои объятия новому духу интеллектуального и художественного наслаждения. Венеция, Неаполь, Милан соперничали друг с другом в привлечении и поощрении гениев: даже римские папы, чьим естественным инстинктом как хранителя средневековых традиций было недоверие к свободе мысли, находились под влиянием окружающей их атмосферы, и папе Николаю V мир обязан основанием замечательной Ватиканской библиотеки.

К королеве государств эпохи Возрождения мы обращаемся в последнюю очередь - к Флоренции, "городу цветов", которую мы оставили, отвлекаясь на внутренние распри ее "черных" и "белых" и на ее войны с Филиппо Марией Висконти. На рубеже веков во Флоренции произошли большие перемены: старый идеал свободы, не терпящей повелителей, был разрушен, и она смирилась с господством семьи, поверхностно замаскированной под свободно избранное правительство.

Медичи не были королевским родом, не были они и щеголеватыми *кондотьерами*, как Сфорца, а были банкирским домом, который благодаря уму и упорному труду завоевал себе уважение не только во Флоренции, но и во всей Европе, где их кредиты обеспечили состояние многих монархий, которые в противном случае рухнули бы из-за нехватки средств. Таким монархиям было выгодно сохранять кредит дома Медичи, поэтому банкиры получили внешнее влияние, чтобы помочь своим амбициям дома.

Во Флоренции Медичи представляли себя как деловые люди со здравым смыслом, непритязательные граждане, легкодоступные, готовые к дружбе, всегда поддерживающие, пока они поднимались по лестнице гражданской славы, народную партию, которая любила кричать "Свобода!" на улицах, в то время как она избирала ее разрушителей на государственные должности.

Козимо Медичи

Козимо Медичи, первый из семьи, занявший верховное положение, состоял в родстве со многими дворянами, лишенными по своему рангу права участвовать в управлении государством: но, хотя он и завоевал верность этой фракции, он позаботился о том, чтобы

самому не претендовать на почести, которые могли бы напугать общественное мнение ужасами деспота. Вместо этого, просто одетый и почти без сопровождения, он прогуливался по улицам, дружески беседуя на равных со встречными купцами, многие из интересов которых совпадали или переплетались с его собственными финансовыми проектами; обсуждал с тосканскими фермерами вопросы сельского хозяйства, как сельский джентльмен, свободно тратил свои деньги на нужды рабочих классов или разбрасывал их среди нищих.

Когда он умер, его скорбящие сограждане начертали на его могиле слова *Pater Patriae*, "Отец своей страны". Они ощущали преимущества, полученные благодаря правлению Козимо: они не осознавали или были равнодушны к цепям, которыми он их связал. Конечно, он вызвал к жизни нескольких злейших врагов, но их он с тихой, но безжалостной энергией сметал со своего пути. Его обычай заключался в том, чтобы выкачивать состояние возможных соперников огромными поборами, заставляя их фактически платить за либеральное правительство, за которое он впоследствии получит похвалу, и одновременно оттягивая их друзей и сторонников подкупом и угрозами. Наконец, разоренные и покинутые, они изгонялись из города; и даже здесь Козимо не успокаивался, поскольку его влияние при иностранных дворах позволяло ему преследовать свою добычу от одного убежища к другому, пока они не умирали, бессильно проклиная имя Медичи, предупреждая недовольных о длине и широте мести частного лица.

Медичи, как было сказано, "использовали налоги, как другие люди используют свои мечи", и обвинение в преднамеренной коррупции, которое было выдвинуто против них, неоспоримо. "Лучше нанести вред городу, чем разорить его", - заявил однажды сам Козимо, цинично добавив: "Для управления государством нужно больше, чем для того, чтобы сидеть и рассказывать о своих бусах".

Ни он сам, ни его потомки не были такими правителями, как Карл Великий или Альфред Великий. Их идеалы были откровенно низкими, а на первом плане стояли корыстные интересы, пусть и умело замаскированные. Однако, признав это, следует также помнить, что Козимо не использовал армию наемных грубиянов для устрашения сограждан, как это делали Висконти. Флоренция с готовностью поддалась развращению, и если она потеряла свободу, которую любила в теории, то под благосклонным деспотизмом Медичи она поднялась на большую высоту материального и политического процветания, чем когда-либо прежде или после в ее истории. "Авторитет, которым они обладали во Флоренции и во всем христианстве", - говорит Макиавелли, - "был получен не без заслуг".

Новое обучение

Именно под опекой Медичи Флоренция, как ни одно другое итальянское государство, стала домом интеллектуального Ренессанса, из которого "Новое обучение" распространилось по всему миру. Это интеллектуальное движение было двояким. Находясь под средневековым влиянием, оно начало искать вдохновение в прошлом и вызвало великое классическое возрождение, в котором рукописи греческих и латинских авторов и статуи богов и нимф почитались почти так же, как реликвии святых в более раннюю эпоху. Богачи отправлялись в путешествия на Восток, чтобы приобрести у изумленных греков полусожженные фрагменты литературы, а в лекционных залах Италии жаждущие ученики просили свежего света на древнюю философию и историю. Энтузиазм был настолько велик, что, как рассказывают, волосы одного знаменитого ученого побелели от горя, когда он узнал о крушении корабля с грузом классических книг.

Козимо Медичи был "другом и покровителем ученых людей", но именно во времена его внука, Лоренцо Великолепного, Ренессанс достиг своего расцвета во Флоренции. Именно Лоренцо основал "Платоновскую академию" в подражание старым академиям греческих философов - собрание, ставшее ареной битвы самых острых и блестящих интеллектуалов того времени. Здесь проходили словесные турниры, часто ядовитые по накалу страстей, между защитниками взглядов Платона и Аристотеля: здесь, как принцы, принимали культурных греков, изгнанных магометанским нашествием, уверенных в том, что их ждет многолюдная и восторженная аудитория, если только они будут готовы читать лекции о литературных сокровищах своей расы. Энтузиазм напоминал о тех днях, когда Абеляр завораживал Париж своими рассуждениями о теологии, но показывал, как далеко зашел век диалектики.

Последнее великое имя среди школяров - Дунс Скотус, францисканец XIII века, который довел процесс логических рассуждений до такого тонкого искусства, что о нем говорили: "Он вывел схоластику за пределы человеческой досягаемости". Обычные богословы не могли с ним спорить, поскольку у них мозги сводило даже от попыток уследить за его аргументами, и в конце концов они щелкали пальцами, восклицая: "О, Дунс! Данс! Таким образом, своим чрезмерным мастерством в интеллектуальном жонглировании он довел себя и свой предмет до абсурда, а "Дунс" перешло к потомкам как подходящее имя для того, кто необоснованно глуп.

Схоластика, слава средневековых лекционных залов, не вызывала у людей эпохи Возрождения ни трепета, ни очарования, и хотя Аристотеля по-прежнему почитали, и много труда было потрачено на то, чтобы привести его взгляды и взгляды Платона в соответствие с современными религиозными верованиями, дух, лежавший в основе этих попыток, был совершенно иным, чем у средневековых умов.

Спасение", "Град Божий" - эти слова и фразы были ключом к мысли Средневековья от святого Августина до святого Доминика и святого Фомы Аквинского. Для умов эпохи Возрождения существовало только одно главное слово - "человечество".

Какое послание эти классические философы, жившие, согласно традиции, в золотой век, несли борющемуся человечеству более тысячи лет спустя? Мужчины и женщины эпохи Возрождения, ставя этот вопрос, надеялись, что ответы, которые они найдут, совпадут с верой, которой их учила Церковь; но уже не было прежней настойчивости в том, что они должны быть или не должны быть приняты во внимание как ересь. Интерес к бессмертной душе смешался с интересом к человеческому и преходящему, к красоте и очарованию этой жизни, а также к славе следующей.

В поисках красоты, уже не под властью суровой школьной учительницы-"традиции", а ведомые волей-неволей "литературным инстинктом", поэты и авторы под влиянием Ренессанса постепенно перешли от латыни и греческого к более естественному средству выражения - своему собственному языку.

Это был второй аспект "нового обучения", исчезновение веры в то, что только латынь и греческий являются литературой, и постепенное соединение средневековой и современной учености благодаря открытию того, что рост национальных идеалов и устремлений лучше всего может быть выражен на живом национальном языке. Предшественники этого движения жили задолго до периода, который мы обычно называем Ренессансом. Так, Данте, величайший из средневековых умов, был вдохновлен использовать свой родной итальянский язык в своем шедевре, "Божественной комедии", которая, будь его гений менее оригинальным, могла бы быть просто подражанием классике. Петрарка, друг Риенци и

любитель свободы, живший при папском дворе в Авиньоне, наполовину стыдился своих итальянских сонетов, но именно благодаря их очарованию, а не латинским буквам, он живет и поныне, как Боккаччо благодаря остроумному легкомысленному стилю своих рассказов.

Таковы имена литературных "бессмертных", и, возможно, покажется странным, когда мы перейдем от них к самому "Новому учению", обнаружить, что большая часть работ, опубликованных членами "Платоновской академии" и других интеллектуальных кругов, теперь так же мертва, как диалектика школяров. Однако, перелистывая их страницы, все труднее поверить, что столь витиеватые предложения и затянутые аргументы могли когда-либо будоражить кровь людей, доводя их до исступления энтузиазма или страсти. Объяснение кроется в том, что при всем очаровании вновь обретенной свободы Ренессанс, с его литературной стороны, был временем не творчества, а критики и исследований. Его лидеры были слишком заняты очисткой от устаревших традиций, сбором материала для свежих мыслей и закладкой литературных основ, чтобы строить себя с широтой взглядов. Там, где они остановились или потерпели неудачу, "гиганты" современного мира смогли воздвигнуть свои шедевры.

Самого Лоренцо Великолепного мы можем вспомнить за искреннюю любовь к природе и поэзии, проявившуюся в его сонетах, но его претензии на то, чтобы остаться бессмертным в мировой истории, должны основываться не на его литературных достижениях, а на его щедром покровительстве и признании ученых и художников, а также на политической мудрости, которая сделала его первым государственным деятелем своего времени.

Джотто

Если литература эпохи Возрождения носила в основном экспериментальный характер, то живопись была в первую очередь ее законченной славой - отображением того чувства красоты в природе и в человеческой жизни, от которого Средневековые отвернулось, как от ловушки, расставленной дьяволом, чтобы отвлечь души от Рая. И здесь, в живописи, есть двойной аспект: ум художника ищет вдохновения в прошлом и устремлен в будущее, чтобы направить свою кисть. Именно в жизни святого Франциска, "младшего брата из Ассизи", Джотто, великий предтеча "нового" искусства, нашел то идеализированное чувство человечности, которое побудило его оторваться от старых традиционных византийских моделей, жестких, декоративных и бесчеловечных, чтобы попытаться воплотить жизнь, какой он видел ее вокруг себя на улице и в поле.

Знаменитый флорентийский художник Чимабуэ застал Джотто в детстве пастухом, вырезавшим камнем на склоне скалы изображения овец, сгрудившихся вокруг него. Он взял мальчика к себе в ученики, но ученик вскоре превзошел мастера, и не только Флоренция, но и вся Италия узнала о его чудесных красках и рисунках. Леонардо да Винчи говорит: "Он взял природу в качестве своего проводника"; и много историй об этом добром крестьянском гении, маленьком и некрасивом с виду, но полном радости и юмора мире, который он так проникательно изучал. Однажды анжуйский король Роберт Неаполитанский попросил его изобразить символ его собственного беспокойного южного королевства, и художник нарисовал оседланного осла, который обнюхивает другое седло, лежащее на земле. "Таковы ваши подданные, - заметил он, - что каждый день ищут себе нового хозяина". Ни один политик не смог бы дать более подходящее резюме средневековому Неаполю.

Главную славу Джотто сегодня составляют его фрески из жизни святого Франциска на стенах двойной капеллы в Ассизи и во францисканской церкви Санта-Кроче во Флоренции. Большинство из них, пострадавших от воздействия времени и непогоды на грубую штукатурку, были отремонтированы, хотя некоторые остались невредимыми и

демонстрируют чистый, тонкий колорит и смелость контуров художника. Сегодня обычному зрителю они кажутся просто легендарными картинами, более или менее грубыми по замыслу, но когда Джотто рисовал, мы должны помнить, что толпы людей, следивших за его кистью в затаенном восхищении, читали, глядя на него, историю самого человеческого из святых - человека, который совсем недавно ходил среди умбрийских холмов, и чьи слова и поступки были для них ярче многих живых изречений.

Чтобы понять, что значил гений Джотто для его времени, мы должны учитывать жесткую нереальность прежнего искусства, так же как мы не можем осознать величие Колумба, думая о современном путешествии с континента в Америку, а только вспоминая примитивную навигацию его времени. У Джотто, как и у Колумба, было много подражателей и последователей, некоторые из них - знаменитые имена, но новаторская работа, которую он сделал для искусства, была отмечена в эпоху Возрождения, когда по приказу Лоренцо Медичи на его могиле была помещена латинская эпитафия, содержащая такие слова: "Я тот, благодаря кому мертвое искусство было возвращено к жизни... благодаря кому искусство стало единым с природой".

Невозможно в нескольких коротких абзацах удовлетворительно изложить триумфальную историю живописи Возрождения, стремительное развитие которой Джотто и его "школа" сделали возможным, и даже дать небольшое представление о художниках, от которых зависит эта история. Никогда еще столько гениев не умещалось в столь малом количестве лет; но прежде чем мы покинем этот выдающийся век в современном искусстве, необходимо описать одну интересную фигуру, человека, который как никто другой воплощает дух Ренессанса в его лучших проявлениях, - Леонардо да Винчи, "величайшего среди верховных мастеров мира".

Леонардо да Винчи

Леонардо "Флорентинец", как он любил себя называть, родился в укрепленной деревне Винчи, расположенной на полпути между Флоренцией и Пизой. Незаконнорожденный сын нотариуса, родившийся, казалось бы, без особого наследства, он тем не менее рано выделился среди своих товарищей.

"Богатейшие дары Неба, - говорит Вазари, - иногда сыплются на одного человека, и красота, грация и гений столь редко сочетаются в одном человеке, что, к чему бы он ни приложил свои силы, каждое его действие столь божественно, что все остальные остаются позади". Это кажется преувеличением, пока мы не обратимся к фактам, которые известны о жизни да Винчи, и не обнаружим, что он действительно был таким, каким его описал Вазари, - гигантом среди своих собратьев по телосложению и интеллекту, а еще больше по практическому воображению. Он был настолько силен, что своими пальцами мог согнуть подкову, настолько полон сильного очарования для всего живого, что его присутствие в комнате выводило мужчин и женщин из уныния, а на улицах самые дикие лошади охотно поддавались его укрощающей силе. От жестокости, которая лежит пятном на Средневековье, в нем не было и следа - скорее, горячее сострадание к страданиям и слабости, которые так часто сочетаются с силой. О нем, как о святом Франциске, рассказывают, что он покупал певчих птиц, продаваемых в клетках на улице, чтобы освободить их.

Его тетради полны рисунков лошадей, и, вероятно, его величайшим произведением искусства, если судить по мнению того времени и по сохранившимся грубым наброскам, была статуя Франческо Сфорца, знаменитого *кондотьера* верхом на лошади, которую он смоделировал для Людовико "Il Moro". К сожалению, она погибла почти сразу же,

разрубленная на куски французскими солдатами, когда они изгнали Людовико из его столицы несколько лет спустя.

Леонардо называют "истинным основателем итальянской школы масляной живописи". Его самая знаменитая картина "Тайная вечеря", написанная маслом в качестве эксперимента на стенах монастыря под Миланом, начала отслаиваться из-за сырости еще до смерти художника. С тех пор картину постоянно ретушировали, так что мало что, кроме совершенного искусства в расположении фигур и общей драматической простоты изображенной сцены, свидетельствует о руке мастера. Но даже этого достаточно, чтобы передать его гений. Среди самых известных его работ, сохранившихся до наших дней, - "Мона Лиза", иногда называемая "Джокондой", портрет неаполитанской дамы, и "Мадонна со скал", обе в галерее Лувра.

Леонардо превосходил своих сверстников в инженерном деле, в знании анатомии и физики, в изобретательском гении, который заставлял его догадываться о силе пара и биться над моделями аэропланов, над которыми его поколение смеялось и пожимало плечами. Сам он получал огромное удовольствие от такой разносторонности, но его искусство, которое приводило других людей в восхищение, повергало его в депрессию. Когда он садился рисовать, его, казалось, одолевал страх", - говорится в одном из рассказов о нем, и описывается, как он изменял и в конце концов уничтожал, отчаявшись достичь своего идеала, полотна, которые окружающие считали уже совершенными. Неудивительно, что из-под кисти этого неутомимого труженика вышло мало законченных работ, но его влияние на свой век и последующие столетия было не менее огромным.

Леонардо олицетворяет собой все лучшее, что было в эпоху Возрождения - ее стремление к истине, ее жаждущую жизненную силу и любовь к экспериментам, но более всего - ее сочувствие. Он - воплощение того девиза, который, кажется, как никакой другой, выражает мировоззрение Ренессанса: *Homo sum; humani nil a me alienum puto* - "Я человек, и ничто, относящееся к человечеству, не чуждо моей природе".

* * * * *

Италия, как мы видели, была в первую очередь родиной Ренессанса - учителя, которому было суждено дать миру "новую науку", как она сохранила старую во времена темных веков. В те солнечные дни, когда во Флоренции правил Лоренцо "Мудрый", а также "Великолепный", и его государственная мудрость сохраняла столь аккуратный политический баланс, что полуостров, разделенный пятью амбициозными державами, все же оставался в мире, славное будущее казалось обеспеченным; но в 1492 году, в год, когда Колумб открыл Америку, Лоренцо умер. "Мир в Италии тоже умер", - воскликнул один государственный деятель с пророческой проницательностью, услышав эту новость: и действительно, стабильность и умеренность, которые символизировали Лоренцо и его дом, вскоре оказались под угрозой.

Во Флоренции на смену Мудрости пришла Глупость в лице Пьеро, сына Лоренцо, Орсини по материнской линии, в полной мере унаследовавшего надменный и несговорчивый нрав римского баронства. Играя в футбол на улицах среди открытых будок лавочников, наглея по отношению к купцам, которых обхаживал его отец, не обращая внимания на советы, Пьеро вскоре узнал, что деспотия, подобная Медичи, основанная не на армии, а на доброй воле народа, падает при первом же неблагоприятном ветре. Этот ветер, ставший вихрем для Италии, дул из Франции; но посеял его Людовико "иль Моро", а не молодые Медичи.

"Нервный и раздражительный", как описал его Филипп де Комминс, Людовико своим отношением к племяннику вовлекал себя в туман подозрений и страхов. Предоставленный самому себе, необразованный и слабый здоровьем, Джан Галеаццо Сфорца никогда бы не осмелился помешать своему честолюбивому дяде; но он женился на неаполитанской принцессе более сильного происхождения, внучке Ферранте I, и когда она пожаловалась своим родственникам, а те в свою очередь - "иль Моро", начались неприятности.

Людовико казалось, что Неаполь, которого преследовали тайные видения, вступает в союз с самым страшным врагом Милана Венецией или даже с Флоренцией и Римом, чтобы отомстить и погубить его самого, должен поспешно отказаться от идеи, которую отстаивал Лоренцо, о равновесии сил на самом полуострове, и искать помощи и поддержки за горами. Средневековые анналы могли бы привести множество примеров того, как папы и бывшие правители Милана совершали подобный непатриотичный шаг, а для обращения за помощью к Франции можно было найти готовое оправдание, поскольку французский король происходил из второго Анжуйского дома, который Альфонсо V, отец Ферранте, изгнал из [Неаполя](#)⁵².

Действуя, таким образом, из личных амбиций, а не из каких-либо широких представлений о государственном строительстве, Людовико убедил Карла VIII Французского, сына Людовика XI, что честь и слава лежат в возобновлении старых анжуйских притязаний на Неаполь, и в 1494 году, под громкий звук труб, французская экспедиция отправилась через Альпы. "Я помогу вам стать великим Карлом Великим", - хвастался Людовико, забрасывая свою приманку перед глазами молодого французского короля; но результаты задуманного настолько превзошли его ожидания, что дали ему новый повод для "трепета и страха". "Французам, - саркастически заметил папа Александр VI, - понадобились лишь детские деревянные шпоры и мел, чтобы обозначить свое жилище на ночь".

Французское вторжение в Италию

Почти не встречая сопротивления и одерживая легкие победы, французы прошли по Италии с севера на юг, вошли во Флоренцию, изгнавшую Пьеро и его братьев, заставили поспешно подчиниться Рим, выбили арагонцев из Неаполя, переменчивое население которого вышло с ликованием встречать новых завоевателей.

Конечно, причины этой победы были не в самом молодом завоевателе, с его нескладным телом и слишком развитой головой, с его раздутыми амбициями и слабым умом, с его благочестивыми разговорами о крестовом походе на Восток и праздными дебошами, за которые он и его подданные снискали незавидную славу. Француз Коммин, проницательный в отношении некомпетентности своего господина, считал, что армиями завоевателей руководил Бог, поскольку человеческая мудрость ничего не могла на это сказать; итальянские же историки находили причину унижения своей страны в ее политическом и военном упадке.

Мы видели, как "роты" наемных солдат держали Италию в подчинении в XIV веке; но с годами то, что когда-то было серьезным делом, превратилось в сложную шахматную партию с наемными войсками в качестве пешек. *Кондотьеры* пятнадцатого века были такими же приверженцами войны, как и сэр Джон Хоквуд; но, восприимчивые к цивилизации, которая наложила свой отпечаток на Ренессанс, они утратили средневековый вкус к кровопролитию. Они сохранили лишь желание затягивать неопределенные кампании, чтобы получать жалованье, при этом сводя опасности и трудности, связанные с ними, к наименее адекватному притворству настоящей войны. Вот саркастический комментарий Макиавелли:

"Они не жалели сил, - говорит он, - чтобы избавить себя и своих людей от усталости и опасности, не убивали друг друга в бою, а брали пленных... Они не нападали ночью ни на один город и не делали вылазок против осаждающих их врагов. В их лагерях не было ни валов, ни окопов. Они не участвовали в зимних походах".

Перед национальными войсками Франции, грубыми агитаторами, не имеющими вкуса к военным шахматам, но настроенными только на скорейшую победу, выдуманные армии Италии были сбиты, как кегли, или разбежались. Так столкнулись две противоположные системы - одна реальная, другая к тому времени почти полностью искусственная, и из-за шума и суматохи 1494 год, год вторжения Карла VIII в Италию, часто принимают за границу между средневековьем и современностью, так же как 476 год, когда Ромул Августул отказался от короны, принимают за начало Средневековья. В обоих случаях можно сказать, что изменения произошли не из-за событий того года. Они лишь являются кульминационным свидетельством конца старого порядка вещей и начала нового.

Конец Средневековья

К 1494 году Константинополь находился в руках турок: Колумб открыл Америку: Джон Гутенбург изобрел печатный станок: Васко да Гама обдумывал свое путешествие в Индию. Все это было свидетельством "нового рождения", младенчества современного мира; но 1494 год также свидетельствует о смерти старого, средневекового.

Уязвленные притеснениями и наглостью своих завоевателей, итальянские армии и интриги должны были в последующие годы временно вытеснить французов из Неаполя; но, несмотря на этот успех, последствия военной "прогулки" Карла VIII так и не были устранены. Италия, которая в римские времена была центром Европы, из которого исходили закон и порядок, на протяжении всего средневековья сохраняла фикцию этой власти и славы. Теперь, наконец, притворство было разоблачено, и перед силами национальности ее хваленое превосходство рухнуло. Центр политического притяжения изменился, а вместе с ним изменились традиции и идеалы, на которых держалось верховенство Италии.

Дополнительные даты. Хронологическую сводку см. на с. 368-73.

Изобретение книгопечатания	1435
Пресс Кэкстона	1474
Альдинская типография	1494
Дунс Скотус	(умер) 1308
Петрарка	1304-74
Джотто	1276-1337
Леонардо да Винчи	1452-1519
Ферранте I Неаполитанский	(умер) 1494
Французское вторжение в Италию	1494

НЕКОТОРЫЕ АВТОРИТЕТЫ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Периоды европейской истории.

Темные века. К. У. Оман.

Империя и папство. Т. Ф. Тоут.

Завершение Средних веков. Р. Лодж.

Учебники европейской истории.

Средневековая Европа. К. Белл.

Ренессанс и Реформация. Э. М. Таннер.

Эпохи современной истории.

Начало Средних веков. Р. Черч.

Норманны в Европе. А. Х. Джонсон.

Крестовые походы. Г. У. Кокс.

Эдуард III. У. Уорбертон.

Библиотека Домашнего университета.

Магометанство. Д. С. Марголиут.

Средневековая Европа. Х. У. Дэвис.

Возрождение. Э. Сичел.

Серия "Иностранные государственные деятели".

Карл Великий. Т. Ходжкин.

Филипп Август. У. Х. Хаттон.

Козимо Медичи. Д. К. Эварт.

Серия "Средневековые города". Венеция, Ассизи и др.

Герои народов.

Альфред "Великий". Б. А. Лис.

Теодорих Готский. Т. Ходжкин.

Карл Великий. Н. W. Davis.

Колумб. Вашингтон Ирвинг.

Изабель Кастильская. И. Планкет.

Кид Кампеадор. Г. Батлер-Кларк.

Принц Генрих Португальский. Р. Бизли.

Лоренцо Медичи. А. Армстронг.

Магомет. Д. С. Марголиут.

Саладин. С. Лейн Пул.

Карл Смелый. Р. Патнэм и другие.

История народов.

Германия. С. Баринг-Гулд.

Испания. Уоттс.

Мавры в Испании. Лейн Пул.

Турция. Лэйн Пул.

Византийская империя. Оман.

Города Ганзы. Х. Циммерн.

Дания и Швеция. Стефансон.

Норвегия. Бойесен и другие.

Общие работы.

Упадок и падение Римской империи. Гиббон.

Кембриджская средневековая история.

Кембриджская современная история (т. I).

The Mediaeval Mind. Осборн Тейлор.

Иллюстрации к истории средневековой мысли. Лейн Пул.

История латинского христианства. Х. Милман.

Справочник по европейской истории. 476-1871. А. Hassall.

A Notebook of Mediaeval History. 328-1453. R. Beazley.

A Source Book for Mediaeval History. Thatcher and McNeal.

The Monks of the West (vol. v). Gasquet.

Черная смерть. Gasquet.

Histoire Générale. Лависс и Рэмбо.

История папства в эпоху Реформации (т. I). Крейтон.

История инквизиции в Средние века. Н. С. Lea.

Книга открытий. М. Б. Синдж.

Крестовые походы. Арчер и Кингсфорд.

Норманны в Европе. Хаскинс.

Введение в историю Западной Европы. Т. Х. Робинсон.

Италия.

Римское общество в последний век Западной империи. С. Дилл.

Социальная жизнь в Риме и др. Уорд-Фаулер.

Италия и ее захватчики. Т. Ходжкин.

Жизнь и времена Гильдебранда. А. Е. Mathew.

Иннокентий Великий. Г. Х. Пири-Гордон.

История Рима в средние века. Грегоровиус.

От Франциска до Данте. Коултон.

Данте и его время. К. Федерн.

Франсуа д'Ассиз. П. Сабатье.

Франциск Ассизский. Маленький.

История итальянских республик. Сисмонди.

Эпоха кондотьеров. О. Браунинг.

Гвельфы и гибеллины. О. Браунинг.

Исследования по венецианской истории (т. I). Х. Браун.

Художники Флоренции. Дж. Картрайт.

Князь. Макиавелли.

История Флоренции. Макиавелли.

Франция и Испания.

История Франции (т. I). Дюрюи.

Суд святого. У. Нокс.

Хроника. Жоанвиль.

Histoire de la Jacquerie. С. Люс.

Дева Франции. А. Ланг.

Mémoires. Филипп де Комминс.

Хроники. Фруассар.

Франция при Филиппе ле Беле. Бутарик.

История Карла Смелого. Кирк.

Histoire de France. Мишле.

Испанский народ. Мартин Хьюм.
Возвышение Испанской империи. Р. Бигелоу Мерриман.
Фердинанд и Изабелла. Прескотт.
Христиане и мавры в Испании. Ч. Йонге.

Германия.
Средневековая империя. Г. А. Л. Фишер.
Священная Римская империя. Bryce.
Германия в раннее и позднее средневековье (два тома). Stubbs.
Жизнь Фридриха II и др. Kington.

Хронологическая сводка, 476-1494 гг.

Восточная Европа и Малая Азия.

475- Император Зенон.
491

491- Император Анастасий.
518

518- Император Юстин I.
527

527- Император Юстиниан.
565

565- Император Юстин II.
578

Франция и Испания.

481- Хлодвиг, король франков.
511

486 Битва при Суассоне.

585 Вестготское завоевание
Испании завершено.

610- Император Ираклий.
641

622 Хиджра.

626 Осада Константинополя Хосроем.

627 Битва при Ниневии.

634 Битва при Ермуке.

		628-638	Дагоберт I.
637	Иерусалим взят мусульманами.		
642-668	Император Констанс II.		
668-685	Император Константин IV (Погонат).		
685-695	Юстиниан II.		
705-711			
715-717	Феодосий III.	712	Битва при Гвадалете.
717-740	Лев Исаврянин.	714-741	Карл Мартель, "мэр дворца".
		732	Битва при Пуатье.
		751	Свержение Меровингов.
786-809	Харун ар-Расхид, халиф Багдада.	768-814	Карл Великий, король франков.
780-797	Император Константин VI.		
797-802	Императрица Ирина.		
		814-840	Людовик I Благочестивый.
		842	Страсбургская клятва.
		843	Верденский договор.
<i>Италия.</i>		<i>Центральная и Северная Европа.</i>	
476	Ромул Августул низложен, Одоакр становится "патрицием".		
489	Вторжение остготов в Италию.	480	Высадка англов в Британии.
493-526	Теодерик, король Италии.		
556	Завоевание Италии Юстинианом.		
568	Завоевание Северной Италии лангобардами.	563	Миссия святого Колумбы в Шотландии.

		577	Победа западных саксов при Дайреме.
590-604	Папа Григорий "Великий".	597	Миссия святого Августина в Англию.
741-752	Папа Захария.	743	Бонифаций становится архиепископом Майнца.
753	Конец Равеннского экзархата.		
752-757	Папа Стефан II.		
772-795	Папа Адриан I.		
795-816	Папа Лев III.		
800	Карл Великий коронуется в Риме.		
		837-878	Борьба между западными саксами и датчанами.
		843-876	Людовик "Немецкий".
858-867	Папа Николай I.		
<i>Восточная Европа и Малая Азия.</i>		<i>Франция и Испания.</i>	
873-867	Разрыв между церквями Востока и Запада.	880-888	Карл Толстый, император Запада.
867-886	Император Василий I.	885	Осада Парижа северянами.
		909	Основание Клуни.
		898-929	Чарльз "Простой".
		987-996	Хью Капет, король Франции.

1039	Турки-сельджуки завоевывают Багдадский халифат.	1031	Распад Кордовского халифата.
1081-1118	Император Алексей Коммен I.		
1096-1099	Первый крестовый поход.		
1099	Взятие Иерусалима крестоносцами.		
1118	Основан орден тамплиеров.		
		1138	Святой Бернар нападает на Абеляра.
1146-1149	Второй крестовый поход.	1153	Смерть святого Бернарда.
1187	Саладин берет Иерусалим.	1180-1223	Филипп II "Август" из Франции.
1189-1192	Третий крестовый поход.		
1202	Четвертый крестовый поход.		
1204-1261	Латинская империя в Константинополе.	1204	Филипп II завоевывает Нормандию.
1204-1260	Никейская империя.	1209	Альбигойский крестовый поход.
		1212	Детский крестовый поход.
		1312	Битва при Лас-Навас-де-Толоса.
		1214	Битва при Бувине.
1228-1229	Крестовый поход Фридриха II.	1226-1270	Людовик IX Французский (Святой Людовик).
		1230	Союз Леона и Кастилии.
1248-1256	Седьмой крестовый поход. Людовик Святой вторгается в Египет и Палестину.		

Италия.

Центральная и Северная Европа.

		871-901	Альфред "Великий", король Уэссекса.
		878	Мир Уэдмора.
		911-918	Император Конрад I.
		919-936	Император Генрих I "Фаулер".
		936-973	Император Оттон I.
962	Оттон I коронован как император Рима.	955	Битва при Аугсбурге.
		973-983	Император Оттон II.
		979-1016	Этельред II "Безусый".
		983-1002	Император Оттон III.
		1003-1024	Император Генрих II.
1046	Синод Сутри.	1017-1035	Кнут - король Англии.
1060-1091	Нормандское завоевание Сицилии.	1024-1039	Император Конрад II.
1073-1085	Папа Григорий VII (Гильдебранд).	1039-1056	Император Генрих III.
		1056-1106	Император Генрих IV.
1077	Унижение Генриха IV в Каноссе.	1066	Нормандское завоевание Англии.
1088-1099	Папа Урбан II.		
		1106-1125	Император Генрих V.
		1122	Вормский конкордат.
		1137-1152	Император Конрад III.
1176	Битва при Леньяно.	1153-1190	Император Фридрих I- "Барбаросса".
1183	Констанцкий мир.		
		1170	Убийство Томаса Бекета.

1198-1216	Папа Иннокентий III.	1190-1197	Император Генрих VI.
1210	Иннокентий III; отлучение Оттона IV.		
1216-1227	Папа Гонорий III.	1215-1250	Император Фридрих II.
		1215	Магна Чарта.
1223	Основание ордена францисканцев.		
1225	Договор в Сан-Джермано.		
1227-1241	Папа Григорий IX.	1226	Тевтонский орден переезжает в Пруссию.
1243-1254	Папа Иннокентий IV.	1256-1273	Великое междуцарствие.
1282	Сицилийская вечерня.		
<i>Восточная Европа и Малая Азия.</i>		<i>Франция и Испания.</i>	
1260-1282	Император Михаил Палеолог.		
1270	Восьмой крестовый поход. Людовик Святой вторгается в Северную Африку.	1285-1314	Филипп IV "ле Бель" из Франции.
1291	Падение Акры.	1309-1376	Вавилонский плен.
		1312	Подавление тамплиеров.
		1337	Начало Столетней войны.
		1346	Битва при Креси.
		1347	Англичане захватывают Кале.
		1347-1348	Черная смерть.
		1356	Битва при Пуатье.
		1358	Жакерия.
		1360	Договор Бретины.
		1367	Битва при Наваретте.
1370-	Король Венгрии и Польши Людовик		

1382 Великий.

1386 Союз Польши и Литвы.

1389 Битва при Коссово.

1415 Битва при Азенкуре.

1419 Убийство Джона
"Бесстрашного".

1420 Труаский договор.

1430 Смерть Жанны д'Арк.

1440 Прагерия.

1448- Император Константин XI.
1453

1453 Падение Константинополя.

1453 Окончание Столетней войны.

1461- Людовик XI Французский.
1483

1483- Карл VIII.
1498

1492 Колумб открывает Америку.

1498 Васко да Гама открывает мыс,
ведущий в Индию.

Италия.

1294 Целестин V.

1294- Бонифаций VIII.
1303

Центральная и Северная Европа.

1273- Император Рудольф I.
1291

1298- Император Альберт I.
1308

1309 Признание независимости
швейцарских лесных кантонов.

1314 Битва при Бэннокберне.

1315 Битва при Моргартене.

		1340	Битва при Слюйсе.
1347-1354	Риенци основывает Священную Римскую республику.	1347-1378	Император Карл IV.
		1356	Золотой бык.
1377	Папа Григорий XI возвращается в Рим из Авиньона.	1370	Штральзундский договор.
1378-1417	Великий раскол.		
1380	Битва при Кьоджии.	1380	Уайклифф переводит Библию.
1395	Джан Галеаццо Висконти становится герцогом Милана.	1397	Кальмарская уния.
		1410-1437	Император Сигизмунд.
		1410	Битва при Танненбурге.
		1414-1418	Констанцский собор.
		1415	Смерть Иоанна Гуса.
1417	Избрание папы Мартина V. Конец раскола.		
		1431	Базельский совет.
		1436	Джон Гутенбург изобретает печатный станок.
		1438-1439	Император Альберт II.
		1440-1493	Император Фридрих III.
		1455-1485	Войны Роз.
1469-1492	Лоренцо Медичи правит Флоренцией.	1476	Битвы при Грансоне и Морате.
		1477	Битва при Нанси.

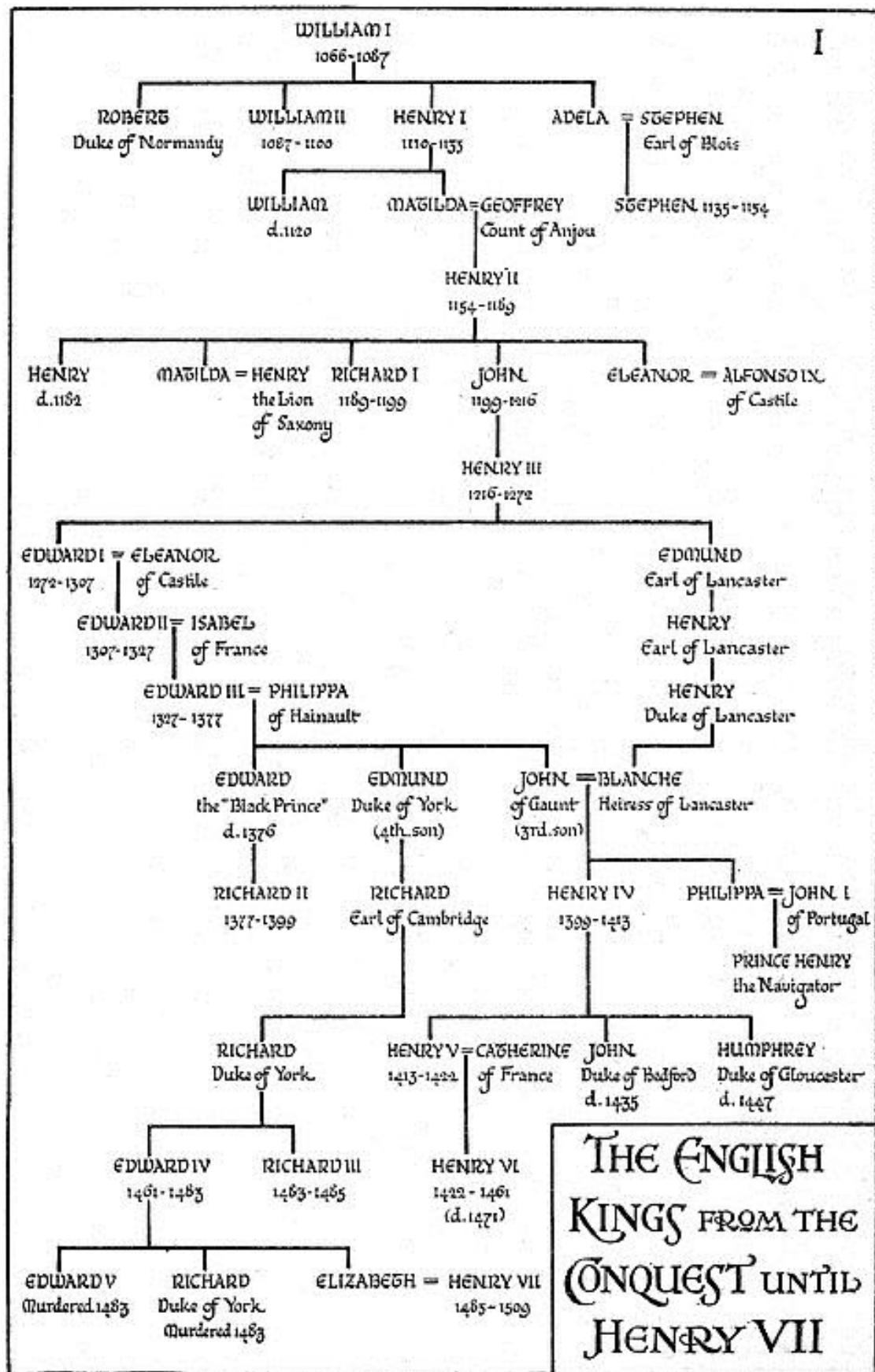
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГЕНЕАЛОГИИ

MEDIAEVAL GENEALOGIES

- 1 The Kings of England from the Conquest until Henry VII
- 2 The House of Charlemagne
- 3 The House of Capet
- 4 The House of Valois
- 5 The Norman Rulers of Sicily
- 6 The First & Second House of Anjou in Naples
- 7 The House of Aragon in Spain & Naples
- 8 The House of Castile & Leon
- 9 The Guelfs & Ghibellines
- 10 The Dukes of Burgundy & House of Habsburg
- 11 The House of Luxemburg
- 12 The Paleologi

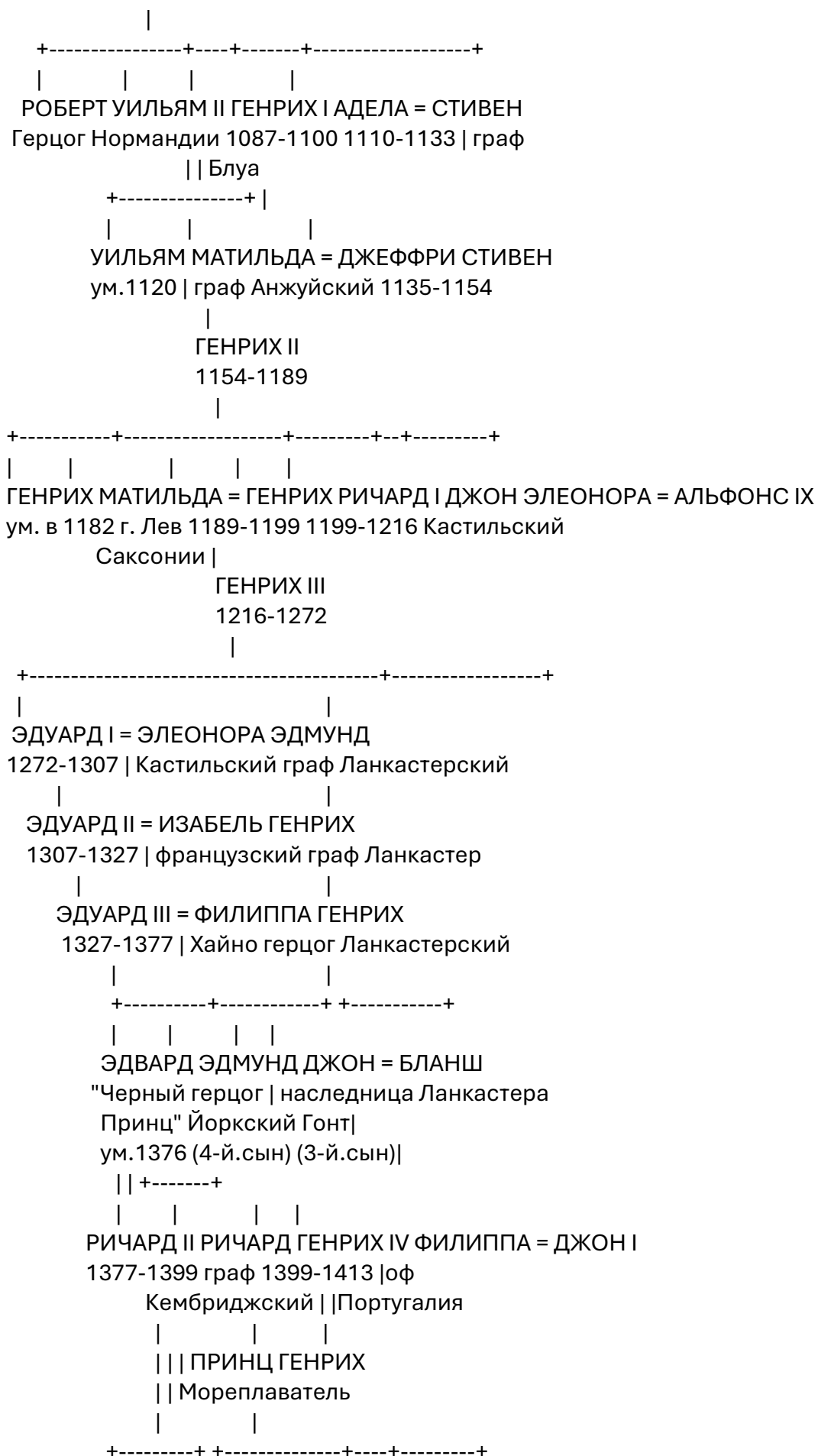
- 1 Короли Англии со времен Завоевания до Генриха VII
- 2 Дом Карла Великого
- 3 Дом Капетингов
- 4 Дом Валуа
- 5 Нормандские правители Сицилии
- 6 Первый и второй Анжуйские дома в Неаполе

- 7 Арагонский дом в Испании и Неаполе
- 8 Дом Кастилии и Леона
- 9 Гвельфы и Гибеллины
- 10 Герцоги Бургундские и дом Габсбургов
- 11 Люксембургский дом
- 12 Палеология

1. Английские короли от Завоевания до Генриха VII

ВИЛЬЯМ I
1066-1087

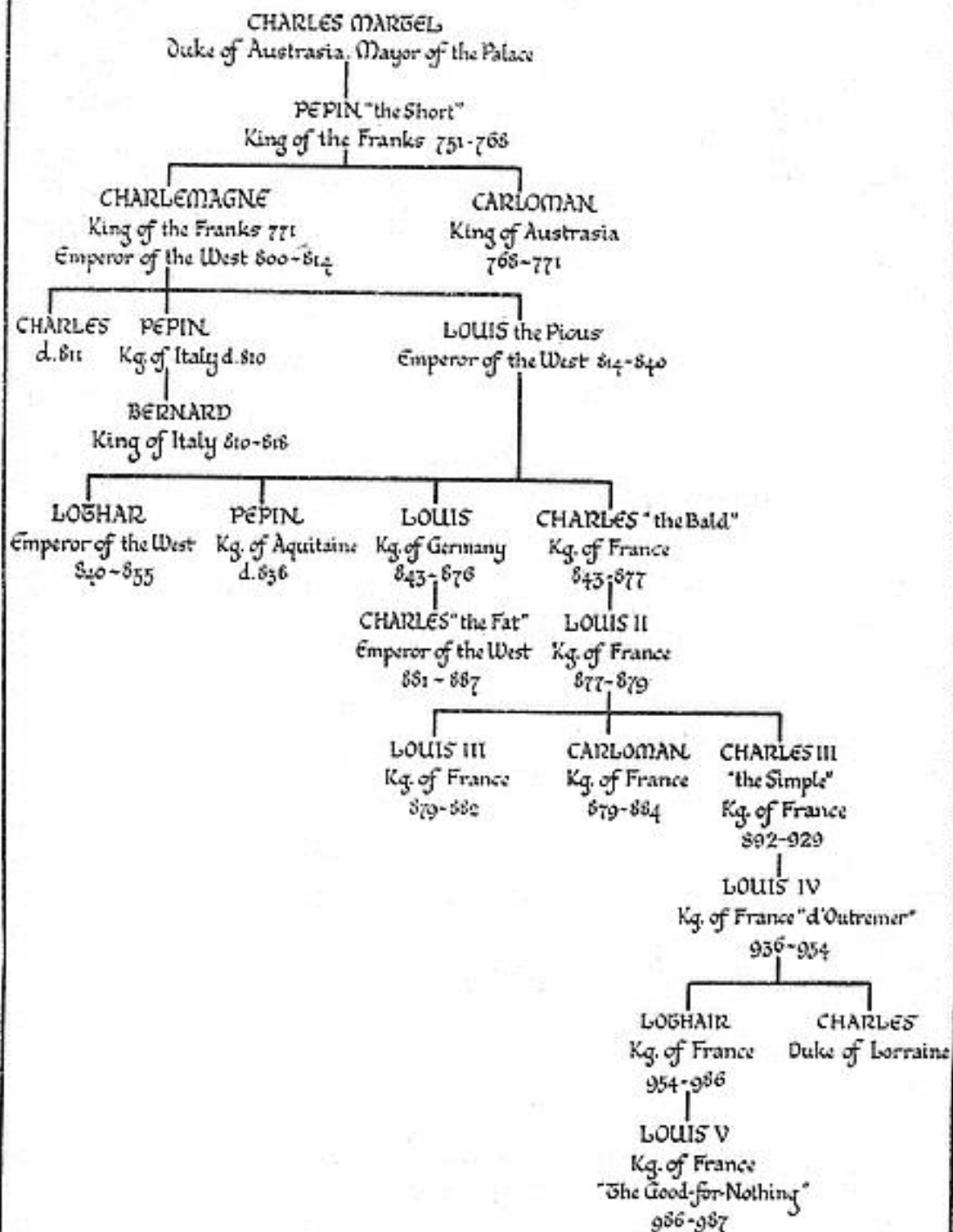
| | | |
РИЧАРД ГЕНРИХ V = КЭТРИН ДЖОН ХАМФРИ
Герцог Йоркский 1413-1422| герцог герцогский
| | Франции Бедфорд Глостер

+-----+--+ | d.1433 d.1447

| | |
ЭДУАРД IV РИЧАРД III ГЕНРИХ VI
1431-1483 1483-1485 1422-1461
(d. 1471)

|
+-----+--+-----+

| | |
ЭДУАРД V РИЧАРД ЕЛИЗАВЕТА = ГЕНРИХ VII
Убитый герцог Йоркский 1485-1509
1483 Убит 1483

THE HOUSE OF CHARLEMAGNE

2. Дом Карла Великого

КАРЛ МАРТЕЛЬ

Герцог Австрии. Бургомистр дворца

|
ПЕПИН "Короткий"
Король франков 751-768 гг.

|
+-----+-----+
| |
КАРЛЕМАНЬ КАРЛОМАН
Король франков 771 Король Австрии
Император Запада 800-814 768-771

|
+-----+-----+-----+
| | |
КАРЛ ПЕПИН ЛЮДОВИК Благочестивый
ум. в 811 г. Правитель Италии ум. в 810 г. Император Запада 814-840 гг.

| |
| |
БЕРНАРД |
Король Италии 810-818 |

|
+-----+-----+-----+-----+
| | | |
ЛОТХАР ПЕПИН ЛУИ ШАРЛЬ "Лысый"
Император короля Франции
Западная Аквитания Германия 843-877
840-855 d.838 843-876 |

| |
КАРЛ ЛЮДОВИК II
"Толстый" король
Император Франции
Запад 877-879
881-887 |

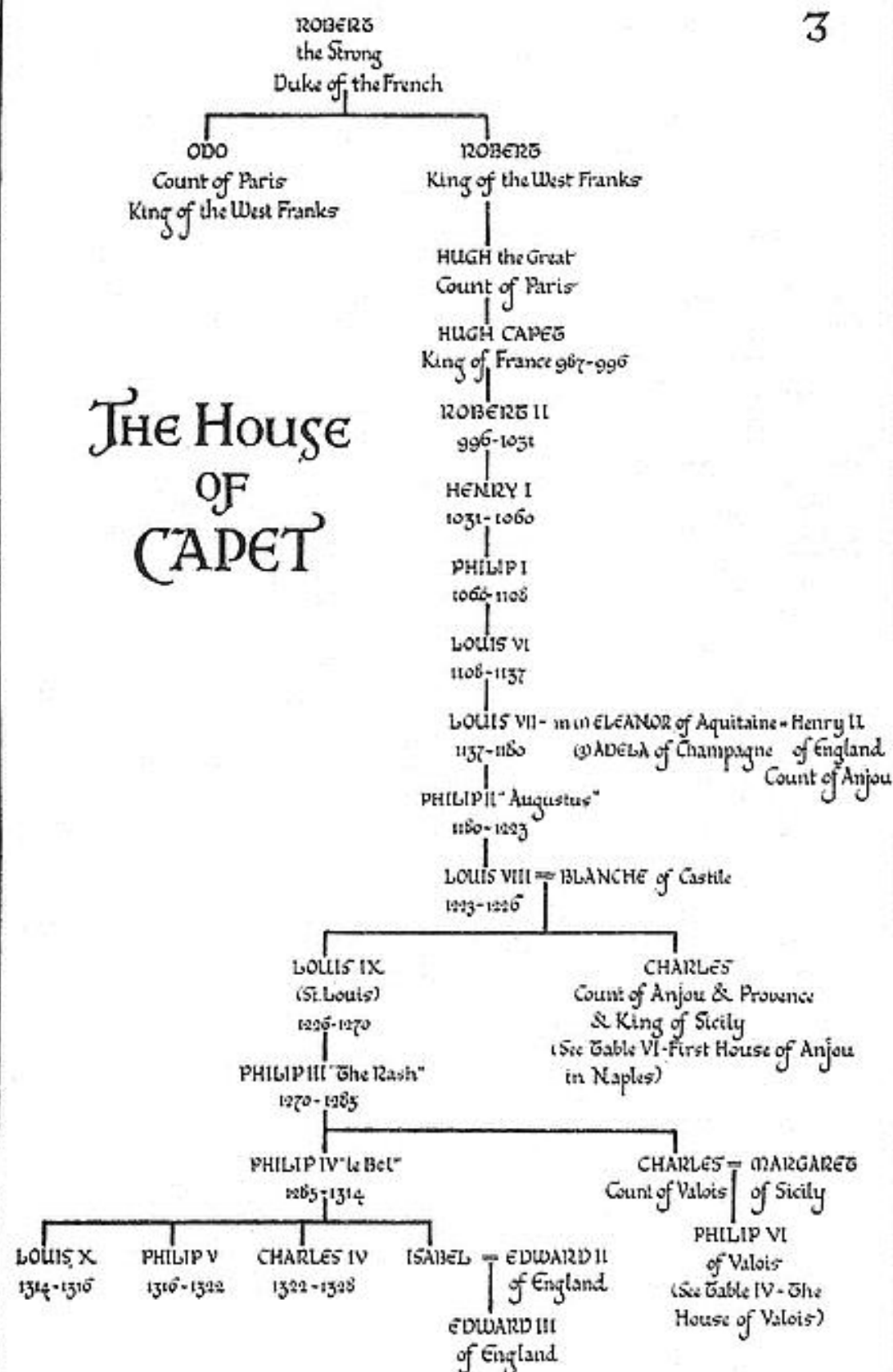
|
+-----+-----+
| | |
ЛУИ III КАРЛОМАН КАРЛ III
Король Франции Король Франции "Простой"
879-882 879-884 Король Франции
892-929

|
ЛЮДОВИК IV
Король Франции
"д'Аутремер"
936-954

|
+-----+-----+
| |
ШАРЛЬ ЛОТАР
Герцог Франции
954-986 Лотарингия

І
ЛУИ V
Король Франции
"Добряк"
986-987

THE HOUSE OF CAPE

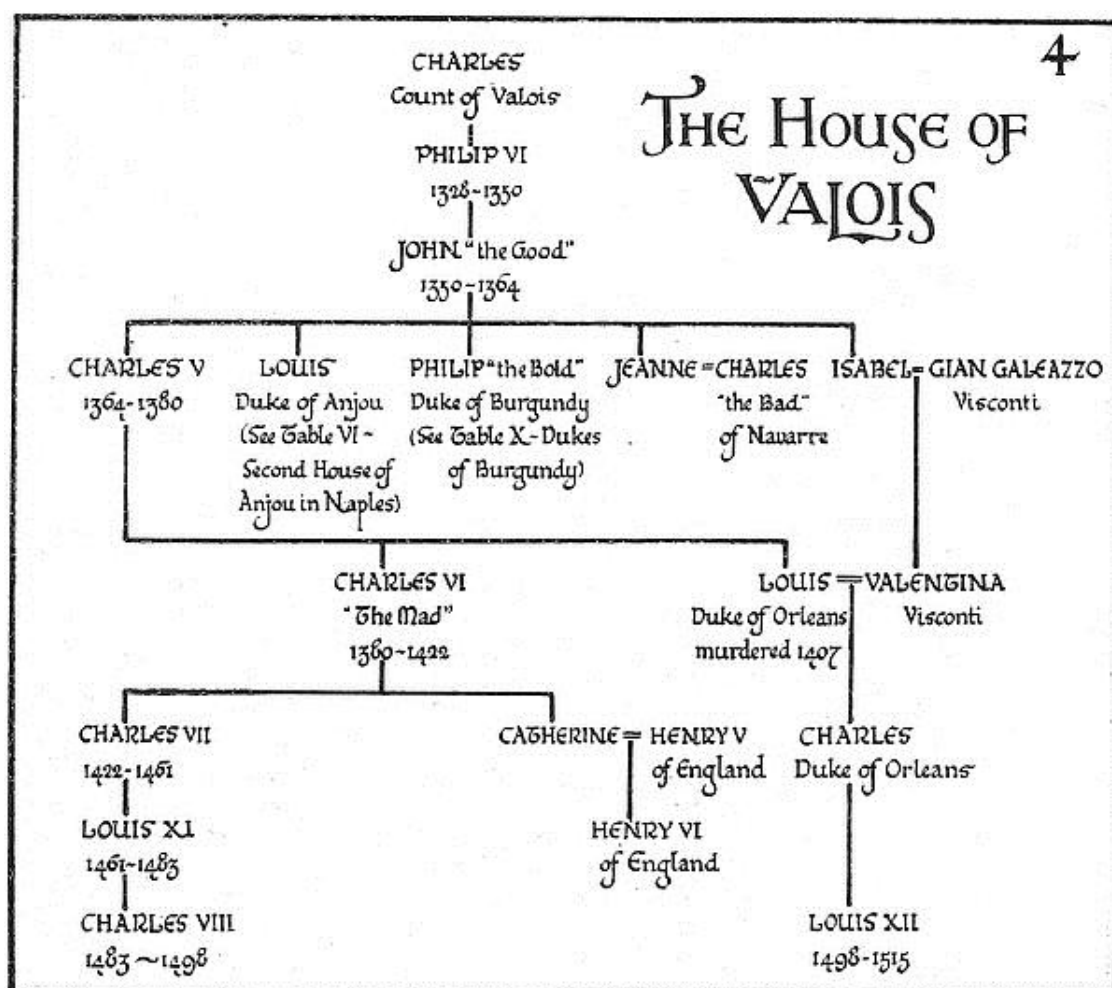

3. Дом Капетингов

РОБЕРТ
Сильный

Герцог Французский
 |
 +-----+-----+
 | |
 ОДО РОБЕРТ
 Граф Парижский Король
 Король западных франков
 Западных франков |
 ХУГ Великий
 Граф Парижа
 |
 ХУГ КАПЕТ
 Король Франции 987-996 гг.
 |
 РОБЕРТ II
 996-1031
 |
 ГЕНРИХ I
 1031-1060
 |
 ФИЛИПП I
 1060-1108
 |
 ЛЮДОВИК VI
 1108-1137
 |
 ЛУИС VII - м (1) ЭЛЕАНОРА Аквитанская = Генрих II
 1137-1180 (3) АДЕЛА ШАМΠΑНСКАЯ из Англии
 | граф
 ФИЛИПП II "Август" Анжуйский
 1180-1223
 |
 ЛУИС VIII = БЛАНКА Кастильская
 1223-1226 |
 |
 +---+-----+
 | |
 ЛУИ IX ШАРЛЬ
 (Святой Людовик) Граф Анжуйский и Прованский
 1226-1270 и король Сицилии
 | (см. [таблицу VI](#) - Первый
 | Первый Анжуйский дом в Неаполе)
 ФИЛИПП III "Сыпной"
 1270-1285
 |
 +-----+
 | |
 ФИЛИПП IV "ЛЕ БЕЛ" КАРЛ = МАРГАРИТА
 1285-1314 Граф Валуа|Сицилии

|
 +-----+-----+-----+
 | | | | |
 ЛУИ X ФИЛИПП V ШАРЛЬ IV ИЗАБЕЛЬ = ЭДУАРД II |
 1314-1316 1316-1322 1322-1328 | Англии |
 | |
 ЭДУАРД III |
 Англии ФИЛИПП VI
 из Валуа
 (см. таблицу - Дом Валуа) IV
 Дом Валуа)

4. Дом Валуа

ШАРЛЬ
 Граф Валуа
 |
 ФИЛИПП VI
 1328-1350
 |
 ИОАНН "Добрый"

1350-1364

|
+-----+-----+-----+-----+
| | | | |
| | | | | ИЗАБЕЛЬ = ДЖАН ГАЛЕАЦЦО
| ЛУИС ФИЛИПП "Смелый" | | | Висконти
| Герцог Бургундский | | | Анжуйский (см. табл.
| Анжуйский (см. [таблицу](#) ЖАННА = ШАРЛЬ |
| (См. [таблицу](#) X-герцог "Плохой"|.
| [VI-второй](#) Бургундский) Наваррский |
| Дом |
| Анжуйский в Неаполе) |
| |

КАРЛ V |

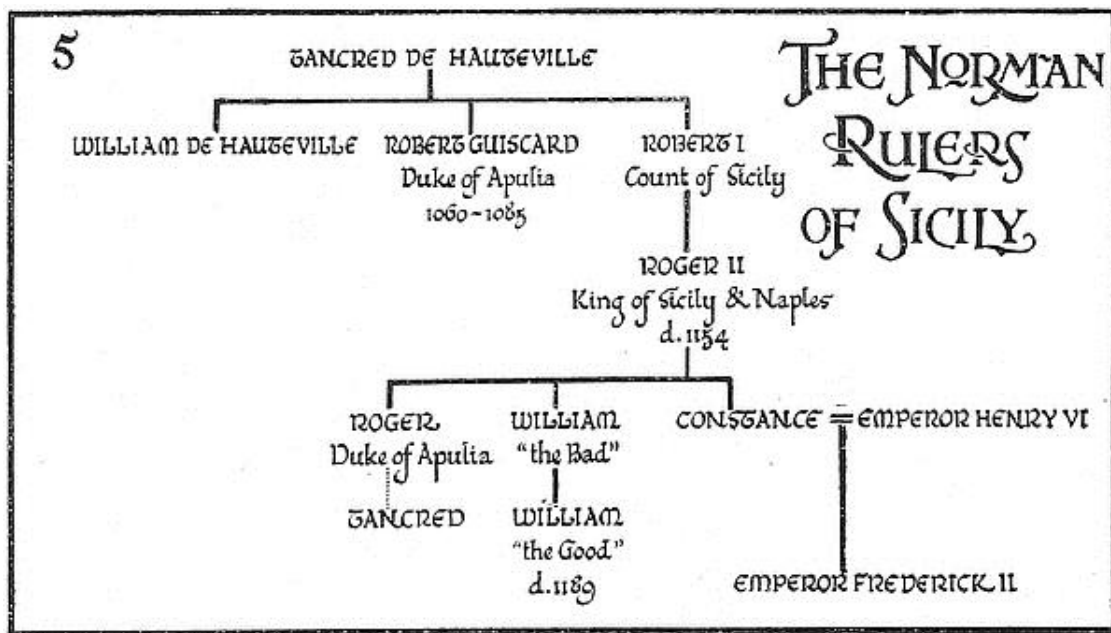
1364-1380 |

| |
+-----+-----+-----+ |
| | | |
| ШАРЛЬ VI ЛУИ = ВАЛЕНТИНА
| "Безумный" герцог Орлеанский | Висконти
| 1380-1422 убит в 1407 |

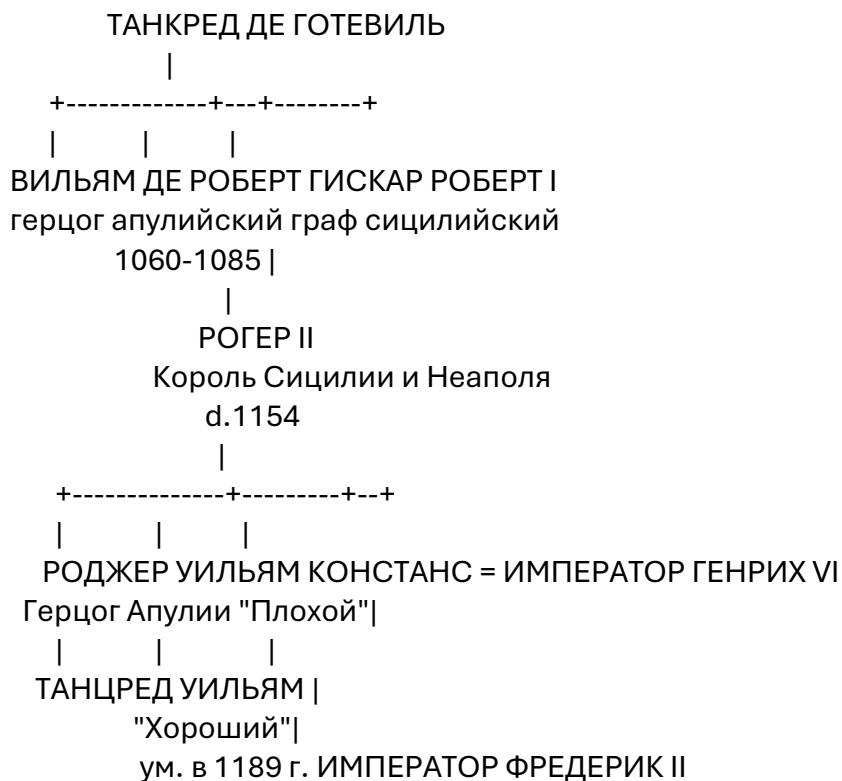
| |
+-----+-----+ |
| | | |
КАРЛ VII ЕКАТЕРИНА = ГЕНРИХ V КАРЛ
1422-1461 | английский герцог Орлеанский

| | | |
ЛУИ XI ГЕНРИХ VI |
1461-1483 | Англии

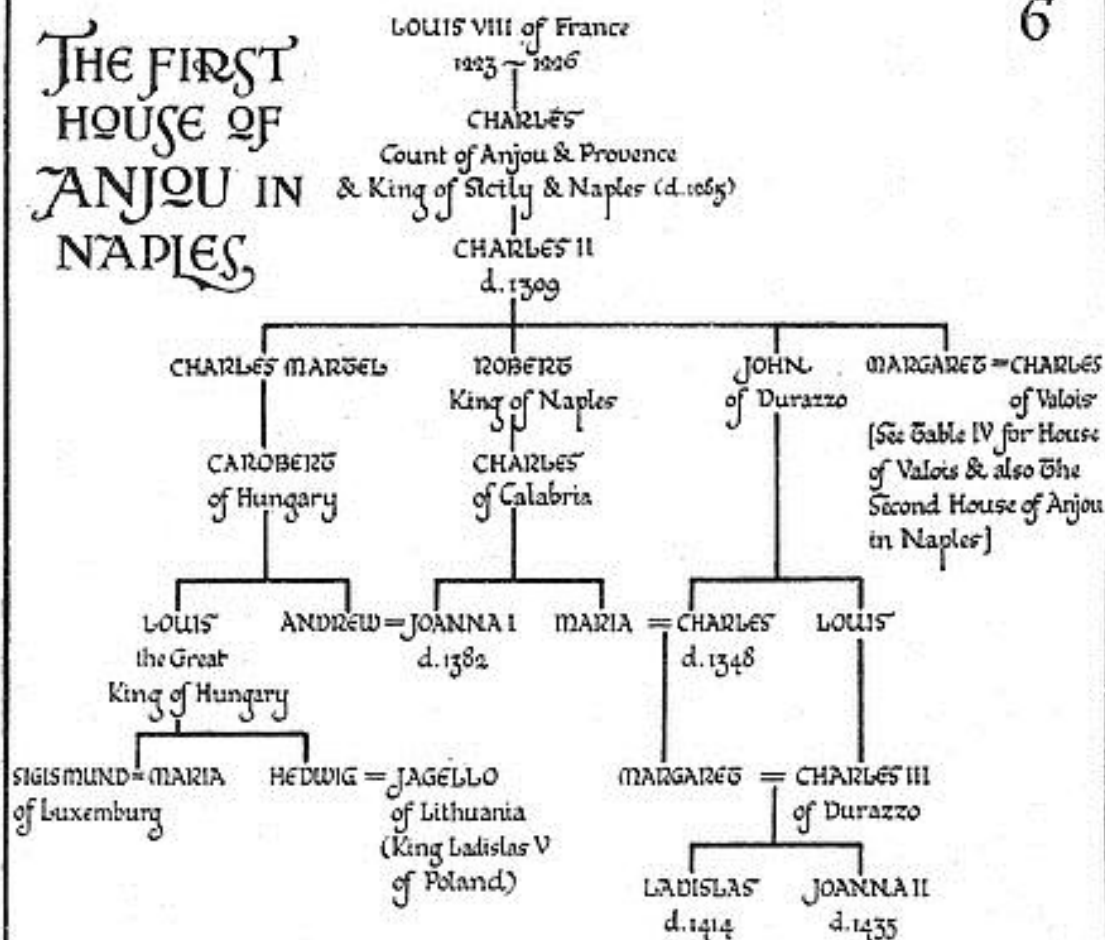
| |
КАРЛ VIII ЛУИ XII
1483-1498 1498-1515

5. Нормандские правители Сицилии

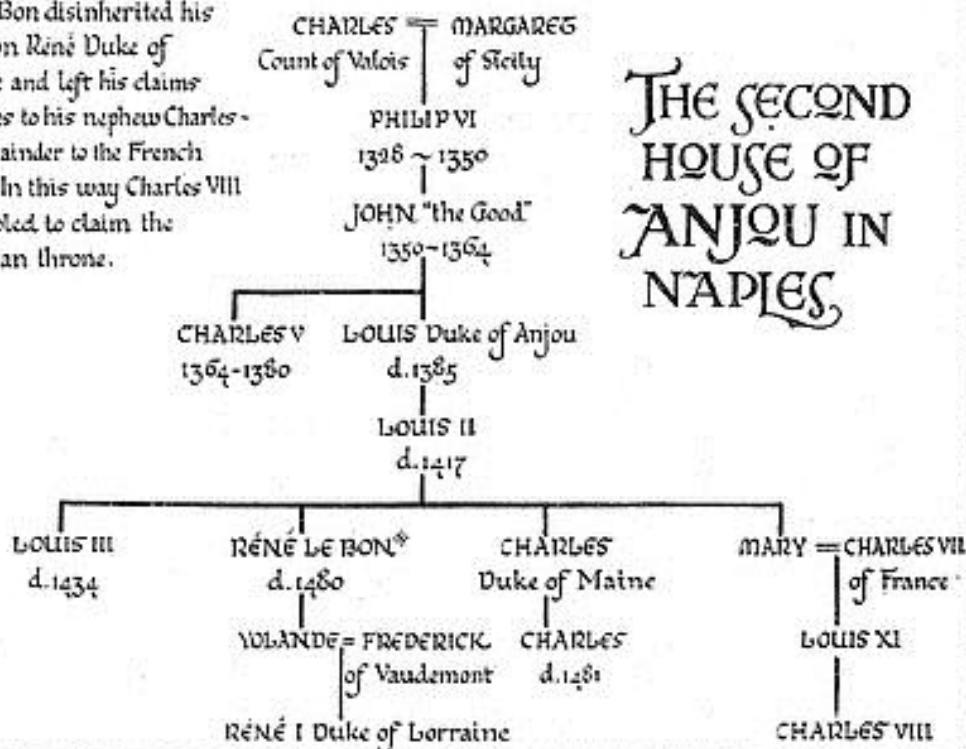

THE FIRST HOUSE OF ANJOU IN NAPLES

* René le Bon disinherited his grandson René Duke of Lorraine and left his claims to Naples to his nephew Charles - with remainder to the French Crown. In this way Charles VIII was enabled to claim the Neapolitan throne.

THE SECOND HOUSE OF ANJOU IN NAPLES

6. Первый Анжуйский дом в Неаполе

Людовик VIII Французский
1223-1226

|
КАРЛ
Граф Анжуйский и Прованский
Король Сицилии и Неаполя (ум. 1285)

|
ШАРЛЬ II
d. 1309

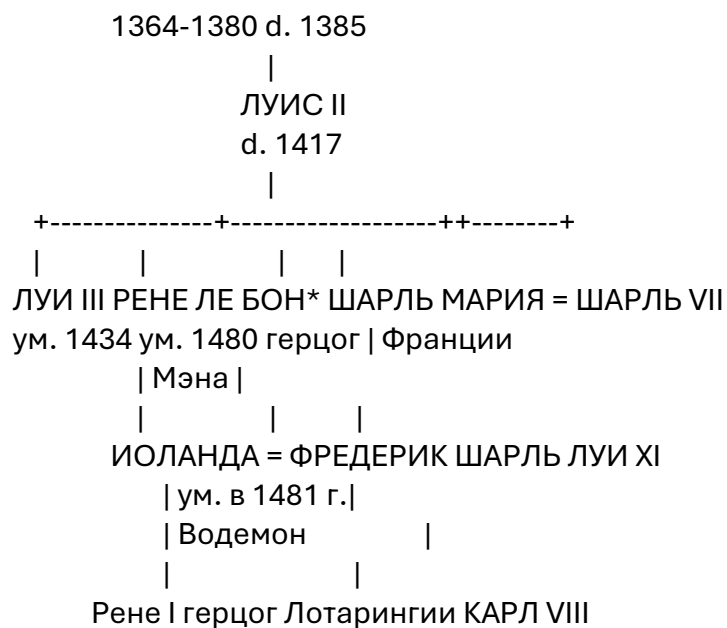
+-----+-----+-----+
| | | |
ШАРЛЬ МАРТЕЛЬ РОБЕРТ ДЖОН МАРГАРЕТ = ШАРЛЬ
| Король Дураццо из Валуа
| Неаполь | [См.
| | | Дом
| | | Валуа, а также
КАРОБЕРТ КАРЛ | Второй дом
Венгрии Калабрийской | Анжуйской в Неаполе]

+-----+-----+-----+
| | | |
ЛУИ АНДРЮС = ДЖОАННА И МАРИЯ = ШАРЛЬ ЛУИ
ум.1382 | ум.1348 |
Великий король | |
Венгерский | | король.

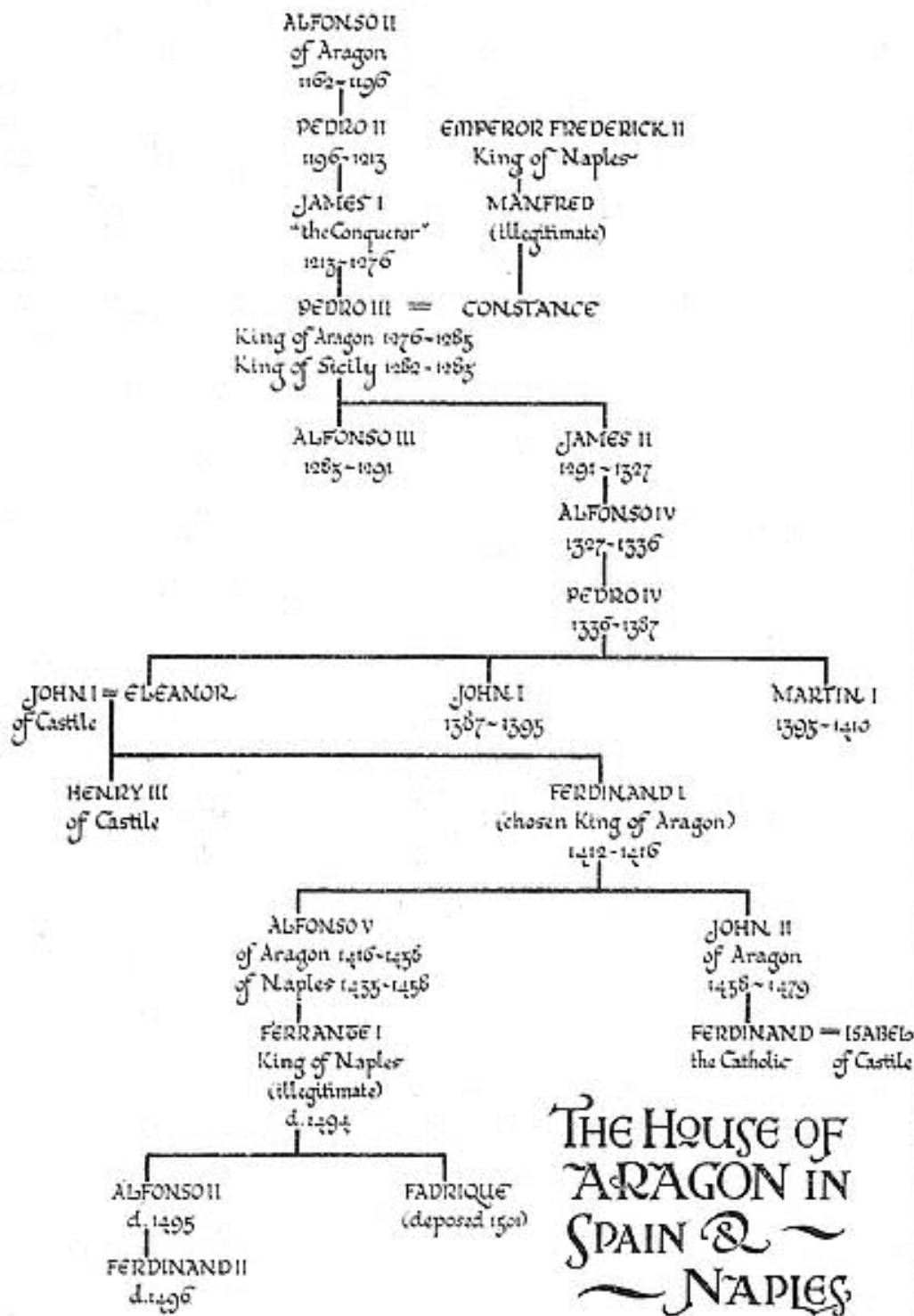
| | | |
+-----+ | |
| | | |
СИГИЗМУНД = МАРИЯ ХЕДВИГ = ЯГЕЛЛО МАРГАРЕТ = ШАРЛЬ III
Люксембургский | из Дураццо
Литва |
(король Ладислас +-----+
V Польши) | |
ЛАДИСЛАС ЮАННА II
ум. в 1414 г. ум. в 1433 г.

Второй Анжуйский дом в Неаполе

КАРЛ = МАРГАРИТА
Граф | Сицилии
Валуа |
|
ФИЛИПП VI
1328-1350
|
ИОАНН "Добрый"
1350-1364
|
+-----+
| |
ШАРЛЬ V ЛУИ Герцог Анжуйский

* Рене ле Бон лишил наследства своего внука Рене герцога Лотарингского и оставил свои претензии на Неаполь племяннику Карлу с оставшуюся часть французской короне. Таким образом, Карл VIII получил возможность получил возможность претендовать на неаполитанский трон.

7. Арагонский дом в Испании и Неаполе

АЛЬФОНСО II
Арагонский

1162-1196

|

ПЕДРО II ИМПЕРАТОР ФРЕДЕРИК II

1196-1213 король Неаполя

|

|

ЯКОВ I МАНФРЕД

"Завоеватель" (незаконнорожденный)

1213-1276 |

|

|

ПЕДРО III = КОНСТАНЦИЯ

Король Арагона 1276-1285

Король Сицилии 1282-1285 гг.

|

+-----+

|

|

АЛЬФОНСО III ЯКОВ II

1283-1291 1291-1327

|

АЛЬФОНСО IV

1327-1336

|

ПЕДРО IV

1336-1387

|

+-----+-----+

|

|

|

ДЖОН I = ЭЛЕОНОРА ДЖОН I MARTIN I

Кастильский 1387-1395 1395-1410

|

+-----+

|

|

ГЕНРИХ III ФЕРДИНАНД I

Кастильский (избранный король Арагона)

1412-1416

|

+-----+-----+

|

|

АЛЬФОНСО V ДЖОН II

Арагонский 1416-1458 Арагонский

Неаполитанский 1435-1458 1458-1479

|

|

ФЕРРАНТЕ I ФЕРДИНАНД = ИЗАБЕЛЛА

Король Неаполя Кастильский католик

(незаконнорожденный)

d. 1494

|

+----+-----+

|

|

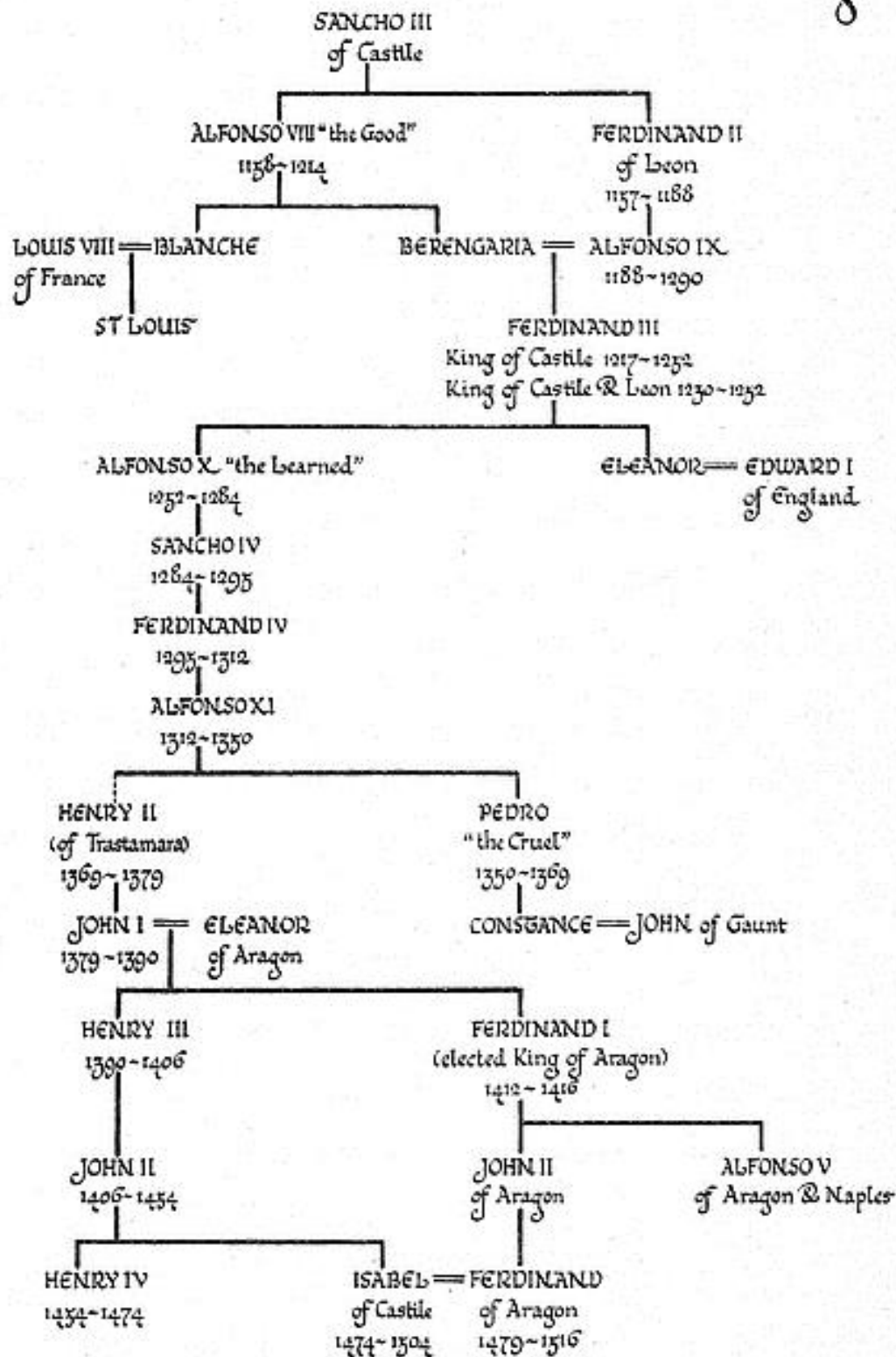
АЛЬФОНСО II ФАДРИКЕ

ум. в 1495 г. (свергнут в 1501 г.)

|

ФЕРДИНАНД II

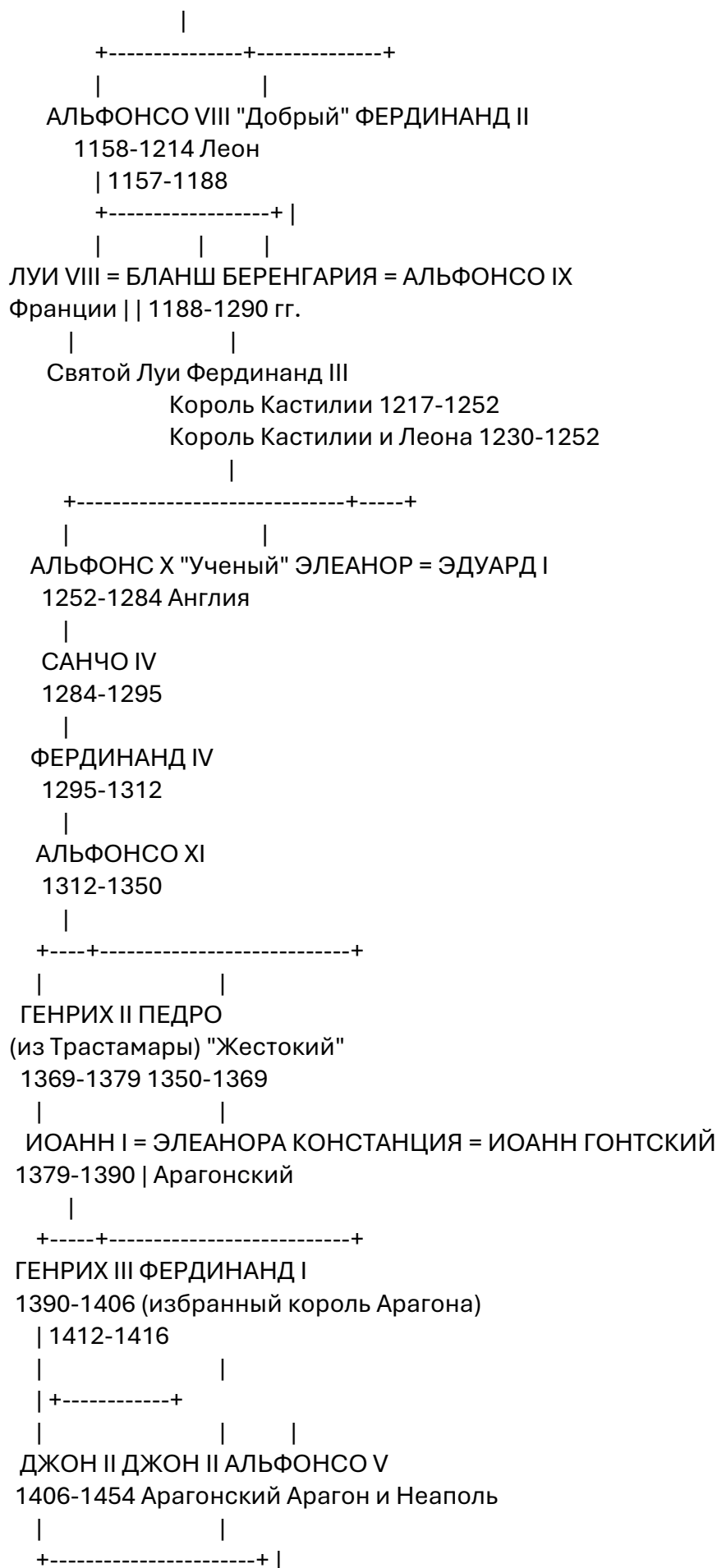
d. 1296

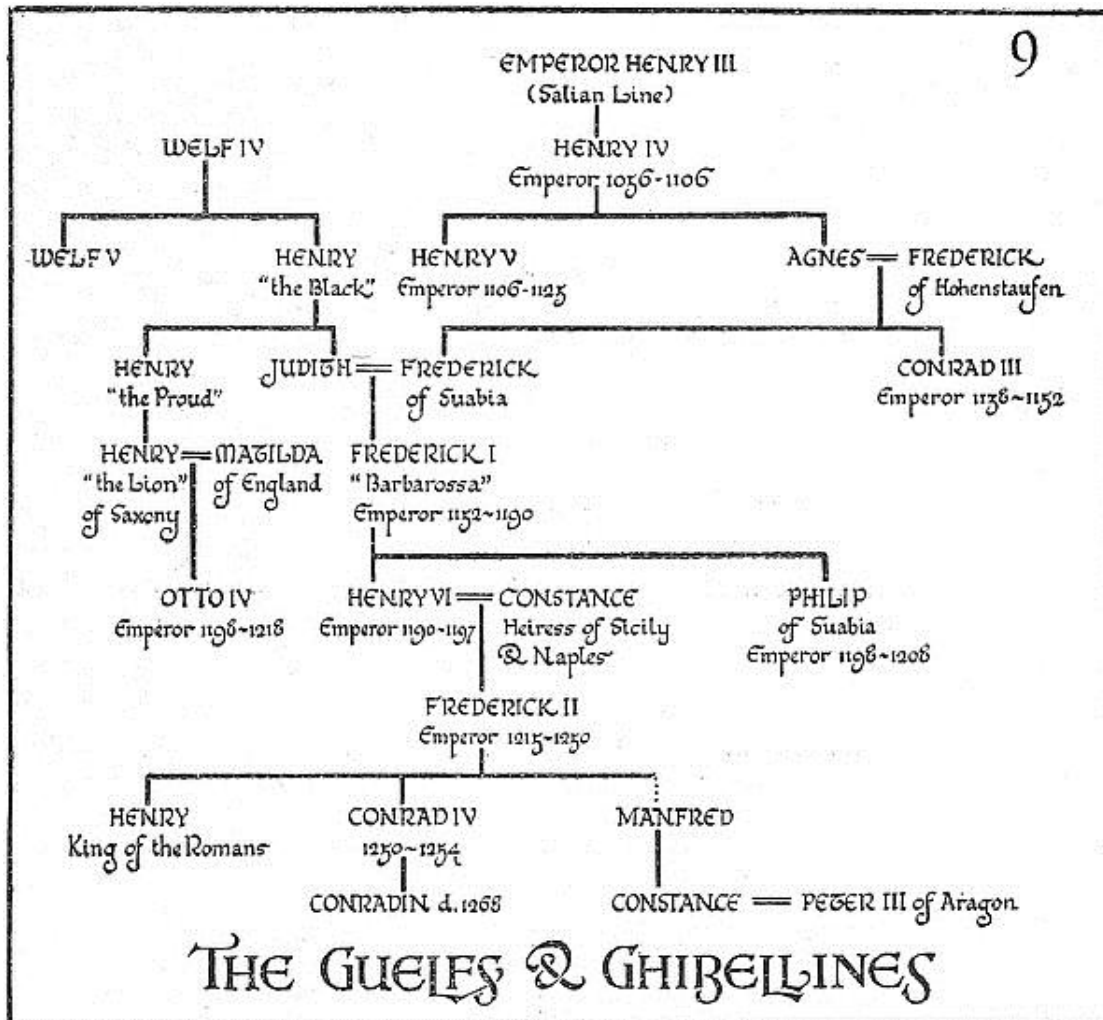
THE HOUSE OF CASTILE & LEON

8. Дом Кастилии и Леона

САНЧО III
из Кастилии

9

ИМПЕРАТОР ГЕНРИХ III
(Салийская линия)

ВЕЛЬФ V ГЕНРИХ ГЕНРИХ V АГНЕССА = ФРИДРИХ
"Черный" император 1106-1125 | Гогенштауфенов

ГЕНРИХ ЮДИТ = ФРЕДЕРИК КОНРАД III
"Гордый" | император Суабии 1138-1152 гг.

ГЕНРИХ = МАТИЛЬДА ФРЕДЕРИК I
"Лев" | Англии "Барбаросса"

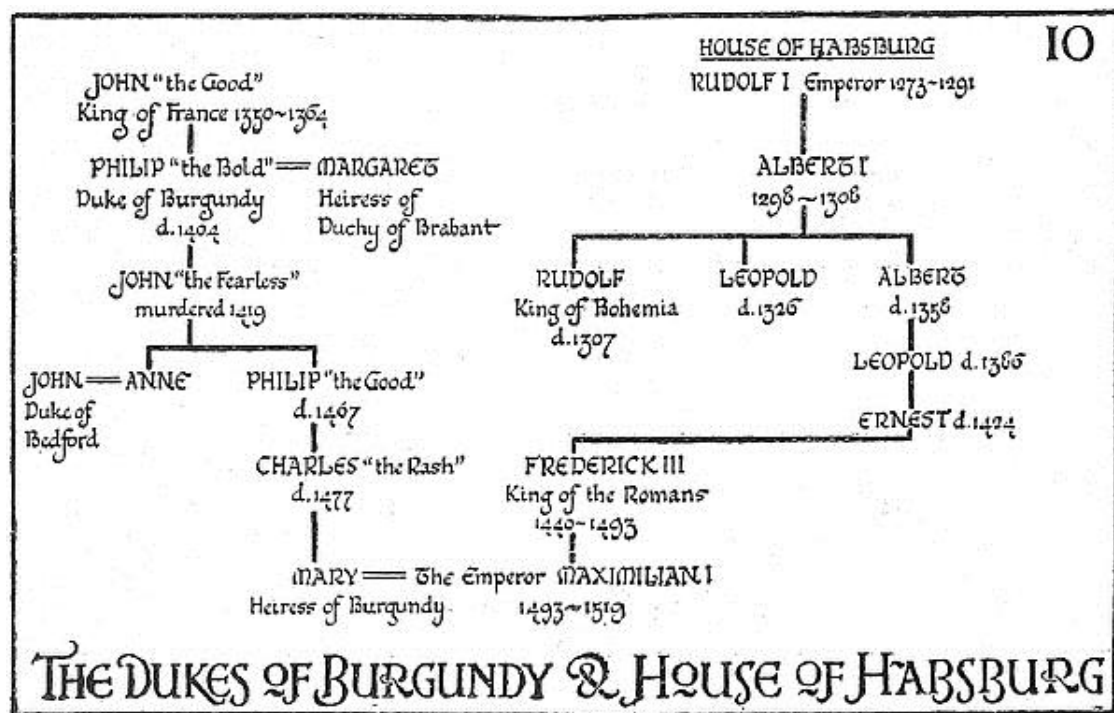
Саксонский | император 1152-1190 гг.

ОТТО IV ГЕНРИХ VI = КОНСТАНС ФИЛИПП
Император 1198-1218 | Наследница Сицилии и Суабии
1190-1197 | и Неаполя Император 1198-1208

ФРЕДЕРИК II
Император 1215-1250

ГЕНРИХ КОНРАД IV МАНФРЕД
Король римлян 1250-1254 |

КОНРАДИН ум. в 1268 г. КОНСТАНЦИЯ = ПЕТР III
Арагонский

10. Герцоги Бургундские и дом Габсбургов

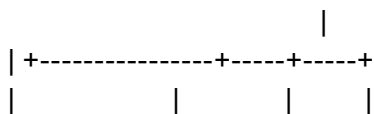
ДОМ ГАБСБУРГОВ

ИОАНН "Добрый" РУДОЛЬФ I Император 1273-1291 гг.
Король Франции 1350-1364 |

ФИЛИПП "Смелый" = МАРГАРИТА АЛЬБЕРТ I

Герцог Бургундский Наследница 1298-1308 гг.

ум. в 1404 г. Герцогство Брабантское |

ИОГН "Бесстрашный" РУДОЛЬФ ЛЕОПОЛЬД АЛЬБЕРТ

убит в 1419 г. Король Богемии ум. в 1326 г. ум. в 1358 г.

| d. 1307 |

+-----+ |

ДЖОН = АННА ФИЛИПП "Добрый" ЛЕОПОЛЬД ум. 1386 г.

Герцог Бедфордский (1467)|

Бедфорд | ЭРНЕСТ ум. в 1424 г.

| +-----+ |

ФРЕДЕРИК III

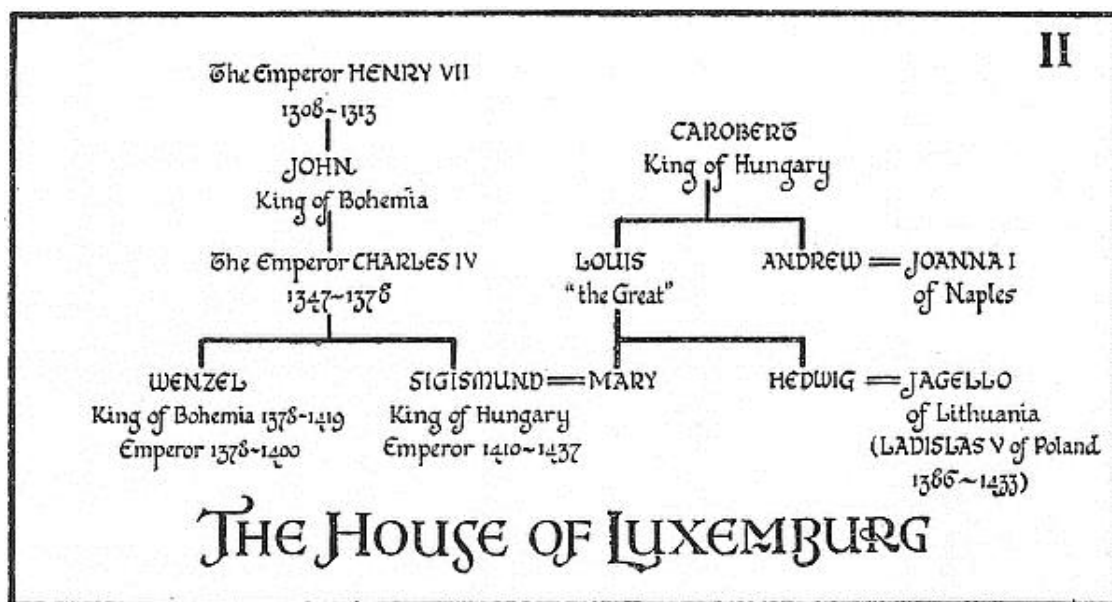
ум. в 1477 г. Король римлян

| 1440-1493

МАРИЯ = Император МАКСИМИЛИАН I

Наследница Бургундии 1493-1519

11. Люксембургский дом

Император ГЕНРИХ VI КАРОБЕРТ

1308-1313 Король Венгрии

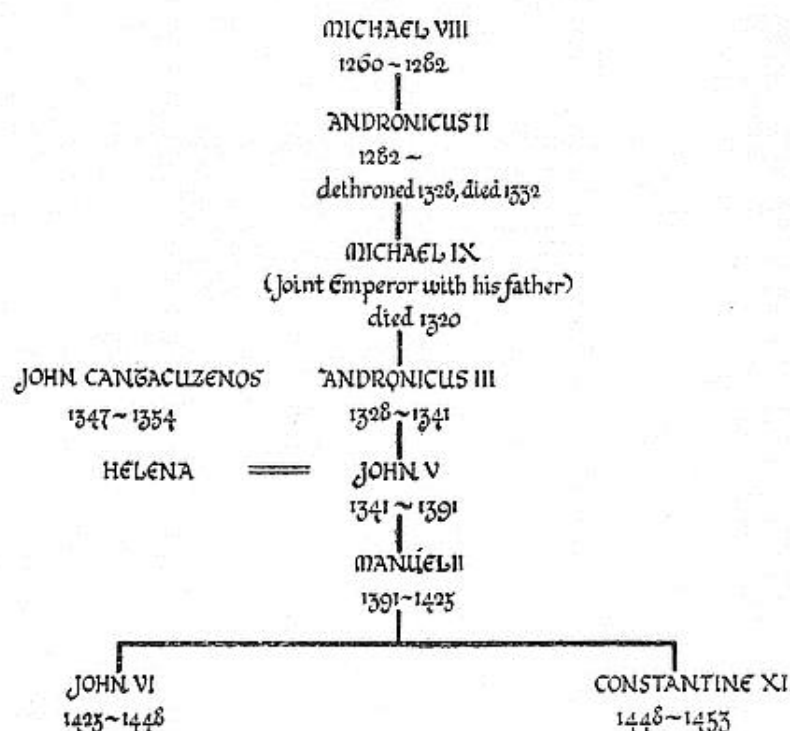
ИОАНН |

Король Богемии +-----+-----+

Император КАРЛ IV ЛУИЗ АНДРЕЙ = Джоанна I
1347-1378 "Великий" Неаполитанский

ВЕНЦЕЛЬ СИГИЗМУНД = МАРИЯ ХЕДВИГА = ЯГЕЛЛО
Король Чехии 1378-1419 Король Венгрии Литвы
Император 1378-1400 Император 1410-1437 (ЛАДИСЛАВ V
польский
1386-1433)

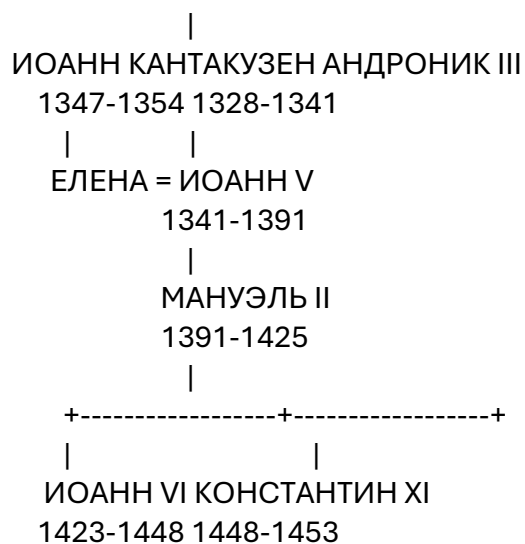
12

THE PALEOLOGI

12. Палеологи

МИХАИЛ VIII
1260-1282
|
АНДРОНИК II
1282-
свергнут в 1326 году, умер в 1332 году
|
МИХАИЛ IX
(совместный император со своим отцом)
умер в 1320 году

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

1 См. с. [41](#).

2 См. с. [43](#).

3 См. с. [62](#).

4 См. с. [48](#).

5 См. "Генеалогия", с. [377](#).

6 См. с. [85](#).

7 См. с. [16](#).

8 См. с. [95](#).

9 См. с. [103](#).

10 См. с. [120](#).

11 См. с. [115](#).

12 См. с. [77](#).

13 См. с. [45](#).

14 См. с. [143](#).

15 См. с. [131](#).

16 См. с. [122](#).

17 См. с. [152](#).

18 См. с. [154](#).

19 См. с. [169](#).

20 См. с. 115.

21 См. с. 49.

22 См. с. 164.

23 См. с. 199.

24 См. с. 194.

25 См. с. 195.

26 См. генеалогическую таблицу, с. 378.

27 См. с. 55.

28 Провинция Дофине, бывшая имперской вотчиной, была приобретена французской короной в 1349 году и стала постоянным "уделом" старшего сына короля, даровав ему титул "Дофин", эквивалентный английскому титулу "принц Уэльский".

29 См. с. 223.

30 См. с. 53.

31 См. с. 62.

32 См. с. 215.

33 См. с. 195.

34 См. с. 229.

35 См. с. 229.

36 См. с. 247.

37 См. с. 342.

38 См. с. 229.

39 См. с. 252.

40 См. с. 151.

41 См. с. 179.

42 См. генеалогическую таблицу, с. 379.

43 См. с. 184.

44 См. с. 230.

45 См. с. 294.

46 См. с. 232.

47 См. с. 294 и генеалогию, с. 380.

48 См. с. 184.

[49](#) См. с. [229](#).

[50](#) См. с. [274](#).

[51](#) См. с. [207](#).

[52](#) См. генеалогическую таблицу, с. [382](#).

НАПЕЧАТАНО В АНГЛИИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Примечания транскриптора

Пунктуация, дефис и орфография приведены в соответствие, если в книге преобладают те или иные варианты; в остальном они не изменены.

Простые опечатки были исправлены; отдельные несбалансированные кавычки сохранены.

Неоднозначные дефисы в конце строк были сохранены.

Боковые сноски в этой электронной книге первоначально были заголовками страниц. Некоторые из них могут находиться на расстоянии абзаца или двух от идеального расположения, и в некоторых версиях этой книги они выравниваются по левому краю на своих собственных строках.

Знаки Ditto заменены текстом.

Сноски внизу страницы перенесены в конец текста, непосредственно перед указателем.

Указатель не проверен на правильность алфавита и корректность ссылок на страницы.

Стр. [105](#): "Чтобы разбудить войну" было напечатано так.

Стр. [140](#): "Зимой 1066 года" должно быть 1077, как правильно показано на странице [371](#) Хронологической сводки.

Страница [156](#): "bethrothed" было напечатано так.

Стр. [383](#): "Дом Габсбургов" было подчеркнуто, а не выделено курсивом.